А. С.
ГРИБОЕДОВ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

А. С. ГРИБОЕДОВ

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

А. С. ГРИБОЕДОВ

СОЧИНЕНИЯ В СТИХАХ

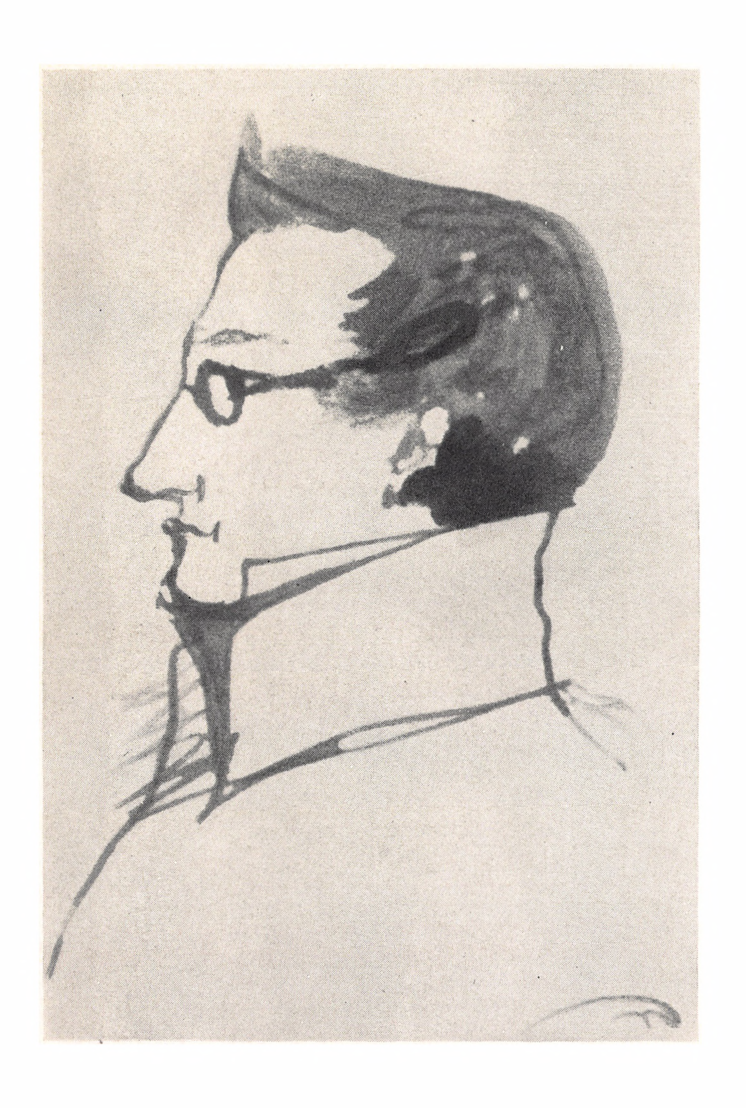
*Вступительная статья,
подготовка текста
и примечания
И. Н. Медведевой*

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1967

Р 1
Г 82

Настоящий сборник представляет собой полное собрание сочинений в стихах А. С. Грибоедова. Сюда вошли: его комедия «Горе от ума», ранние комедийные опыты, лирические стихотворения и эпиграммы, наброски и планы незаконченных драматических произведений. Кроме того, в сборник включены два полупрозаических водевиля Грибоедова — «Проба интермедии» и «Кто брат, кто сестра». В приложениях даются материалы, связанные с комедией «Горе от ума»: заметка Грибоедова о «Горе от ума», письмо его Катенину по поводу комедии, очерк «Характер моего дяди». Наряду с основным текстом полностью печатается ранняя редакция комедии.

7-4-2
378-67

ТВОРЧЕСТВО ГРИБОЕДОВА

Я как живу, так и пишу свободно и свободно. [1]

Подобно Сервантесу, автору «Дон-Кихота», Грибоедов славен лишь одним своим произведением — стихотворной комедией «Горе от ума», замечательным созданием мировой поэзии.

Простая и ясная по своей философии, цели, сюжету и поэтическому языку, комедия «Горе от ума» — произведение «не разгаданное до конца», [2] вернее, открытое в своем обращении к поколениям зрителей и читателей.

Белинский назвал «Горе от ума» «благороднейшим гуманистическим произведением, энергическим (и притом еще первым) протестом против ... чиновников, взяточников, бар-развратников, против ... невежества, добровольного холопства *и пр., и пр., и пр.*» [3] И действительно, «Горе от ума» не только сокровищница русского слова, русского быта и одна из лучших пьес русского репертуара — это произведение, имевшее огромное влияние на развитие революционной мысли в России, само по себе родившееся из этой мысли, из настроений декабристского времени, когда «дух преобразования», по выражению Пестеля, заставлял «умы клокотать». [4]

Все остальные произведения Грибоедова, среди которых немало

---

[1] А. С. Грибоедов, Письмо к П. А. Катенину от 14 января 1825 г. — Соч., М.—Л., 1959, с. 557—558. (В дальнейшем письма Грибоедова цитируются по этому изданию.)

[2] А. Блок, Размышления о скудости нашего репертуара (1918). — Собр. соч., т. 12, Л., 1936, с. 117.

[3] В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 11, М., 1956, с. 576.

[4] «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. 2, М., 1951, с. 175.

таких, которые сами по себе могли создать ему славу хорошего поэта, — неизбежно соотносятся с главным его созданием.

Есть в поэзии Грибоедова несколько замыслов (наброски, отрывки, планы), начинаний оригинальных и переводных, которые как бы отъединены от «Горя от ума», хотя и созданы или задуманы в конце 1810-х и в 1820-х годах. Какое место занимали эти наброски в поэтическом сознании Грибоедова и чем связаны они с главным делом его творчества — на эти вопросы предстоит по мере возможности ответить.

Итак, говоря о Грибоедове, говоришь о его знаменитой комедии «Горе от ума», о ней преимущественно.

Задуманная, по-видимому, еще в 1812 году, известная в узком кругу литераторов в виде отдельных отрывков начиная с 1816-го, комедия «Горе от ума» уже в завершенном виде стала событием 1824—1825 годов, когда в многочисленных списках распространилась она по России и все ее прочли, хотя, как выражался Грибоедов, ей не было «пропуску» (напечатан был лишь небольшой отрывок).

Политическое вольномыслие пьесы было таково, что даже приятель Грибоедова Катенин изумлялся ее смелости, считая невероятным, чтобы Грибоедов, «сочиняя свою комедию, мог в самом деле надеяться, что ее русская цензура позволит играть и печатать». [1]

В мирной жизни тогдашней драматической поэзии, комедий классического образца «Горе от ума» произвело впечатление взрыва. Неожиданным было не только прямое и жесткое изображение действительности. Поэтика комедии подрывала основы привычных законов драматического искусства, и это поначалу было едва ли не главным, что привело в недоумение литераторов различных лагерей.

«Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным», — сказал Пушкин в связи со спором о «Горе от ума». [2] Однако судили комедию отнюдь не по этим законам.

Современники шумно спорили о цели комедии и характере главного героя. Одни видели в «Горе от ума» «первое творение народное», [3] другие утверждали, что комедии нет, а есть лишь «некоторые портреты». [4] Для одних характер Чацкого исчерпывался «бранчивым

---

[1] «Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину», СПб., 1911, с. 78.

[2] Письмо А. А. Бестужеву, конец января 1825 г. — А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 10, М., 1958, с. 121 (в дальнейшем Пушкин цитируется по этому изданию).

[3] А. А. Бестужев, Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов. — «Полярная звезда на 1825 год», с. 18.

[4] «Вестник Европы», 1825, № 6, с. 114.

патриотизмом»,[1] для других событием было первое появление в русской драматургии героя времени. В этом, конечно, и состоял успех комедии, о чем сказал в печати юный Одоевский. В Чацком увидел он тип современного вольнодумца, «человека, к которому можно отнести стих поэта „Не терпит сердце дремоты“».[2]

Споры и размышления о комедии и ее главном герое не прекращались в течение всего XIX века с кульминациями в 1830-х и 1840-х годах (Белинский), в 1860-х (Герцен) и в 1870-х (Гончаров и Достоевский). Речь неизменно шла о судьбах русского интеллигента, вольнолюбца Чацкого, выхваченного Грибоедовым из жизни своего времени, а затем шагнувшего в жизнь. Спор неизменно шел о том, останется ли этот вольнолюбец вечно мятущимся, засосет ли его русская действительность и общество, к которому он принадлежал, или ринется он на борьбу, к общественной, даже революционной деятельности.

Грибоедов изобразил Чацкого как бы в последний день его юности, на переломе всей жизни его. Но в характере, еще не вполне установившемся, рисуются и черты будущего, зрелого Чацкого. С этими-то чертами и связана разгадка роли, задача актера. Ведь зритель (или читатель) комедии «Горе от ума» не может не устремиться мыслью за ее героем после финальной сцены, после слов:

Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок!..

Эти слова Чацкого и послужили сигналом ко многим историческим и философским толкованиям. В них начало многих великих замыслов русской литературы. «„Пойду искать по свету...“, то есть где?» — запальчиво спрашивал Достоевский в своей заметке-реплике на статью Гончарова «Мильон терзаний» (1872), посвященной Чацкому. «Не к народу же он пойдет», — писал Достоевский. «Свет», по его мнению, означает здесь Европу: «За границу хочет бежать».[3] В своей заметке Достоевский не отрицал в Чацком «декабриста» (каким раз навсегда определил его Герцен), но все же не видел в нем подлинных качеств деятеля и борца, могущего окончательно порвать с обществом, к коему принадлежал по рождению.

Гончаров, с которым спорил Достоевский, тоже предполагал для

---

[1] Там же, стр. 113.
[2] «Московский телеграф», 1825, № 10, с. 4.
[3] Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского, СПб., 1883, с. 375.

Чацкого «бегство» в Европу, но не по одной лишь ненависти дворянина к низкопоклонству русского дворянства, не по личной обиде на «московских хорошего круга», которые «его отвергли» (Достоевский),[1] а для дальнейшего обличения, для «стрел, бросаемых в разные темные, отдаленные углы России, где они находили виноватого». Впрочем, Гончаров представлял себе Чацкого и оставшимся в России — все равно он явился бы «деятелем», роль которого хотя и «страдательная» (по безнадежности видимого, ближайшего успеха), но в конечном счете «победительная».[2]

Жизнь за пределами финальной сцены «Горя от ума» обрел и антипод Чацкого — Молчалин. Отсидевшись в «конурке», он вышел из нее хотя и согнувшись вперегиб, но уже очень решительно, и твердо направился вверх, по ступеням службы, по эпохам русской истории. При этом отношение его к Чацкому из смиренно-недоуменного превратилось со временем в укоризненно-превосходительное (с готовностью оказать покровительство и дела его прибрать к рукам). Все это подробно описано в известной сатире Салтыкова-Щедрина. «В среде умеренности и аккуратности (Господа Молчалины)» (1874).

С Октябрьской революцией в России кончилась тема Чацкого и Молчалина в том своеобразном, общественно-политическом применении ее, какое было в XIX веке и в годы, предшествовавшие крушению царизма. Судьбы русской интеллигенции решились, и уяснилась роль ее в революционной борьбе. Но утратила ли комедия «Горе от ума» беспокойную силу своей главной пружины, психологической антитезы Чацкий — Молчалин?

Режиссер и актер, прикасающиеся к пьесе «Горе от ума», неизменно и доныне чувствуют токи беспокойства, заложенные в комедии. В какие-то особые времена они передаются и зрителю.

Об этом тревожащем читателя и зрителя свойстве «гениальнейшей русской драмы»[3] сказал в 1918 году Александр Блок, предлагая «будущим поколениям... глубже задуматься и проникнуть в источник ... художественного волнения» Грибоедова, «переходившего так часто в безумную тревогу».[4]

Притягивающая неразгаданность есть и в облике самого Гри-

---

[1] Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского, СПб., 1883, с. 375.

[2] И. А. Гончаров, Мильон терзаний (1872). — Собр. соч., т. 8, М., 1955, с. 33 и 28.

[3] А. Блок, О драме (1907). — Собр. соч., т. 10, Л., 1935, с. 95.

[4] А. Блок, Размышления о скудости нашего репертуара (1918). — Собр. соч., т. 12, Л., 1936, с. 118.

боедова, в его короткой жизни, исполненной опасностей и трудов, в его холодной замкнутости, сочетавшейся с добротой и доверчивостью, в силе воли, сверхмерной смелости и в какой-то одержимости странствиями. Грибоедов был странником и путешественником не только по обстоятельствам, по избранному роду деятельности, но и по собственной воле и чувству, что не мешало ему тянуться к дружескому, а затем семейному очагу.

Байрон писал: «Я иногда сомневаюсь в том, что спокойная, безбурная жизнь больше пришлась бы мне по душе, и все же мне случается о ней тосковать».[1] Тосковал, сомневаясь в ней, и Грибоедов. Но вряд ли мечтаемая тихая жизнь состоялась бы, если бы Грибоедов и не погиб в Тегеране, имея от роду тридцать четыре года, потому что и он, как Чацкий, «искал по свету», по диким ущельям Кавказа и плоскогорьям Персии прибежища от душившего его негодования и тоски в тогдашней России.

I

Александр Сергеевич Грибоедов родился в Москве 4 января 1795 года.

Год рождения Грибоедова, предшествующие два и последующие, вплоть до 1801-го, были временем разделки с высокими помыслами минувшего века. К 1795-му уже была учинена расправа над Новиковым и его журналами, воодушевлявшими лучших из просвещенных дворян, над автором «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищевым, над Княжниным за трагедию «Вадим Новгородский», с «дерзкими, помещенными в ней словами»; пострадал даже Державин — за послание «Властителям и судьям» (переложение 81-го псалма Давида), разъясненное царедворцами как вольнодумное по той причине, что псалом распевался во Франции якобинцами. В 1795-м и следующем году генерал-губернатор Москвы Прозоровский еще продолжал свой сыск и уничтожение книг, «клонящихся к развращению или относящихся к правлению, а паче к французской революции».[2]

Фантазия Карамзина, а вслед за ним и Вяземского[3] изобразила

---

[1] Байрон, Дневники. Письма, М., 1963, с. 251.

[2] «О запрещенных книгах». Цит. по кн.: «История Москвы», т. 2, М., 1953, с. 423.

[3] Н. М. Карамзин, Записка о московских достопамятностях (1817). — Соч., т. 9, М., 1820, с. 303. П. А. Вяземский, Допотопная или допожарная Москва (1865). — Полн. собр. соч., т. 7, СПб., 1882, с. 80—116.

екатерининских временщиков и придворных, переселившихся в Москву на покой, независимыми феодалами, вольномыслие которых сделало из Москвы своего рода республику. Между тем победители при Чесме и в Тавриде, укротители восставшего с Пугачевым народа, многие из приближенных Екатерины захотели жить в Москве на покое и полной вельможной свободе, так как в Москве «всякий может дурачиться как хочет, жить и умереть чудаком».[1] За вельможами родовитыми и безродными, нажившими миллионные состояния милостями Екатерины, потянулись и те, которые служили им, те из средних дворян, которые, отличившись где-нибудь под Измаилом, обратили на себя внимание сильных и, показавшись в Петербурге, вслед за вельможами ушли на покойное житье в Москву, построили себе там дома и усадьбы помельче, но с оглядкой на величественное (Фамусовы).

«Сродством» своим Грибоедов принадлежал к среднему, а отчасти и высшему слою московского дворянства. Отец поэта, Сергей Иванович Грибоедов, из мелкопоместных, женитьбой на однофамилице (или дальней родне) Настасье Федоровне Грибоедовой оказался в свойстве с коренным московским чиновным и даже вельможным барством.

«Столпом» семьи был дядюшка Алексей Федорович Грибоедов (брат Настасьи Федоровны), хотя вельможество его было добыто усердной, но не совсем праведной службой. Впоследствии (видимо, уже после создания комедии «Горе от ума», в которой дядюшка явился прототипом Фамусова) Грибоедов написал о нем, что он «пресмыкался в передних всех случайных людей в Петербурге».[2]

Портрет дядюшки был написан уже в 1820-х годах, однако беспощадность изображения была предрешена впечатлениями детских и юношеских лет Грибоедова. Тогда-то и наблюдал он в натуре, в жизни, тех, кому затем надлежало стать прототипами персонажей комедии: все это были если не самые близкие, то родственники и знакомые, на глазах юного Грибоедова сплетничавшие, клеветавшие, хлопотавшие о выгодных браках, служебной карьере, «обедах, ужинах и танцах». Жестокость, с которою Грибоедов изобразил в своей комедии Фамусова и Хлестову с их самомнением и барской самоуверенностью, свидетельствует о многолетних раздумьях над судьбами и характером русского дворянина, но в основе портретов — ранние наблюдения, стоившие Грибоедову крови сердца. Принято считать

---

[1] «Прогулка по Москве» (1810). — Соч. К. Н. Батюшкова, т. 2, СПб., 1885, с. 29.

[2] «Характер моего дяди» (см. Приложения, с. 479).

прототипом Хлестовой Офросимову, московскую барыню, знаменитую тем, что резала всем «правду-матку». Но ее справедливости вовсе нет в старухе Хлестовой. Черты ее больше всего напоминают портрет матери поэта, какою рисуется она по воспоминаниям современников. Разве не достаточно свидетельства самого Бегичева, москвича, ближайшего друга Грибоедова, притом постоянно проливавшего «елей» на трудные отношения его с матерью? И вот, именно Бегичев и рассказывает о том, что, узнав об аресте сына по делу декабристов, Настасья Федоровна принялась поносить его «с обычной своей заносчивостью... «карбонарий», и то, и се, и десятое».[1]

Детство, первые впечатления, как у всех барских детей, у Грибоедова связаны были с желанными поездками «на долгих» в деревню, кажется большей частью в наследную смоленскую усадьбу, соседствующую с владениями пресловутого дядюшки Алексея Федоровича. Там под Вязьмой, в его «замке» Хмелита, собирались все домашние и покровительствуемые. Деревня, однако, была не только пикники и «маскерады», но и видимая, осязаемая земля Смоленщины: цепи холмов, травы с душистыми клеверами и гречею, а более всего всесильные руки на пашне, жнивье, дворовых службах. Там, в Хмелите, или во владимирском Сущеве, или в костромской деревне Красной, впервые услышаны были и «звучные плясовые напевы... родные песни», не безразличные для музыкального уха юного Грибоедова.

Главенствующей темой творческих и исследовательских интересов Грибоедова всю жизнь была судьба русской нации, ее социальное и культурное бытие, при разобщенности между народными массами и дворянством, тяготеющим прочь от сельских пределов, ко двору и департаменту. Интерес к этой коренной теме русской жизни настолько органичен для Грибоедова, настолько прочно заклинен в «Горе от ума», в набросках пьесы о 1812 годе, в очерке «Загородная поездка», что было бы странно связывать эту коренную тему только с веяниями второй половины 1810-х годов. Истоки развития этих интересов надо искать еще в ранних годах Грибоедова, хотя это и были лишь первые наблюдения, схваченные острым, саркастическим умом, явившиеся «памятью сердца», впечатлениями еще не осознанными. В студенческий период эти наблюдения начали получать философскую и историческую взаимосвязь и обоснование (Грибоедов поступил в 1803 году вольным слушателем в университетский бла-

---

[1] Рассказ Бегичева в передаче Д. А. Смирнова. См.: сб. «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников», М., 1929, с. 230 (в дальнейшем этот сборник сокращенно: «А. С. Грибоедов»).

городный пансион, а затем, вплоть до весны 1812-го, так же вольнослушателем начал посещать лекции в университете, что само по себе свидетельствует о способностях сверхмерных и прекрасной подготовке (ко времени поступления Грибоедов уже свободно владел тремя европейскими языками).

Общественно-политическое и эстетическое воспитание и влияния, испытанные Грибоедовым в университетские годы, легли прочной основой дальнейшего. Московский университетский пансион созидался в годы, когда просветительские идеи Новикова были направляющими. Благодаря особому такту Прокоповича-Антонского, «которому судило провидение воспитать два-три поколения пробужденных от умственной дремоты дворян»,[1] университету и его пансиону удалось и во времена реакционного нажима 1780—1790-х годов сохранить новиковско-радищевский дух, при видимой благонамеренности направления. Но было бы наивно считать, что вольнолюбивые идеи русского просветительства, получившие свой зачин еще в XVIII веке, не изменив своего характера, могли сами по себе воспитать поколение Грибоедова и его героя Чацкого. Ко времени, когда Грибоедов, будучи студентом, формировал свою идеологию, вольнолюбие, пробужденное Французской революцией во всех странах Европы, уже отлилось в форму борьбы наций за независимость и возрождение национальной культуры.

Если еще в 1800 году в таких странах, как Италия и германские княжества, в консуле Бонапарте видели знаменосца революции и приход его армии считали сигналом к отмене порядков старого режима, то уже после перемирия в Тревизо (январь 1801) его стали именовать «лжецом и тираном». По мере усиления своей диктаторской, а затем императорской власти Наполеон приходил к декларативному и действенному превознесению французской нации над другими «союзными», к подавлению их национального достоинства.

Наступил период поисков способа (своеобразного для каждой нации) борьбы с отжившими режимами. В России эту борьбу пыталось осуществить передовое дворянство. Завязь движения декабристов, которое датируется 1816—1825 годами, надо искать в потильзитской эпохе (1807—1812), когда опыт, разочарования и надежды национальных революций в Европе впервые проникли в юношеское сознание будущих декабристов.

Отроческое становление Грибоедова совпало с первыми, радужными годами царствования его тезки, Александра I, временем на-

---

[1] «Московский университетский благородный пансион», М., 1858, с. 23—24.

дежд и звонких фраз. Казалось, пали мракобесие и страх, под удавкой которых жили в последние годы царствования Екатерины и при Павле I. Просвещение до времени оказалось в руках истинных его радетелей. Попечителем Московского университета был назначен Михаил Никитич Муравьев (отец декабристов Никиты и Александра), и его попечительство было «ознаменовано преобразованием университета... приглашением многих профессоров... и открытием ученых обществ». Именно в эту пору пришли на кафедры университета многие русские ученые и «живые силы европейского ученого мира».[1] В своей статье «Рассеянные черты из землеописания Российского» Муравьев писал: «Да настанет некогда время пристрастия к отечественным происшествиям, ко своим героям, к нравам и добродетелям, которые суть природные произрастения нашего отечества!»[2]

Именно в Московском университете сосредоточил Муравьев многие из своих предприятий, клонившихся к возрождению «природных произрастений». Профессура университета призвана была собирать и обобщать материалы русской истории, археологии, искусства и народного творчества.

Идеи национального возрождения, поднятые на высоту борьбы за свободу и права гражданина, имели воздействие решительное, и проводниками этих идей в университете были не законопослушные, а «бунтующие». К ним принадлежали в Московском университете те иностранцы (в основном — немцы), которые ушли от деспотизма Наполеона и жили в России изгнанниками и пропагандистами борьбы с тираном. Среди них наиболее выдающимся был профессор И.-Т. Буле. Грибоедов неоднократно впоследствии говорил о влиянии на него Буле, а на допросе Следственной комиссии по делу декабристов прямо отвечал, что в Московском университете «воспитывался... под надзором профессора Буле».[3] Иоганн Буле был не только эрудит и увлекательный лектор, «надзор» Буле был воздействием идейного характера.

Юный Грибоедов не походил на того школяра из «Фауста» Гете, который явился к Мефистофелю и наивно расспрашивал его о науках, не зная, чем бы ему заняться в университете. В канун Отечественной войны мировоззрение Грибоедова уже почти сложилось. «При первом знакомстве нашем (то есть в 1813 году. — *И. М.*)

---

[1] М. И. Сухомлинов, Материалы для истории образования в России в царствование... Александра I, [1], [СПб.], 1865—1866, с. 11.
[2] М. Н. Муравьев, Соч., т. 2, СПб., 1856, с. 100.
[3] П. Е. Щеголев, Исторические этюды, СПб., 1913, с. 270.

вкус и мнение Грибоедова о литературе были уже сформированы», — писал Бегичев.[1] В университете студент Грибоедов точно определил круг знаний ему необходимых, сосредоточившись на дисциплинах политических и философских. Человек в его социальном, общественном бытии, в его духовной сути являлся центром его изучений и наблюдений еще раньше, чем он осознал в себе поэта. «Надзор» Буле сказался прежде всего в приобщении Грибоедова к передовым идеям начала века. Буле разделял взгляды своего соотечественника и друга прусского министра-реформатора барона Штейна. Противники Штейна из консервативного лагеря именовали его «якобинцем», хотя программа Штейна, ориентированная на дворянство, была далека от якобинства. Уничтожение крепостного права Штейн считал делом первоочередной важности. Столь же необходимой полагал он борьбу с бюрократической системой управления, порожденной абсолютизмом. «Следует сломить оковы, которыми чиновничье управление сдавливает свободный подъем человеческой деятельности».[2] И хотя способ, которым Штейн собирался сломить оковы у себя в Пруссии, был основан на идеализации рыцарских союзов, цеховых и сельских общин, самый призыв был зажигателен для изучающих Штейна русских юношей. Впоследствии Николай Тургенев писал, что тот, кто стремится к реформаторской деятельности в такой стране, как Россия, должен всегда размышлять о политике Штейна. По мысли Штейна, Пруссия должна была стать конституционным государством и ее роль в европейском национально-освободительном движении могла сделаться ведущей.[3] В отношении России Штейн полагал, что неизбежная война с Наполеоном поставит ее в положение защитницы прав европейских наций, что обяжет русское правительство ко внутренним реформам, «к возвышению звания простого народа и земледельца». С этой целью Штейну казалось необходимым удержать или восстановить «все национальное, даже русские костюмы и бороды», и во имя достоинства нации «отвращать влияние иностранного».[4]

Когда Штейн, объявленный Наполеоном вне закона, в 1811 году

---

[1] С. Н. Бегичев. — «А. С. Грибоедов», с. 8.

[2] Цит. по статье Р. Виппера «Государственные идеи Штейна». — «Русская мысль», 1891, № 8, с. 8.

[3] В. И. Ленин, говоря о значительности прусского национального движения начала XIX века, отметил, что «историческая обстановка не давала иного выхода этому подъему, кроме выхода к *буржуазному* государству». — Полн. собр. соч., изд. 5, т. 36, с. 81. См. также с. 107.

[4] Архив братьев Тургеневых, вып. 3, СПб., 1913, с. 232.

прибыл в Россию, он посещал в Москве профессора Буле. «Буль познакомил с Штейном Грибоедова. Штейн приласкал юношу, и Грибоедов несколько раз рассказывал мне, — пишет С. Н. Бегичев, — с удовольствием о беседах их с Штейном и Булем».[1]

Передовая профессура Московского университета стремилась привить русскому юношеству критическое осмысление фактов истории. (Буле готовил свой «Опыт критической литературы русской истории» и, продолжая традицию Новикова, положившего основание русской критике, начал издавать «Московские ученые ведомости».)

Слушая лекции Буле и занимаясь с ним приватно в 1808—1811 годах,[2] Грибоедов оказался не только в сфере вольнолюбивых идей времени, но и в сфере той философии, которая связана была с этими воззрениями, так как Буле был серьезным мыслителем, хотя и не оригинальным философом. Последователь-популяризатор теорий Канта, Буле был одним из первых эклектиков, философом, ищущим утверждения истин критической философии в тех отраслях ее, которые имели прямую связь с реальной деятельностью, с вопросами воспитания человеческой личности. С этих позиций Буле обращался и к Джону Локку, обосновавшему теорию права, идею конституции, и к социальной философии Фихте, и к сенсуалисту Кондильяку, его грандиозному построению истории души в «Трактате о чувствах» (1754). Именно с этим трудом связано первое сочинение Буле «Анализ настроений души...» (1782).

«Благоразумный идеализм»[3] Буле предусматривал знакомство студентов не только с основами теории Канта, но и с теми из утверждений послекантовской философии, которые содержали положительные начала гражданского и нравственного сознания, особой жизненной задачи мыслящей личности (Фихте: «мысль сама по себе есть действие»). Буле читал в Московском университете курс «опытной психологии», и самое название этого курса определяло его существо и связывало имя Буле с именем Дежерандо, последователя Кондильяка, видоизменившего его учение в духе экспериментального метода (в своей книге «Сравнительная история философских систем применительно к принципам познания», 1804, Дежерандо рассматри-

---

[1] «А. С. Грибоедов», с. 7.

[2] Удаленный из университета в 1808 году (после Тильзитского мира власти распорядились об увольнении эмигрантов, боровшихся с тиранией Наполеона), Буле продолжал занятия с наиболее интеллектуальными, свободомыслящими студентами у себя на дому. Грибоедов посещал эти занятия вместе с Чаадаевым.

[3] [И. И. Давыдов], Начальные основания логики, М., 1821, предисловие.

вает философские течения от Платона до Фихте с особым вниманием к вопросам нравственного совершенствования, изучения души человеческой). В 1811 году, как бы подводя итог занятий с Грибоедовым вопросами философии, Буле подарил ему книгу Дежерандо, и характерно, что она осталась для Грибоедова ценным источником и в 1826 году (находясь в заключении, Грибоедов просил принести ему Дежерандо).

Политическая и культурная программа, проповедуемая европейскими прогрессивными деятелями конца XVIII — начала XIX века, в сознании русской молодежи начала века переплеталась с возрожденческими устремлениями романтической поэзии и литературы позднего просветительства. Дерзнувшие и дерзающие, Карл Моор и Фауст, владели воображением. Впервые по-новому осмыслялись представления о народном творчестве и языке, возрождение которых в национальных литературах служило важнейшему делу «возвышения звания простого народа».

В 1813 году Грибоедов удивлял знанием «почти наизусть Шиллера, Гете и Шекспира» и порицанием Корнеля, Расина и Мольера за то, что они «вклеили свои дарования в узенькую рамочку трех единств» и «не дали волю своему воображению расходиться по широкому полю».[1] Любопытно, что Грибоедов начал свою литературную жизнь с ниспровержений авторитета французского классицизма, а затем многое из юношеских деклараций пересмотрел, выработав объективность в отношении различных школ, характерную для комедии «Горе от ума». Но не только в университетское время, а и за пределами его Грибоедов оставался во власти мыслей о свободе поэтического творчества. В университетских курсах, которые он слушал, не было односторонней тенденциозности. Так, наряду с Буле, просвещавшим студентов в области эстетики романтиков, читал курсы и П. А. Сохацкий, убежденный классик, именовавший романтизм «темной манерой». Восставал против «туманов» немецкого романтизма и Мерзляков, противопоставляя ему античные образы и Библию как шедевр поэтический. Хотя Мерзляков говорил на лекциях и в своих статьях о гибельности смешения жанров и стилей, разрушающего поэзию, о «пределах для оды, для поэмы, для трагедии и для элегии» и т. д., но одновременно он же утверждал, что «поэзия как предмет чувствования и вкуса» «не подвержена строгим правилам». Правила «пределов» для самого Мерзлякова были школьными истинами, которые считал он необходимым внушать школярам, между тем как «чувствованиям и вкусам» Мерзлякова, поэта эпохи ранних

---

[1] С. Н. Бегичев. — «А. С. Грибоедов», с. 9.

романтиков (в студенческие годы близкого друга и единомышленника Жуковского), претили классические каноны, утвержденные Буало.

Связанный своими корнями (школой) с немецким просветительством (Лессинг и др.), Буле закономерно пришел к некоторым конструктивным идеям в области искусства, которые проповедовали его соратник по геттингенским кафедрам Август Шлегель, теоретик романтизма, и его брат Фридрих. Содержание эстетических деклараций братьев Шлегелей входило в систему курса Буле, а таких студентов, как Грибоедов, Буле несомненно обращал к первоисточнику. Чтение обоих Шлегелей, по мнению позднего Грибоедова, являлось одной из основ образованности литератора.[1] Однако было бы ошибкой расширительно понимать приобщение Грибоедова к эстетике братьев Шлегелей. В основном и прежде всего была воспринята идея свободы творчества, понятие о которой, видимо, решилось для Грибоедова знакомством с творчеством Гете, «великого немца» (Ф. Энгельс), и свободнейшего Шекспира, равно превозносимых романтиками. И с самого начала творческой жизни у Грибоедова сказывается отвращение к «мистическим туманам», выспренно-таинственному, а затем эгоцентрическому, что явил романтизм в стихах и прозе. (Это отвращение к потустороннему, однако, не помешало Грибоедову восхищаться неуемной фантазией народной поэзии.)

Судя по особому интересу к национальным истокам и народному искусству, Буле были близки идеи «Альманаха муз», возглавляемого Бюргером, ближайшим его коллегой по Геттингенскому университету, основателем нового направления немецкой поэзии, противопоставившей сентиментальной лирике — народность с ее жестокой и яркой фантазией и языком, исполненным красок повседневной жизни. В университетские годы Грибоедов не только читал баллады Бюргера, но, несомненно, знал от Буле все, что касалось геттингенского кружка и курса эстетики, читанного Бюргером. И не только знал, но имел вкус к поэзии именно этого направления, так как не случайностью же является тот факт, что одним из первых произведений Грибоедова была статья «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады „Ленора"». В 1816 году Грибоедов судил о Бюргере как знаток, отнюдь не сегодня утвердившийся в своих убеждениях.

---

[1] См.: «Литературные листки», 1824, № 16 (в очерке Ф. Булгарина «Литературные призраки», где мнения Грибоедова выражены устами Талантина).

«Первое начертание этой сценической поэмы»

Бегичев пишет, что Грибоедов первый познакомил его с «Фаустом» Гете, которого знал «почти наизусть».[1] Это было осенью 1813 года, следовательно знакомство с Гете произошло у Грибоедова в университете, и не позднее первой половины 1812 года, после чего было уже не до чтений. Даже если, как это можно полагать, запомнились лишь основные ведущие монологи и диалоги первой части, то и в таком случае для «наизусть» нужен был толчок восприятия совершенно особый. Так оно и было, если судить об этом по творчеству Грибоедова и его высказываниям.

О созданиях Гете Грибоедов говорил в тоне безусловного преклонения: «Я сужу не творца, а творения, и едва ли творения Шекспира выдержат сравнение с гетевскими».[2] Когда же Бестужев в разговоре сопоставил Гете с Байроном, Грибоедов заметил ему: «Между ними все превосходство в величии должно отдать Гете: он объясняет своею идеею все человечество, Байрон, со всем разнообразием мыслей, — только человека».[3] Грибоедов, конечно, имел здесь в виду «Фауста», потому что именно в нем «заключены все нравственные вопросы», идея, объясняющая все человечество. И именно это свойство драмы Гете придает ей характер источника, из которого поэты могли черпать, не боясь стать подражателями. Таким поэтом, прильнувшим к великому источнику в 1810—1820-х годах, стал Байрон. И Грибоедов, несомненно, прильнул к этому источнику, но отнюдь не дерзая на единоборство в замысле и героях. Так же как Пушкин, он поражен был «высшею смелостью»,[4] грандиозностью философского и политического текста и подтекста «Фауста», свободой, которую позволил себе мастер, не считаясь ни с какими школьными правилами поэтики (у Гете — совершенно свободной).

В заметке по поводу «Горя от ума», которая в первой публикации именовалась «Драматический писатель и публика», Грибоедов писал: «*Первое начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения,*[5] чем теперь в суетном наряде, в который я принужден был облечь его». В наброске говорится о противоречиях, неизбежно возникающих у

---

[1] «А. С. Грибоедов», с. 9.

[2] А. А. Бестужев, Знакомство с А. С. Грибоедовым. — «А. С. Грибоедов», с. 136.

[3] Там же.

[4] См.: А. С. Пушкин, Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям» (1827).

[5] Подчеркнуто мною. — *И. М.*

поэта, который хочет видеть свое создание на сцене. По мнению Грибоедова, театр неизбежно ограничивает свободу творчества. В связи с этой мыслью Грибоедов и характеризует свое «первое начертание» (возможно, начертанное в те времена лишь в мыслях), именуя его «сценической поэмой». Неукоснительная четкость слова-мысли, свойственная Грибоедову, исключает многозначность этого термина. В 1824 году, уже создав комедию «Горе от ума», Грибоедов именовал ее «драматической картиной», [1] но такое наименование, определяя характер комедии, решительно противостоит названию «сценическая поэма», связанному с развернутым повествованием, члененным сценами, тогда как в «драматической картине» берется лишь один сюжет из этого повествования, ограниченный завязкой и развязкой. Что же стоит за понятием «сценическая поэма» при том, что формула «Горя от ума» при первом начертании была та же, что и потом? Столкновение Чацкого с реальностью русского дворянского общества, согласно замыслу, видимо, должно было развернуться повествовательно, по ходу переживаний и деятельности Чацкого, в непрерывном столкновении с окружающей его действительностью, и сама действительность могла быть дана шире (сюда, как можно себе представить, вошли бы и события времени, и столкновения мировоззрений). Между тем понятие «сценической поэмы» все же утверждало за «первым начертанием» особенности произведения драматургии, но такого, которое, по словам Грибоедова, было неприемлемо для современного театра с его «привычками и условиями, нимало не связанными с эстетическою частью творения». Из слов этих явствует, что Грибоедов имел в виду ту свободу сценического воплощения, которую театр не принял бы в данное время, но мог (в идеале) принять, считаясь с «эстетическою частью творения». Анализируя скупое слово Грибоедова о рождении замысла, мы все же имеем возможность и несколько уточнить характер «первого начертания» по характеристике некоего «превосходного стихотворения». Ясно, что оно-то и было для Грибоедова эталоном свободной поэтики. Думается, что комментарий Грибоедова к творческой истории своего детища хорошо дополняет изложенную характеристику интеллектуальной сферы, в которой рождался замысел «сценической поэмы».

«Фауст» в печати обозначен как трагедия, но Гете именовал свое произведение «поэмой», «драматической поэмой», «сценической поэмой» и даже называл «песнями» отдельные главы-сцены с их заглавиями, характеризующими содержание («Ночь», «У ворот»,

---

[1] Письмо С. Н. Бегичеву от июня 1824 года.

«Рабочая комната Фауста», «Кухня ведьмы» и т. д.). И что такое «превосходное стихотворение» (т. е. превосходящее все другие), если не «Фауст», где умещена грандиозная тема, дано «объяснение всего человечества» на сравнительно небольшом пространстве повествования, благодаря свободному движению действия, свободной смене мыслей и персонажей, благодаря умолчаниям там, где читатель сам может додумать и дочувствовать то, что дано намеком? Законы поэтики «превосходного стихотворения» принципиально допускали эту недосказанность, служившую особым целям, взаимодействию произведения и читателя в веках, открытости его для поколений, хотя разговор поэта шел с современником (впоследствии, для романтической поэмы байроновского типа, эта обрывистость и недосказанность стали штампом, зачастую ничего не несущим). Поэтика «превосходного стихотворения», если отождествлять его с «Фаустом», допускала и присутствие лирического авторского *я*, которое, как бы под сурдинку, проникало в действенное *я* героя. Вся эта поэтическая система, мечтаемая Грибоедовым для своей «сценической поэмы», являлась высшей смелостью «Фауста», той, за которую Пушкин и назвал Гете «великаном романтической поэзии». [1] Она-то, эта поэтика, и противостояла «узкой рамочке» правил французского классицизма, она-то и позволяла поэту, давши волю своему воображению, «расходиться по широкому полю». [2]

Рассматривая в дальнейшем «Горе от ума», мы убедимся в том, что Грибоедов недооценил свое мастерство, которое позволило ему сохранить высшее значение замысла и в тесных рамках комедии, при всех огорчавших его «хитростях ремесла» («Не лучше ли без хитростей», — писал он). [3] Однако когда повзрослевший Грибоедов, не оставляя своего замысла, пришел к простейшему оригинальному его разрешению, верования его, определившиеся поэтикой Гете, оставались при нем.

Любопытно с этой точки зрения, что год завершения «Горя от ума» (1824) Грибоедов отметил достаточно весомым обращением к Гете. Распространились слухи, что он работает над переводом «Фауста». [4] Между тем он сдал в «Полярную звезду на 1825 год» свой «Отрывок из Гете», являющийся великолепным переводом той

---

[1] См.: А. С. Пушкин, Table talk.

[2] С. Н. Бегичев. — «А. С. Грибоедов», с. 232.

[3] «Ответ П. А. Катенину. . .» (Приложения, с. 480).

[4] Н. М. Языков писал А. М. Языкову в начале 1825 года: «Очень радуюсь, что Грибоедов переводит «Фауста»; желаю и надеюсь успеха, но могу сказать утвердительно, что он переведет его не для печати» («Языковский архив», СПб., 1913, с. 156).

части «Пролога в театре», где поэт высказывает сокровенное о своем создании, обреченном суду театра. Именно в эти дни Грибоедов начал писать и свою заметку, нечто вроде предисловия к «Горю от ума», с темой, близкой прологу к «Фаусту». [1]

В самом тексте «Горя от ума» мы находим ряд полуцитат из «Фауста» (см. примечания), свидетельствующих о гетевской атмосфере, в которой создавалась комедия.

«Начатки»

Время между Тильзитским миром и началом Отечественной войны имело особый резон для бунта детей против отцов. В канун Отечественной войны явственно обозначились причины, затормозившие реформы (в том числе главную: крестьянскую), намеченные правительством в начале века. Двойственная политика Александра I объяснялась отнюдь не только характером царя, но прежде всего давлением чиновного дворянства, оплота власти. Устремившийся было к европейскому объединению, Александр круто повернул к дружбе с Наполеоном. Тильзитский мир был свидетельством трусости высшего русского дворянства не перед французской армией, а перед призраком революции (каких бы то ни было перемен), угаданным в освободительной борьбе народов. Тогда-то сыновья и поднялись против отцов, забывших о национальном достоинстве. Когда у Щербатовых был праздник по случаю Тильзитского мира, их племянник и воспитанник Петр Чаадаев «ушел на целый день в поле ... а когда его там отыскали, то с плачем объявил, что домой не вернется, что не хочет присутствовать при праздновании такого события, которое есть пятно для России». [2] Так описывает мемуарист состояние юного Чаадаева, ближайшего приятеля Грибоедова. Эпизод с побегом Чаадаева — любопытная деталь в развитии идей будущего автора «Философических писем», его первое жестокое «слово» в адрес русского общества. К тем же первым разоблачениям можно отнести и те острые рассказы Чаадаева, которыми он характеризовал нравы тогдашней дворянской Москвы. [3] Тогда, в канун Отечественной войны, и могла и должна была зародиться идея Чацкого, молодого

---

[1] Предположение, что цитированная выше заметка по поводу «Горя от ума» является наброском предисловия к предполагаемому изданию, впервые высказал В. Н. Орлов в издании «А. С. Грибоедов. Сочинения», М.—Л., 1959, с. 697.

[2] М. И. Жихарев, Петр Яковлевич Чаадаев. — «Вестник Европы», 1871, № 6, с. 182.

[3] Там же, с. 176.

отпрыска среды, где вольнолюбивый патриотизм воспринимался не иначе как программа «карбонария».

Насколько этот «бунт» молодых дворян «немножко повыше прочих» был органичен именно для кануна войны, можно судить, например, по обращению Пушкина к этой теме в повести «Отрывок из неизданных записок дамы. 1811 год» («Рославлев»). Настроение общества в эту пору было, как пишет Пушкин, «довольно легкомысленно». Хороший тон требовал насмешек по адресу простаков-патриотов. Именно эти шуточки заставили прибывшую в Москву госпожу Сталь, изгнанницу Наполеона, сказать свое слово светскому «шуту, который из угождения иностранке вздумал было смеяться над русскими бородами: „Народ, который, тому сто лет, отстоял свою бороду, отстоит в наше время и свою голову“». Сентенция эта — общая мысль вождей национального движения Европы, ожидающих вступления России в войну. И едва ли не то же самое слышал Грибоедов от Штейна во время их бесед в эту же пору. Слова Сталь пробуждают высокие патриотические чувства у героини «Рославлева» Полины. И характерно, что этим чувствам сопутствует «бунт» против отцов и всего светского общества, к которому Полина принадлежит: «Боже мой! Ни одной мысли, ни одного замечательного слова... Тупые лица, тупая важность — и только!» Зато «добрый, простой народ» русский — вот кто полон достоинства. 1811 год, избранный для «записок дамы», был временем наибольшего в этом смысле накала. Все это скорее прикрепляет тему (замысел) монолога «В той комнате незначащая встреча...» ко времени кануна войны, чем ко времени послевоенному, когда Франция была поставлена на колени взятием Парижа, когда на фоне усилий тиранов «Священного союза» конституционный строй, ограничивавший Людовика XVIII, в глазах русских конституционалистов уже казался великим благом. Не только знаменитый монолог с «французиком из Бордо», но и все сатирические выпады Чацкого против французомании высшего света явственно восходят к настроениям между Тильзитским миром и началом Отечественной войны. Именно тогда определилась реакционная сущность поклонения всему французскому у русских бар. Вместо высоких, преобразующих идей французской философии XVIII века императорская Франция тогда поставляла России меркантильную ограниченность и националистическое самохвальство. И этот мирок «французика из Бордо», культуртрегера из буржуазной Франции в «варварской» России, оказался как раз по плечу рутине фамусовского, чиновного барства. Со времени Отечественной войны Фамусов, впрочем, сделался патриотом: «французика» возненавидел (за убытки, понесенные в войне), а по-

том запрезирал до того, что стал называть «побродягой». Однако запрезирал «французика» Фамусов уже потом, а «надсаживать грудь» в своей гостиной и собирать «род веча» позволял ему, надо полагать, до 1812 года. Речь идет, конечно, о датировке замысла монолога в связи с общим замыслом комедии, а не о завершенном создании. Княжны и в 1816-м, и в 1818-м, и в 1823 году все так же восклицали: «Ах, Франция!», а вопрос русских национальных традиций в декабристскую эпоху лишь приобрел бо́льшую политическую остроту, так что между замыслом и его осуществлением не произошло отмены самой темы. Но «родимые пятна» времени замысла здесь кажутся явственными.

Фамусовский лагерь в комедии «Горе от ума» изображен со всей незыблемостью его житейских устремлений и предрассудков. Он все таков же в допожарной и в послепожарной Москве («дома новы, но предрассудки стары»), но изображение этой косности имеет отнюдь не локальную, а обобщенную политическую задачу. Особый московский колорит — лишь комически окрашенная суть того антигражданственного бездумия, которое характерно для дворянской и чиновной России. Бездумие и лакейство во имя дальнейшего бездумия. Но картина нравов Москвы имела и самостоятельное значение, писалась она как бы сама собою, подготовляемая начальными, видимо ранними эскизами. В этой живописи была своя традиция, установленная и сатирами Горчакова, и «Модной лавкой» Крылова, и, наконец, ходившей по рукам в 1811-м или начале 1812 года рукописью «Прогулки по Москве», где Батюшков пишет о жизни допожарной, барской Москвы, столь богатой по части нравственных карикатур. «Какое обширное поле для комических авторов и как они мало чувствуют цену собственной неистощимой руды!»[1] В драгоценном этом очерке содержится как бы план сатиры на фамусовскую Москву, намечены как бы пунктиром нравы, живописно развернутые в монологах Чацкого и Фамусова в 5-м явлении 2-го действия и в маленьких комических сценках, как бы комедийных интермедиях 5—10-го явлений 3-го действия, в которых с предельным лаконизмом даны характерные нравы тогдашней Москвы. Возможно, что именно наброски этих монологов или нечто похожее и составляли «начатки Горя от ума»,[2] которые Грибоедов читал приятелям в начале 1812 года.

---

[1] К. Н. Батюшков, Соч., т. 2, СПб., 1885, с. 29. О датировке «Прогулки по Москве» см. там же, с. 386.

[2] Так назвал прочитанный ему Грибоедовым в начале 1812 года отрывок его товарищ по Московскому университету В. В. Шнейдер

Отечественная война, служба в армии надолго отложили продолжение «начатков», хотя свидетельство Бегичева о том, что у Грибоедова в Петербурге в 1816 году «был сделан... план этой комедии... и даже написаны были несколько сцен» говорит о том, что в годы войны и во всяком случае по ее окончании Грибоедов работал над замыслом. И самый характер замысла породил долготу его свершения. Герой пьесы, современник Грибоедова, должен был созреть и умудриться опытом вместе с автором, так сказать «закруглив» свою эпоху. Необходимо было провести Чацкого через некии стадии созревания. Зрелость типа Чацкого со всеми ее слагаемыми выявилась вполне лишь к началу 1820-х годов, когда и лагерь Фамусова вполне самоутвердился. На сцене зрители видят Чацкого и его врагов действующими лишь в какой-то один день какого-то года (по-видимому, 1821-го). Однако персонажи предстают перед зрителем объемно, сохраняя следы пережитых лет с их событиями и ведущей мыслью. Что касается фактов творческой биографии Грибоедова, то они являются ключом к пониманию комедии.

II

Хотя Грибоедову не довелось побывать в дыму сражений, — он оказался свидетелем и участником трагедии, происшедшей в Москве. То, что он видел в страшные часы, предшествовавшие появлению «великой» армии Наполеона, было и наблюдениями его современника Чацкого, повлияло и на его взгляды. Грибоедов видел бегство бар, оставлявших свою дворню и крепостных на произвол врага, и удивительную, деловитую стойкость этих оставленных и, казалось, беззащитных рабов. Занимаясь, по мере сил и умения, рядовыми своего полка, юный корнет Грибоедов впервые увидел всех этих людей

(1793—1872). Шнейдер был не только коллегой Грибоедова, но и его репетитором по римскому праву, которое он преподавал в благородном пансионе, будучи ближайшим помощником читавшего право И. Буле. В 1860 году, когда печатались воспоминания о «начатках» в «Сборнике, издаваемом студентами императорского Петербургского университета» (вып. 2, СПб., 1860, с. 236), Шнейдер был почитаемым профессором Петербургского университета. Хотя, как известно, воспоминания давно прошедшего не всегда бывают точными и память изменяет, в данном случае трудно себе представить, чтобы педантичный Шнейдер фантазировал по поводу произведения всем хорошо известного, тем более что долгие годы перед тем общался с лучшими знатоками комедии: Жандром и Бегичевым.

не в лакейской, не дворовой челядью или усадебными крепостными, ломающими шапку перед барином, а людьми независимых мнений, знающими себе цену. Тут была и умная деловитость умельцев, и та особая, в любых, самых страшных и трудных условиях, неизменность и твердость, которую впоследствии Грибоедов назвал «бодростью» («умный, бодрый наш народ»). Народная масса, представлявшаяся университетскому философу-вольнодумцу еще некоей абстрактной схемой, которую ученые политики и философы ворочали так и этак, теперь явилась перед ним живая, неумолимая, действующая. И здесь с той же очевидностью явили свою слабость «слуги правительства» (выражение Грибоедова, в плане драмы о 1812 годе), т. е. чиновное вельможество, придворные, высший свет. Как ни юн был Грибоедов, именно тогда и зародилось в нем то презрение к «слугам правительства» и то особое, любовное отношение к мужику, народу, которое потом с такой пылкостью высказал его Чацкий. Тогда именно возникло то высокое представление о роли народа в Отечественной войне, которое Грибоедов потом хотел выразить в стихотворной драме о 1812 годе (наброски 1820-х годов). Драма должна была начаться «историей начала войны», именно теми событиями, которые поразили юношеское воображение Грибоедова. В ней «с самого начала народные черты... М * с первого стиха до последнего на сцене...». Кто этот М *, видно из дальнейшего плана: *«Село под Москвой.* Сельская картина. Является М *. Всеобщее ополчение без дворян. (Трусость служителей правительства...)». Затем, в 3-м акте (отделении) — «Подвиги М *», что касается эпилога, то в нем — горькое заключение о возвращении героя к прежнему состоянию, «под палку господина». Пьеса о 1812 годе, разумеется, требовала от автора оценки всей войны, оценки, которая в полной мере произошла только в начале 1820-х годов. Но главный герой пьесы, М *, был предрешен впечатлениями 1812 года (прототип его — едва ли не Павел Савельев, крепостной «помещицы Грибоедовой» из ее имения в Сычевском уезде Смоленской губернии, «отличившийся в сражениях против неприятеля. Савельев командовал особым отрядом и подавал другим собою пример в мужестве» [1]).

«Утихла буря на политическом горизонте», и служба в армии потеряла для Грибоедова свой резон, представившись лишь со стороны оборотной: «отличия, искательства; вся поэзия великих подвигов

---

[1] «Список Сычевского уезда Смоленской губернии отличившихся в сражениях против неприятеля» (1812). Центральный театральный музей.

исчезает»,[1] на виду не служение родине, а карьера, является тип Скалозуба, который без церемонии говорит:

...чтоб чины добыть, есть многие каналы...

1814—1818 годы — очень короткий срок. Тем не менее он составил как бы две эпохи. 1814—1815-й были временем национального триумфа, началом той светлой эры, во имя которой страдали и умирали. Как вся патриотическая молодежь, Грибоедов был восхищен высокой ролью России в деле освобождения народов и считал это освобождение началом той всеобщности наций, которая должна была принести каждой из них свободу. Между тем «Священный союз», который был возглавлен русским царем, вскоре показал патриотам-вольнодумцам тщетность надежд. Идеи русского национального движения, в основе которых было раскрепощение крестьян, оказались попранными. Начались крестьянские бунты — результат жестокого нажима со стороны помещиков, обедневших за время войны. Крестьянские волнения, судя хотя бы только по записям драмы о 1812 годе, не могли быть осуждены Грибоедовым. Несомненно, что он видел в них закономерность, хотя они коснулись его личного состояния, имений, которыми владела мать, совершенно разорив ее. Крестьянские волнения не только не убедили русское правительство в необходимости реформы, но вызвали к жизни старую идею военных поселений. Нагайка была призвана «воспитывать» крестьянина, насаждая казарменный, безликий «порядок». Духом казармы проникалась и дворянская среда: вошло в силу офицерство невежественное и самодовольное. За Скалозубом теперь было последнее слово и в вопросах дворянской культуры. Последовали гонения, цензурные запреты, террор на кафедрах университета, и беспокойная молодежь начала объединяться в тайные союзы. Уже в ту пору Грибоедов, пытаясь найти исторические корни происходящего, приходит к мысли о раздвоенности нации, которую обусловило бесправие народных масс. Позднее, в очерке «Загородная поездка», Грибоедов русское дворянство назвал «поврежденным классом полуевропейцев», заметив, что у иностранца может быть впечатление, «что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами». Вывод Грибоедова был трагический: «Народ единокровный, наш народ, разрознен с нами, и навеки!» Вопрос о «черном волшебстве», которым «сделались мы чужие между своими», привел Грибоедова к занятиям историей Петра I (1818—1819). Еще в сентябре

[1] Отрывок трагедии о 1812 годе, см. с. 328.

1818 года, едучи на Восток, он писал Бегичеву, что везет с собой «один том Петровых акций» (т. е. «Деяний Петра Великого...» И. И. Голикова) и просит выписок из дальнейших томов на темы, по-видимому хорошо известные Бегичеву. Каковы эти темы, становится ясно уже с первых строк вступления к «Заметкам о Петре I» их публикатора Д. А. Смирнова,[1] который, сообщив, что «иные <из заметок>, как не совсем удобные для печати», им пропущены, делает общее заключение, что Грибоедов «не был энтузиастом нашего великого преобразователя». Затем, в качестве единственного образца «не совсем удобного», Смирнов приводит следующее замечание Грибоедова: «Петр вводит чужие новизны. Царевич Алексей мог любить отечество и пользу народа, и славу, — и потому пустых немецких нововведений мог не желать».[2] Замечание это, с точки зрения цензуры слишком вольное, а по мнению Смирнова — ретроградное, должно рассматриваться лишь в контексте исторических воззрений декабристов (и тождественных, и противоположных грибоедовским), в связи со всем тем, что отнюдь не было «ретроградным», а напротив того — явно клонящимся к революционным сдвигам, хотя умеренным. Именно с целью утверждения этих прогрессивных идей и предприняты были Грибоедовым экскурсы в область правовых начал русской государственности, Петром, по его мнению, попранных. Об этом и свидетельствуют заметки о «преобращении Думы в Сенат» и об отмене формулы «государь указал, бояре приговорили», а также заметка о спросе у народа, «кого избрать на царство». Судя по этой заметке, где перечислены различные слои избирателей («и стольники, и стряпчие, и дворяне, и дьяки, и жильцы», и «выборных полков солдаты»[3] и т. д.), Грибоедов видел в чисто формальной соборности избрания царя некий исконный демократизм и ставил в вину Петру уничтожение этих народных избирательных прав. Рассматривая реформы Петра как утверждение тиранического самовластия и укрепленной им самодовлеющей государственности (произвол чиновников), Грибоедов видит в этом корень оказавшегося необходимым в стране крепостного права («введение рабства через подушную подать, чрез запрещение переходить крестьянам»). Следствием уничтожающих гражданское сознание политических и хозяйственных реформ выглядит в заметках Грибоедова и все то, что касается моральных устоев («Тайная канцелярия.

---

[1] «Русское слово», 1859, № 5, с. 55—59 (текст) и № 4, с. 11—14 (описание записей и примечания публикатора).

[2] Там же, № 4, с. 12.

[3] Там же, № 5, с. 57.

Слуги доносят на господ своих, на тех, например, которые, запершись в комнате, пишут»). И наконец, как символ разобщения между народом и барами отмечает Грибоедов и пресловутый указ о «неношении бород», приведя цитату из письма Петра I: «большие бороды ныне не в авантаже» («Смешные, бритые, седые подбородки!..»).

Грибоедов жил и обдумывал свою «сценическую поэму» в атмосфере глухого ропота, начала декабристского движения,

Ближайшие друзья Грибоедова так или иначе оказались прикосновенными к возникавшим с 1816 года тайным организациям: Союзу спасения, Военному обществу, а затем Союзу благоденствия. Входил ли Грибоедов в одно из этих тайных обществ — неизвестно. Судя по обстоятельствам, он мог быть членом Союза спасения уже в конце его существования, т. е. тогда же, когда в него вступили и Катенин и Бегичев, а затем, так же как его ближайшие друзья, мог войти в состав Союза благоденствия.

По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово «раб»...

«Вкус» Грибоедова в этом отношении развился рано, и надо полагать, что в те годы, когда явились тайные общества-предтечи, он, по своей идеологии, был вполне готов к вступлению в каждое из них.[1] Нити связей с членами тайных обществ были столь многочисленны, что, если уж выражаться фигурально, следует сказать, что нить жизни и творчества Грибоедова была прочно вплетена в общую ткань декабристского движения. И среди умеренных Грибоедов был несомненно одним из тех, кто хотел коренных реформ.

В скудных остатках, по-видимому, огромного количества писем Грибоедова к Бегичеву (письма, вероятно, уничтожены были во время событий 1825 года) все же можно найти крупицы политических высказываний. Так, Грибоедов писал ему в феврале 1819 года по пути в Тавриз о персидских властителях: «Польза сардаря не есть польза общая. Рабы, мой любезный! И поделом им! Смеют ли они осуждать верховного обладателя! Кто их боится? (Т. е. осуждающих. — *И. М.*) У них и историки панегиристы. И эта лестница слепого рабства и слепой власти здесь беспрерывно восходит до бега, хана, беглербега и каймакама и таким образом выше и выше...» Явная аналогия с русской «лестницей слепого рабства» подчеркнута

---

[1] Тема эта кардинально разработана М. В. Нечкиной в ее труде «А. С. Грибоедов и декабристы», М., 1951.

в этом же письме некоторыми правовыми преимуществами (гласностью суда, отсутствующей в Персии) для тех народов Европы, «которые еще не добыли себе конституции».[1] «Добыть себе конституцию» во что бы то ни стало — девиз Грибоедова и его друзей, принадлежавших к декабристскому кругу.

Арестованный по делу декабристов, Грибоедов в лаконических показаниях Следственной комиссии дал краткий очерк якобы своих, характерных для всей молодежи, настроений вне политических замыслов. Но несмотря на видимую правдивость тона, можно ли доверять этому очерку, зная жизнь и творчество Грибоедова? Как говорит Щеголев, Грибоедов в своих показаниях «не мог избавиться» от тонкой иронии.[2] Не мог или не хотел? Кажется, он не «избавился» и от навыков творчества, и из-под пера его явилась характеристика типичного молодого человека, из тех, кто составлял декабристскую массу. Да, он, Грибоедов, осуждал неправые деяния администрации, желая хоть некоторой свободы книгопечатания, желал сближения высшего слоя с низшим, русского платья для дворян, как и для всех прочих («потому что оно красивее и покойнее фраков и мундиров... оно бы снова сблизило нас с простотою отечественных нравов»[3]). Был ли он знаком с главарями? Да, с Рылеевым и Бестужевым (кто же из читающей молодежи не знал их по «Полярной звезде»?), немного — с Трубецким, Муравьевыми, Бестужевым-Рюминым. Нет, он не был «оратором возмущения»,[4] скорее любителем беседы в своем кругу. Виновен ли молодой человек чуть выше среднего, если он лишь повторял то, что «в России говорится довольно гласно», и предавался «избытку искренности».[5] И этого молодого человека комитет оправдал, оставив на подозрении. Грибоедова же, как известно, не пощадили в конечном счете.

Итак, Чацкий. Но не будем утверждать, что Грибоедов создал своего Чацкого, тип современника из декабристской массы, не вложив в него и свои черты, и черты ближайших друзей: Степана Бегичева (рыцаря правды и чести, «развернувшего перед ним свойства любви к добру»), Павла Катенина с его острым умом аналитика, разящего противника напропалую, Вильгельма Кюхельбекера, вдохновенная горячность которого была столь любезна Грибоедову.

---

[1] А. С. Грибоедов. Письмо к С. Н. Бегичеву от 10—13 февраля 1819 года (Путевые письма).

[2] П. Е. Щеголев, Исторические этюды, СПб., 1913, с. 295.

[3] Там же, с. 272 («Ответы Грибоедова на вопросные пункты от высочайше учрежденного Комитета»).

[4] Там же, с. 271.

[5] Там же.

Современники пожелали в Чацком (первоначально — Чадском) увидеть портрет Чаадаева. Должно быть, по сходству фамилий и чрезвычайному уму, который вел его неизменно к житейским катастрофам. А может быть, потому, что и Чаадаев в 1810-х годах произносил пылкие, уничтожающие речи («Обзывал Аракчеева злодеем, высших властей военных и гражданских — взяточниками, дворян — подлыми холопами, духовных — невеждами, все остальное коснеющим и пресмыкающимся в рабстве»[1]). Политическая непримиримость Чаадаева была знакома Грибоедову и со времен совместных занятий с Буле, казалась нераздельной с умозрительными поисками Чаадаева в период молодых становлений и ниспровержений 1810-х годов, внутренняя близость Грибоедова с Чаадаевым была несомненна. Тем меньше оснований видеть в Чаадаеве прямой прототип Чацкого.

Грибоедов вошел в литературу сразу же по окончании войны, и отнюдь не желторотым. Его склонности были очевидны и в основном остались неизменными, хотя кодекс его оригинальной поэтики окончательно сформировался лишь к началу 1820-х годов.

И Шекспир, и Шиллер, и Гете были в репертуаре интересов Грибоедова с начала его литературной жизни и до конца. Известно, что Грибоедов знакомил актеров с подлинным Шекспиром, читал Василию Каратыгину «в плохом французском переводе 5-й акт и еще несколько мест из Ромео и Юлии Шекспира», думал перевести «хоть последний акт» с подлинника, так как «перекраивать Шекспира дерзко».[2] (Русская сцена до 1837 года только и знала его «перекроенным».)

По-видимому, говоря о чтении «почти наизусть» Шиллера, Бегичев имел в виду его драмы и баллады.

В статье «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады „Ленора“» (1816) Грибоедов заявил об избираемом направлении. «Справедливая война» с хулителями прекрасной баллады Катенина «Ольга» (вольным переводом баллады Бюргера) вылилась у Грибоедова в утверждение того направления, которое представил в своей «Леноре» немецкий поэт Бюргер, а в России в данном случае — Катенин.

Грибоедов выступил как сторонник этой школы, ничуть не полагая ее романтической, т. е. мечтательной, удаленной от реальности народной жизни или слезливо-салонной (именно эти качества

---

[1] Записки Д. И. Свербеева, т. 2, М., 1899, с. 237.

[2] Письмо С. Н. Бегичеву от июня 1824 года.

и определяли для него то, что именовалось романтизмом). Здесь для Грибоедова важны были те возможности, которые жанр баллады открывал для современной русской поэзии, которую необходимо было приблизить к источникам народным: народным сюжетам и языку. Именно в этом было новаторство Катенина, и характерна цитата из баллады, в которой для Грибоедова воплотилась простота и точность народной лексики:

Так весь день она рыдала,
Божий промысел кляла,
Руки белые ломала...

В балладе Бюргера — натура, жизнь, плоть, а не «тощие мечтания любви идеальной». Свободное направление, противостоящее и сентиментальному романтизму и классическому рационализму, ориентированное на народные национальные ресурсы, — вот credo юного Грибоедова. Стиль этот сам Грибоедов считал «натуральным», или, условно говоря, реалистическим. Уже в первых произведениях, в стихах и прозе, в переводах и переделках с французского, — всюду Грибоедов добивался «натуральности», хотя бы средствами натурального, разговорного языка, просторечия.

Несмотря на светский характер классицистических комедий Грибоедова (переводов-переделок с французского), язык их нимало не похож на тот салонно-выглаженный и бедный, которым обычно эти пьесы писались или переводились. Любопытно, что разговорной легкости и простоты Грибоедов достиг уже в первой своей пьесе «Молодые супруги», несмотря на скованность сюжетом и французским традиционным стихом (александрийским). Русскому колориту содействуют такие слова, как *остуда, нерадивость, просека, сбыточно, досужно, спозаранка, уважила, с сердцов* и даже просторечное *свому*. Язык этой пьесы и следующей за ней переводной комедии «Притворная неверность» в той мере народен, в какой тогдашнее дворянство, в силу общения с деревней и дворовыми крепостными, все еще не утратило в своей речи отпечатка народности. Что касается комедии «Своя семья» (1817), то здесь Грибоедов дает себе полную волю в разговорной и даже простонародной лексике (*эстолько, шашни, об Святой, дружнехонько, радехонька* и т. п.).

Чрезвычайно важна для понимания поэзии Грибоедова изначальная, разумеется связанная со взглядом его на «натуральность», склонность его к так называемому вольному стиху, разностопному ямбу, имитирующему свободную речь с переменной, разговорной интонацией. Стих этот был традиционным в басне, однако применялся и в других лирических жанрах, даже элегического (медита-

тивного) содержания. (Романтики расширили диапазон применения тогдашнего верлибра.) Басенным, вольным стихом написана сатира «Лубочный театр» (1817), затем Грибоедов сделал опыт (совместно с Жандром) драматического сочинения в вольных стихах (речь идет о «Семеле» Шиллера, которую Грибоедов перевел для Жандра прозой, подсказав, видимо, и стихотворный размер, так как Жандр не знал немецкого). По «Грибоедова же совету» Жандр перевел вольными стихами, «инде с рифмами», трагедию Ротру «Венцеслав».[1] Таким образом, Грибоедов был едва ли не самым убежденным пропагандистом вольного стиха в русской драматургии.[2]

Грибоедов начал свою театральную деятельность в атмосфере борьбы за классический репертуар, против чувствительной трагедии Озерова (в начале века, казалось, открывшего новую эру в русской драматургии), переводной сентиментальной драмы, мелодрамы и всяческих «исторических представлений» в романтическом стиле. Классическая трагедия, с ее сильными, борющимися страстями, и комедия, бичующая пороки, исправляющая нравы, прошли победоносно сквозь Французскую революцию, служа ей. Наполеоновская империя оставила на сцене след высокомерного национализма и обывательщины. В противовес этой однодневной драматургии Мольер и Расин вновь были призваны на сцену.

Посещая театр и работая для него, Грибоедов постепенно отрешался от предвзятого отношения к классическим формам, от нетерпимости и романтических ниспровержений. О возможности сосуществования классических основ с началами реалистического изображения споры шли давние, начатые в России едва ли не Крыловым в конце XVIII века.[3] В годы, когда Грибоедов входил в литературу,

---

[1] «Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину», СПб., 1911, с. 74.

[2] В области комедии «открывателем» вольного ямба формально считается Шаховской, который в сентябре 1818 года (явно уже имея понятие о стихе «Горя от ума» от только что уехавшего на восток Грибоедова) поставил одноактную пьеску-скороспелку «Не любо не слушай, а лгать не мешай» в вольных стихах. Следы воздействия не только вольных ямбов Грибоедова, но и самого текста его комедии в пьесе Шаховского бросаются в глаза. Однако в истории русского театра утвердилась странная аберрация. Л. Гроссман в книге «Пушкин в театральных креслах» (Л., 1926) утверждает, что в «Горе от ума» отразились «не только форма вольного стиха, но и ряд отдельных моментов диалога и даже некоторые положения» (с. 142) пьесы Шаховского «Любопытная», написанной в октябре 1823 года (т. е. когда комедия «Горе от ума» уже была готова).

[3] Споры между журналами Крылова «Зритель» (1792) и «С.-Петербургский Меркурий» (1793) и «Московским журналом» (1791—1792) Карамзина.

Крылов уже в теоретические споры не вступал, на практике являя доказательство своей теории. Пожалуй, басни Крылова были самым убедительным примером возможности творить новое без видимого низвержения жанров, утвержденных всеми. Ему-то и в «узких рамочках» удавалось все: и натуральность мира животных, и психология человека, и национальные, народные черты.

В середине 1810-х годов прозвучали молодые голоса, повторившие «символ веры» отжившей «Беседы», однако звучание его было иным. Вопросы классицизма, народных и книжных национальных истоков литературного языка теперь рассматривались в ключе свободомыслия декабристского поколения. Группа литераторов, исходивших в своих начинаниях из основных идей Шишкова — Державина — Крылова, получила в наше время наименование младоархаистов. Но Ю. Н. Тынянов в книге «Архаисты и новаторы» коснулся только исходных идей, объединивших Катенина с Грибоедовым, Жандром и Чепяговым, не ставя цели рассмотреть общность изнутри творчества каждого из этих писателей. Конечные формулы творчества Грибоедова и Катенина (так сказать, глашатая группы) не дают возможности приведения их к единству. Были лишь предпосылки для единомыслия, сокрушенного затем знакомством Катенина с комедией «Горе от ума», а Грибоедова — с трагедией «Андромаха». Катенина характеризует верность избранному жанру в его чистоте (и в части границ, и в отношении языка и стиля), при широком принятии поэзии различных школ и направлений. Он был экспериментатором и культуртрегером, оставаясь классиком из классиков в трагедии и комедии и «одним из первых апостолов романтизма»[1] (в ассимиляции сонета, романсеро, баллады). Но в понимании Катенина взаимопроникновение поэзии различных школ и течений не могло быть конструктивным, создавая лишь хаос, распад формы. Отсюда делается понятным суд Катенина над созданием Грибоедова, между тем как в окончательном решении замысла проповедь «классика из классиков» сыграла определенную роль. В пору построения плана «Горя от ума» Грибоедов испытал немалое воздействие мыслей Катенина о законах театра, о классической драматургии, с ее непревзойденной точностью, гармонической стройностью и емкостью в области архитектоники и языка. Именно потому, что мнение Катенина о классической трагедии и комедии сочеталось с широким, отнюдь не консервативным мышлением, — мнение это было оценено Грибоедовым, сбив его с позиций юношеского романтизма и отняв

---

[1] См.: А. С. Пушкин, Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина.

охоту к ниспровержениям в духе братьев Шлегелей. В свете общих идейных запросов репертуара нельзя было больше отговариваться от классического театра шутками «об узкой рамочке единств». Практически приобщение Грибоедова к театру классическому начал Шаховской, поощривший перевод «Молодых супругов» Крезе де Лессера (выбор пьесы характерен: в основе ее психологическая ситуация [1]). С этого времени и начался процесс творческого освоения классической школы, для которого, как мы увидим, были основания, заложенные в характере поэтического дарования Грибоедова. Именно к периоду первых опытов 1814—1818 годов и относится окончательное решение поэтики «Горя от ума», для которого, конечно, были более сложные предпосылки, чем прямые требования тогдашнего театра, не желавшего считаться с «эстетической частью творения». Но характерно, что процесс этот, продолжавшийся много лет, шел одновременно с размышлениями над театром Шекспира, старых испанцев (Рохас) и Шиллера, и в глазах современников Грибоедов оставался романтиком и только романтиком. Так именовали его и сам Катенин, и А. Бестужев, и Н. Полевой, так воспринимали его ближайшие: и Бегичев, и Кюхельбекер, и В. Одоевский. Р. Зотов в своих «театральных воспоминаниях», рассказывая о диспутах, постоянно возникавших на театральных сборищах Шаховского, поясняет, что Грибоедов «держался романтизма», тогда как Катенин «был страстный фанатик французского классицизма». В каком направлении шли pro и contra Грибоедова в этих дискуссиях и в споре с самим собой, мы можем судить лишь на основании «за» и «против» в самой комедии «Горе от ума».

«План этой комедии. . .»

Между «начатками „Горя от ума“», якобы читанными в университете в начале 1812 года, и какими-то сценами, которые стали известны в 1816-м, прошло четыре года. В связи с распространившейся версией, что Грибоедов начал писать свою комедию под воздействием сна, приснившегося ему в ноябре 1820 года в Тавризе, Бегичев свидетельствовал в своей «Записке» (1854) следующее: «Никогда не говорил мне Грибоедов о виденном им в Персии сне, вследствие которого он написал «Горе от ума», но известно мне, что план этой комедии был сделан у него еще в Петербурге 1816 года, и даже написаны были несколько сцен, но не знаю, в Персии или в Грузии, Грибоедов во многом изменил его и уничтожил некоторых

---

[1] См. об этом: Jean Bonamour, A. S. Griboedov et la vie littéraire de son temps, Paris, 1965, p. 130—140.

действующих лиц, а между прочим жену Фамусова, сентиментальную модницу и аристократку московскую (тогда еще поддельная чувствительность была несколько в ходу у московских дам), и вместе с этим выкинуты и написанные уже сцены».[1] Из слов Бегичева, в достоверности которых сомневаться не приходится, мы узнаем существеннейшее: уже в 1816 году замысел Грибоедова был оформлен реальным планом комедии и существовали, согласно этому плану, сцены, над которыми поэт продолжал работать. Между тем из письма Грибоедова к неизвестному (скорее всего — Шаховскому) в ноябре 1820 года мы узнаем, что сон, в котором Грибоедов видел себя дающим клятву через год завершить замысел «Горя от ума», — действительно снился, но был, как видно, лишь толчком к работе над замыслом с уже разработанным сюжетом. Письмо о сне подтверждает (и это очень важно), что о «Горе от ума» было уже известно в Петербурге во второй половине 1810-х годов. Более того, из письма явствует, что пьеса была обещана адресату письма и он ждал ее (видимо, для театра).

Что касается самого плана комедии, то, судя по словам Бегичева, план этот, будучи обширнее и включая большее количество действующих лиц, имел, вероятно, и большее количество действий и сцен. Между тем время выдвигало новые злободневные темы, отменявшие иные из прежних. Сентиментальная дама, супруга Фамусова, казалась необходимой для полноты характеристики Софии. «Поддельная чувствительность» была модной чертой до начала 1810-х годов. Но затем как стиль салонов вышла из моды и уж чересчур надоела публике, высмеиваемая во множестве комедий (Шаховского и других). И Грибоедов, работая в конце 1810 — начале 1820-х годов над пьесой, убрал и сентиментальную супругу Фамусова, и соответствующие сцены, но при этом он не отказался от самой задачи показать корни мечтательной чувствительности в характере своей героини одним штрихом, устами Фамусова, в 4-м явлении 1-го действия («нежности» и «вздохи», которым учили Софию), что дает представление о методе создания характеров «Горя от ума».

III

«— Вы в уединении усовершенствуете свои дарования.

— Нисколько, ваше сиятельство. Музыканту и поэту нужны слушатели, читатели, их нет в Персии».

---

[1] «А. С. Грибоедов», с. 9.

Таков был диалог между Грибоедовым и Нессельроде, министром иностранных дел, в апреле 1818 года, и вот с каким чувством Грибоедов покинул Петербург, для того чтобы в качестве секретаря русского посольства вести переговоры с персидским шахом, начав то многотрудное дипломатическое дело, которому послужил блистательно, как дипломат высшего достоинства, тяготясь этим делом с первого до последнего дня, так как был «рожден для другого поприща».[1] Около десяти лет жизни и самую жизнь свою отдал поэт Грибоедов службе на Кавказе и в Персии (был убит в Тегеране 30 января 1829 года). Между тем все эти десять лет Грибоедов не переставал трагически воспринимать противоречия между задачами объективно важными для русского государства, вольнолюбивыми устремлениями горцев и внутренней слабостью России, страны рабства и тирании, вооруженной «барабанным просвещением», столь же чуждым народу русскому, сколько и народам, входившим в состав державы.

«Одну Россию в мире видя»,[2] Грибоедов именно здесь, среди множества дел и впечатлений, погрузился в размышления о судьбах отечества, нисходя к истокам истории (тогда-то он «не расставался с пером» и заполнял страницы своей «Черновой тетради» записками и выписками о событиях Древней Руси, о Петре I, утверждении бюрократических начал и потере духа гражданственности в русском обществе). Здесь подытожил он в прозе и стихах (лирические наброски, фрагменты поэм) пережитое десятилетие. И не потому остались лишь фрагменты поэтического дневника русского странника в духе Чайльд-Гарольда Байрона,[3] что у самого поэта-странника не было досуга за множеством дел: не был свершен главный замысел, владевший его воображением. В последнее время пребывания в Петербурге на глазах у Грибоедова его современник-единомышленник, из тех, кто «немножко повыше прочих», стал проявлять особое беспокойство, переходящее в тревогу, явное раздражение против своих «антиподов». И они заговорили о безумии этого молодого человека, который и в их глазах стал типом времени. В журналах правого лагеря появились соответствующие рассуждения. Так, Загоскин в своем «Северном наблюдателе» поместил статью «О причинах французской революции», где вопрос ставился так: «Неведомое начало не происходит ли от того суетного беспокойства, свой-

---

[1] Письмо Ф. В. Булгарину от 16 апреля 1827 года.

[2] Пушкин о Николае Тургеневе, в набросках так называемой X главы «Евгения Онегина».

[3] Об этом сказано в примечании Кюхельбекера к стихотворению «Памяти Грибоедова».

ственного нашему сердцу, которое заставляет скучать и счастием и несчастием и будет нас водить от одной революции к другой?.. Откуда же в свою чреду приходит к нам сие беспокойство?»[1]

Рассуждение было извлечено Загоскиным из западных трактатов по философии революционных настроений. Рассматривалась самая психология беспокойного, ищущего начала. Однако под пером Загоскина такого рода рассуждение имело характер своего рода доноса на этого ищущего молодого человека. Такими разоблачениями полон был в конце 1810-х годов и «Благонамеренный», и другие журналы, имевшие благие, «патриотические» намерения. Так называемый «союз поэтов» во главе с Пушкиным явился мишенью для выпадов Каразина, Цертелева, Каченовского против воцарившегося духа беспокойства, сопровождаемого «пиршественным легкомыслием». Журнальные и подлинные доносы на беспокойных молодых людей в конце 1810-х годов завершились в 1820-м ссылкой Пушкина. Намерения правительства стали теперь недвусмысленными. Беспокойство, как грибок, разъедающий косное благополучие, тревожило не только русских, но и западных охранителей этого благополучия. В 1816 году Англия изгнала самого беспокойного из молодого поколения — поэта Байрона, что не помешало ему в 1819—1822 годах принять участие в движении итальянских карбонариев, а затем в освободительной борьбе греков. Недаром в Английском клубе, рассуждая «о матерьях важных», вспоминали «о Бейроне» (и это было признаком большого либерализма).

Замысел «Горя от ума» теперь представлялся Грибоедову уже не «сквозь магический кристалл»; ко времени, когда Грибоедов решительно сел за стол, чтобы написать комедию, с Чацким и его «антиподами» все было ясно. Наступила дата их встречи в доме Фамусова.

Критики недоумевали, почему с Кавказа Грибоедов привез в Петербург не пьесу, связанную с впечатлениями непосредственными, а комедию «Горе от ума». По этому поводу Белинский заметил: «Дикая и величавая природа этой страны, кипучая жизнь и суровая поэзия ее сынов вдохновили его оскорбленное человеческое чувство на изображение апатического, ничтожного круга Фамусовых, Скалозубов... Молчалиных — этих карикатур на природу человеческую».[2] Здесь, впрочем, как мы видим, дело не только во вдохновляющих контрастах (хотя и они имели воздействие). Важен

---

[1] «Северный наблюдатель», 1817, № 7, с. 227.

[2] В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 4, М., 1954, с. 543—544.

был и «отход» поэта в сторону от непосредственно, «впритык» громоздившейся вокруг «натуры» российской действительности (так Гоголю в работе над «Мертвыми душами» благоприятствовал Рим).

Важна была и открывшаяся Грибоедову ретроспектива эпохи Чацкого.

Грибоедов не бросил в Петербурге «начатки» и план «Горя от ума», а увез, с тем чтобы над ними работать. Какую-то часть «начатков» он считал, видимо, достаточно завершенной, чтобы знакомить с ними тех, в ком видел полезных слушателей. Из воспоминаний Д. О. Бебутова мы узнаем, что Грибоедов читал ему отрывок «из «Горе от ума», которое тогда у него еще было в проекте»,[1] во время совместного путешествия из Моздока в Тифлис в ноябре 1819 года.

Сон, приснившийся Грибоедову в Тавризе в конце 1820 года, явился вехой, отделяющей проект «Горя от ума» от свершения комедии. Под непосредственным впечатлением сна, в час пополуночи на 17 ноября, Грибоедов написал неизвестному в Петербург, что клянется «через год непременно» завершить задуманное. «Через год, клятву дайте... — сказал ему во сне некто, кто знал о замысле и ждал. — ...И я дал ее с трепетом», — пишет Грибоедов. Если неизвестный был Шаховской (как полагают), то это значит, что Грибоедов хотел, чтобы в театральных кругах и театре стало известно о скором написании пьесы. Однако прошел еще один год, прежде чем Грибоедов вплотную принялся за работу, которую окончил (не считая последних доработок) лишь осенью 1823 года.

«Горе от ума»

«„Нет действия в «Горе от ума»“, — говорят гг. Дмитриев, Белугин и братия.[2] Не стану утверждать, что это несправедливо, хотя и не трудно было бы доказать, что в этой комедии гораздо более действия, или *движения,* чем в большей части тех комедий, которых вся занимательность основана на завязке».[3] Так пишет Кюхельбекер, который и в ссылке, уже в конце 1830-х годов, не мог успокоиться по поводу несправедливого суда современников. Что такое «действие, или движение» в комедии «Горе от ума» — и является

---

[1] «Кавказский сборник», т. 23, Тифлис, 1902, с. 51.

[2] Речь идет о критических статьях М. Дмитриева и А. Писарева (Пилада Белугина), появившихся в «Вестнике Европы» в 1825 году, после напечатания отрывков «Горя от ума» в «Русской Талии на 1825 год».

[3] «Дневник В. К. Кюхельбекера», Л.—М., 1929, с. 92—93.

одним из кардинальных вопросов поэтики Грибоедова. Привычные мерки классического канона заставляют и Кюхельбекера в своих рассуждениях признать, что в комедии «нет борьбы выгод, нет того, что в драматургии называется интригою», и что не в ней, мол, здесь дело, а «в противоположности Чацкого прочим лицам». Однако только ли при помощи монологов Чацкого и отповеди фамусовско-репетиловского лагеря Грибоедову удалась эта противоположность?

План и сцены, упомянутые Бегичевым, были связаны, очевидно, с тем этапом работы, когда «начальное начертание» уже приняло характер театральной пьесы.

Грибоедов наложил на свой обширный замысел «узкую рамочку трех единств», и она отсекла повествовательные длинноты, сжав до минимума авторские рассуждения и лирические отступления. События эпохи, ход деятельности Чацкого, его странствия, развитие его любви, столкновения его с различными людьми, характеры и переживания — все ограничилось одним днем в одном доме, при необходимейших персонажах, из которых основные вовлечены в интригу, составляющую действие. По типу классических комедий, Грибоедов основал интригу на недоразумениях, которым надлежало разрешаться по ходу действия. Чацкий приходит в дом любимой девушки уверенный в ее чувствах к нему, и убеждается в обратном не сразу, а только в финальных явлениях, когда и София, уверенная в обожании робкого Молчалина, убеждается в равнодушии к ней ее избранника. Интригу двигают звенья случайностей (обморок Софии, оброненное ею слово о безумии Чацкого, задержка его кареты и любовные изъяснения Молчалина горничной Лизе, в то время как София неожиданно выходит из своей комнаты, где собиралась ждать Молчалина). Участники интриги оказались в должном соответствии с традиционно-комедийными амплуа: незадачливого ослепленного любовника (Чацкий), удачливого любовника-хитреца (Молчалин), избалованной девицы, мечтающей об идеальной любви (София), отца, которого все обманывают, озабоченного выгодным браком дочери (Фамусов), проницательной и ловкой субретки (Лиза). В самом заглавии комедии Грибоедов пожелал соблюсти ту афористичную нравоучительность, которая была как бы позывным сигналом комедийного жанра. Действующие лица получили имена-характеристики, причем, не без лукавого намека на французскую школу комедии, два имени были офранцужены: Фамусов (fameux — что означает пресловутый, знаменитый) и Репетилов (repeter — в смысле разглашать, выбалтывать).

Таковы лежащие на поверхности признаки классицизма в ко-

медии. Однако для познания закона поэтики «Горя от ума» важна не регистрация признаков (хотя она и дает ориентир), а понимание функции классического закона, принятого Грибоедовым. Итак, завязкой комедии является любовное увлечение Чацкого. Именно любовь привела его, вернувшегося из странствий, прямо с дороги к ногам Софии и оставила на целый день в доме скучного, поучающего Фамусова, среди его гостей. В пределах этого дня, все в той же гостиной и происходят события. Любовная интрига, послужив стержневой пружиной, ведет комедию от действия к действию, разворачивая его в быстром, легком темпе и мере (allegro vivace), казалось бы не соответствующих глубине темы. Между тем эти-то темп и ритм и оказываются органичными для замысла, потому что ими-то и создается реальная обстановка житейской, быстролетной повседневности, в рамках которой с Чацким и происходит психологический сдвиг, поставивший его на порог бегства из среды, с которой он был связан по рождению и чувствам, в которой намеревался жить.

Так «узкая рамочка» классической схемы силой поэтического преображения стала рамкой реального быта. В пределах его и происходит борьба чувств и общественного сознания. Состязание Чацкого с его соперниками, с целью добиться руки Софии, лишь оболочка, повседневность, в которой живет Чацкий. Следовательно, нет в комедии ничего «не главного», и общественно-политическая тема (борьба Чацкого с «антиподами») в той мере связана с любовной интригой, в какой характер и чувства Чацкого движут эту интригу. Психология Чацкого является исходной для логики движения пьесы. Обуреваемый ревностью, догадками, желанием объясниться с любимой, как каждый влюбленный, не получающий взаимности, Чацкий действует вопреки логике, в силу характерных для него качеств. Личность его определена устремлениями к идеалам гражданственным, верой в человеческое достоинство. Его любовь к Софии подчинена этим высоким устремлениям, она основана на вере в человеческое *я*. Чацкий видит в Софии свою единомышленницу, союзника в борьбе с неправдой и косностью. Этим и объясняется особая логика поступков Чацкого, благодаря которым он к концу дня успевает окончательно надоесть Софии, а между тем и убедиться в своем полном одиночестве.

Одиночество отвергнутого Чацкого («никто его не понимает, никто простить не хочет») уже определилось в 3-м действии («Да, мочи нет. . .»), однако ситуация любви и вера в людей еще требуют каких-то последних доказательств. Они-то и представлены Чацкому в 4-м действии и Репетиловым с его Английским клубом, карикату-

рой на то высокое, к чему устремлен и Чацкий, и Софией, в которой раздраженный Чацкий видит теперь не более как будущую Наталию Дмитриевну. 5-й акт высокой классической комедии должен быть посвящен развязыванию узлов и выяснению судеб героев. Но Грибоедов не написал 5-го акта, нарушив укорененную в классической драматургии логику завязки и развязки, для которой и выработана была четкая арифметика числа актов: один, три или пять. Покончив со своей героиней и Чацким в финале 4-го акта, Грибоедов предоставил зрителю и читателю самому вдумываться в возможные судьбы своего героя. Эта недоговоренность, свободный прием, разрешенный поэзией романтизма, здесь отнюдь не был внешним, формальным (как в большинстве романтических поэм). Недоговоренность комедии была признаком жесткой «натуральности» ее: Грибоедов не мог знать, как распорядится история с его беспокойным юношей эпохи Союза благоденствия. Он честно ставил здесь точку. Между тем общечеловеческая и национальная основа идеи Чацкого была обращена к поколениям читателей и зрителей, оставаясь открытой. Недоумения по поводу плана комедии возникали именно в связи с психологизацией завязки, позволявшей Грибоедову дать ее, так сказать, объемно, в ракурсе характера главного героя, который не был характером однолинейным, только комедийным или трагическим. Эта психологизация завязки была совершенной новостью, и на Западе происходили лишь аналогичные поиски (Мериме, «Театр Клары Газуль», 1825).

Самое совмещение трагического и комического казалось неприемлемым и говорило о «сбивчивости». О «сбивчивости» плана говорили и быстрые, внезапные нелогичные переходы от сцены к сцене (от сцены свидания — к сцене политической полемики с Фамусовым; от беседы с Молчалиным — к сцене с Горичами, казалось бы не имеющими никакого отношения к интриге; от сцены с трагическим: «Да, мочи нет, мильон терзаний...» — к сцене комического разъезда гостей и т. д.). Эту «произвольность» (с точки зрения логики классического построения пьесы) Грибоедов потом защищал решительно, отвечая на критику Катенина. В ней, в этой произвольности, и состояла та внутренняя логика, которая в комедии побеждает внешнюю. Так, например, сцена с Горичами имеет прямую связь с тем внезапно открывшимся Чацкому (уже в финальной сцене) карикатурным образом реальной Софии (вместо представлявшегося ему идеала), который и был сопоставлен с типом супруги Горича.

Катенин, казалось бы единомышленник Грибоедова и проповедник свободы в поэзии, был первым, кто сказал о «недостаточности»

плана и о том, что «характер главный сбивчив и сбит (manqué)».[1] О сбивчивости, слабости, недостаточности плана говорил не один Катенин (позднее даже и Белинский), и суд критики был основан на том, что вся общественно-политическая суть комедии принималась не в целом, а розно с ведущей интригой, как отступления от нее в виде речей Чацкого, в виде статичной картины нравов и «галереи типов». Суждения эти в такой мере воздействовали на театр, когда он осуществлял первую постановку «Горя о ума» (1831), что создалась прочная традиция, утвердившая за Чацким классическое амплуа резонера, а за всей постановкой несвойственную пьесе «кафедральность» и музейность. И когда, уже в 1870-х годах, Гончаров сказал свое замечательное слово в защиту сценической силы комедии, воздействия на театр это слово не оказало.

В 1923 году В. И. Немирович-Данченко писал о постановках «Горя от ума», что «играют не пьесу, а те публицистические статьи, какие она породила. . .»[2] Уловив основной нерв комедии, Немирович предостерегал от фальши в трактовке Чацкого и решительно отрицал несценичность пьесы, несведенность ее любовной ситуации с общественно-политической. «Чем больше вдумываешься в архитектонику «Горя от ума», — пишет Немирович, — чем глубже разглядываешь, с каким изумительным мастерством развертывает поэт драматизм положения Чацкого, тем меньше понимаешь, как могла продержаться об этой комедии репутация пьесы, лишенной сценического движения». С особенным в этом смысле восхищением Немирович останавливается на 14-м явлении 3-го действия, поражаясь сценическому мастерству Грибоедова, когда «пьеса вдруг разрывает грани интимности и разливается в широкий поток общественности».[3]

Стиль «Горя от ума» определен той же идеей свободы и независимости от школьных требований, условий, привычек, «бабушкиных преданий», что и план комедии. Комическое объединено с трагическим не вкраплением отдельных явлений или сцен, но аналитически целостной характеристикой психологии.

В комедийно-бытовом плане Чацкий смешон своей рассеянной недогадливостью, неумением скрывать мысли и чувства, неосмотрительной порывистостью. Всей своей странной фигурой он вносит

---

[1] «Письма П. А. Катенина Н. И. Бахтину», СПб., 1911, с. 74.

[2] В. И. Немирович-Данченко, «Горе от ума» в постановке Московского Художественного театра, М.—Пб., 1923, с. 67.

[3] Там же, с. 95—96, 104. К сожалению, В. И. Немирович не воплотил свою мысль в постановке Художественного театра, в целом неудавшейся.

беспорядок, сумятицу в мирное течение жизни дома Фамусова, в общество, к которому принадлежит. Этой всегдашней готовности Чацкого к бурной реакции или острому, клеймящему словцу и соответствует экспрессивный стиль комедии. Неуемный стиль Чацкого (а он-то остается при нем навсегда, и за пределами 4-го акта, когда даже перешагнет он порог дома Фамусова: «Не образумлюсь, виноват...») воздействует и на его «антиподов». Они, как говорится, нервничают. Одна только горничная Лизанька спокойна, потому что даже Чацкий, а не только остальные господа, принадлежат для нее раз навсегда к миру отъединенному, чужому. Впрочем, уравновешенно спокоен и Молчалин, по раболепной осторожности, а может быть, и в предвиденье будущей власти. Экспрессивность Чацкого воздействует и на Софию, и на Фамусова. София, осуждающая Чацкого за злоязычье, отвечает ему в его же манере быстрых, разящих реплик. Фамусов, противоборствуя Чацкому, поучая его, не выдерживает тона своей проповеди в духе «я, брат. . .».[1] Дидактика его монологов изнутри как бы взорвана раздражением, — отсюда ее экспрессивность. Сам того не сознавая, в азарте отповеди Чацкому, свою похвалу русскому дворянству Фамусов превращает в злейшую, более ядовитую, чем у Чацкого, карикатуру («Упал вдругорядь — уж нарочно», «А дамы? сунься кто...» и т. п.).

Экспрессивный, сатирико-эпиграмматический стиль речи Чацкого в начале 2-го действия подчеркнут мерным бормотанием Фамусова, диктующего дворовому Петрушке свой недельный календарь. В 3-м действии этим мерным бормотанием, составляющим стиль «антиподов» Чацкого, является стрекочущая болтовня гостей, к концу из-за Чацкого стрекотанье делается испуганным, как во всполошенном курятнике, а к разъезду — снова входит в свою обычную безмятежность. Появление Репетилова вносит диссонирующую ноту в это стрекотание, заканчивая ситуацию Чацкого жестокой карикатурой. Такова стилевая и музыкальная (присутствующая и в построении плана и в замысле стиля) доминанта комедии. Однако не ею решается тема, а тем трагическим лирико-философским лейтмотивом, который, составляя коллизию Чацкого, вырывается из-под сатирико-эпиграмматического комедийного тона.

Лирический стиль, составляющий неразделимое целое со стилем сатирико-эпиграмматическим, определен высоким строем души Чацкого и прежде всего его философскими и политическими устремлениями, тем лирическим пафосом гражданственности, который и пугает его «антиподов».

---

[1] См. «Характер моего дяди» (Приложения, с. 479).

Трагизм любовной ситуации является следствием безнадежности борьбы Чацкого с «антиподами», которые его не побеждают («Не образумлюсь, виноват...»), но которых и он убедить ни в чем не может. Единомыслие с Чацким оказывается мнимым. София в лагере «антиподов», она говорит Чацкому:

Хотите ли знать истины два слова?
Малейшая в ком странность чуть видна,
Веселость ваша не скромна,
У вас тотчас уж острота готова,
А сами вы...

Чацкий

Я сам? не правда ли, смешон?

София

Да! грозный взгляд и резкий тон,
И этих в вас особенностей бездна...

Достоевского, сделавшего своего Версилова одним из «продолжений» Чацкого, видимо, поразила здесь тонкая грань между комическим и трагическим. На этом он и основал последнее объяснение Версилова с Ахмаковой в «Подростке».

Итак, Чацкий, комедийный персонаж, — объективно трагичен. Приведенным диалогом 1-го явления 3-го действия поставлен предел комедийно-сатирической функции противоборства Чацкого. С момента объяснения Чацкого с Софией перед балом читателю и зрителю уже ясна трагедийность роли Чацкого, затем, в 14-м явлении 3-го действия, выраженная монологом «Да, мочи нет, мильон терзаний...» — одним из сильнейших в мировой литературе.

Саркастический строй речи Чацкого есть тон молодого человека, который по особой стыдливости умных скрывает нежность и по молодому фанфаронству боится прослыть сентиментальным вздыхателем. Саркастический стиль Чацкого, однако, только его «антиподам» (в том числе Софии) кажется признаком желчной надменности («гордости») и «нескромности». Он «весел и остер», как характеризует его Лизанька. Он дурачится и шутит, а между тем беспощадные сарказмы его исполнены гражданственного негодования, которым и раскрывается высокий строй его души. Трагические сарказмы Чацкого местами прорываются лирическими размышлениями и даже элегическими интонациями. Как, если не эле-

гическим стилем, следует назвать медитации Чацкого, связанные с его любовью к Софии? («Когда все мягко так? и нежно, и незрело? . .»; «Но есть ли в нем та страсть, то чувство, пылкость та. . .»; «В повозке так-то на пути. . .» или исполненные горечи обманутой любви стихи: «Слепец! я в ком искал. . .»). Однако лирический стиль Чацкого определен не этой элегической размягченностью, а гражданственным пафосом, сказавшимся и в любовных монологах. Разящие речи воспламенены «антиподами» Чацкого и обращены к ним, но до сознания этих антиподов доходят как бы отразившись в кривом зеркале. Так, Фамусов воспринимает в тирадах Чацкого лишь дух вольномыслия («Ах! боже мой, он карбонари!»), София отвлеченных рассуждений этих и вовсе не слушает, спеша придраться к слову и уязвить, Скалозубу в речах «нравится при этой смете» совсем не то, что говорит Чацкий, а то, что, по мнению его, Скалозуба, можно по этому поводу сказать. Реакция на рассуждения Чацкого комедийна и вызывает неизменный смех, между тем она даже не гротеск, а «натура», вернейшее психологическое наблюдение. Здесь-то и возникает недоумение по поводу речей Чацкого. Возможно ли, чтобы с его умом верил он в воздействие на Фамусова и Скалозуба рассуждений о реформах Петра, повреждении нравов при Екатерине, о рабстве, о величии, национальном достоинстве, «бодрости» русского народа и философии двух поколений?

Самой постановкой вопроса об уместности речей Чацкого критика невольно приходила к разъятию стилевого контакта. Тирады Чацкого, в соответствии с тем, что утвердила классическая комедия, были приняты как декларации авторских идей. Монологи Чацкого обращались к партнерам, но как якобы не имеющие воздействия на психологический и сюжетный ход пьесы. Потому произносились они в ораторской манере, как некие гражданственные или философские оды. Такое произнесение монологов, ставшее традицией роли Чацкого (со времен Вас. Каратыгина), и назвал Немирович исполнением «публицистических статей» о «Горе от ума». Между тем все, что говорит или думает Чацкий, его диалоги и монологи составляют единую динамическую суть, ведущую пьесу к финалу. В своих тирадах Чацкий отнюдь не резонер образца рационализирующего классицизма, он скорее иррационален в духе романтического героя и реалистичен в соответствии с общими типическими чертами бурного дворянского юноши эпохи Союза благоденствия и беспокойного искателя истины в любое время и в любой стране. Действительно, что такое политические и философские тирады Чацкого, как не юношеское нагнетение идей, еще не совсем обдуманных, но торопливо высказываемых самому себе и окружающим? Здесь именно психо-

логия молодой горячности и вместе с тем доверчивости к людям. Исторически черты эти вполне «документальны». Устав Союза благоденствия призывал своих членов, а те — всех сочувствующих, к «распространению правил нравственности» во всех сословиях, к объяснению «обязанностей относительно веры, ближнего, отечества и существующих властей», к предпочтению выгод общественных личным, к искоренению «лицемерия, лихоимства и жестокости с подвластными».[1] Эта пропаганда нравственных идей во всех сословиях, и, разумеется, среди дворянства, по возможности высшего, так сказать столпов общества, — стала обязанностью и стилем молодых людей, мечтающих о возрождении России. И Чацкий, к этому кругу принадлежащий, непременно должен был «по духу времени и вкусу» порицать и насаждать гражданственные понятия. Но по замыслу Грибоедова Чацкий отнюдь не проповедник, а искатель истины. Речи Чацкого, обращенные к его «антиподам», — одновременно и разговор с самим собой (в монологах отчетливо отслаиваются эти рассуждения «про себя», выражение чувств и мыслей, не собеседнику предназначенное). Как и в диалогической речи, в монологах Чацкого экспрессивность стиля создана свободным соединением различных начал поэзии: быстрое сатирическое повествование перебивается лирической, а подчас элегической интонацией и стилем броских эпиграмм. Именно соединение различных начал и придает тирадам Чацкого, трагическим по существу, тот общий тон и стиль комедийной динамики, который находится в полном равновесии со стилем всей комедии.

В «Горе от ума» есть одна особенность, один признак, который сам по себе роднит эту пьесу с произведениями поэзии романтической. Это — авторский голос, пробивающийся сквозь *я* героя повествования. Но голос поэта Грибоедова в его создании предопределен был, как мы видели, самым замыслом и методом конструирования образа Чацкого. Чацкий как тип современника прослежен был этап за этапом в течение десятилетия жизни самого Грибоедова. (Границей эпохи, создавшей характер Чацкого, явилась осень 1818 года.) Соблюдена была полная синхронность и связь в мировоззрении и вкусах и даже домашних обстоятельствах. Грибоедов, покинув Петербург, заглянул в родную Москву и воскликнул: «Наконец, однако, оттуда вырвался... В Москве все не по мне. Праздность, роскошь, не сопряженные ни с малейшим чувством к чему-нибудь

---

[1] Законоположение Союза благоденствия, книга 1-я, 2-я отрасль. — «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. 1, М., 1951, с. 243.

хорошему...» А в «Черновой» где-то на пути написал: «Прощай, отечество!», — не то восклицание, не то заглавие к здесь же начертанному:

О! не обманывайся, сердце,
О! призраки, не увлекайте!
и т. д.

Голос поэта и его современника сближены в стихах: «Ну вот и день прошел, и с ним все призраки, весь чад и дым надежд, которые мне душу наполняли...». В лирическом этом монологе (Чацкий остается один, со своими размышлениями) есть и стихи, прозаический «перевод» которых мы находим в письме Грибоедова к Бегичеву. Дорога — вот единственное прибежище умудренного опытом жизни мечтателя (все же поэта, разумеется):

В повозке так-то на пути
Необозримою равниной, сидя праздно,
Всё что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно...

Домчались к отдыху...

В прозе Грибоедов говорит так: «Чудесно всю жизнь свою прокататься на 4-х колесах; кровь волнуется, высокие мысли бродят и мчат далеко за обыкновенные пределы пошлых опытов, воображенье свежо, какой-то бурный огонь в душе пылает и не гаснет... Но остановки...» [1]

Поэтика Грибоедова настолько свободна, что он позволяет себе ничего не скрывать. Да, голос его подчас перекрывает голос героя, молодого человека «немножко повыше прочих». Грибоедовские идеи в составе рассуждений Чацкого звучат как сильная тема какого-нибудь великого мастера музыки в композиции музыканта «немножко повыше» среднего (таковы, например, особые мысли Грибоедова по поводу разъединения русского дворянства с народом и др.). Голос автора, проникающий весь текст пьесы, является особенностью, которая возвращает нас к истокам пьесы, к «сценической поэме», от главного стилевого закона которой Грибоедов и не думал отказываться.

По-видимому, изначальными были и стихия языка, и ритмы воль-

---

[1] Письмо С. Н. Бегичеву от 9 сентября 1825 года.

ного стиха «Горя от ума», составившие атмосферу поэтической свободы. Но, так же как строение действия комедии, — Грибоедов подчинил строение речи строгой ясности и точности классической. Эта классическая организация языка, основавшись на принципе простоты синтаксиса, не допускала инверсивных и других усложнений его, двусмыслия, вычур и туманностей лексики, свойственных языку романтическому. Школа Расина и Мольера являла европейской драматургии образцы колоссальной языковой емкости, при которой возможно было развитие не только главного, т. е. ситуации страсти или порока, но и тончайших оттенков характера этих страстей и пороков («Федра» Расина и др.), и обрисовка исторического фона («Баязет», любимая Грибоедовым трагедия Расина) и особенностей социального и национального характера (Мольер). Допуская свободу скрещения и объединения различных начал поэзии в своей комедии, не обращая внимания на классические ограничители жанра, Грибоедов организовал язык «Горя от ума» все же в соответствии с нормами классиков. Но принял Грибоедов организацию языка французских драматургов, не механически «переводя» ее на русский язык, а пересоздав эту организацию языка на основе национальной, народной. Лаконическая емкость фразеологии у Расина и Мольера содействовала образованию афористических сгустков в речах персонажей их пьес, и эти афоризмы вошли в состав французского языка и в мировую сокровищницу искусства афоризма. Сюда присоединились и огромные богатства комедии «Горе от ума». Афоризмы комедии, основанные на принципе русских поговорок и пословиц, сами стали поговорками и пословицами, бытующими в русском языке уже независимо от произведения, их породившего. Столь же разработанной и достойной подражания областью языка классической драматургии является и фразеология экспозиций, коротких, выразительных справок о прошлом героя, о лицах и событиях, важных в его жизни, но в пьесу не вошедших. Из нескольких стихов монолога Гофолии мы узнаем о погубленных ею детях и внуках, или из уст Медеи — о прошлом Язона. Мастером таких лаконических справок, пополняющих драматическую характеристику персонажа, был Мольер. Этой системой Грибоедов в комедии своей пользуется виртуозно, создав у читателя и зрителя при помощи нескольких десятков стихов иллюзию полного знакомства со всем главным, что было в жизни Чацкого (вплоть до его дружеских связей), с тем, как воспитывалась София, как жил в своей Твери Молчалин, а кроме того — с целой вереницей персонажей, вовсе не участвующих в пьесе («секретнейший союз» членов Английского клуба, супруг Татьяны Юрьевны и прочие).

Организацией фразеологии и ограничивается классицистическое начало языка «Горя от ума». Общий стилевой замысел не допускал тех ограничений в лексическом отборе, которые характерны для классических жанров (витийственно-героическая лексика трагедии, средний язык высокой комедии и разговорный, но сглаженный — комедии бытовой). Экспериментируя в области перевода классической комедии, Грибоедов, как мы видели, показал небрежение к правилам языкового отбора, соблюдавшимся для комедии высокой. Живая разговорность языка, с применением народных «грубых выражений», уже тогда вызвала недовольство пуристов. В «Горе от ума» задача была труднее. Здесь, при сложном трагедийно-комедийном замысле, явилась необходимость соединить разговорный язык, дворянское просторечие с языком мысли. Рассуждения Чацкого, равно как мечты и изъяснения в любви, выдержаны в пределах живого просторечия. Между тем соединение языка поэзии лирической (элегии, оды) и живого народного языка, применявшегося лишь в «низкой» комедии и басне, является особенностью «Горя от ума».

Похвала языку стала общим местом критической литературы о комедии Грибоедова, и в этом смысле для нас, может быть, наиболее интересны отзывы отрицательные, представлявшие голос «антиподов» Грибоедова. Критики «Вестника Европы» называли язык комедии «наречием, которого не признает ни одна грамматика»,[1] утверждали, что язык комедии жёсток, неровен и неправилен.[2] В отзывах этих характерна настороженность именно к многообразию языка комедии, к тем соединениям, которые именно и выводили комедию Грибоедова из круга традиционных представлений о языке русской стихотворной и прозаической комедии. В языке «Горя от ума» Грибоедов был новатором прежде всего потому, что эпоха, отделявшая «Горе от ума» от «Ябеды» или «Недоросля», не прошла бесследно для жизни языка и, в частности, для дворянского просторечия. Но произошло и другое — изменился характер книжного языка, действовавшего на дворянское просторечие. И в этом смысле сдвиги, проделанные ранними романтиками во главе с Карамзиным, создали в дворянском просторечии новые лексические соотношения, значительно большую легкость, развязность, свободу в выборе слов. Это и дало Грибоедову возможность объединить в своей комедии необъединимое с точки зрения консервативной критики. Общее впечатление языкового многообразия «Горя от ума» создается благо-

---

[1] «Вестник Европы», 1825, № 24, с. 214 (статья А. И. Писарева; подпись: Пилад Белугин).

[2] Там же, № 6, с. 115 (статья М. А. Дмитриева).

даря яркости речевых характеристик, индивидуализации языка персонажей, до Грибоедова применявшейся в русской комедии (например, «Недоросле») не в таких сложных оттенках и соотношениях. В соответствии с основной темой комедии, беспокойно-разнообразной речи размышляющего, влюбленного, сатирического Чацкого противостоит самоуверенно-барский, колоритный язык Фамусова и Хлестовой, уже явно вытесняемый из высшей среды чиновничьи безликим, ровненьким языком Молчалина. Язык Молчалина и Скалозуба в этом отношении являет собой уничижение тех языковых богатств, которые еще во времена Чацкого хранились в барском усадебном быту при непосредственном соприкосновении этого быта с крестьянством, с живым, глубоким источником русского слова. Но этот простонародный язык усадебного быта уже портился под всепроникающим воздействием языка чиновничества и фрунтовой службы. С другой стороны, в дворянское просторечие проникал, изничтожая его живые начала, безликий язык петербургских салонов, которому всячески подражало и светское общество Москвы. Этот язык светских обязательностей, перемежаемый французским (смесь «французского с нижегородским»), Грибоедов показал в сценах съезда гостей у Фамусова, не пожалев здесь сатирической соли.

Вольный стих «Горя от ума» родился, несомненно, вместе с замыслом, так же как вместе с замыслом рождалась строфа «Евгения Онегина» или терцины Данте. Многообразие языка и вольный ямб, варьирующий стиховую строку от шести до одной стопы, — неразрывно связаны с движением темы «Горя от ума». Варианты вольного ямба, испробованные Грибоедовым в различных произведениях, подготовили виртуозную игру на различных оттенках речи в «Горе от ума», от философских тирад до междометий князя Тугоуховского, от мечтательных размышлений до разящих, быстрых эпиграмм. Сопоставления показывают, что вольные ямбы русской драматургии в основе своей традиционны и восходят к комедийной практике французского классического театра.[1] После комедии Мольера «Амфитрион» (1668) во французском классическом репертуаре стали обиходными комедии, написанные вольным стихом, и Грибоедов знал, а может быть и слышал в исполнении французской труппы, последние новинки комедийного классического репертуара.

---

[1] См.: Б. В. Томашевский, Стих «Горя от ума». — «Русские классики и театр», Л.—М., 1947, с. 198—200.

В организации вольного стиха «Горя от ума» Грибоедов руководствовался стремлением к строгой ритмической ясности и четкости в членении стиха-фразы, с быстрыми, легкими переходами из стиха в стих. И в этом отношении виртуозная укладка стиха в «Горе от ума» несомненно ориентировалась на выработанную веками четкую ясность членения стиха и звонкую отчетливость рифмовки во французской классической поэзии. У рифмы в вольном стихе особая конструктивная функция скрепления стиховой речи. Рифма в «Горе от ума» всегда точна и звучна и служит ритмической, музыкальной сфере вольного ямба. Свободную поэтику комедии, выраженную максимально свободным стихом, Грибоедов намеренно лишил всех свойств приблизительности и усложненности. Вольный стих оказался в ясно прочерченных границах, определяемых характерными качествами всех шести его вариантов (от шестистопного до одностопного ямба).

Лишь объединение этих вариантов составило особенность свободной поэтики Грибоедова.

Исследователь стиховой системы «Горя от ума» [1] дает цифровые данные, показывающие соотношение стихов в составе вольного ямба. Преобладающими стихами являются шестистопные (на 2221 стих комедии — 995) и четырехстопные (775). Пятистопные ямбы введены в вольный стих Грибоедова также довольно обильно (369). Трехстопные ямбы находятся в комедии в количестве менее значительном (77). Стихов двухстопных — всего 20, а одностопных — 6. По поводу преобладания шестистопника в русском вольном стихе другой исследователь делает такое обобщение: «Сказывается несомненная генетическая связь вольных ямбов с традиционным александрийским стихом», на схему шестистопника «как на основной грунт... наносятся перемежающиеся ямбические стихи с меньшим числом стоп». [2] Однако в отношении вольного стиха «Горя от ума», который, казалось бы, более всего и должен был иметь следы генетической связи с классическим александрийским, данное обобщение несправедливо. Об этом говорят даже цифры. Своеобразие вольного стиха Грибоедова заключается именно в преображении шестистопного монологического стиха, утвержденного французской поэзией, путем слияния этого стиха с теми, которые и делают его языком живой речи, а не обособленных деклараций. Основой, «грунтом» вольного стиха сле-

---

[1] Б. В. Томашевский, Стих «Горя от ума». — «Русские классики и театр», с. 192—254.

[2] Г. О. Винокур, Вольные ямбы Пушкина. — «Пушкин и его современники», т. XXXVIII—XXXIX, Л., 1930, с. 24.

дует считать не шестистопный, а соединение его с разговорным — четырехстопным (почти равные количества) и «романтическим» пятистопным стихом. Именно эта основа, оживленная еще и трехстопником, который звучит как сломанный пополам шестистопник, и резкими диссонансами разговорных возгласов (двухстопные и одностопные стихи), и соответствует стилю комедии. Ни один из монологов комедии не состоит целиком из шестистопных стихов. Даже в скоплении повествовательно-назидательной (Фамусов) или повествовательно-сатирической и медитативной речи (Чацкий) шестистопный ямб перемежается более коротким и экспрессивным стихом четырехстопным. Тем самым совершенно преображена монологическая, декламационная монотонность александрийского стиха. Ямбы пятистопные, введение которых в комедию само по себе было вольностью (стих, считавшийся романтическим), чуть укорачивая, ослабляя сентенциозность рядом стоящего шестистопника, характерны для той общей модуляции речи, которая соответствует объединению трагического с комическим, содействуя передаче психологических оттенков. На четырехстопном ямбе, с его точным соответствием объему прозаической фразы, держится общий тон живого разговорного языка. Довершающим разговорную натуральность этих основных стиховых соединений является ямб трехстопный. Он производит эффект слома плавной речи и поддерживает экспрессивный тон ее. Белинский писал: «Крылов ... так сказать, приготовил язык и стих для бессмертной комедии Грибоедова».[1] «Приготовил», разумеется, не значит, что Грибоедов мог перенести опыт Крылова в свою комедию. Особые свойства драматургии требовали каких-то иных приемов. Как уже было сказано, со времен Мольера со сцены французского театра не переставал звучать вольный стих. Однако в классической трагедии задача вольного стиха была несложной. Шестистопный стих нес свою многовековую витийственную нагрузку, и экспрессивная речь, передаваемая разностопно, сменяла время от времени речь витийственную, не трогая самой ткани. В комедии Грибоедова нет витийства, а есть экспрессия мысли-наблюдения (у Чацкого) или экспрессия поучительной воркотни (у Фамусова). И в монологах, и в диалогах в равной мере Грибоедов искал полного языкового и стихового соответствия многообразию темы и психологии героев.

Наше искомое, поэтическая природа комедии, «закон», самим Грибоедовым «над собою признанный», имеет не только прямое отношение к сценическому воплощению «Горя от ума», но и к пони-

---

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 10, М., 1956, с. 12. См. также т. 4, с. 151.

манию места комедии в русской поэзии. «Закон», о котором говорил Пушкин, решает и вопрос о традиции в русской драматургии, заложенной комедией Грибоедова.

Итак, основа «закона» поэтики «Горя от ума» определилась при рождении замысла. Это была свобода «поэтического соображения» (Кюхельбекер), ограниченная лишь собственной творческой силой и побуждаемая «высшей смелостью».

Развитие замысла, при котором, по словам самого Грибоедова, якобы исчезло первоначальное его великолепие и «высшее значение», по существу не произвело таких опустошений. Исчезли лишь внешние признаки этого величия, и замысел превратился в «вещь быструю и легкую». Высшая идея при этом отнюдь не потерялась, а лишь углубилась, приобретя облик высшей простоты.

О своей поэтике Грибоедов сказал недвусмысленно и в заметке по поводу «Горя от ума», и в письме к Катенину, в ответ на его замечания, и в характеристике отзыва Крылова, адресованной Вяземскому. Что имел в виду Катенин, осуждая план комедии, ясно, например, из его слов (сказанных не Грибоедову) о том, что Чацкий «уезжает, куда неизвестно».[1] Психологическая ситуация, в зависимости от которой у Грибоедова находится движение от завязки к развязке, не была принята Катениным как возможный стержень развития действия (ответ Грибоедова к этому объяснению и сводился). Тем самым отпадала в понимании Катенина и закономерность связи сцен между собой, которую он находил произвольной (с точки зрения логики развития интриги). Что же, по мнению Катенина, должно было являться основой характеров, которые нашел он «портретными»? Грибоедов ответил: «Антропос собственной фабрики», т. е. воплощение абстрактных черт (порока, страсти). В таком воплощении и состояло, согласно канону французского классицизма, искусство поэта, т. е. его мастерство. Ответ Грибоедова выражает то главное, на чем и основал он свою поэтику. «„Дарования более, нежели искусства“ — самая лестная похвала, которую ты мог мне сказать, не знаю, стою ли я ее». Не искусство «угождать теоретикам... школьным требованиям», а одна только собственная «творческая сила» решает поэтическое создание. Таковы были убеждения Грибоедова.[2] И это провозглашение творческой свободы, единой воли художника (иначе «разбей палитру, и кисть, резец и перо свое брось в окошко»)

---

[1] «Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину», СПб., 1911, с. 77.

[2] О «редкой свободе творческого сознания» и свободной поэтике комедии «Горе от ума» см. у В. Н. Орлова в его предисловиях к изданиям Грибоедова (см., например: А. С. Грибоедов, Соч., М.—Л., 1959, с. XVI).

сняло дальнейшие объяснения с Катениным, но не убедило Катенина, не дало ему ключа к иному раскрытию пьесы Грибоедова. В своих письмах к Бахтину он продолжал судить комедию все так же, утверждая, что план «далеко от хорошего», что характер Чацкого «сбивчив и сбит», что «эта фантасмагория не театральна» и что даже вольный стих, хотя и «легкий и разговорный, лучше был бы заменен александрийским».[1] Суд Катенина явно поразил Грибоедова. Но мнение Катенина, так или иначе, подтвердилось критикой различных направлений. Приблизительно так же судили комедию и классики, и романтики. Произошло то, что бывает, когда новое явление искусства опережает эпоху, не соответствуя выработавшимся нормам различных школ. Еще нет эстетического эталона для понимания этого нового искусства, а оно уже — вот оно.

Литераторы, связанные с драматическим искусством, ищущие нового, недоумевали по поводу пьесы, так явно, казалось бы, прилежавшей к традиционному комедийному жанру и вместе с тем являвшей все признаки слома, пренебрежения к традиции. Даже Пушкин поначалу судил эти сломы с той же точки зрения, как Катенин, хотя и восхищался комедией. Но он же и был первым, кто догадался о главном, о другом законе, исходя из которого следует понимать пьесу Грибоедова. Разумеется, и Катенин, и другие критики комедии зачисляли ее в романтические. Однако в контексте упреков, связанных со структурой комедии, это причисление Грибоедова к романтикам значило не более как обвинение в романтических небрежностях, некстати примененных в жанре классическом. Отзывы эти имели основание в кажущейся двойственности поэтики «Горя от ума». В ответе Катенину Грибоедов говорит о «хитростях ремесла», называя их трудными мелочами (nugae difficiles[2]), имея в виду некоторые приемы классической драматургии, им примененные как бы вопреки внутреннему убеждению («лучше без хитростей!»). Здесь речь шла о том же самом, о чем хотел, видимо, сказать Грибоедов и читателю в своей заметке по поводу «Горя от ума». «Хитрости ремесла», или «суетный наряд», в который облекся замысел, нужны были как сценические приемы. И вот Грибоедов ввел свою «драматическую картину» в рубрику комедий, дал ей заглавие в духе морализаторских названий традиционной комедии; действующим — имена-характеристики; действию, времени и месту — един-

---

[1] «Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину», СПб., 1911, с. 76, 74, 78, 77.

[2] Трудные пустяки (лат.). Цитата из эпиграммы Марциала (кн. 2, № 86); правильно: difficiles nugae.

ство; интриге — общую схему и выпустил своего «меланхолического» и «трепещущего от негодования» (Герцен) Чацкого со всеми мучащими его противоречиями в роли комедийного любовника. Изложенное показывает, в какой мере весь этот «суетный наряд» оказался преображенным под пером Грибоедова в реальную жизнь, потеряв свое качество «хитростей ремесла», обратясь в самое искусство. Однако, как показала история русского театра, понадобилось время, которое заполнилось теми произведениями поэзии, которых родоначальником был Грибоедов, чтобы можно было удивляться прежним недоумениям. Так и бывает с искусством, опережающим свою эпоху.

Пожалуй, самое любопытное, что сказал Грибоедов о стиле своей комедии, связано с чтением ее Крылову. Грибоедов пишет Вяземскому: «Крылов (с которым я много беседовал и читал ему) ... похваливал и вряд ли что понял» (т. е. не понял эстетики Грибоедова), чему доказательство Грибоедов видит в суждениях Крылова о том, что «поэзия должна иметь бют,[1] что к голове прекрасной женщины не можно приставить птичьего туловища и пр.». «Нет! можно», восклицает Грибоедов, «из этого может выдти прекрасная, идеальная природа, гораздо выше нами видимой... слыхали ли Вы об грифоне индо-бастрианского происхождения, посмотрите на него в обломках Персеполя, в поэме Фердусия — А!»[2] Суть замечания Крылова недвусмысленна. Он уже цитировал когда-то в своем журнале послание Горация к Пизонам (слова о плохих стихотворцах), в связи с драмами Лессинга и Шиллера. Тогда, в 1793 году, в журнале Крылова писалось о «сих удивительных пьесах», что они «суть ни трагедии, ни комедии», что в них «смешан плач со смехом без всякой нужды», что «эпизоды затмевают самое действие... действующие лица карикатурные».[3]

Ответ Грибоедова о соединении разных стилей — знаменателен. Да, комедия его в своем составе имеет некий синтез двух начал, но значит ли это, что не получилось «идеальной природы», цельности нового создания? Замысел в духе высоких романтических дерзаний, пройдя через горнило наблюдений живой действительности, отлился в форму ясной, классической четкости и в результате дал произведение совершенно нового стиля. Так закончилась схватка романтика с ограничениями рационалистического классицизма и со «слабостями» стиля романтического. Исследователь русской лирики пишет:

---

[1] Цель (франц. but).

[2] Письмо П. А. Вяземскому от 21 июня 1824 года.

[3] «С.-Петербургский Меркурий», 1793, т. 1, с. 67. Цитата из примечаний Клушина, соредактора Крылова, его единомышленника.

«Пушкин любил пробовать себя в схватке с ограничениями».[1] Как мы видели у Грибоедова, борьба с ограничениями классицизма превращалась в своеобразное преображение их на пользу новому стилю, который условно может быть назван реалистическим. Тем самым элементы классицизма, участвуя в создании нового стиля, одолевали и слабости романтизма (именно с этой точки зрения следует смотреть на отказ Грибоедова от первоначальной идеи «сценической поэмы»). Это своеобразное приятие-одоление классических основ восходит к свойствам дарования Грибоедова, устремленного к «гармонической точности»[2] и определяемого этими качествами так же, как дарование Пушкина (недаром Пушкин был так восхищен стихом и языком «Горя от ума»). Эти качества поэтического дара, в большей мере, чем теоретические посылки и внешняя необходимость, привели Грибоедова в «Горе от ума» к гармонии и точности, классицизмом утвержденным.

Еще не закончив «Горя от ума», Грибоедов работал над замыслом поэм, или одной поэмы, вероятно именно той, о которой говорит Кюхельбекер, поэмы «„Путник“ или „Странник“, вроде Чайльд-Гарольда (но без надменности и мизантропии Байрона)».[3] Сказанное Кюхельбекером в скобках — значительно. Романтическая поэма, лишенная эгоцентризма, повернутая к человеку и его бытию, обещала ту же, условно говоря, реалистическую поэтику, по закону которой была создана и драма «Горе от ума». Характеры, социальный и национальный тип, мышление героев этих поэм, события исторические вырисовываются даже в набросках. Тот же свободный поэтический закон, которым определилось и главное создание Грибоедова, применен был им и в последующих драматических замыслах. Он явственно виден в отрывках и планах исторических трагедий Грибоедова. Причем одна из них, трагедия о 1812 годе, наиболее выражает его. «В данном случае, — пишет В. Н. Орлов, — особенно явно сказались замечательная *свобода творческой мысли* Грибоедова и сме-

---

[1] Л. Я. Гинзбург, О лирике, М.—Л., 1964, с. 23.

[2] Это пушкинское обозначение школы, «основанной Жуковским и Батюшковым» («Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой»), вполне закономерно принято исследователем русской поэзии Л. Я. Гинзбург более широко, применительно к поэзии самого Пушкина, как свойство ее, связанное с классицизмом. Применение этого пушкинского термина кажется уместным и в отношении Грибоедова, при условии, что он применен лишь для обозначения свойства дарования Грибоедова, в конечном счете сыгравшего организующую роль в сложной поэтике «Горя от ума».

[3] В. К. Кюхельбекер, стих. «Памяти Грибоедова» (примечание).

лость ее выражения. Здесь Грибоедов самым решительным образом ломал все стеснительные «правила», предписанные старой драматургической теорией».[1] Замысел Грибоедова стоит в ряду аналогичных замыслов (тоже неосуществленных) Рылеева и других декабристов, но выделяется из этого ряда подлинным историзмом, стремлением к глубокому охвату темы судеб русского народа, темы, которая только в 1830-х годах встала кардинально, явившись в творчестве Пушкина и Лермонтова, в письме Чаадаева, у Герцена и т. д. Очевидна внутренняя смысловая связь плана трагедии о 1812 годе с комедией «Горе от ума», в то время как стиховой отрывок пьесы свидетельствует о новизне ритмического строя (белый стих с характерным для автора «Горя от ума» виртуозным разговорным членением). «Грифон» Грибоедова, его полукомедия «Горе от ума» оказалась открытием, во многом предопределившим дальнейшие пути русской драматургии, во всяком случае в области особого вида ее — психологической драмы. Грибоедов именовал свою пьесу «драматической картиной». В слове «картина», может быть, сказалась и некая уступка критике. Но он по существу не отменял термина «комедия». Он вкладывал в этот жанр новое содержание, снимая точность жанровой классификации. И характерно, что Пушкин, работая в 1830-х годах над своими «маленькими трагедиями», уже вовсе не традиционными по форме, точно так же относился к понятию трагедии (называя пьесы свои «драматическими сценами» и даже «драматическими очерками», но отнюдь не отменяя термина «трагедия»).

Кюхельбекер писал: «Дан Чацкий, даны прочие характеры, они сведены вместе, и показано, какова непременно должна быть встреча этих антиподов, — и только. Это очень просто, но в сей-то именно простоте — новость, смелость, величие того поэтического соображения, которого не поняли ни противники Грибоедова, ни его неловкие защитники».[2] Противоположность характеров явилась основным стержнем пьесы, ее основой, на которой и строится развитие психологической ситуации главного героя. Стремление к истине является движущей поступки Чацкого страстью. Антитезой этой страсти является молчалинство, подчинение господствующему мнению, и заглавие «Горе уму» или «Горе от ума» формирует трагическую суть пьесы, являясь морализующим афоризмом лишь по своей форме («хитрость ремесла»).

Закон поэтики «Горя от ума», несомненно, был творчески (это и

---

[1] Вл. Орлов, Грибоедов. Очерк жизни и творчества, М., 1954, с. 224. Подчеркнуто мною. — *И. М.*

[2] «Дневник В. К. Кюхельбекера», Л.—М., 1929, с. 92.

важно) разгадан Пушкиным. Цикл «маленьких трагедий» является закономерным продолжением того, что уже было заложено грибоедовской комедией. Пьесы Пушкина, так же как «Горе от ума», построены не на сюжете, не на развитии интриги, а на трагическом противоборстве характеров-страстей. И Пушкин, так же как Грибоедов, в замысле своем не мог не прийти к пересмотру и новому, творческому освоению наследия французского классицизма Расина с его психологизацией страстей человеческих и лирическим лаконизмом, доведенным до совершенства в его трагедиях. (У Пушкина были свои счеты с Расином, Корнелем и Мольером, и еще в середине 1820-х годов он стоял в отношении классицистов XVII века на тех же романтических позициях, какие были характерны и для Грибоедова середины 1810-х годов.)

Если рассматривать связь «Горя от ума» лишь с произведениями стихотворной драматургии, то здесь должен быть назван «Маскарад» Лермонтова, пьеса, в которой можно видеть влияние Грибоедова не только в «резкой картине на современные нравы»,[1] но в самой поэтике этого произведения. Но и в русской драматургии второй половины XIX — начала XX века, в стихотворной и прозаической, нетрудно проследить развитие элементов, заложенных комедией «Горе от ума». Они приметны и в пьесах Чехова, в особой простоте и свободе построения, в открытости пьесы (тема не решена, но поставлена).

Новизна «поэтического соображения» комедии «Горе от ума» состояла в преодолении жанровой ограниченности не только в драматургии, но также и общепоэтической. Комедия Грибоедова дала цельный образ трагического сознания героя при комедийной и сатирической ситуации. Для выражения этого удивительного по тому времени соединения Грибоедов открыл (это было подлинное открытие) шлюз такой языковой стихии, которая навсегда затем наполнила русскую литературу, определив дальнейшие открытия Пушкина, Гоголя, Толстого и Достоевского. Недаром Кюхельбекер писал: «Впоследствии Пушкин очень хорошо понял тайну языка Грибоедова и ею воспользовался».[2]

Комедия «Горе от ума» сделала свое дело «разрушения былого», взывая неотступно к поиску справедливости и добра, к внутренним и внешним победам Чацких над Молчалиными (молчалинством), что

---

[1] Исследователь «Маскарада» И. Л. Андроников пишет о продолжении традиции «Горя от ума» и приводит данную цитату из воспоминаний о Лермонтове А. Муравьева: См.: М. Лермонтов, Полн. собр. соч., т. 3, М., 1953, с. 427.

[2] «Дневник В. К. Кюхельбекера», с. 93.

и определило для комедии ее непреходящую ценность, жизнь на сцене.

Обогатив наши представления об эпохе декабристов, комедия дала нам живой отпечаток «фамусовской Москвы», но не этот отпечаток является главным в создании Грибоедова, а удивительная и беспримерная жизнь Чацкого за пределами финальной сцены, что и сохраняет и усиливает внимание к самой пьесе, к ее интерпретации на сцене.

Достоевский говорил о беспрерывной повторяемости типа Чацкого в нашей литературе.[1] Тип русского искателя истины, свободолюбца из интеллектуального слоя дворянства, уже в 1830-х годах отчасти изменился, утратив прекраснодушие и ясность идеалов. Декабрьские события, так или иначе, выбили Чацких из жизни, они пострадали или оказались как бы раздавленными силой «антиподов». Тем не менее тип сохранился. Это был все тот же беспокойный, ищущий ум, нарушавший общественное «благополучие», и хотя герой нового времени не был «способен более... к великим жертвам... для блага человечества...»,[2] однако уже самим своим существованием этот раздраженно-саркастический умник продолжал вызывать ненависть все у тех же «антиподов» Чацкого. Беспокойным героем 1830-х годов был Печорин, а вслед за ним вскоре явился и Бельтов.

Гоголь в своем Тентетникове тоже дал тип юноши-умника. Он наделил его некоторыми чертами Чацкого, но затем окарикатурил, показав предельно ослабшим, потерявшим волю и всякую надежду. Почти одновременно с Гоголем вывел на свет своего Чацкого и Тургенев (Рудин). Продолжение типа Чацкого, явившееся в начале 1870-х годов в романах Достоевского, по существу прилежит к идее Лермонтова (хотя отчасти и Гоголя). Ставрогин и Версилов концентрируют злое начало Печорина, превращают озлобленное раздражение его уже в некую психологическую растленность. Однако тот и другой несут и подлинные, а в конечном счете прогрессивные черты взыскующей и непокорившейся личности. Ни тому ни другому из Чацких Достоевского не грозила судьба, которой та́к боялся реальный беглец из России В. С. Печерин, — сделаться «подлейшим верноподданным чиновником».[3] Нет, и Версилов и Ставрогин — это «беспорядок, вериги, идеи, глупости» и органическая, почти звери-

---

[1] Ф. М. Достоевский, Полн. собр. худ. произведений, т. 13, М.—Л., 1930, с. 577.

[2] Там же, т. 8, М.—Л., 1927, с. 434.

[3] В. С. Печерин, Замогильные записки, М., 1932, с. 115.

ная ненависть к высшему обществу, «свету», с которым они неизбывно дворянством своим связаны, но которому столь же ненавистны, как в свое время Чацкий.

Достоевский не скрыл связи своих трагических героев с их прототипом Чацким. В «Подростке» он даже счел нужным и прямо это сказать в объяснении Аркадия с отцом своим, обожаемым и в то же время ненавистным ему Версиловым. Аркадий рассказывает Версилову о том, как в первый раз и навсегда поразил тот его сердце, репетируя роль Чацкого для любительского спектакля: «Я стоял, смотрел на вас и вдруг прокричал: «Ах, как хорошо, настоящий Чацкий!»... Я с замиранием следил за комедией, в ней я, конечно, понимал только то, что ... над ним смеются глупые и недостойные пальца на ноге его люди... что он унижен и оскорблен, что он укоряет всех этих жалких людей, но что он — велик, велик!»[1] Версилов и сам Чацкого в себе не отрицал, вспоминая «эти тогдашние несколько дней в Москве», время, когда «все с таким жаром ждали... кипели ревностью делать добро, служить гражданским целям, высшей идее, осуждали чины, родовые права наши...»[2] Что касается «Бесов», то здесь Достоевский хотел было, так же как в «Подростке», прямо упомянуть о Чацком. В первой редакции Шатов, единственный положительный герой (хотя и «одно из тех идеальных русских существ, которых... сильная идея... разом точно придавит... собою»[3]), говорил о Чацком уничижительно, выразил даже сомнение в уме его. Но затем Достоевский убрал этот приговор раздраженного Шатова, вероятно по той причине, что была в этом приговоре озлобленность и несправедливость, несвойственные Шатову. Ведь пробудил в Шатове все лучшее, подвигнув к высокому, все тот же Чацкий в лице Ставрогина. Столкновение Ставрогина с обществом Достоевский дал как современный вариант «восстания» Чацкого, не забыв и о том, что путешествовать Ставрогину перед появлением своим в обществе надлежало именно «три года». Непонимание в обществе Ставрогина было все тем же (до того, что и Ставрогин был объявлен сумасшедшим), но все усложнилось и углубилось. Взаимное отчуждение усложнилось и трагическим скепсисом нового Чацкого, и умудренностью «фамусовского» общества, впавшего в репетиловщину и даже изредка готового питать к своему Чацкому «любовь какую-то и страсть», «влеченье, род недуга...» Между тем это вос-

---

[1] Ф. М. Достоевский, Полн. собр. худ. произведений, т. 8, М.—Л., 1927, с. 96, 97.

[2] Там же, с. 96 и 108—109.

[3] Там же, т. 7, М.—Л., 1927, с. 26.

торженное непонимание оказывалось страшнее откровенного гонения. С обществом у Ставрогина (так же, как у Версилова) разрыв окончательный, необратимый. Но и с самим собой.

В сатире Салтыкова-Щедрина «В среде умеренности и аккуратности (Господа Молчалины)» тип Чацкого поставлен в должное для широких мировоззренческих обобщений соответствие с типом Молчалина, уже решительно обосновавшегося на общественном поприще. О Чацком, за пределами финальной сцены «Горя от ума», Щедрин говорил так: «Он, после того как из Москвы-то уехал, в историю попал, в узах года с полтора высидел, а как выпустили его потом на все четыре стороны... надумал: просвещать посредством умопомрачений. Сперва помрачить, а потом просветить».[1] Молчалин же, антипод Чацкого (именно он, а не Фамусов с Хлестовой и княгиней Марьей Алексеевной), теперь переменил свою тактику в отношении Чацкого на покровительственную (здесь-то и явилась возможность следить и держать в руках). Именно Молчалин и содействует «департаменту Государственных Умопомрачений», директором которого становится Чацкий.

Можно предполагать, что Салтыков-Щедрин придумал этот «департамент умопомрачений» уже после чтения «Бесов» (1871—1872), угадав в Ставрогине продолжение типа Чацкого. Тогда, помимо общего, символического значения, которое имели в его сатирах российские департаменты, данный мог быть связан с «умопомрачением» и фантастическими замыслами героя Достоевского.

Может быть, потому, что Щедрин понял Достоевского и как бы продолжил, обобщил в своей сатире (хотя и в другом аспекте) его же мысли, Достоевский, прочитав очерк Щедрина, воскликнул: «Я, чуть не сорок лет знающий «Горе от ума», только в этом году понял как следует... Молчалина».[2]

В вопросе о Чацком и Молчалине между Достоевским и Щедриным оказалась некая взаимность, знаменательная для истории русской общественной мысли, взаимность при расхождении политической оценки явлений русской реальности. Щедрин создал свою сатиру на подхвате мыслей Достоевского. Еще в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) Достоевский писал о Чацком, что он вынужден был бежать за границу, чтобы «не отправиться на восток». Между тем как Молчалин не только «остался дома», но «посвятил

---

[1] М. Е. Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. 12, М., 1938, с. 311.

[2] Ф. М. Достоевский, Полн. собр. худ. произведений, т. 11, М.—Л., 1929, с. 422—423.

себя отечеству, так сказать родине... Теперь до него и рукой не достанешь... «Он знает Русь, и Русь его знает»... Он даже и не молчит теперь, напротив, только он и говорит...».[1] О Молчалине все это Щедрин и развил в своей сатире, что же касается Чацкого, то сам Достоевский от идеи бегства его за границу уже в 1870-х годах отказался, определив сегодняшнего Чацкого мечущимся и непременно бегущим из этой заграницы обратно на родину, потому что никуда (даже в мрачное ущелье кантона Ури) убежать он от своих мыслей и прогнозов не мог, любя Россию какой-то горячечной любовью-ненавистью. К тому же новый Чацкий был на приколе у своей идеи об особой миссии русского народа, «умопомраченно» толкуя ее Петру Верховенскому, Кириллову и Шатову.

Совершенно особым явилось «продолжение» Чацкого у Льва Толстого. Тут Чацкий оказался все же удержавшимся на своих социальных корнях (Пьер Безухов и Андрей Болконский, позднее — Левин). Только в «Воскресении» (1895) Толстой берет тип интеллектуального дворянина уже теряющим корни, оказавшимся в полном одиночестве (Нехлюдов).

Дальнейшая жизнь типа Чацкого и антитезы Чацкий — Молчалин в литературе русской намечены не столь явственно, хотя Гончаров, несомненно, был прав, утверждая, что «литература не выбьется из магического круга, начертанного Грибоедовым».[2] «Продолжение» типа Чацкого, трансформированного во времени и уже отчасти с изменением социальной его сути, является у Чехова, Бунина, у символистов, занимает взыскующую мысль Блока. Чацкий как литературный тип и как личность реальная (недаром Гончаров примеривал ее к Белинскому и Герцену), неразрывно связанная с русской общественной мыслью, — сливаются во времени. И мы, наблюдая развитие типа Чацкого, возвращаемся неизменно к первоисточнику — Чацкому Грибоедова, противопоставленному Молчалину как сила движущая и «победительная» в конечном счете.

И. Медведева

---

[1] Ф. М. Достоевский, Полн. собр. худ. произведений, т. 4, М.—Л., 1926, с. 68.

[2] И. А. Гончаров. «Мильон терзаний». — Собр. соч., т. 8, М., 1955, с. 32.

1. ГОРЕ ОТ УМА

Комедия в четырех действиях, в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Павел Афанасьевич Фамусов, управляющий в казенном месте.

София Павловна, дочь его.

Лизанька, служанка.

Алексей Степанович Молчалин, секретарь Фамусова, живущий у него в доме.

Александр Андреевич Чацкий.

Полковник Скалозуб, Сергей Сергеевич.

Наталья Дмитриевна, молодая дама } Горичи.
Платон Михайлович, муж ее }

Князь Тугоуховский и

Княгиня, жена его, с шестью дочерями.

Графиня бабушка } Хрюмины.
Графиня внучка }

Антон Антонович Загорецкий.

Старуха Хлёстова, свояченица Фамусова.

Г. N.*

Г. D.*

Репетилов.

Петрушка и несколько говорящих слуг.

Множество гостей всякого разбора и их лакеев при разъезде. Официанты Фамусова.

Действие в Москве, в доме Фамусова.

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ 1

Гостиная, в ней большие часы, справа дверь в спальню Софии, откудова слышно фортопияно с флейтою, которые потом умолкают. Лизанька середи комнаты спит, свесившись с кресел. Утро, чуть день брезжится.

Лизанька

(вдруг просыпается, встает с кресел, оглядывается)

Светает! .. Ах! как скоро ночь минула!
Вчера просилась спать — отказ.
«Ждем друга», — нужен глаз да глаз,
Не спи, покудова не скатишься со стула.
Теперь вот только что вздремнула,
Уж день! .. Сказать им...
(Стучится к Софии.)
Господа,
Эй, Софья Павловна, беда.
Зашла беседа ваша за ночь;
Вы глухи? — Алексей Степаноч,
Сударыня! .. — И страх их не берет!
(Отходит от дверей.)
Ну, гость неприглашенный,
Быть может батюшка войдет!
Прошу служить у барышне влюбленной!
(Опять к дверям)
Да расходитесь. Утро. — Что-с?

(Голос Софии)

Который час?

Лизанька

Всё в доме поднялось.

София

(из своей комнаты)

Который час?

Лизанька

Седьмый, осьмый, девятый.

София

(оттуда же)

Неправда.

Лизанька

(прочь от дверей)

Ах! амур проклятый!
И слышат, не хотят понять,
Ну что́ бы ставни им отнять?
Переведу часы, хоть знаю: будет гонка,
Заставлю их играть.

(Лезет на стул, передвигает стрелку, часы бьют и играют.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Лиза и Фамусов.

Лиза

Ах! барин!

Фамусов

Барин, да.

(Останавливает часовую музыку.)

Ведь экая шалунья ты девчонка.
Не мог придумать я, что это за беда!
То флейта слышится, то будто фортопьяно;
Для Софьи слишком было б рано??

Лиза

Нет, сударь, я... лишь невзначай...

Фамусов

Вот то-то невзначай, за вами примечай;
Так верно с умыслом.

(Жмется к ней и заигрывает.)

Ох! зельи, баловницы.

Лиза

Вы баловник, к лицу ль вам эти лицы!

Фамусов

Скромна, а ничего кромé
Проказ и ветру на уме.

Лиза

Пустите, ветренники сами,
Опомнитесь, вы старики...

Фамусов

Почти.

Лиза

Ну, кто придет, куда мы с вами?

Фамусов

Кому сюда придти?
Ведь Софья спит?

Лиза

Сейчас започивала.

Фамусов

Сейчас! А ночь?

Лиза

Ночь целую читала.

Фамусов

Вишь, прихоти какие завелись!

Лиза

Всё по-французски, вслух, читает запершись.

Фамусов

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится,
И в чтеньи прок-та не велик:
Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится.

Лиза

Что встанет, доложусь,
Извольте же идти, разбудите, боюсь.

Фамусов

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь квартал симфонию гремишь.

Лиза

(как можно громче)

Да полноте-с!

Фамусов

(зажимает ей рот)

Помилуй, как кричишь.
С ума ты сходишь.

Лиза

Боюсь, что бы не вышло из того — — — — —

Фамусов

Чего?

Лиза

Пора, суда́рь, вам знать, вы не ребенок,
У девушек сон утренний так тонок,
Чуть дверью скрыпнешь, чуть шепнешь:
Всё слышат...

Фамусов

Всё ты лжешь.

(Голос Софии)

Эй, Лиза!

Фамусов

(торопливо)

Тс!

(Крадется вон из комнаты на цыпочках.)

Лиза

(одна)

Ушел — — — Ах! от господ подалей;
У них беды себе на всякий час готовь,
Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.

ЯВЛЕНИЕ 8

Лиза, София со свечкой, за ней Молчалин.

София

Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь...

Лиза

Конечно вам расстаться тяжело?
До света запершись, и кажется всё мало?

София

Ах, в самом деле рассвело!

(Тушит свечу.)

И свет и грусть. Как быстры ночи!

Лиза

Тужите знай, со стороны нет мочи,
Сюда ваш батюшка зашел, я обмерла;
Вертелась перед ним, не помню, что врала;
Ну что же стали вы? поклон, суда́рь, отвесьте.
Подите, сердце не на месте;
Смотрите на часы, взгляните-ка в окно:

Валит народ по улицам давно;
А в доме стук, ходьба, метут и убирают.

С о ф и я

Счастливые часов не наблюдают.

Л и з а

Не наблюдайте, ваша власть,
А что в ответ за вас, конечно, мне попасть.

С о ф и я

(Молчалину)

Идите, целый день еще потерпим скуку.

Л и з а

Бог с вами-с! прочь возьмите руку.

(Разводит их, Молчалин в дверях сталкивается с Фамусовым.)

ЯВЛЕНИЕ 4

С о ф и я, Л и з а, М о л ч а л и н, Ф а м у с о в.

Ф а м у с о в

Что за оказия! Молчалин, ты, брат?

М о л ч а л и н

Я-с.

Ф а м у с о в

Зачем же здесь? и в этот час?
И Софья!.. Здравствуй, Софья, что ты
Так рано поднялась! а? для какой заботы?
И как вас бог не в пору вместе свел?

С о ф и я

Он только что теперь вошел.

М о л ч а л и н

Сейчас с прогулки.

Фамусов

Друг, нельзя ли для прогулок
Подальше выбрать закоулок?
А ты, сударыня, чуть из постели прыг,
С мужчиной! с молодым! — Занятье для девицы!
Всю ночь читает небылицы,
И вот плоды от этих книг!
А всё Кузнецкий мост, и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас творец
От шляпок их, чепцов, и шпилек, и булавок.
И книжных и бисквитных лавок! —

София

Позвольте, батюшка, кружится голова,
Я от испуги дух перевожу едва;
Изволили вбежать вы так проворно,
Смешалась я. —

Фамусов

Благодарю покорно,
Я скоро к ним вбежал!
Я помешал! я испужал!
Я, Софья Павловна, расстроен сам, день целый
Нет отдыха, мечусь как словно угорелый.
По должности, по службе хлопотня,
Тот пристает, другий, всем дело до меня!
Но ждал ли новых я хлопот? чтоб был обманут...

София

(сквозь слезы)

Кем, батюшка?

Фамусов

Вот попрекать мне станут,
Что без толку всегда журю.
Не плачь, я дело говорю:
Уж об твоем ли не радели
Об воспитаньи! с колыбели!
Мать умерла: умел я принанять
В мадам Розье вторую мать.

Старушку золото в надзор к тебе приставил:
Умна была, нрав тихий, редких правил.
Одно не к чести служит ей:
За лишних в год пятьсот рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не в мадаме сила.
Не надобно иного образца,
Когда в глазах пример отца.
Смотри ты на меня: не хвастаю сложеньем,
Однако бодр и свеж, и дожил до седин,
Свободен, вдов, себе я господин —
Монашеским известен поведеньем!..

Лиза

Осмелюсь я, суда́рь...

Фамусов

Молчать!
Ужасный век! Не знаешь, что начать!
Все умудрились не по ле́там,
А пуще дочери, да сами добряки,
Дались нам эти языки,
Берем же побродяг и в дом и по билетам,
Чтоб наших дочерей всему учить, всему,
И танцам, и пенью́, и нежностям, и вздохам,
Как будто в жены их готовим скоморохам.
Ты, посетитель, что? ты здесь, суда́рь, к чему?
Безродного пригрел и ввел в мое семейство,
Дал чин асессора и взял в секретари,
В Москву переведен через мое содейство,
И будь не я, коптел бы ты в Твери.

София

Я гнева вашего никак не растолкую.
Он в доме здесь живет, великая напасть:
Шел в комнату, попал в другую.

Фамусов

Попал или хотел попасть?
Да вместе вы зачем? Нельзя, чтобы случайно.

София

Вот в чем, однако, случай весь.
Как давиче вы с Лизой были здесь,

Перепугал меня ваш голос чрезвычайно,
И бросилась сюда я со всех ног — — — —

Фамусов

Пожалуй, на меня всю суматоху сложит.
Не в пору голос мой наделал им тревог! —

София

По смутном сне безделица тревожит;
Сказать вам сон: поймете вы тогда.

Фамусов

Что за история?

София

Вам рассказать?

Фамусов

Ну да.

(Садится.)

София

Позвольте... видите ль... сначала
Цветистый луг; и я искала
Траву
Какую-то, не вспомню наяву.
Вдруг милый человек, один из тех, кого мы
Увидим — будто век знакомы,
Явился тут со мной; и вкрадчив, и умен,
Но робок... Знаете, кто в бедности рожден...

Фамусов

Ах! матушка, не довершай удара!
Кто беден, тот тебе не пара.

София

Потом пропало всё: луга и небеса. —
Мы в темной комнате. Для довершенья чуда
Раскрылся пол — и вы оттуда
Бледны, как смерть, и дыбом волоса!
Тут с громом распахнули двери
Какие-то не люди и не звери,

Нас врознь — и мучили сидевшего со мной.
Он будто мне дороже всех сокровищ,
Хочу к нему — вы тащите с собой:
Нас провожают стон, рев, хохот, свист чудовищ!
Он вслед кричит! .. —
Проснулась. — Кто-то говорит, —
Ваш голос был; что́, думаю, так рано?
Бегу сюда, и вас обоих нахожу.

Фамусов

Да, дурен сон; как погляжу,
Тут всё есть, коли нет обмана:
И черти, и любовь, и страхи, и цветы.
Ну, сударь мой, а ты?

Молчалин

Я слышал голос ваш.

Фамусов

Забавно!
Дался́ им голос мой, и как себе исправно
Всем слышится, и всех сзывает до зари!
На голос мой спешил, зачем же? — говори.

Молчалин

С бумагами-с.

Фамусов

Да, их недоставало.
Помилуйте, что это вдруг припало
Усердье к письменным делам!

(Встает.)

Ну, Сонюшка, тебе покой я дам:
Бывают странны сны, а наяву страннее,
Искала ты себе травы,
На друга набрела скорее.
Повыкинь вздор из головы,
Где чудеса, там мало складу. —
Поди-ка, ляг, усни опять.

(Молчалину)

Идем бумаги разбирать.

Молчалин

Я только нес их для докладу,
Что в ход нельзя пустить без справок, без иных,
Противуречья есть, и многое не дельно.

Фамусов

Боюсь, суда́рь, я одного смертельно,
Чтоб множество не накоплялось их.
Дай волю вам, оно бы и засело;
А у меня что дело, что не дело,
Обычай мой такой:
Подписано, так с плеч долой.

(Уходит с Молчалиным, в дверях пропускает его вперед.)

ЯВЛЕНИЕ 5

София, Лиза.

Лиза

Ну вот у праздника! ну вот вам и потеха!
Однако нет, теперь уж не до смеха;
В глазах темно, и замерла душа;
Грех не беда, молва не хороша.

София

Что мне молва? Кто хочет, так и судит,
Да батюшка задуматься принудит:
Брюзглив, неугомонен, скор,
Таков всегда, а с этих пор...
Ты можешь посудить...

Лиза

Сужу-с не по рассказам;
Запрет он вас; добро еще со мной;
А то, помилуй бог, как разом
Меня, Молчалина и всех с двора долой.

София

Подумаешь, как счастье своенравно!
Бывает хуже, с рук сойдет;
Когда ж печальное ничто на ум нейдет,

Забылись музыкой, и время шло так плавно;
Судьба нас будто берегла;
Ни беспокойства, ни сомненья...
А горе ждет из-за угла.

Лиза

Вот то-то-с, моего вы глупого сужденья
Не жалуете никогда:
Ан вот беда.
На что вам лучшего пророка?
Твердила я: в любви не будет в этой прока
Ни вó веки веков.
Как все московские, ваш батюшка таков:
Желал бы зятя он с звездами да с чинами,
А при звездах не все богаты, между нами;
Ну, разумеется, к тому б
И деньги, чтоб пожить, чтоб мог давать он бáлы;
Вот, например, полковник Скалозуб:
И золотой мешок, и метит в генералы.

София

Куда как мил! и весело мне страх
Выслушивать о фрунте и рядах;
Он слова умного не выговорил сроду, —
Мне всё равно что за него, что в воду.

Лиза

Да-с, так сказать речист, а больно не хитер;
Но будь военный, будь он статский,
Кто так чувствителен, и весел, и остер,
Как Александр Андреич Чацкий!
Не для того, чтоб вас смутить;
Давно прошло, не воротить,
А помнится...

София

Что помнится? Он славно
Пересмеять умеет всех;
Болтает, шутит, мне забавно;
Делить со всяким можно смех.

Лиза

И только? будто бы? — Слезами обливался,
Я помню, бедный он, как с вами расставался. —

Что, сударь, плачете? живите-ка смеясь —
А он в ответ: «Недаром, Лиза, плачу, —
Кому известно, что́ найду я, воротясь?
И сколько, может быть, утрачу!» —
Бедняжка будто знал, что года через три...

София

Послушай, вольности ты лишней не бери.
Я очень ветрено, быть может, поступила,
И знаю, и винюсь; но где же изменила?
Кому? чтоб укорять неверностью могли.
Да, с Чацким правда мы воспитаны, росли;
Привычка вместе быть день каждый неразлучно
Связала детскою нас дружбой; но потом
Он съехал, уж у нас ему казалось скучно,
И редко посещал наш дом;
Потом опять прикинулся влюбленным,
Взыскательным и огорченным!!.
Остер, умен, красноречив,
В друзьях особенно счастлив.
Вот об себе задумал он высоко — — — — —
Охота странствовать напала на него,
Ах! если любит кто кого,
Зачем ума искать и ездить так далёко?

Лиза

Где носится? в каких краях?
Лечился, говорят, на кислых он водах,
Не от болезни чай, от скуки, — повольнее.

София

И верно, счастлив там, где люди посмешнее.
Кого люблю я — не таков:
Молчалин за других себя забыть готов,
Враг дерзости, — всегда застенчиво, несмело,
Ночь целую с кем можно так провесть?
Сидим, а на дворе давно уж побелело,
Как думаешь? чем заняты?

Лиза

Бог весть,
Сударыня, мое ли это дело?

София

Возьмет он руку, к сердцу жмет,
Из глубины души вздохнет,
Ни слова вольного, и так вся ночь проходит,
Рука с рукой, и глаз с меня не сводит. —
Смеешься! можно ли! чем повод подала
Тебе я к хохоту такому?

Лиза

Мне-с ваша тетушка на ум теперь пришла,
Как молодой француз сбежал у ней из дому.
Голубушка! хотела схоронить
Свою досаду, не сумела:
Забыла волосы чернить
И через три дни поседела.

(Продолжает хохотать.)

София

(с огорчением)

Вот так же обо мне потом заговорят. —

Лиза

Простите, право, как бог свят,
Хотела я, чтоб этот смех дурацкий
Вас несколько развеселить помог.

ЯВЛЕНИЕ 6

София, Лиза, Слуга, за ним Чацкий.

Слуга

К вам Александр Андреич Чацкий.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 7

София, Лиза, Чацкий.

Чацкий

Чуть свет — уж на ногах! и я у ваших ног.

(С жаром целует руку.)

Ну поцелуйте же, не ждали? говорите!
Что ж, раде? Нет? В лицо мне посмотрите.
Удивлены? и только? вот прием!
Как будто не прошло недели,
Как будто бы вчера вдвоем
Мы мочи нет друг другу надоели,
Ни на́ волос любви! куда как хороши!
И между тем не вспомнюсь, без души,
Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря,
Верст больше седьмисот пронесся, — ветер, буря,
И растерялся весь, и падал сколько раз —
И вот за подвиги награда!

София

Ах! Чацкий, я вам очень рада.

Чацкий

Вы раде? в добрый час.
Однако искренно кто ж радуется эдак?
Мне кажется, так напоследок
Людей и лошадей знобя,
Я только тешил сам себя.

Лиза

Вот, сударь, если бы вы были за дверями,
Ей-богу! нет пяти минут,
Как поминали вас мы тут.
Сударыня, скажите сами. —

София

Всегда, не только что теперь, —
Не можете мне сделать вы упрека.
Кто промелькнет, отворит дверь,
Проездом, случаем, из чужи, из далёка —

С вопросом я, хоть будь моряк:
Не повстречал ли где в почтовой вас карете?

Чацкий

Положимте, что так.
Блажен, кто верует, тепло ему на свете!
Ах! боже мой! ужли я здесь опять,
В Москве! у вас! да как же вас узнать!
Где время то? где возраст тот невинный,
Когда, бывало, в вечер длинный
Мы с вами явимся, исчезнем тут и там,
Играем и шумим по стульям и столам.
Или ваш батюшка с мадамой, за пикетом,
Мы в темном уголке, и кажется, что в этом!
Вы помните? вздрогнём, что скрипнет столик,
дверь...

София

Ребячество!

Чацкий

Да-с, а теперь,
В седьмнадцать лет вы расцвели прелестно,
Неподражаемо, и это вам известно,
И потому скромны, не смотрите на свет.
Не влюблены ли вы? прошу мне дать ответ,
Без думы, полноте смущаться.

София

Да хоть кого смутят
Вопросы быстрые и любопытный взгляд...

Чацкий

Помилуйте, не вам, — чему же удивляться?
Что нового покажет мне Москва?
Вчера был бал, а завтра будет два.
Тот сватался — успел, а тот дал промах.
Всё тот же толк, и те ж стихи в альбомах.

София

Гоненье на Москву. Что значит видеть свет!
Где ж лучше?

Чацкий

Где нас нет.
Ну что ваш батюшка? всё Английского клоба
Старинный, верный член до гроба?
Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?
А этот, как его, он турок или грек?
Тот черномазенький, на ножках журавлиных,
Не знаю, как его зовут,
Куда ни сунься: тут как тут,
В столовых и в гостиных?
А трое из бульварных лиц?
Которые с полвека молодятся,
Родных мильон у них, и с помощью сестриц
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко, наш клад?
На лбу написано: Театр и Маскерад;
Дом зеленью раскрашен в виде рощи,
Сам толст, его артисты тощи.
На бале, помните, открыли мы вдвоем
За ширмами, в одной из комнат посекретней,
Был спрятан человек и щелкал соловьем,
Певец зимой погоды летней.
А тот чахоточный, родня вам, книгам враг,
В ученый комитет который поселился
И с криком требовал присяг,
Чтоб грамоте никто не знал и не учился?
Опять увидеть их мне суждено судьбой!
Жить с ними надоест, и в ком не сыщем пятен?
Когда ж постранствуем, воротимся домой,
И дым отечества нам сладок и приятен!

София

Вот вас бы с тетушкою свесть,
Чтоб всех знакомых перечесть.

Чацкий

А тетушка? всё девушкой, Минервой?
Всё фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанниц и мосек полон дом?
Ах! к воспитанью перейдем.
Что нынче, так же, как издревле,

Хлопочут набирать учителей полки,
Числом поболее, ценою подешевле?
Не то, чтобы в науке далеки;
В России, под великим штрафом,
Нам каждого признать велят
Историком и геогра́фом.
Наш ментор, помните колпак его, халат,
Перст указательный, все признаки ученья
Как наши робкие тревожили умы,
Как с ранних пор привыкли верить мы,
Что нам без немцев нет спасенья! —
А Гильоме, француз, подбитый ветерком?
Он не женат еще? —

София

На ком?

Чацкий

Хоть на какой-нибудь княгине
Пульхерии Андревне, например?

София

Танцмейстер! можно ли!

Чацкий

Что ж, он и кавалер.
От нас потребуют с именьем быть и в чине,
А Гильоме! .. — Здесь нынче тон каков?
На съездах на больших, по праздникам приходским
Господствует еще смешенье языков:
Французского с нижегородским? —

София

Смесь языков?

Чацкий

Да, двух, без этого нельзя ж.

София

Но мудрено из них один скроить, как ваш.

Чацкий

По крайней мере не надутый.
Вот новости! — я пользуюсь минутой,
Свиданьем с вами оживлен,
И говорлив; а разве нет времен,
Что я Молчалина глупее? Где он, кстати?
Еще ли не сломил безмолвия печати?
Бывало, песенок где новеньких тетрадь
Увидит, пристает: пожалуйте списать.
А впрочем, он дойдет до степеней известных,
Ведь нынче любят *бессловесных*.

София

(в сторону)

Не человек! змея!

(Громко и принужденно)

Хочу у вас спросить:
Случалось ли, чтоб вы, смеясь? или в печали?
Ошибкою? добро о ком-нибудь сказали?
Хоть не теперь, а в детстве, может быть?

Чацкий

Когда всё мягко так? и нежно, и незрело?
На что же так давно? вот доброе вам дело:
Звонками только что гремя
И день и ночь по снеговой пустыне,
Спешу к вам голову сломя.
И как вас нахожу? в каком-то строгом чине!
Вот полчаса холодности терплю!
Лицо святейшей богомолки! .. —
И всё-таки я вас без памяти люблю. —

Минутное молчание.

Послушайте, ужли слова мои все колки?
И клонятся к чьему-нибудь вреду?
Но если так, — ум с сердцем не в ладу.
Я в чудаках иному чуду
Раз посмеюсь, потом забуду;
Велите ж мне в огонь — пойду как на обед.

София

Да, хорошо — сгорите, если ж нет?

ЯВЛЕНИЕ 8

София, Лиза, Чацкий, Фамусов.

Фамусов

Вот и другий.

София

Ах, батюшка, сон в руку.

(Уходит.)

Фамусов

(ей вслед вполголоса)

Проклятый сон.

ЯВЛЕНИЕ 9

Фамусов, Чацкий (смотрит на дверь, в которую София вышла).

Фамусов

Ну выкинул ты штуку!
Три года не писал двух слов!
И грянул вдруг как с облаков.

Обнимаются.

Здорово, друг, здорово, брат, здорово.
Рассказывай, чай у тебя готово
Собранье важное вестей?
Садись-ка, объяви скорей.

Садятся.

Чацкий

(рассеянно)

Как Софья Павловна у вас похорошела!

Фамусов

Вам, людям молодым, другого нету дела,
Как замечать девичьи красоты́;
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдован!

Чацкий

Ах! нет, надеждами я мало избалован.

Фамусов

«Сон в руку» — мне она изволила шепнуть,
Вот ты задумал...

Чацкий

Я? — Ничуть.

Фамусов

О ком ей снилось? что такое?

Чацкий

Я не отгадчик снов.

Фамусов

Не верь ей, всё пустое.

Чацкий

Я верю собственным глазам;
Век не встречал, подписку дам,
Что б было ей хоть несколько подобно!

Фамусов

Он всё свое. Да расскажи подробно,
Где был? Скитался столько лет!
Откудова теперь?

Чацкий

Теперь мне до того ли!
Хотел объехать целый свет,
И не объехал сотой доли.

(Встает поспешно.)

Простите; я спешил скорее видеть вас,
Не заезжал домой. Прощайте! через час
Явлюсь, подробности малейшей не забуду;
Вам первым, вы потом рассказывайте всюду.

(В дверях)

Как хороша!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Фамусов

(один)

Который же из двух?
«Ах! батюшка, сон в руку!»
И говорит мне это вслух!
Ну, виноват! Какого ж дал я крюку!
Молчалин давиче в сомненье ввел меня.
Теперь... да в полмя из огня:
Тот нищий, этот франт-приятель;
Отъявлен мотом, сорванцом;
Что за комиссия, создатель,
Быть взрослой дочери отцом!

(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ II

ЯВЛЕНИЕ 1

Фамусов, Слуга.

Фамусов

Петрушка, вечно ты с обновкой,
С разодранным локтем. Достань-ка календарь;
Читай не так, как пономарь,
А с чувством, с толком, с расстановкой.
Постой же. — На листе черкни на записном,
Противу будущей недели:
К Прасковье Федоровне в дом
Во вторник зван я на форели.
Куда как чуден создан свет!
Пофилософствуй — ум вскружится;
То бережешься, то обед:
Ешь три часа, а в три дни не сварится!
Отметь-ка, в тот же день. . . Нет, нет.
В четверг я зван на погребенье.
Ох, род людской! пришло в забвенье,
Что всякий сам туда же должен лезть,
В тот ларчик, где ни стать, ни сесть.
Но память по себе намерен кто оставить
Житьем похвальным, вот пример:
Покойник был почтенный камергер,
С ключом, и сыну ключ умел доставить,
Богат, и на богатой был женат,
Переженил детей, внучат,

Скончался; все о нем прискорбно поминают.
Кузьма Петрович! Мир ему, —
Что за тузы в Москве живут и умирают! —
Пиши: в четверг, одно уж к одному,
А может в пятницу, а может и в субботу,
Я должен у вдове, у докторше, крестить.
Она не родила, но по расчету
По моему: должна родить.

ЯВЛЕНИЕ 2

Фамусов, Слуга, Чацкий.

Фамусов

А! Александр Андреич, просим,
Садитесь-ко.

Чацкий

Вы заняты?

Фамусов

(Слуге)

Поди.

Слуга уходит.

Да, разные дела на память в книгу вносим,
Забудется того гляди. —

Чацкий

Вы что-то не весёлы стали;
Скажите, отчего? Приезд не в пору мой?
Уж Софье Павловне какой
Не приключилось ли печали?
У вас в лице, в движеньях суета.

Фамусов

Ах! батюшка, нашел загадку,
Не весел я!.. В мои лета
Не можно же пускаться мне вприсядку!

Чацкий

Никто не приглашает вас;
Я только что спросил два слова
Об Софье Павловне, быть может нездорова?

Фамусов

Тьфу, господи прости! Пять тысяч раз
Твердит одно и то же!
То Софьи Павловны на свете нет пригоже,
То Софья Павловна больна, —
Скажи, тебе понравилась она?
Обрыскал свет; не хочешь ли жениться?

Чацкий

А вам на что?

Фамусов

Меня не худо бы спроситься,
Ведь я ей несколько сродни;
По крайней мере искони
Отцом недаром называли.

Чацкий

Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?

Фамусов

Сказал бы я во-первых: не блажи,
Именьем, брат, не управляй оплошно,
А главное, поди-тка послужи.

Чацкий

Служить бы рад, прислуживаться тошно.

Фамусов

Вот то-то, все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы, на старших глядя.
Мы, например, или покойник дядя,
Максим Петрович: он не то на серебре,
На золоте едал; сто человек к услугам,
Весь в орденах, езжал-то вечно цугом,

Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то, что ныне,
При государыне служил Екатерине.
А в те поры все важны, в сорок пуд...
Раскланяйся — тупеем не кивнут.
Вельможа в случае — тем паче;
Не как другой, и пил и ел иначе.
А дядя! что твой князь? что граф?
Сурьезный взгляд, надменный нрав.
Когда же надо подслужиться,
И он сгибался вперегиб.
На куртаге ему случилось обступиться,
Упал, да так, что чуть затылка не пришиб;
Старик заохал, голос хрипкой:
Был высочайшею пожалован улыбкой,
Изволили смеяться; как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдруго́редь — уж нарочно —
А хохот пуще, он и в третий так же точно.
А? как по-вашему? по-нашему — смышлен.
Упал он больно, встал здорово.
За то, бывало, в вист кто чаще приглашен?
Кто слышит при дворе приветливое слово?
Максим Петрович. Кто пред всеми знал почет?
Максим Петрович! Шутка!
В чины выводит кто и пенсии дает?
Максим Петрович. Да. Вы, нынешние, — нутка!

Чацкий

И точно, начал свет глупеть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Как посравнить, да посмотреть
Век нынешний и век минувший:
Свежо предание, а верится с трудом;
Как тот и славился, чья чаще гнулась шея;
Как не в войне, а в мире брали лбом,
Стучали об пол не жалея!
Кому нужда — тем спесь, лежи они в пыли,
А тем, кто выше, лесть как кружево плели.
Прямой был век покорности и страха,
Всё под личиною усердия к царю.
Я не об дядюшке об вашем говорю,

Его не возмутим мы праха;
Но между тем кого охота заберет,
Хоть в раболепстве самом пылком,
Теперь, чтобы смешить народ,
Отважно жертвовать затылком?
А сверстничек, а старичок
Иной, глядя на тот скачок
И разрушаясь в ветхой коже,
Чай приговаривал: ах, если бы мне тоже!
Хоть есть охотники поподличать везде,
Да нынче смех страшит и держит стыд в узде;
Недаром жалуют их скупо государи.

Фамусов

Ах! боже мой! он карбонари!

Чацкий

Нет, нынче свет уж не таков.

Фамусов

Опасный человек!

Чацкий

Вольнее всякий дышит
И не торопится вписаться в полк шутов.

Фамусов

Что говорит! и говорит, как пишет!

Чацкий

У покровителей зевать на потолок,
Явиться помолчать, пошаркать, пообедать,
Подставить стул, поднять платок.

Фамусов

Он вольность хочет проповедать!

Чацкий

Кто путешествует, в деревне кто живет.

Фамусов

Да он властей не признает!

Чацкий

Кто служит делу, а не лицам.

Фамусов

Строжайше б запретил я этим господам
На выстрел подъезжать к столицам.

Чацкий

Я наконец вам отдых дам.

Фамусов

Терпенья, мочи нет, досадно.

Чацкий

Ваш век бранил я беспощадно,
Предоставляю вам во власть:
Откиньте часть,
Хоть нашим временам в придачу,
Уж так и быть, я не поплачу.

Фамусов

И знать вас не хочу, развра́та не терплю.

Чацкий

Я досказал.

Фамусов

Добро, заткнул я уши.

Чацкий

На что ж? я их не оскорблю.

Фамусов

(скороговоркой)

Вот рыскают по свету, бьют баклуши,
Воротятся, от них порядка жди.

Чацкий

Я перестал...

Фамусов

Пожалуй, пощади.

Чацкий

Длить споры не мое желанье...

Фамусов

Хоть душу отпусти на покаянье! —

ЯВЛЕНИЕ 3

Слуга

(входит)

Полковник Скалозуб.

Фамусов

(ничего не видит и не слышит)

Тебя уж упекут
Под суд, как пить дадут.

Чацкий

Пожаловал к вам кто-то на́ дом.

Фамусов

Не слушаю, под суд!

Чацкий

К вам человек с докладом.

Фамусов

Не слушаю, под суд, под суд!

Чацкий

Да обернитесь, вас зовут.

Фамусов

(оборачивается)

А? бунт? ну так и жду содома.

Слуга

Полковник Скалозуб. Прикажете принять?

Фамусов

(встает)

Ослы! сто раз вам повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень рад. Пошел же, торопись.

Слуга уходит.

Пожало-ста, суда́рь, при нем остерегись:
Известный человек, солидный,
И знаков тьму отличья нахватал,
Не по летам и чин завидный,
Не нынче-завтра генерал.
Пожало-ста при нем веди себя скромненько.
Эх! Александр Андреич, дурно, брат!
Ко мне он жалует частенько,
Я всякому, ты знаешь, рад.
В Москве прибавят вечно втрое:
Вот будто женится на Сонюшке. Пустое.
Он, может быть, и рад бы был душой,
Да надобности сам не вижу я большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня,
Ведь Софья молода. А впрочем, власть господня.
Пожало-ста при нем не спорь ты вкривь и вкось,
И завиральные идеи эти брось.
Однако нет его! какую бы причину...
А! знать, ко мне пошел в другую половину.

(Поспешно уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Чацкий

Как суетится! что за прыть!
А Софья? — Нет ли впрямь тут жениха какого,
С которых пор меня дичатся как чужого!
Как здесь бы ей не быть!!.
Кто этот Скалозуб? отец им сильно бредит,
А может быть не только что отец...
Ах! тот скажи любви конец,
Кто на три года вдаль уедет.

ЯВЛЕНИЕ 5

Чацкий, Фамусов, Скалозуб.

Фамусов

Сергей Сергеич, к нам сюда-с.
Прошу покорно, здесь теплее;
Прозябли вы, согреем вас;
Отдушничек отвéрнем поскорее.

Скалозуб

(густым басом)

Зачем же лазить, например,
Самим! .. Мне совестно, как честный офицер.

Фамусов

Неужто для друзей не делать мне ни шагу!
Сергей Сергеич дорогой,
Кладите шляпу, сденьте шпагу,
Вот вам софа, раскиньтесь на покой.

Скалозуб

Куда прикажете, лишь только бы усесться.

Садятся все трое, Чацкий поодаль.

Фамусов

Ах! батюшка, сказать, чтоб не забыть,
Позвольте нам своими счесться,
Хоть дальними, — наследства не делить;
Не знали вы, а я подавна, —
Спасибо научил двоюродный ваш брат, —
Как вам доводится Настасья Николавна?

Скалозуб

Не знаю-с, виноват;
Мы с нею вместе не служили.

Фамусов

Сергей Сергеич, это вы ли!
Нет! я перед родней, где встретится, ползком;
Сыщу ее на дне морском.

Дѣйствіе первое.

Явленіе 1.

Гостиная: въ ней большіе часы. Справа дверь въ спальню Софіи, откуда слышно фортепіано съ флейтою, которыя потомъ умолкаютъ. Лизанька среди комнаты спитъ, свѣсившись съ кресель. Утро: чуть чуть брезжетъ.

Лизанька: (вдругъ просыпается, встаетъ

При мне служа́щие чужие очень редки,
Всё больше сестрины, свояченицы детки,
Один Молчалин мне не свой,
И то затем, что деловой.
Как станешь представлять к крестишку ли,
к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку! ..
Однако братец ваш мне друг и говорил,
Что вами выгод тьму по службе получил.

Скалозуб

В тринадцатом году мы отличались с братом
В тридцатом егерском, а после в сорок пятом.

Фамусов

Да, счастье, у кого есть эдакий сынок.
Имеет, кажется, в петличке орденок? —

Скалозуб

За третье августа; засели мы в траншею:
Ему дан с бантом, мне на шею.

Фамусов

Любезный человек, и посмотреть — так хват,
Прекрасный человек двоюродный ваш брат.

Скалозуб

Но крепко набрался каких-то новых правил.
Чин следовал ему: он службу вдруг оставил,
В деревне книги стал читать.

Фамусов

Вот молодость! .. — читать! .. а после хвать! ..
Вы повели себя исправно,
Давно полковники, а служите недавно.

Скалозуб

Довольно счастлив я в товарищах моих,
Вакансии как раз открыты,
То старших выключат иных,
Другие, смотришь, перебиты.

Фамусов

Да, чем кого господь поищет, вознесет!

Скалозуб

Бывает, моего счастливее везет.
У нас в пятнадцатой дивизии, не дале,
Об нашем хоть сказать бригадном генерале.

Фамусов

Помилуйте, а вам чего недостает?

Скалозуб

Не жалуюсь, не обходили,
Однако за полком два года поводили. —

Фамусов

В погонь ли за полком?
Зато, конечно, в чем другом
За вами далеко тянуться.

Скалозуб

Нет-с, ста́рее меня по корпусу найдутся,
Я с восемьсот девятого служу;
Да, чтоб чины добыть, есть многие каналы;
Об них как истинный философ я сужу,
Мне только бы досталось в генералы.

Фамусов

И славно судите, дай бог здоровье вам
И генеральский чин, а там
Зачем откладывать бы дальше
Речь завести об генеральше?

Скалозуб

Жениться? я ничуть не прочь.

Фамусов

Что ж? у кого сестра, племянница есть, дочь,
В Москве ведь нет невестам перевода,
Чего? плодятся год от года,
А, батюшка, признайтесь, что едва
Где сыщется столица, как Москва.

Скалозуб

Дистанции огромного размера.

Фамусов

Вкус, батюшка, отменная манера,
На всё свои законы есть:
Вот, например, у нас уж исстари ведется,
Что по отцу и сыну честь;
Будь плохенький, да если наберется
Душ тысячки две родовых —
Тот и жених.
Другий хоть прытче будь, надутый всяким чванством,
Пускай себе разумником слыви,
А в сéмью не включат. На нас не подиви,
Ведь только здесь еще и дорожат дворянством.
Да это ли одно? возьмите вы хлеб-соль:
Кто хочет к нам пожаловать — изволь;
Дверь отперта для званых и незванных,
Особенно из иностранных;
Хоть честный человек, хоть нет,
Для нас равнёхонько, про всех готов обед.
Возьмите вы от головы до пяток,
На всех московских есть особый отпечаток.
Извольте посмотреть на нашу молодежь,
На юношей-сынков и внýчат,
Журим мы их, а, если разберешь, —
В пятнадцать лет учителей научат!
А наши старички?? — Как их возьмет задор,
Засудят об делах, что слово — приговор,
Ведь столбовые всё, в ус никого не дуют;
И об правительстве иной раз так толкуют,
Что если б кто подслушал их. . . беда.
Не то чтоб новизны вводили, — никогда,
Спаси нас боже! Нет, а придерутся
К тому, к сему, а чаще ни к чему,
Поспорят, пошумят и. . . разойдутся.
Прямые канцлеры в отставке — по уму!
Я вам скажу, знать время не приспело,
Но что без них не обойдется дело. —
А дамы? — сунься кто, попробуй, овладей;
Судьи́ всему, везде, над ними нет судей;

За картами когда восстанут общим бунтом,
Дай бог терпение, — ведь сам я был женат.
Скомандовать велите перед фрунтом,
Присутствовать пошлите их в Сенат!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексевна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерия Андревна!
А дочек кто видал, — всяк голову повесь,
Его величество король был прусский здесь,
Дивился не путем московским он девицам,
Их благонравью, а не лицам,
И точно, можно ли воспитаннее быть!
Умеют же себя принарядить
Тафтицей, бархатцем и дымкой,
Словечка в простоте не скажут, всё с ужимкой,
Французские романсы вам поют
И верхние выводят нотки,
К военным людям так и льнут,
А потому, что патриотки.
Решительно скажу: едва
Другая сыщется столица, как Москва.

Скалозуб

По моему сужденью,
Пожар способствовал ей много к украшенью.

Фамусов

Не поминайте нам, уж мало ли крехтят!
С тех пор дороги, тротуары,
Дома и всё на новый лад.

Чацкий

Дома но́вы, но предрассудки стары.
Порадуйтесь, не истребят
Ни годы их, ни моды, ни пожары.

Фамусов
(Чацкому)

Эй, завяжи на память узелок,
Просил я помолчать, не велика услуга.

(Скалозубу)

Позвольте, батюшка. Вот-с — Чацкого, мне друга,

Андрея Ильича покойного сынок:
Не служит, то есть в том он пользы не находит,
Но захоти — так был бы деловой.
Жаль, очень жаль, он малый с головой,
И славно пишет, переводит.
Нельзя не пожалеть, что с эдаким умом...

Чацкий

Нельзя ли пожалеть об ком-нибудь другом?
И похвалы мне ваши досаждают.

Фамусов

Не я один, все так же осуждают.

Чацкий

А судьи кто? — За древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима,
Сужденья черпают из забытых газет
Времен Очаковских и покоренья Крыма;
Всегда готовые к журьбе,
Поют всё песнь одну и ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже.
Где, укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве
И где не воскресят клиенты-иностранцы
Прошедшего житья подлейшие черты.
Да и кому в Москве не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы?
Не тот ли, вы к кому меня еще с пелён,
Для замыслов каких-то непонятных,
Дитёй возили на поклон?
Тот Нестор негодяев знатных,
Толпою окруженный слуг;
Усердствуя, они в часы вина и драки
И честь и жизнь его не раз спасали: вдруг
На них он выменил борзые три собаки!!!
Или вон тот еще? который для затей

На крепостный балет согнал на многих фурах
От матерей, отцов отторженных детей?!
Сам погружен умом в зефирах и в амурах,
Заставил всю Москву дивиться их красе!
Но должников не согласил к отсрочке:
Амуры и зефиры все
Распроданы поодиночке!!!
Вот те, которые дожили до седин!
Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вот наши строгие ценители и судьи!
Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдется — враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум, алчущий познаний;
Или в душе его сам бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким
и прекрасным, —
Они тотчас: разбой! пожар!
И прослывет у них мечтателем! опасным!! —
Мундир! один мундир! он в прежнем их быту
Когда-то укрывал, расшитый и красивый,
Их слабодушие, рассудка нищету;
И нам за ними в путь счастливый.
И в женах, дочерях — к мундиру та же страсть!
Я сам к нему давно ль от нежности отрекся?!
Теперь уж в это мне ребячество не впасть,
Но кто б тогда за всеми не повлекся?
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали, —
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали!

Фамусов

(про себя)

Уж втянет он меня в беду.

(Громко)

Сергей Сергеич, я пойду
И буду ждать вас в кабинете.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Скалозуб, Чацкий.

Скалозуб

Мне нравится, при этой смете
Искусно как коснулись вы
Предубеждения Москвы
К любимцам, к гвардии, к гвардейским,
к гвардионцам,
Их золоту, шитью дивятся будто солнцам!
А в Первой армии когда отстали? в чем?
Всё так прилажено, и тальи все так узки,
И офицеров вам начтем,
Что даже говорят, иные, по-французски. —

ЯВЛЕНИЕ 7

Скалозуб, Чацкий, София, Лиза.

София

(бежит к окну)

Ах! боже мой! упал, убился! —

(Теряет чувства.)

Чацкий

Кто?
Кто это?

Скалозуб

С кем беда?

Чацкий

Она мертва со страху!

Скалозуб

Да кто? откудова?

Чацкий

Ушибся обо что?

Скалозуб

Уж не старик ли наш дал маху?

Лиза

(хлопочет около барышни)

Кому назначено-с, не миновать судьбы:
Молчалин нá лошадь садился, ногу в стремя,
А лошадь на дыбы,
Он об землю и прямо в темя.

Скалозуб

Поводья затянул. Ну, жалкий же ездок.
Взглянуть, как треснулся он — грудью или в бок?

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же без Скалозуба.

Чацкий

Помочь ей чем? Скажи скорее.

Лиза

Там в комнате вода стоит.

Чацкий бежит и приносит. Всё следующее — вполголоса, — до того, как София очнется.

Стакан налейте.

Чацкий

Уж налит,
Шнуровку отпусти вольнее,
Виски ей уксусом потри,
Опрыскивай водой. Смотри:
Свободнее дыханье стало.
Повеять чем?

Лиза

Вот опахало.

Чацкий

Гляди в окно:
Молчалин на ногах давно!
Безделица ее тревожит.

Лиза

Да-с, барышнин несчастен нрав:
Со стороны смотреть не может,
Как люди падают стремглав.

Чацкий

Опрыскивай еще водою.
Вот так. Еще. Еще.

София

(с глубоким вздохом)

Кто здесь со мною?
Я точно как во сне.

(Торопко и громко)

Где он? что с ним? Скажите мне.

Чацкий

Пускай себе сломил бы шею,
Вас чуть было не уморил.

София

Убийственны холодностью своею!
Смотреть на вас, вас слушать нету сил.

Чацкий

Прикажете мне за него терзаться?

София

Туда бежать, там быть, помочь ему стараться.

Чацкий

Чтоб оставались вы без помощи одне?

София

На что вы мне?
Да, правда, не свои бе́ды — для вас забавы,
Отец родной убейся — всё равно.

(Лизе)

Пойдем туда, бежим.

Лиза

(отводит ее в сторону)

Опомнитесь, куда вы?
Он жив, здоров, смотрите здесь в окно.

София в окошко высовывается.

Чацкий

Смятенье! обморок! поспешность! гнев! испуга!
Так можно только ощущать,
Когда лишаешься единственного друга.

София

Сюда идут. Руки не может он поднять.

Чацкий

Желал бы с ним убиться...

Лиза

Для компаньи?

София

Нет, оставайтесь при желаньи.

ЯВЛЕНИЕ 9

София, Лиза, Чацкий, Скалозуб, Молчалин (с подвязанною рукою).

Скалозуб

Воскрес и невредим, рука
Ушиблена слегка,
И впрочем всё фальшивая тревога.

Молчалин

Я вас перепугал, простите ради бога.

Скалозуб

Ну! я не знал, что будет из того
Вам ирритация. Опрóметью вбежали. —
Мы вздрогнули. — Вы в обморок упали,
И что ж? — весь страх из ничего.

София

(не глядя ни на кого)

Ах! очень вижу: из пустого,
А вся еще теперь дрожу.

Чацкий

(про себя)

С Молчалиным ни слова!

София

(по-прежнему)

Однако о себе скажу,
Что не труслива. Так, бывает,
Карета свалится, подымут: я опять
Готова сызнова скакать;
Но всё малейшее в других меня пугает,
Хоть нет великого несчастья от того,
Хоть незнакомый мне, — до этого нет дела.

Чацкий

(про себя)

Прощенья просит у него,
Что раз о ком-то пожалела!

Скалозуб

Позвольте расскажу вам весть:
Княгиня Ласова какая-то здесь есть,
Наездница, вдова, но нет примеров,
Чтоб ездило с ней много кавалеров.
На днях расшиблась в пух, —
Жоке́ не поддержал, считал он, видно, мух.
И без того она, как слышно, неуклюжа,
Теперь ребра недостает,
Так для поддержки ищет мужа.

София

Ах, Александр Андреич, вот,
Яви́тесь вы вполне великодушны:
К несчастью ближнего вы так неравнодушны.

Чацкий

Да-с, это я сейчас явил
Моим усерднейшим стараньем,
И прысканьем, и оттираньем;
Не знаю для кого, но вас я воскресил.
(Берет шляпу и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же, кроме Чацкого.

София

Вы вечером к нам будете?

Скалозуб

Как рано?

София

Пораньше; съедутся домашние друзья
Потанцевать под фортопияно, —
Мы в трауре, так балу дать нельзя.

Скалозуб

Явлюсь, но к батюшке зайти я обещался,
Откланяюсь.

София

Прощайте.

Скалозуб

(жмет руку Молчалину)
Ваш слуга.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 11

София, Лиза, Молчалин.

София

Молчалин! как во мне рассудок цел остался!
Ведь знаете, как жизнь мне ваша дорога!

Зачем же ей играть, и так неосторожно?
Скажите, что у вас с рукой?
Не дать ли капель вам? не нужен ли покой?
Пошлемте к доктору, пренебрегать не должно.

Молчалин

Платком перевязал, не больно мне с тех пор.

Лиза

Ударюсь об заклад, что вздор,
И если б не к лицу, не нужно перевязки,
А то не вздор, что вам не избежать огласки:
На смех, того гляди, подымет Чацкий вас,
И Скалозуб, как свой хохол закрутит,
Расскажет обморок, прибавит сто прикрас;
Шутить и он горазд, ведь нынче кто не шутит!

София

А кем из них я дорожу?
Хочу — люблю, хочу — скажу.
Молчалин, будто я себя не принуждала?
Вошли вы, слова не сказала,
При них не смела я дохнуть,
У вас спросить, на вас взглянуть. —

Молчалин

Нет, Софья Павловна, вы слишком откровенны.

София

Откуда скрытность почерпнуть!
Готова я была в окошко к вам прыгну́ть.
Да что мне до кого? до них? до всей вселенны?
Смешно? — пусть шутят их; досадно? — пусть бранят.

Молчалин

Не повредила бы нам откровенность эта.

София

Неужто на дуэль вас вызвать захотят?

Молчалин

Ах! злые языки страшнее пистолета.

Лиза

Сидят они у батюшки теперь,
Вот ко-бы вы порхнули в дверь
С лицом веселым, беззаботно:
Когда нам скажут, что хотим, —
Куда как верится охотно!
И Александр Андреич, с ним
О прежних днях, о тех проказах
Поразвернитесь-ка в рассказах:
Улыбочка и пара слов,
И кто влюблен — на всё готов.

Молчалин

Я вам советовать не смею.

(Целует ей руку.)

София

Хотите вы?.. Пойду любезничать сквозь слез,
Боюсь, что выдержать притворства не сумею.
Зачем сюда бог Чацкого принес!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 12

Молчалин, Лиза.

Молчалин

Веселое созданье ты! живое!

Лиза

Прошу пустить, и без меня вас двое.

Молчалин

Какое личико твое!
Как я тебя люблю!

Лиза

А барышню?

Молчалин

Ее
По должности, тебя...

Лиза

От скуки.
Прошу подальше руки!

Молчалин

Есть у меня вещицы три:
Есть туалет, прехитрая работа —
Снаружи зеркальце, и зеркальце внутри,
Кругом всё прорезь, позолота;
Подушечка, из бисера узор;
И перламутровый прибор —
Игольничек и ножинки, как милы!
Жемчужинки, растертые в белилы!
Помада есть для губ, и для других причин,
С духами сткляночки: резе́да и жасмин. —

Лиза

Вы знаете, что я не льщусь на интересы,
Скажите лучше, почему
Вы с барышней скромны, а с горнишной повесы?

Молчалин

Сегодня болен я, обвязки не сниму;
Приди в обед, побудь со мною,
Я правду всю тебе открою.

(Уходит в боковую дверь.)

ЯВЛЕНИЕ 13

София, Лиза.

София

Была у батюшке, там нету никого.
Сегодня я больна, и не пойду обедать,
Скажи Молчалину, и позови его,
Чтоб он пришел меня проведать.

(Уходит к себе.)

ЯВЛЕНИЕ 14

Лиза

Ну! люди в здешней стороне!
Она к нему, а он ко мне,
А я... одна лишь я любви до смерти трушу. —
А как не полюбить буфетчика Петрушу!

ДЕЙСТВИЕ III

ЯВЛЕНИЕ 1

Ч а ц к и й, потом С о ф и я.

Ч а ц к и й

Дождусь ее и вынужу признанье:
Кто наконец ей мил? Молчалин! Скалозуб!
Молчалин прежде был так глуп!..
Жалчайшее созданье!
Уж разве поумнел?.. А тот —
Хрипун, удавленник, фагот,
Созвездие манёвров и мазурки!
Судьба любви — играть ей в жмурки,
А мне...

Входит София.

Вы здесь? я очень рад,
Я этого желал.

С о ф и я

(про себя)

И очень невпопад.

Ч а ц к и й

Конечно не меня искали?

С о ф и я

Я не искала вас.

Чацкий

Дознаться мне нельзя ли,
Хоть и некстати, ну́жды нет,
Кого вы любите?

София

Ах! боже мой! весь свет.

Чацкий

Кто более вам мил?

София

Есть многие, родные.

Чацкий

Все более меня?

София

Иные.

Чацкий

И я чего хочу, когда всё решено?
Мне в петлю лезть, а ей смешно.

София

Хотите ли знать истины два слова?
Малейшая в ком странность чуть видна,
Веселость ваша не скромна,
У вас тотчас уж острота́ готова,
А сами вы...

Чацкий

Я сам? не правда ли, смешон?

София

Да! грозный взгляд, и резкий тон,
И этих в вас особенностей бездна;
А над собой гроза куда не бесполезна.

Чацкий

Я странен, а не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож;
Молчалин, например...

Софья

Примеры мне не новы;
Заметно, что вы желчь на всех излить готовы;
А я, чтоб не мешать, отсюда уклонюсь.

Чацкий

(держит ее)

Постойте же.

(В сторону)

Раз в жизни притворюсь.

(Громко)

Оставимте мы эти пренья,
Перед Молчалиным не прав я, виноват,
Быть может, он не то, что три года назад:
Есть на земле такие превращенья
Правлений, климатов, и нравов, и умов,
Есть люди важные, слыли за дураков:
Иный по армии, иный плохим поэтом,
Иный... Боюсь назвать, но признаны всем светом,
Особенно в последние года,
Что стали умны хоть куда.
Пускай в Молчалине ум бойкий, гений смелый,
Но есть ли в нем та страсть, то чувство, пылкость та,
Чтоб кроме вас ему мир целый
Казался прах и суета?
Чтоб сердца каждое биенье
Любовью ускорялось к вам?
Чтоб мыслям были всем и всем его делам
Душою — вы, вам угожденье?..
Сам это чувствую, сказать я не могу,
Но что теперь во мне кипит, волнует, бесит,
Не пожелал бы я и личному врагу,
А он?.. смолчит и голову повесит.
Конечно смирен, все такие не резвы́;
Бог знает, в нем какая тайна скрыта;
Бог знает, за него что выдумали вы,
Чем голова его ввек не была набита.
Быть может, качеств ваших тьму,
Любуясь им, вы придали ему;

Не грешен он ни в чем, вы во сто раз грешнее.
Нет! нет! пускай умен, час от часу умнее,
Но вас он сто́ит ли? вот вам один вопрос.
Чтоб равнодушнее мне понести утрату,
Как человеку вы, который с вами взрос,
Как другу вашему, как брату,
Мне дайте убедиться в том;
Потом
От сумасшествия могу я остеречься;
Пущусь подалее простыть, охолодеть,
Не думать о любви, но буду я уметь
Теряться по́ свету, забыться и развлечься.

София

(про себя)

Вот нехотя с ума свела!

(Вслух)

Что притворяться?
Молчалин давиче мог без руки остаться,
Я живо в нем участье приняла,
А вы, случась на эту пору,
Не позаботились расчесть,
Что можно доброй быть ко всем и без разбору;
Но, может, истина в догадках ваших есть,
И горячо его беру я под защиту.
Зачем же быть, скажу вам напрямик,
Так невоздержну на язык,
В презреньи к людям так нескрыту,
Что и смирнейшему пощады нет! .. чего?
Случись кому назвать его:
Град колкостей и шуток ваших грянет.
Шутить! и век шутить! как вас на это станет! —

Чацкий

Ах! боже мой! неужли я из тех,
Которым цель всей жизни — смех?
Мне весело, когда смешных встречаю,
А чаще с ними я скучаю.

София

Напрасно: это всё относится к другим,
Молчалин вам наскучил бы едва ли,
Когда б сошлись короче с ним.

Чацкий

(с жаром)

Зачем же вы его так коротко узнали?

София

Я не старалась, бог нас свел.
Смотрите, дружбу всех он в доме приобрел:
При батюшке три года служит,
Тот часто бéз толку сердит,
А он безмолвием его обезоружит,
От доброты души простит.
И между прочим,
Веселостей искать бы мог;
Ничуть: от старичков не ступит за порог,
Мы рéзвимся, хохочем,
Он с ними целый день засядет, рад не рад,
Играет...

Чацкий

Целый день играет!
Молчит, когда его бранят!

(В сторону)

Она его не уважает.

София

Конечно, нет в нем этого ума,
Что гений для иных, а для иных чума,
Который скор, блестящ и скоро опротивит,
Который свет ругает наповал,
Чтоб свет об нем хоть что-нибудь сказал,
Да эдакий ли ум семейство осчастливит?

Чацкий

Сатира и мораль? смысл этого всего?

(В сторону)

Она не ставит в грош его.

София

Чудеснейшего свойства
Он наконец: уступчив, скромен, тих,

В лице ни тени беспокойства
И на душе проступков никаких,
Чужих и вкривь и вкось не рубит, —
Вот я за что его люблю.

Чацкий

(в сторону)

Шалит, она его не любит.

(Вслух)

Докончить я вам пособлю
Молчалина изображенье.
Но Скалозуб? вот загляденье:
За армию стоит горой,
И прямизною стана,
Лицом и голосом герой...

София

Не моего романа.

Чацкий

Не вашего? кто разгадает вас?

ЯВЛЕНИЕ 2

Чацкий, София, Лиза.

Лиза

(шепотом)

Сударыня, за мной сейчас
К вам Алексей Степаноч будет.

София

Простите, надобно идти мне поскорей.

Чацкий

Куда?

София

К прихмахеру.

Чацкий

Бог с ним.

София

Щипцы простудит.

Чацкий

Пускай себе.

София

Нельзя, ждем нá вечер гостей.

Чацкий

Бог с вами, остаюсь опять с моей загадкой.
Однако дайте мне зайти, хотя украдкой,
К вам в комнату на несколько минут,
Там стены, воздух — всё приятно!
Согреют, оживят, мне отдохнуть дадут
Воспоминания об том, что невозвратно!
Не засижусь, войду, всего минуты две,
Потом, подумайте, член Английского клуба,
Я там дни целые пожертвую молве
Про ум Молчалина, про душу Скалозуба.

София пожимает плечами, уходит к себе и запирается, за нею и Лиза.

ЯВЛЕНИЕ 3

Чацкий, потом Молчалин.

Чацкий

Ах! Софья! Неужлѝ Молчалин избран ей!
А чем не муж! Ума в нем только мало,
Но чтоб иметь детей,
Кому ума недоставало?
Услужлив, скромненький, в лице румянец есть.

Входит Молчалин.

Вон он на цыпочках, и не богат словами;
Какою ворожбой умел к ней в сердце влезть!

(Обращается к нему)

Нам, Алексей Степаноч, с вами
Не удалось сказать двух слов.
Ну, образ жизни ваш каков?
Без горя нынче? без печали?

Молчалин

По-прежнему-с.

Чацкий

А прежде как живали?

Молчалин

День зá день, нынче, как вчера.

Чацкий

К перу от карт? и к картам от пера?
И положённый час приливам и отливам?

Молчалин

По мере я трудов и сил,
С тех пор, как числюсь по Архивам,
Три награжденья получил.

Чацкий

Взманили почести и знатность?

Молчалин

Нет-с, свой талант у всех...

Чацкий

У вас?

Молчалин

Два-с:
Умеренность и аккуратность.

Чацкий

Чудеснейшие два! и стоят наших всех.

Молчалин

Вам не дались чины, по службе неуспех?

Чацкий

Чины людьми даются,
А люди могут обмануться.

Молчалин

Как удивлялись мы!

Чацкий

Какое ж диво тут?

Молчалин

Жалели вас.

Чацкий

Напрасный труд.

Молчалин

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
С министрами про вашу связь,
Потом разрыв...

Чацкий

Ей почему забота?

Молчалин

Татьяне Юрьевне!

Чацкий

Я с нею не знаком.

Молчалин

С Татьяной Юрьевной!!

Чацкий

С ней век мы не встречались;
Слыхал, что вздорная.

Молчалин

Да это, полно, та ли-с?
Татьяна Юрьевна!!! Известная, — притом

Чиновные и должностные —
Все ей друзья и все родные;
К Татьяне Юрьевне хоть раз бы съездить вам.

Чацкий

На что же?

Молчалин

Так: частенько там
Мы покровительство находим, где не метим.

Чацкий

Я езжу к женщинам, да только не за этим.

Молчалин

Как обходительна! добра! мила! проста!
Балы́ дает нельзя богаче,
От Рождества и до поста,
И летом праздники на даче.
Ну, право, что́ бы вам в Москве у нас служить?
И награжденья брать и весело пожить?

Чацкий

Когда в делах — я от веселий прячусь,
Когда дурачиться — дурачусь,
А смешивать два эти ремесла
Есть тьма искусников, я не из их числа.

Молчалин

Простите, впрочем тут не вижу преступленья;
Вот сам Фома Фомич, знаком он вам?

Чацкий

Ну что ж?

Молчалин

При трех министрах был начальник отделенья,
Переведен сюда.

Чацкий

Хорош!
Пустейший человек, из самых бестолковых.

Молчалин

Как можно! слог его здесь ставят в образец.
Читали вы?

Чацкий

Я глупостей не чтец,
А пуще образцовых.

Молчалин

Нет, мне так довелось с приятностью прочесть,
Не сочинитель я...

Чацкий

И по всему заметно.

Молчалин

Не смею моего сужденья произнесть.

Чацкий

Зачем же так секретно?

Молчалин

В мои лета́ не должно сметь
Свое суждение иметь.

Чацкий

Помилуйте, мы с вами не ребяты,
Зачем же мнения чужие только святы?

Молчалин

Ведь надобно ж зависеть от других.

Чацкий

Зачем же надобно?

Молчалин

В чинах мы небольших.

Чацкий

(почти громко)

С такими чувствами, с такой душою
Любим!.. Обманщица смеялась надо мною!

ЯВЛЕНИЕ 4

Вечер. Все двери настежь, кроме в спальню к Софии. В перспективе раскрывается ряд освещенных комнат, слуги суетятся, один из них, главный, говорит:

Эй! Филька, Фомка, ну, ловчей!
Столы для карт, мел, щеток и свечей!

(Стучится к Софии в дверь.)

Скажите барышне скорее, Лизавета:
Наталья Дмитревна, и с мужем, и к крыльцу
Еще подъехала карета.

Расходятся, остается один Чацкий.

ЯВЛЕНИЕ 5

Чацкий, Наталья Дмитриевна, молодая дама.

Наталья Дмитриевна

Не ошибаюсь ли!.. он точно, по лицу...
Ах! Александр Андреич, вы ли?

Чацкий

С сомненьем смотрите от ног до головы,
Неужли так меня три года изменили?

Наталья Дмитриевна

Я полагала вас далёко от Москвы.
Давно ли?

Чацкий

Нынче лишь...

Наталья Дмитриевна

Надолго?

Чацкий

Как случится.
Однако кто, смотря на вас, не подивится!
Полнее прежнего, похорошели страх.
Моложе вы, свежее стали;
Огонь, румянец, смех, игра во всех чертах.

Наталья Дмитриевна

Я замужем.

Чацкий

Давно бы вы сказали!

Наталья Дмитриевна

Мой муж — прелестный муж, вот он сейчас войдет,
Я познакомлю вас, хотите?

Чацкий

Прошу.

Наталья Дмитриевна

И знаю наперед,
Что вам понравится. Взгляните и судите.

Чацкий

Я верю, он вам муж.

Наталья Дмитриевна

О нет-с, не потому;
Сам по себе, по нраву, по уму.
Платон Михайлоч мой единственный, бесценный!
Теперь в отставке, был военный;
И утверждают все, кто только прежде знал,
Что с храбростью его, с талантом,
Когда бы службу продолжал,
Конечно был бы он московским комендантом.

ЯВЛЕНИЕ 6

Чацкий, Наталья Дмитриевна, Платон Михайлович.

Наталья Дмитриевна

Вот мой Платон Михайлоч.

Чацкий

Ба!
Друг старый, мы давно знакомы, вот судьба.

Платон Михайлович

Здорово, Чацкий, брат.

Чацкий

Платон любезный, славно.
Похвальный лист тебе: ведешь себя исправно.

Платон Михайлович

Как видишь, брат:
Московский житель, и женат.

Чацкий

Забыт шум лагерный, товарищи и братья?
Спокоен и ленив?

Платон Михайлович

Нет, есть-таки занятья,
На флейте я твержу дуэт
А-мольный...

Чацкий

Что твердил назад тому пять лет?
Ну, постоянный вкус! в мужьях всего дороже!

Платон Михайлович

Брат, женишься, тогда меня вспомянь,
От скуки будешь ты свистеть одно и то же.

Чацкий

От скуки! как? уж ты ей платишь дань?

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлоч мой к занятьям склонен разным,
Которых нет теперь, — к ученьям и смотрам,
К манежу... иногда скучает по утрам.

Чацкий

А кто, любезный друг, велит тебе быть праздным?
В полк, эскадрон дадут. Ты обер или штаб?

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлоч мой здоровьем очень слаб.

Чацкий

Здоровьем слаб! Давно ли?

Наталья Дмитриевна

Всё рюматизм и головные боли.

Чацкий

Движенья более. В деревню, в теплый край.
Будь чаще на коне. Деревня летом — рай.

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлоч город любит,
Москву; за что в глуши он дни свои погубит!

Чацкий

Москву и город... Ты чудак,
А помнишь прежнее?

Платон Михайлович

Да, брат, теперь не так...

Наталья Дмитриевна

Ах! мой дружочек!
Здесь так свежо, что мочи нет,
Ты распахнулся весь, и расстегнул жилет.

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот...

Наталья Дмитриевна

Послушайся разочек,
Мой милый, застегнись скорей.

Платон Михайлович

(хладнокровно)

Сейчас.

Наталья Дмитриевна

Да отойди подальше от дверей,
Сквозный там ветер дует сзади!

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот.

Наталья Дмитриевна

Мой ангел, бога ради
От двери дальше отойди.

Платон Михайлович

(глаза к небу)

Ах! матушка!

Чацкий

Ну, бог тебя суди,
Уж, точно, стал не тот в короткое ты время,
Не в прошлом ли году, в конце,
В полку тебя я знал? лишь утро: ногу в стремя
И носишься на борзом жеребце;
Осенний ветер дуй хоть спереди, хоть с тыла.

Платон Михайлович

(со вздохом)

Эх, братец! славное тогда житье-то было.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же, Князь Тугоуховский и Княгиня с шестью дочерьми.

Наталья Дмитриевна

(тоненьким голоском)

Князь Петр Ильич, княгиня! боже мой!
Княжна Зизи! Мими!

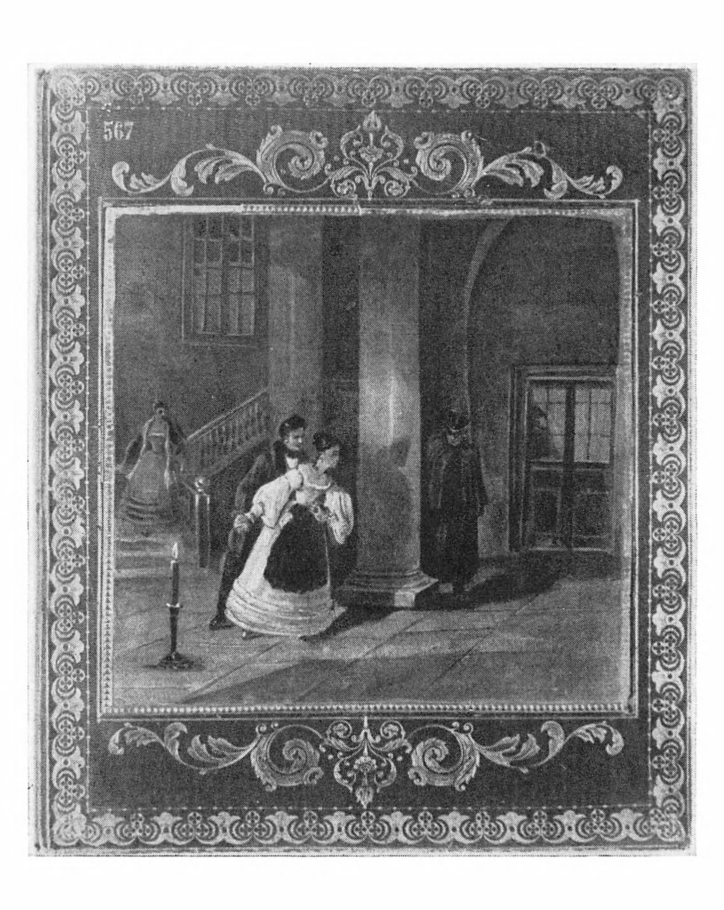
Громкие лобызания, потом усаживаются и осматривают одна другую с головы до ног.

1-я княжна

Какий фасон прекрасный!

2-я княжна

Какие складочки!

567

1-я княжна

Обшито бахромой.

Наталья Дмитриевна

Нет, если б видели мой тюрлюрлю атласный!

3-я княжна

Какой эшарп cousin[1] мне подарил!

4-я княжна

Ах! да, барежевый.

5-я княжна

Ах! прелесть!

6-я княжна

Ах! как мил!

Княгиня

Сс! — Кто это в углу, взошли мы, поклонился?

Наталья Дмитриевна

Приезжий, Чацкий.

Княгиня

От-став-ный?

Наталья Дмитриевна

Да, путешествовал, недавно воротился.

Княгиня

И хо-ло-стый?

Наталья Дмитриевна

Да, не женат.

Княгиня

Князь, князь, сюда! — Живее.

---

[1] Кузен (франц.). — *Ред.*

Князь

(к ней оборачивает слуховую трубку)

О-хм!

Княгиня

К нам на́ вечер, в четверг, проси скорее
Натальи Дмитревны знакомого: вон он!

Князь

И-хм!

(Отправляется, вьется около Чацкого и покашливает.)

Княгиня

Вот то-то детки:
Им бал, а батюшка таскайся на поклон;
Танцовщики ужасно стали редки!..
Он камер-юнкер?

Наталья Дмитриевна

Нет.

Княгиня

Бо-гат?

Наталья Дмитриевна

О нет!

Княгиня

(громко, что есть мочи)

Князь, князь! Назад!

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же и Графини Хрюмины: бабушка и внучка.

Графиня внучка

Ах! grand'maman! [1] Ну, кто так рано приезжает,
Мы первые!

(Пропадает в боковую комнату.)

---

[1] Бабушка (франц.). — *Ред.*

Княгиня

Вот нас честит!
Вот первая, и нас за никого считает!
Зла, в девках целый век, уж бог ее простит.

Графиня внучка

(вернувшись, направляет на Чацкого двойный лорнет)

Мсьё Чацкий! вы в Москве! как были, всё такие?

Чацкий

На что меняться мне?

Графиня внучка

Вернулись холостые?

Чацкий

На ком жениться мне?

Графиня внучка

В чужих краях на ком?
О! наших тьма без дальних справок
Там женятся и нас дарят родством
С искусницами модных лавок.

Чацкий

Несчастные! должны ль упреки несть
От подражательниц модисткам?
За то, что смели предпочесть
Оригиналы спискам?

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же и множество других гостей. Между прочим Загорецкий. Мужчины являются, шаркают, отходят в сторону, кочуют из комнаты в комнату и проч. София от себя выходит, все к ней навстречу.

Графиня внучка

Eh! bon soir! vous voilà! Jamais trop diligente,
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente.[1]

---

[1] А, добрый вечер! Наконец-то вы! Вы не спешите и всегда доставляете нам удовольствие ожидания (франц.). — *Ред.*

Загорецкий

На завтрашний спектакль имеете билет?

София

Нет.

Загорецкий

Позвольте вам вручить, напрасно бы кто взялся
Другий вам услужить, зато
Куда я ни кидался!
В контору — всё взято,
К директору — он мне приятель, —
С зарей в шестом часу, и кстати ль!
Уж с вечера никто достать не мог;
К тому, к сему, всех сбил я с ног,
И этот наконец похитил уже силой
У одного, старик он хилый,
Мне друг, известный домосед,
Пусть дома просидит в покое.

София

Благодарю вас за билет,
А за старанье вдвое.

Являются еще кое-какие, тем временем Загорецкий отходит к мужчинам.

Загорецкий

Платон Михайлоч...

Платон Михайлович

Прочь!
Поди ты к женщинам, лги им и их морочь;
Я правду об тебе порасскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вот, брат,

(Чацкому)

рекомендую.
Как эдаких людей учтивее зовут?
Нежнее? — человек он светский,
Отъявленный мошенник, плут:
Антон Антоныч Загорецкий.
При нем остерегись: переносить горазд,
И в карты не садись: продаст.

Загорецкий

Оригинал! брюзглив, а без малейшей злобы.

Чацкий

И оскорбляться вам смешно бы,
Окроме честности есть множество отрад:
Ругают здесь, а там благодарят.

Платон Михайлович

Ох, нет, братец! у нас ругают
Везде, а всюду принимают.

Загорецкий мешается в толпу.

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же и Хлёстова.

Хлёстова

Легко ли в шестьдесят пять лет
Тащиться мне к тебе? племянница, мученье!
Час битый ехала с Покровки, силы нет;
Ночь — светапреставленье.
От скуки я взяла с собой
Арапку-девку да собачку, —
Вели их накормить, ужо, дружочек мой,
От ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте!

(Села.)

Ну, Софьюшка, мой друг,
Какая у меня арапка для услуг,
Курчавая! горбом лопатки!
Сердитая! все кошечьи ухватки!
Да как черна! да как страшна!
Ведь создал же господь такое племя!
Черт сущий, в девичей она;
Позвать ли?

София

Нет-с, в другое время.

Хлёстова

Представь: их как зверей выводят напоказ.
Я слышала, там... город есть турецкий,
А знаешь ли, кто мне припас? —
Антон Антоныч Загорецкий.

Загорецкий выставляется вперед.

Лгунишка он, картежник, вор.

Загорецкий исчезает.

Я от него было и двери на запор;
Да мастер услужить: мне и сестре Прасковье
Двоих ара́пченков на ярмонке достал;
Купил, он говорит, чай в карты сплутовал;
А мне подарочек, дай бог ему здоровье.

Чацкий

(с хохотом Платону Михайловичу)

Не поздоровится от эдаких похвал,
И Загорецкий сам не выдержал, пропал.

Хлёстова

Кто этот весельчак? Из звания какого?

София

Вон этот? Чацкий.

Хлёстова

Ну? а что нашел смешного?
Чему он рад? Какий тут смех?
Над старостью смеяться грех;
Я помню, ты дитёй с ним часто танцовала,
Я за уши его дирала, только мало.

ЯВЛЕНИЕ 11

Те же и Фамусов.

Фамусов

(громогласно)

Ждем князя Пётра Ильича,
А князь уж здесь! а я забился там, в портретной.
Где Скалозуб Сергей Сергеич? а?

Нет, кажется, что нет. — Он человек заметный —
Сергей Сергеич Скалозуб.

Х л ё с т о в а

Творец мой! оглушил, звончее всяких труб.

ЯВЛЕНИЕ 12

Те же и С к а л о з у б, потом М о л ч а л и н.

Ф а м у с о в

Сергей Сергеич, запоздали,
А мы вас ждали, ждали, ждали.
(Подводит к Хлёстовой.)
Моя невестушка, которой уж давно
Об вас говорено.

Х л ё с т о в а

(сидя)

Вы прежде были здесь... в полку... в том...
в гренадерском?

С к а л о з у б

(басом)

В его высочества, хотите вы сказать,
Новоземлянском мушкетерском.

Х л ё с т о в а

Не мастерица я полки-та различать.

С к а л о з у б

А форменные есть отлички:
В мундирах выпушки, погончики, петлички.

Ф а м у с о в

Пойдемте, батюшка, там вас я насмешу,
Курьезный вист у нас. За нами, князь! прошу. —
(Его и князя уводит с собою.)

Хлёстова

(Софии)

Ух! я точнехонько избавилась от петли;
Ведь полоумный твой отец:
Дался ему трех сажень удалец, —
Знакомит, не спросясь, приятно ли нам, нет ли!

Молчалин

(подает ей карту)

Я вашу партию составил: мосьё Кок,
Фома Фомич и я.

Хлёстова

Спасибо, мой дружок.

(Встает.)

Молчалин

Ваш шпиц — прелестный шпиц, не более наперстка,
Я гладил всё его: как шелковая шерстка!

Хлёстова

Спасибо, мой родной.

Уходит, за ней Молчалин и многие другие.

ЯВЛЕНИЕ 13

Чацкий, София и несколько посторонних, которые в продолжении расходятся.

Чацкий

Ну! тучу разогнал...

София

Нельзя ль не продолжать?

Чацкий

Чем вас я напугал?
За то, что он смягчил разгневанную гостью,
Хотел я похвалить...

София

А кончили бы злостью.

Чацкий

Сказать вам, что я думал? Вот:
Старушки все — народ сердитый;
Не худо, чтоб при них услужник знаменитый
Тут был, как громовой отвод.
Молчалин! — Кто другий так мирно всё уладит!
Там моську вовремя погладит!
Тут в пору карточку вотрет!
В нем Загорецкий не умрет;
Вы давиче его мне исчисляли свойства,
Но многие забыли? — да?

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 14

София, потом Г. N.

София

(про себя)

Ах! этот человек всегда
Причиной мне ужасного расстройства!
Унизить рад, кольнуть; завидлив, горд и зол!

Г. N.

(подходит)

Вы в размышленьи.

София

Об Чацком.

Г. N.

Как его нашли по возвращеньи?

София

Он не в своем уме.

Г. N.

Ужли с ума сошел?

София

(помолчавши)

Не то чтобы совсем...

Г. N.

Однако есть приметы?

София

(смотрит на него пристально)

Мне кажется.

Г. N.

Как можно, в эти леты!

София

Как быть!

(В сторону)

Готов он верить!
А! Чацкий, любите вы всех в шуты рядить,
Угодно ль на себе примерить?

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 15

Г. N., потом Г. D.

Г. N.

С ума сошел!.. Ей кажется... вот на!
Недаром?.. Стало быть... с чего б взяла она!
Ты слышал?

Г. D.

Что?

Г. N.

Об Чацком?

Г. D.

Что такое?

Г. N.

С ума сошел!

Г. D.

Пустое...

Г. N.

Не я сказал, другие говорят.

Г. D.

А ты расславить это рад?

Г. N.

Пойду осведомлюсь; чай кто-нибудь да знает.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 16

Г. D., потом Загорецкий.

Г. D.

Верь болтуну!
Услышит вздор, и тотчас повторяет!
Ты знаешь ли об Чацком?

Загорецкий

Ну?

Г. D.

С ума сошел!

Загорецкий

А, знаю, помню, слышал,
Как мне не знать? примерный случай вышел;
Его в безумные упрятал дядя-плут...
Схватили, в желтый дом, и нá цепь посадили.

Г. D.

Помилуй, он сейчас здесь в комнате был, тут.

Загорецкий

Так с цепи, стало быть, спустили.

Г. D.

Ну, милый друг, с тобой не надобно газет,
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всех повыспрошу; однако чур! секрет.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 17

Загорецкий, потом Графиня внучка.

Загорецкий

Который Чацкий тут? — Известная фамилья.
С каким-то Чацким я когда-то был знаком. —
Вы слышали об нем?

Графиня внучка

Об ком?

Загорецкий

Об Чацком, он сейчас здесь в комнате был.

Графиня внучка

Знаю.
Я говорила с ним.

Загорецкий

Так я вас поздравляю:
Он сумасшедший...

Графиня внучка

Что?

Загорецкий

Да, он сошел с ума.

Графиня внучка

Представьте, я заметила сама;
И хоть пари держать, со мной в одно вы слово.

ЯВЛЕНИЕ 18

Те же и Графиня бабушка.

Графиня внучка

Ah! grand'maman, вот чудеса! вот ново!
Вы не слыхали здешних бед? —
Послушайте. Вот прелести! вот мило!

Графиня бабушка

Мой *т*руг, мне уши зало*ш*ило:
Ска*ш*и по*к*ромче...

Графиня внучка

Время нет.
Il vous dira toute l'histoire...[1]
Пойду спрошу.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 19

Загорецкий, Графиня бабушка.

Графиня бабушка

Что? что? уж нет ли здесь по*ш*ара?

Загорецкий

Нет, Чацкий произвел всю эту кутерьму.

Графиня бабушка

Как, Чацкого? кто свел в тюрьму?

Загорецкий

В горах изранен в лоб, сошел с ума от раны.

[1] Он расскажет вам всю историю (франц.). — *Ред.*

Графиня бабушка

Что? к фармазанам в клоб? Пошел он в пусурманы?

Загорецкий

Ее не вразумишь.

(Уходит.)

Графиня бабушка

Антон Антоноч! Ах!
И он пешит, все в страхе, впопыхах.

ЯВЛЕНИЕ 20

Графиня бабушка и Князь Тугоуховский.

Графиня бабушка

Князь, князь! Ох, этот князь, по палам, сам чуть тышит!
Князь, слышали? —

Князь

А-хм?

Графиня бабушка

Он ничего не слышит!
Хоть, мошет, видели, здесь полицмейстер пыл?

Князь

Э-хм?

Графиня бабушка

В тюрьму-та, князь, кто Чацкого схватил?

Князь

И-хм?

Графиня бабушка

Тесак ему да ранец,
В солтаты! Шутка ли! переменил закон!

Князь

У-хм?

Графиня бабушка

Да!.. в *п*усурманах он!
Ах! окаянный волтерьянец!
Что? а? Глух, мой отец; достаньте свой ро*ш*ок.
Ох! глухота *п*ольшой порок.

ЯВЛЕНИЕ 21

Те же и Хлёстова, София, Молчалин, Платон Михайлович, Наталья Дмитриевна, Графиня внучка, Княгиня с дочерьми, Загорецкий, Скалозуб, потом Фамусов и многие другие.

Хлёстова

С ума сошел! прошу покорно!
Да невзначай! да как проворно!
Ты, Софья, слышала?

Платон Михайлович

Кто первый разгласил?

Наталья Дмитриевна

Ах, друг мой, все!

Платон Михайлович

Ну, все, так верить поневоле,
А мне сомнительно.

Фамусов

(входя)

О чем? о Чацком, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открыл;
Давно дивлюсь я, как никто его не свяжет!
Попробуй о властях, и нивесть что наскажет!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцом,
Хоть пред монаршиим лицом,
Так назовет он подлецом!..

Хлёстова

Туда же из смешливых;
Сказала что-то я — он начал хохотать.

Молчалин

Мне отсоветовал в Москве служить в Архивах.

Графиня внучка

Меня модисткою изволил величать!

Наталья Дмитриевна

А мужу моему совет дал жить в деревне.

Загорецкий

Безумный по всему.

Графиня внучка

Я видела из глаз.

Фамусов

По матери пошел, по Анне Алексевне;
Покойница с ума сходила восемь раз.

Хлёстова

На свете дивные бывают приключенья!
В его лета с ума спрыгну́л!
Чай, пил не по лета́м.

Княгиня

О! верно...

Графиня внучка

Без сомненья.

Хлёстова

Шампанское стаканами тянул.

Наталья Дмитриевна

Бутылками-с, и пребольшими.

Загорецкий

(с жаром)

Нет-с, бочками сороковыми.

Фамусов

Ну вот! великая беда,
Что выпьет лишнее мужчина!
Ученье — вот чума, ученость — вот причина,
Что нынче, пуще, чем когда,
Безумных развелось людей, и дел, и мнений.

Хлёстова

И впрямь с ума сойдешь от этих от одних
От пансионов, школ, лицеев, как бишь их,
Да от ланкартачных взаимных обучений.

Княгиня

Нет, в Петербурге Институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и в безверьи
Профессоры!! — у них учился наш родня,
И вышел! хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи.
От женщин бегает, и даже от меня!
Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Федор, мой племянник.

Скалозуб

Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проект насчет лицеев, школ, гимназий;
Там будут лишь учить по-нашему: раз, два;
А книги сохранят так, для больших оказий.

Фамусов

Сергей Сергеич, нет. Уж коли зло пресечь:
Забрать все книги бы да сжечь.

Загорецкий

Нет-с, книги книгам рознь. А если б, между нами,
Был цензором назначен я,
На басни бы налег; ох! басни — смерть моя!

Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а все-таки цари.

Х л ё с т о в а

Отцы мои, уж кто в уме расстроен,
Так всё равно, от книг ли, от питья ль;
А Чацкого мне жаль.
По-христиански так, он жалости достоин;
Был острый человек, имел душ сотни три.

Ф а м у с о в

Четыре.

Х л ё с т о в а

Три, суда́рь.

Ф а м у с о в

Четыреста.

Х л ё с т о в а

Нет! триста.

Ф а м у с о в

В моем календаре...

Х л ё с т о в а

Всё врут календари.

Ф а м у с о в

Как раз четыреста, ох! спорить голосиста!

Х л ё с т о в а

Нет! триста, — уж чужих имений мне не знать!

Ф а м у с о в

Четыреста, прошу понять.

Х л ё с т о в а

Нет! триста, триста, триста.

ЯВЛЕНИЕ 22

Те же все и Чацкий.

Наталья Дмитриевна

Вот он.

Графиня внучка

Шш!

Все

Шш!

Пятятся от него в противную сторону.

Хлёстова

Ну, как с безумных глаз
Затеет драться он, потребует к разделке!

Фамусов

О господи! помилуй грешных нас!
(Опасливо)

Любезнейший! Ты не в своей тарелке.
С дороги нужен сон. Дай пульс. Ты нездоров.

Чацкий

Да, мочи нет: мильон терзаний
Груди́ от дружеских тисков,
Ногам от шарканья, ушам от восклицаний,
А пуще голове от всяких пустяков.

(Подходит к Софье.)

Душа здесь у меня каким-то горем сжата,
И в многолюдстве я потерян, сам не свой.
Нет! недоволен я Москвой.

Хлёстова

Москва, вишь, виновата.

Фамусов

Подальше от него.
(Делает знак Софии.)
Гм, Софья! — Не глядит!

Софи я

(Чацкому)

Скажите, что вас так гневит?

Чацкий

В той комнате незначащая встреча.
Французик из Бордо, надсаживая грудь,
Собрал округ себя род веча
И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом и слезами;
Приехал — и нашел, что ласкам нет конца;
Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил: будто бы в отечестве, с друзьями;
Своя провинция. Посмотришь, вечерком
Он чувствует себя здесь маленьким царьком;
Такой же толк у дам, такие же наряды...
Он рад, но мы не рады.
Умолк, и тут со всех сторон
Тоска, и оханье, и стон.
Ах! Франция! Нет в мире лучше края! —
Решили две княжны, сестрицы, повторяя
Урок, который им из детства натвержен.
Куда деваться от княжен!
Я одаль воссылал желанья
Смиренные, однако вслух,
Чтоб истребил господь нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражанья;
Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой,
Кто мог бы словом и примером
Нас удержать, как крепкою вожжой,
От жалкой тошноты по стороне чужой.
Пускай меня отъявят старовером,
Но хуже для меня наш Север во сто крат
С тех пор, как отдал всё в обмен на новый лад:
И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую —
По шутовскому образцу:
Хвост сзади, спереди какий-то чудный выем,
Рассудку вопреки, наперекор стихиям,
Движенья связаны, и не краса лицу;
Смешные, бритые, седые подбородки!

Как платья, волосы, так и умы коротки!..
Ах! если рождены мы всё перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнанья иноземцев.
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.
«Как европейское поставить в параллель
С национальным? — странно что-то!
Ну как перевести *мадам* и *мадмуазель*?
Ужли *сударыня!!*» — забормотал мне кто-то.
Вообразите, тут у всех
На мой же счет поднялся смех.
«*Сударыня!* Ха! ха! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! Ха! ха! ха! ха! ужасно!!» —
Я, рассердясь и жизнь кляня,
Готовил им ответ громовый,
Но все оставили меня.
Вот случай вам со мною, он не новый;
Москва и Петербург — во всей России то,
Что человек из города Бордо,
Лишь рот открыл, имеет счастье
Во всех княжен вселять участье,
И в Петербурге и в Москве;
Кто недруг выписных лиц, вычур, слов кудрявых,
В чьей, по несчастью, голове
Пять-шесть найдется мыслей здравых,
И он осмелится их гласно объявлять, —
Глядь...

Оглядывается, все в вальсе кружатся с величайшим усердием. Старики разбрелись к карточным столам.

ДЕЙСТВИЕ IV

У Фамусова в доме парадные сени; большая лестница из второго жилья, к которой примыкают многие побочные из антресолей; внизу справа (от действующих лиц) выход на крыльцо и швейцарская ложа; слева на одном же плане комната Молчалина.
Ночь. Слабое освещение. Лакеи иные суетятся, иные спят в ожидании господ своих.

ЯВЛЕНИЕ 1

Графиня бабушка, Графиня внучка, впереди их Лакей.

Лакей

Графини Хрюминой карета.

Графиня внучка
(покуда ее укутывают)

Ну бал! Ну Фамусов! умел гостей назвать!
Какие-то уроды с того света,
И не с кем говорить, и не с кем танцевать.

Графиня бабушка

Поетем, матушка, мне, прафо, не под силу,
Когда-нибуть я с пала та в могилу.

Обе уезжают.

ЯВЛЕНИЕ 2

Платон Михайлович и Наталья Дмитриевна. Один Лакей около их хлопочет, другий у подъезда кричит:

Карета Горича.

Наталья Дмитриевна

Мой ангел, жизнь моя,
Бесценный, душечка, Попошь, что так уныло?

(Целует мужа в лоб.)

Признайся, весело у Фамусовых было.

Платон Михайлович

Наташа-матушка, дремлю на ба́лах я,
До них смертельный неохотник,
А не противлюсь, твой работник,
Дежурю за́ полночь, подчас
Тебе в угодность, как ни грустно,
Пускаюсь по команде в пляс!

Наталья Дмитриевна

Ты притворяешься, и очень неискусно;
Охота смертная прослыть за старика.

(Уходит с лакеем.)

Платон Михайлович

(хладнокровно)

Бал вещь хорошая, неволя-то горька,
И кто жениться нас неволит!
Ведь сказано ж, иному на роду...

Лакей

(с крыльца)

В карете барыня-с, и гневаться изволит.

Платон Михайлович

(со вздохом)

Иду, иду.

(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Чацкий и Лакей его впереди.

Чацкий

Кричи, чтобы скорее подавали.

Лакей уходит.

Ну вот и день прошел, и с ним
Все призраки, весь чад и дым
Надежд, которые мне душу наполняли.
Чего я ждал? что думал здесь найти?
Где прелесть эта встреч? участье в ком живое?
Крик! радость! обнялись! Пустое.
В повозке так-то на пути
Необозримою равниной, сидя праздно,
Всё что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно.
И едешь час, и два, день целый, вот резво́
Домчались к отдыху, ночлег: куда ни взглянешь,
Всё та же гладь и степь, и пусто и мертво!..
Досадно, мочи нет, чем больше думать станешь.

Лакей возвращается.

Готово?

Лакей

Кучера-с нигде, вишь, не найдут.

Чацкий

Пошел, ищи, не ночевать же тут.

Лакей опять уходит.

ЯВЛЕНИЕ 4

Чацкий, Репетилов (вбегает с крыльца, при самом входе падает со всех ног и поспешно оправляется).

Репетилов

Тьфу! оплошал. — Ах, мой создатель!
Дай протереть глаза; откудова? Приятель!..
Сердечный друг! Любезный друг! Mon cher! [1]

---

[1] Мой милый (франц.). — *Ред.*

Вот фарсы мне как часто были петы,
Что пустомеля я, что глуп, что суевер,
Что у меня на всё предчувствия, приметы;
Сейчас. . . растолковать прошу,
Как будто знал, сюда спешу,
Хвать, об порог задел ногою
И растянулся во весь рост.
Пожалуй смейся надо мною,
Что Репетилов врет, что Репетилов прост,
А у меня к тебе влеченье, род недуга,
Любовь какая-то и страсть,
Готов я душу прозакласть,
Что в мире не найдешь себе такого друга,
Такого верного, ей-ей;
Пускай лишусь жены, детей,
Оставлен буду целым светом,
Пускай умру на месте этом
И разразит меня господь.

Чацкий

Да полно вздор молоть.

Репетилов

Не любишь ты меня, естественное дело:
С другими я и так и сяк,
С тобою говорю несмело,
Я жалок, я смешон, я неуч, я дурак.

Чацкий

Вот странное уничиженье! —

Репетилов

Ругай меня, я сам кляну свое рожденье,
Когда подумаю, как время убивал!
Скажи, который час? —

Чацкий

Час ехать спать ложиться,
Коли явился ты на бал,
Так можешь воротиться.

Репетилов

Что́ бал? братец, где мы всю ночь до бела дня
В приличьях скованы, не вырвемся из ига,
Читал ли ты? есть книга. . .

Чацкий

А ты читал? задача для меня,
Ты Репетилов ли?

Репетилов

Зови меня вандалом:
Я это имя заслужил.
Людьми пустыми дорожил!
Сам бредил целый век обедом или балом!
Об детях забывал! обманывал жену!
Играл! проигрывал! в опеку взят указом!
Танцовщицу держал! и не одну:
Трех разом!
Пил мертвую! не спал ночей по девяти!
Всё отвергал: законы! совесть! веру!

Чацкий

Послушай! ври, да знай же меру;
Есть от чего в отчаянье придти.

Репетилов

Поздравь меня, теперь с людьми я знаюсь
С умнейшими!! — всю ночь не рыщу напролет.

Чацкий

Вот нынче например?

Репетилов

Что? ночь одна не в счет!
Зато спроси, где был?

Чацкий

И сам я догадаюсь.
Чай, в клубе?

Репетилов

В А́нглийском. Чтоб исповедь начать:
Из шумного я заседанья.

Пожалоста молчи, я слово дал молчать;
У нас есть общество, и тайные собранья
По четвергам. Секретнейший союз...

Чацкий

Ах! я, братец, боюсь.
Как? в клубе?

Репетилов

Именно.

Чацкий

Вот меры чрезвычайны,
Чтоб взашеи прогнать и вас, и ваши тайны.

Репетилов

Напрасно страх тебя берет,
Вслух, громко говорим, никто не разберет.
Я сам, как схватятся об камерах, присяжных,
Об Бейроне, ну об матерьях важных,
Частенько слушаю, не разжимая губ,
Мне не под силу, брат, и чувствую, что глуп.
Ах! Alexandre! у нас тебя недоставало;
Послушай, миленький, потешь меня хоть мало,
Поедем-ка сейчас, мы, благо, на ходу;
С какими я тебя сведу
Людьми!!!... уж на меня нисколько не похожи,
Что зá люди, mon cher! сок умной молодежи!

Чацкий

Бог с ними и с тобой. Куда я поскачу?
Зачем? в глухую ночь? домой, я спать хочу.

Репетилов

Э! брось! кто нынче спит? Ну полно, без прелюдий,
Решись, а мы!.. у нас... решительные люди,
Горячих дюжина голов!
Кричим — подумаешь, что сотни голосов!..

Чацкий

Да из чего беснуетесь вы столько?

Репетилов

Шумим, братец, шумим.

Чацкий

Шумите вы? и только?

Репетилов

Не место объяснять теперь и недосуг,
Но государственное дело:
Оно, вот видишь, не созрело,
Нельзя же вдруг.
Что за люди! mon cher! Без дальних я историй
Скажу тебе: во-первых, князь Григорий!!
Чудак единственный! нас сó смеху морит!
Век с англичанами, вся áнглийская складка,
И так же он сквозь зубы говорит,
И так же коротко обстрижен для порядка.
Ты не знаком? о! познакомься с ним.
Другий — Воркулов Евдоким;
Ты не слыхал, как он поет? о! диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
«А! нон лашьяр ми, но, но, но». [1]
Еще у нас два брата:
Левон и Боренька, чудесные ребята!
Об них не знаешь что сказать;
Но если гения прикажете назвать:
Удушьев Ипполит Маркелоч!!!
Ты сочинения его
Читал ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братец, да он не пишет ничего;
Вот эдаких людей бы сечь-то
И приговаривать: писать, писать, писать;
В журналах можешь ты, однако, отыскать
Его *отрывок, взгляд* и *нечто.*
Об чем бишь *нечто?* — обо всем;
Всё знает, мы его на черный день пасем.
Но голова у нас, какой в России нету,

---

[1] «Ах! не оставь меня, нет, нет, нет» (итал.). — *Ред.*

Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночный разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист;
Да умный человек не может быть не плутом.
Когда ж об честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.
Вот люди, есть ли им подобные? навряд...
Ну, между ими я, конечно, зауряд,
Немножко поотстал, ленив, подумать ужас!
Однако ж я, когда, умишком понатужась,
Засяду, часу не сижу,
И как-то невзначай вдруг каламбур рожу.
Другие у меня мысль эту же подцепят,
И вшестером, глядь, водевильчик слепят,
Другие шестеро на музыку кладут,
Другие хлопают, когда его дают.
Брат, смейся, а что любо — любо:
Способностями бог меня не наградил,
Дал сердце доброе, вот чем я людям мил,
Совру — простят!

Лакей

(у подъезда)

Карета Скалозуба.

Репетилов

Чья?

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Скалозуб, спускается с лестницы.

Репетилов

(к нему навстречу)

Ах! Скалозуб, душа моя,
Постой, куда же? сделай дружбу.

(Душит его в объятиях.)

Чацкий

Куда деваться мне от них!
(Входит в швейцарскую.)

Репетилов

(Скалозубу)

Слух об тебе давно затих,
Сказали, что ты в полк отправился на службу,
Знакомы вы?
(Ищет Чацкого глазами.)
Упрямец! ускакал!
Нет нýжды, я тебя нечаянно сыскал,
И просим-ка со мной, сейчас, без отговорок:
У князь-Григория теперь народу тьма,
Увидишь человек нас сорок,
Фу! сколько, братец, там ума!
Всю ночь толкуют, не наскучат,
Во-первых, напоят шампанским на убой,
А во-вторых, таким вещам научат,
Каких, конечно, нам не выдумать с тобой.

Скалозуб

Избавь. Ученостью меня не обморочишь,
Скликай других, а если хочешь,
Я князь-Григорию и вам
Фельдфебеля в Волтеры дам,
Он в три шеренги вас построит,
А пикнете, так мигом успокоит.

Репетилов

Всё служба на уме! Mon cher, гляди сюда,
И я в чины бы лез, да неудачи встретил,
Как, может быть, никто и никогда;
По статской я служил, тогда
Барон фон Клоц в министры метил,
А я —
К нему в зятья.
Шел напрямик без дальней думы,
С его женой и с ним пускался в реверси,
Ему и ей какие суммы
Спустил, что боже упаси!

Он на Фонтанке жил, я возле дом построил,
С колоннами! огромный! сколько стоил!
Женился наконец на дочери его,
Приданого взял — шиш, по службе — ничего.
Тесть немец, а что проку? —
Боялся, видишь, он упрёку
За слабость будто бы к родне!
Боялся, прах его возьми, да легче ль мне?
Секретари его все хамы, все продажны,
Людишки, пишущая тварь,
Все вышли в знать, все нынче важны,
Гляди-ка в адрес-календарь.
Тьфу! служба и чины, кресты — души мытарства,
Лахмотьев Алексей чудесно говорит,
Что радикальные потребны тут лекарства,
Желудок дольше не варит.

(Останавливается, увидя, что Загорецкий заступил место Скалозуба, который покудова уехал.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Репетилов, Загорецкий.

Загорецкий

Извольте продолжать, вам искренно признаюсь,
Такий же я, как вы: ужасный либерал!
И от того, что прям и смело объясняюсь,
Куда как много потерял! — —

Репетилов

(с досадой)

Все врозь, не говоря ни слова;
Чуть и́з виду один, гляди уж нет другого.
Был Чацкий, вдруг исчез, потом и Скалозуб.

Загорецкий

Как думаете вы об Чацком?

Репетилов

Он не глуп,
Сейчас столкнулись мы, тут всякие турусы,

И дельный разговор зашел про водевиль.
Да! водевиль есть вещь, а прочее всё гиль.
Мы с ним... у нас... одни и те же вкусы.

Загорецкий

А вы заметили, что он
В уме сурьезно поврежден?

Репетилов

Какая чепуха!

Загорецкий

Об нем все этой веры.

Репетилов

Вранье.

Загорецкий

Спросите всех.

Репетилов

Химеры.

Загорецкий

А кстати, вот князь Петр Ильич,
Княгиня и с княжнами.

Репетилов

Дичь.

ЯВЛЕНИЕ 7

Репетилов, Загорецкий, Князь и Княгиня с шестью дочерями, немного погодя Хлёстова спускается с парадной лестницы, Молчалин ведет ее под руку. Лакеи в суетах.

Загорецкий

Княжны, пожалуйте, скажите ваше мненье,
Безумный Чацкий или нет?

1-я княжна

Какое ж в этом есть сомненье?

2-я княжна

Про это знает целый свет.

3-я княжна

Дрянские, Хворовы, Варлянские, Скачковы. —

4-я княжна

Ах! вести старые, кому они новы?

5-я княжна

Кто сомневается?

Загорецкий

Да вот не верит...

6-я княжна

Вы!

Все вместе

Мсьё Репетилов! Вы! Мсьё Репетилов! что вы!
Да как вы! Можно ль против всех!
Да почему вы? стыд и смех.

Репетилов
(затыкает себе уши)

Простите, я не знал, что это слишком гласно.

Княгиня

Еще не гласно бы, с ним говорить опасно,
Давно бы запереть пора,
Послушать, так его мизинец
Умнее всех, и даже князь-Петра!
Я думаю, он просто якобинец,
Ваш Чацкий!!! Едемте. Князь, ты везти бы мог
Катишь или Зизи, мы сядем в шестиместной.

Хлёстова
(с лестницы)

Княгиня, карточный должок.

Княгиня

За мною, матушка.

Все

(друг к другу)

Прощайте.

Княжеская фамилия уезжает, и Загорецкий тоже.

ЯВЛЕНИЕ 8

Репетилов, Хлёстова, Молчалин.

Репетилов

Царь небесный!
Амфиса Ниловна! Ах! Чацкий! бедный! вот!
Чтó наш высокий ум! и тысяча забот!
Скажите, из чего на свете мы хлопочем!

Хлёстова

Так бог ему судил; а впрочем,
Полечат, вылечат авось;
А ты, мой батюшка, неисцелим, хоть брось.
Изволил вовремя явиться! —
Молчалин, вон чуланчик твой, —
Не нужны проводы, поди, господь с тобой.

Молчалин уходит к себе в комнату.

Прощайте, батюшка, пора перебеситься.

(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 9

Репетилов с своим лакеем.

Репетилов

Куда теперь направить путь?
А дело уж идет к рассвету.
Поди, сажай меня в карету,
Вези куда-нибудь.

(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Последняя лампа гаснет.

Чацкий

(выходит из швейцарской)

Что это? слышал ли моими я ушами!
Не смех, а явно злость. Какими чудесами?
Через какое колдовство
Нелепость обо мне все в голос повторяют!
И для иных как словно торжество,
Другие будто сострадают...
О! если б кто в людей проник:
Что хуже в них? душа или язык?
Чье это сочиненье?
Поверили глупцы, другим передают,
Старухи вмиг тревогу бьют —
И вот общественное мненье!
И вот та родина... Нет, в нынешний приезд,
Я вижу, что она мне скоро надоест.
А Софья знает ли? — Конечно, рассказали,
Она не то чтобы мне именно во вред
Потешилась, и правда или нет —
Ей всё равно, другий ли, я ли,
Никем по совести она не дорожит.
Но этот обморок, беспамятство откуда?? —
Нерв избалованность, причуда, —
Возбýдит малость их и малость утишит...
Я признаком почел живых страстей. — Ни крошки!
Она, конечно бы, лишилась так же сил,
Когда бы кто-нибудь ступил
На хвост собачки или кошки.

София

(над лестницей во втором этаже, со свечкою)

Молчалин, вы?
(Поспешно опять дверь припирает.)

Чацкий

Она! она сама!
Ах! голова горит, вся кровь моя в волненьи.
Явилась! нет ее! неýжели в виденьи?
Не впрямь ли я сошел с ума?

К необычайности я точно приготовлен,
Но не виденье тут, свиданья час условлен.
К чему обманывать себя мне самого?
Звала Молчалина, вот комната его.

Лакей его

(с крыльца)

Каре...

Чацкий

Сс!..

(Выталкивает его вон.)

Буду здесь, и не смыкаю глазу,
Хоть до утра. Уж коли горе пить,
Так лучше сразу,
Чем медлить, — а беды медленьем не избыть.
Дверь отворяется.

(Прячется за колонну.)

ЯВЛЕНИЕ 11

Чацкий спрятан, Лиза со свечкой.

Лиза

Ах! мочи нет! робею!
В пустые сени! в ночь! боишься домовых,
Боишься и людей живых.
Мучительница барышня, бог с нею.
И Чацкий как бельмо в глазу;
Вишь, показался ей он где-то здесь внизу.

(Осматривается.)

Да! как же? по сеням бродить ему охота!
Он, чай, давно уж за ворота,
Любовь на завтра поберег,
Домой, и спать залег.
Однако велено к сердечному толкнуться.

(Стучится к Молчалину.)

Послушайте-с. Извольте-ка проснуться.
Вас кличет барышня, вас барышня зовет.
Да поскорей, чтоб не застали.

ЯВЛЕНИЕ 12

Чацкий за колонною, Лиза, Молчалин (потягивается и зевает), София (крадется сверху).

Лиза

Вы, сударь, камень, сударь, лед.

Молчалин

Ах! Лизанька, ты от себя ли?

Лиза

От барышни-с.

Молчалин

Кто б отгадал,
Что в этих щечках, в этих жилках
Любви еще румянец не играл!
Охота быть тебе лишь только на посылках!

Лиза

А вам, искателям невест,
Не нежиться и не зевать бы,
Пригож и мил, кто недоест
И недоспит до свадьбы.

Молчалин

Какая свадьба? с кем?

Лиза

А с барышней?

Молчалин

Поди,
Надежды много впереди,
Без свадьбы время проволóчим.

Лиза

Что вы, судáрь! да мы кого ж
Себе в мужья другого прочим?

Молчалин

Не знаю. А меня так разбирает дрожь,
И при одной я мысли трушу,

Что Павел Афанасьич раз
Когда-нибудь поймает нас,
Разгонит, проклянет!.. Да что? открыть ли душу?
Я в Софье Павловне не вижу ничего
Завидного. Дай бог ей век прожить богато,
Любила Чацкого когда-то,
Меня разлюбит, как его.
Мой ангельчик, желал бы вполовину
К ней то же чувствовать, что чувствую к тебе;
Да нет, как ни твержу себе,
Готовлюсь нежным быть, а свижусь — и простыну.

София

(в сторону)

Какие низости!

Чацкий

(за колонною)

Подлец!

Лиза

И вам не совестно?

Молчалин

Мне завещал отец:
Во-первых, угождать всем людям без изъятья —
Хозяину, где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я служить,
Слуге его, который чистит платья,
Швейцару, дворнику, для избежанья зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова была.

Лиза

Сказать, суда́рь, у вас огромная опека!

Молчалин

И вот любовника я принимаю вид
В угодность дочери такого человека...

Лиза

Который кормит и поит,
А иногда и чином подарит?
Пойдемте же, довольно толковали.

Молчалин

Пойдем любовь делить плачевной нашей крали.
Дай обниму тебя от сердца полноты.

Лиза не дается.

Зачем она не ты!

(Хочет идти, София не пускает.)

София

(почти шепотом, вся сцена вполголоса)

Нейдите далее, наслушалась я много,
Ужасный человек! себя я, стен стыжусь.

Молчалин

Как! Софья Павловна...

София

Ни слова, ради бога.
Молчите, я на всё решусь.

Молчалин

(бросается на колена, София отталкивает его)

Ах! вспомните! не гневайтеся, взгляньте!..

София

Не помню ничего, не докучайте мне.
Воспоминания! как острый нож оне.

Молчалин

(ползает у ног ее)

Помилуйте...

София

Не подличайте, встаньте,
Ответа не хочу, я знаю ваш ответ,
Солжете...

Молчалин

Сделайте мне милость...

София

Нет. Нет. Нет.

Молчалин

Шутил, и не сказал я ничего, окро́ме...

София

Отстаньте, говорю, сейчас,
Я криком разбужу всех в доме
И погублю себя и вас.

Молчалин встает.

Я с этих пор вас будто не знавала.
Упреков, жалоб, слез моих
Не смейте ожидать, не стоите вы их;
Но чтобы в доме здесь заря вас не застала,
Чтоб никогда об вас я больше не слыхала.

Молчалин

Как вы прикажете.

София

Иначе расскажу
Всю правду батюшке, с досады...
Вы знаете, что я собой не дорожу.
Подите. — Стойте, будьте рады,
Что при свиданиях со мной в ночной тиши
Держались более вы робости во нраве,
Чем даже днем, и при людя́х, и въяве;
В вас меньше дерзости, чем кривизны души.
Сама довольна тем, что ночью всё узнала,
Нет укоряющих свидетелей в глазах,
Как давиче, когда я в обморок упала,
Здесь Чацкий был...

Чацкий

(бросается между ими)

Он здесь, притворщица!

Лиза и София

Ах! Ах!..

Лиза свечку роняет с испугу; Молчалин скрывается к себе в комнату.

ЯВЛЕНИЕ 13

Те же, кроме Молчалина.

Чацкий

Скорее в обморок, теперь оно в порядке,
Важнее давишной причина есть тому,
Вот наконец решение загадке!
Вот я пожертвован кому!
Не знаю, как в себе я бешенство умерил!
Глядел, и видел, и не верил!
А милый, для кого забыт
И прежний друг, и женский страх, и стыд, —
За двери прячется, боится быть в ответе.
Ах! как игру судьбы постичь?
Людей с душой гонительница, бич! —
Молчалины блаженствуют на свете!

София

(вся в слезах)

Не продолжайте, я виню себя кругом.
Но кто бы думать мог, чтоб был он так коварен!

Лиза

Стук! шум! ах! боже мой! сюда бежит весь дом!
Ваш батюшка вот будет благодарен.

ЯВЛЕНИЕ 14

Чацкий, София, Лиза, Фамусов, толпа слуг со свечами.

Фамусов

Сюда! за мной! Скорей! Скорей!
Свечей побольше. Фонарей!
Где домовые? Ба! знакомые всё лица!
Дочь, Софья Павловна! страмница!
Бесстыдница! где! с кем! Ни дать ни взять она,
Как мать ее, покойница жена.
Бывало, я с дражайшей половиной
Чуть врозь — уж где-нибудь с мужчиной.
Побойся бога, как? чем он тебя прельстил?
Сама его безумным называла!
Нет! глупость на меня и слепота напала!

Всё это заговор, и в заговоре был
Он сам, и гости все. За что я так наказан! ..

Чацкий

(Софии)

Так этим вымыслом я вам еще обязан?

Фамусов

Брат, не финти, не дамся я в обман,
Хоть подеретесь, не поверю.
Ты, Филька, ты прямой чурбан,
В швейцары произвел ленивую тетерю,
Не знает ни про что, не чует ничего...
Где был? куда ты вышел?
Сеней не запер для чего?
И как не досмотрел? и как ты не дослышал?
В работу вас, на поселенье вас.
За грош продать меня готовы.
Ты, быстроглазая, всё от твоих проказ;
Вот он, Кузнецкий мост, наряды и обновы;
Там выучилась ты любовников сводить,
Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка в йзбу, марш, за птицами ходить;
Да и тебя, мой друг, я, дочка, не оставлю;
Еще дни два терпение возьми:
Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми.
Подалее от этих хватов,
В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов,
Там будешь горе горевать,
За пяльцами сидеть, за святцами зевать.
А вас, суда́рь, прошу я толком
Туда не жаловать ни прямо, ни проселком;
И ваша такова последняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будет заперта:
Я постараюсь, я, в набат я приударю,
По городу всему наделаю хлопот
И оглашу во весь народ:
В Сенат подам, министрам, государю.

Чацкий

(после некоторого молчания)

Не образумлюсь... виноват,
И слушаю, не понимаю,

Как будто всё еще мне объяснить хотят,
Растерян мыслями... чего-то ожидаю.

(С жаром)

Слепец! я в ком искал награду всех трудов!
Спешил!.. летел! дрожал! вот счастье, думал,
близко.
Пред кем я давиче так страстно и так низко
Был расточитель нежных слов!
А вы! о боже мой! кого себе избрали?
Когда подумаю, кого вы предпочли!
Зачем меня надеждой завлекли?
Зачем мне прямо не сказали,
Что всё прошедшее вы обратили в смех?!
Что память даже вам постыла
Тех чувств, в обоих нас движений сердца тех,
Которые во мне ни даль не охладила,
Ни развлечения, ни перемена мест.
Дышал, и ими жил, был занят беспрерывно!
Сказали бы, что вам внезапный мой приезд,
Мой вид, мои слова, поступки — всё противно,
Я с вами тотчас бы сношения пресек
И перед тем, как навсегда расстаться,
Не стал бы очень добираться,
Кто этот вам любезный человек?..

(Насмешливо)

Вы помиритесь с ним по размышленьи зрелом.
Себя крушить, и для чего!
Подумайте, всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и спосылать за делом.
Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей —
Высокий идеал московских всех мужей. —
Довольно!.. с вами я горжусь моим разрывом.
А вы, суда́рь отец, вы, страстные к чинам:
Желаю вам дремать в неведеньи счастливом,
Я сватаньем моим не угрожаю вам.
Другий найдется благонравный,
Низкопоклонник и делец,
Достоинствами наконец
Он будущему тестю равный.
Так! отрезвился я сполна,

Мечтанья с глаз долой — и спала пелена;
Теперь не худо б было сряду
На дочь и на отца
И на любовника глупца,
И на весь мир излить всю желчь и всю досаду.
С кем был! Куда меня закинула судьба!
Все гонят! все клянут! Мучителей толпа,
В любви предателей, в вражде неутомимых,
Рассказчиков неукротимых,
Нескладных умников, лукавых простяков,
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором.
Безумным вы меня прославили всем хором.
Вы пра́вы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним
И в нем рассудок уцелеет.
Вон из Москвы! сюда я больше не ездок.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок! —
Карету мне, карету!

(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 15

Кроме Чацкого.

Фамусов

Ну что? не видишь ты, что он с ума сошел?
Скажи сурьезно:
Безумный! что он тут за чепуху молол!
Низкопоклонник! тесть! и про Москву так грозно!
А ты меня решилась уморить?
Моя судьба еще ли не плачевна?
Ах! боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!

1822—1824

КОМЕДИИ И ВОДЕВИЛИ

2. МОЛОДЫЕ СУПРУГИ

Комедия в одном действии, в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Арист
Эльмира
Сафир

Гостиная в Аристовом доме.

ЯВЛЕНИЕ 1

Арист

(входит)

Сегодня завернул некстати я домой:
Придется утро всё беседовать с женой.
Какие странности! люблю ее по чести,
Меж тем приятнее, когда мы с ней не вместе.
Однако впе́рвые не мною найдено,
Что вскоре надоест одно и всё одно.

ЯВЛЕНИЕ 2

Арист и Эльмира, в простом утреннем платье.

Эльмира

А! здравствуй, милый мой, здоров ли?

Арист

Понемногу.

А ты здорова ли, мой друг?

Эльмира

Я слава богу.

Арист

(в сторону)

Веселый разговор.

(Вслух)

Скажи, ужли опять
Ты не намерена сегодня выезжать?
Как взаперти пробыть весь день — не понимаю.

Эльмира

Свой дом всем прочим я домам предпочитаю.

Арист

Но прежде отчего езжала всюду ты?
И ныне способы к тому не отняты.

Эльмира

Веселость светская меня к себе манила,
Когда я дней моих тебе не посвятила;
Большой же ныне свет мне стал казаться мал.

Арист

Но отчего же я от света не отстал,
А дорожу тобой всё более и боле?

Эльмира

Пожалуй, выезжать я буду поневоле.

Арист

Притом и не видать в тебе талантов тех,
Которыми сперва обворожала всех.
Поверь, со стороны об этом думать можно,
Что светских девушек образованье ложно,

Невинный вымысел, уловка матерей,
Чтобы избавиться от зрелых дочерей;
Без мыслей матушка проронит два-три слова,
Что дочка будто ей дарит рисунок новый;
Едва льзя выпросить на диво посмотреть.
Выносят наконец ландшафт или портрет,
С восторгом все кричат: «Возможно ль, как вы
скрóмны!»
А, чай, работали художники наемны.
Потом красавица захочет слух прельщать, —
За фортопьяны; тут не смеют и дышать,
Дивятся, ахают руке столь беглой, гибкой,
Меж тем учитель ей подлаживает скрыпкой;
Потом, влюбленного как в сети завлекли,
В загоне живопись, а инструмент в пыли.
Всё это сказано меж нами не для ссоры.

Эльмира

Заслуживаю ль я подобные укоры?
Я думала, к пенью́ прошла моя пора;
В угодность же тебе я буду петь с утра,
На бале проведу всю ночь.

Арист

Забудем это,
Помыслим о другом. — Уже подходит лето,
Какие меры брать располагаешь ты?

Эльмира

Какие могут быть тобою приняты.

Арист

Оставим городской шум вечный, пыль и сплетни,
На даче проведем мы ясные дни летни.

Эльмира

Пожалуй.

Арист

Но боюсь, нескромен сей приют:
Непрошеные нас близь города найдут;
Притом соседство там ужасно как наскучит.

Эльмира

Куда ж поедем мы?

Арист

Меня страх это мучит.
В скитаньях провести нам лето как-нибудь.

Эльмира

На всё согласна я.

Арист

Куда ж направим путь —
В Крым или на Кавказ?

Эльмира

Куда тебе угодно.

Арист

Куда угодно мне — вот это бесподобно!
Я мнение твое желаю знать давно,
Чего б хотела ты?

Эльмира

Мне, право, всё равно.

Арист

Так, видно, далее не ехать нам заставы.

Эльмира

Везде, где вместе мы, мне радость и забавы!
Я, право, завсегда стараюсь угадать
Всё то, что мысленно ты можешь пожелать.

Арист

И я признателен.

Эльмира

Нет! я так замечала,
Что скучно всё тебе.

Арист

Мне скучно?

Эльмира

Да.

Арист

Нимало.

Эльмира

По крайней мере мне казалось иногда,
Что, сидя ты со мной, не в духе...

Арист

Никогда.

Эльмира

О, если б ложные мне виделись приметы!

Арист

Я рад с тобою быть... однако где газеты?
(В сторону)
Над ними все-таки пристойнее зевать.

Эльмира

Он занят чтением, — мне тоже книгу взять.

ЯВЛЕНИЕ 3

Прежние и Сафир.

Сафир

За чтеньем муж с женой, — вид важный и
степенный!
Примерная чета! божусь, неоцененно.

Арист

Ах! как ты мил, Сафир, что вспомнил обо мне:
Мы утро целое с женой наедине.

Сафир

Непозволительно и утренней порою
Скучать, любезный мой, с супругой молодою.

Эльмира

Мой муж ведомостьми был занят, а не мной.

Арист

Что рано с балу так уехал ты домой?
Досадно, по тебе мы поздно спохватились.

Сафир

Я крепко задремал.

Арист

А мы так всё резвились.
В Аглаю знаешь как Сердаликов влюблен?
Я настоял на том, чтобы взбесился он:
С Аглаей всё шептал и танцевал нарочно;
А он краснел, бледнел, дрожал, ворчал, ну точно
Не раз обманутый ревнивый на часах.

Сафир

С Аглаей всякому легко быть в дураках.

Арист

Везде, где только бал, она необходима.

Эльмира

(в сторону)

А я здесь лишняя.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Арист и Сафир.

Сафир

Теперь об этом мимо;
В присутствии жены поосторожней будь.
Ба! да она ушла.

Арист

Бог с ней, счастливый путь.

Сафир

Не совестно ль тебе с женою столько нежной
Вести себя, как ты, так сухо, так небрежно?

Арист

Да, очень совестно, пожалуй побрани.

Сафир

В уединении она проводит дни,
До у́тра твоего ждет с бала возвращенья.

Арист

А мне что за нужда? Какие утешенья!
Что с ней я, что один, не всё ли мне равно?
Хожу по комнате, глазею с час в окно;
Скажу ей что-нибудь — она мне потакает,
И речь в устах моих, не кончась, замирает.
У нас с Эльмирою эмблемой приняты
Не розаны, мой друг, а маковы цветы.

Сафир

И тягостно тебе согласие домашне?

Арист

Да, сударь, тягостно согласие всегдашне.
Зачем она молчит и убегает свет?
Причиной спесь, иль лень; ума в ней, что ли, нет?
О! пропасть в ней ума; но кто про это знает?
И дарований тьма, — она их все скрывает;
Прекрасная собой, — одета не к лицу!..
Я впрямь был вне себя, когда мы шли к венцу,
Как в первый раз меня Эльмира обнимала!..
Немые ласки те божественны сначала,
А в продолжении весьма надоедят.

Сафир

Иной подумает, что ты давно женат.

Арист

По справедливости, три месяца — три века!..
С Эльмирой можно близь тенистого просека,
Под свесом липовым, на бархатном лужку
Любиться, нежиться, как надо пастушку,
И таять весь свой век в безмолвьи неразлучно.
Всё это весело в стихах, а в прочем скучно.

Сафир

Ты прав, на что она скромна, тиха, мила;
Нет, лучше, чтоб она кокеткою была.

Арист

Кокетка, знаешь ли, ужасно только слово.

Сафир

Кроме значения, нет ничего худого.

Арист

Пусть ищет нравиться моя Эльмира всем,
Но любит лишь меня, и я доволен тем.

Сафир

Ах! убегая раз она домашней сени,
Тобою занята гораздо будет меней;
Потом, как врозь она привыкнет быть с тобой,
Не мудрено, что ей понравится другой.
Потом — как раза два она тебя обманет,
Глядь, в очередь свою виновный охать станет.

Арист

Мой будущий удел я знаю наперед;
В наш век степенница по свадьбе через год
Берет любовника, — единобразье скушно,
И муж на то глядеть обязан равнодушно.
Всё это сбыточно, всё это быть должно
Со мною, как с другим, — так раз заведено.
Однако до тех пор хотел бы я в Эльмире
Все видеть способы искусства, средства в мире
Рядиться, нравиться, приятной, ловкой быть,
А более еще, чтоб таковой прослыть;

Чтоб рой любовников при ней был ежечасно,
Но ею пре́зренный, рой жалкий и несчастный!
А я бы думать мог, на этот рой смотря:
Старайтесь круг ее, а наслаждаюсь я!

Сафир

Ребячество, мой друг, ребячество большое;
И скрашивать на что суждение пустое?
Скажи, что молод ты супругом путным быть,
Не в силах качества жены своей ценить.

Арист

Любовь моя к жене род страсти, обожанье! ..
Постой, да ныне мне назначено свиданье.
Прощай, любезный мой.

Сафир

С Аглаей?

Арист

Точно так.

Сафир

Ну можно ль предпочесть ее жене?

Арист

Никак.
Я знаю, что жене супруги должность свя́та,
А у вертушки той я, может быть, десятый;
Но с нею в забытьи я время провожу,
С женою ж разговор едва ли нахожу;
И наконец тебе доверить можно смело,
Что ныне, как в суде мое решают дело
И, может, приберут имение к рукам,
Я, вместо чтоб скакать по стряпчим, по судам,
Платить и кланяться, — к прелестнице поеду,
А ты покуда здесь останься, проповедуй!

(Уходит.)

Сафир

Поди, суда́рь, к жене. — Вот сущий ветрогон!
Чему ж дивиться нам, что мало верных жен.

ЯВЛЕНИЕ 5

Сафир и Эльмира, одетая с бо́льшим вкусом, чем прежде.

Эльмира

Мне споры ваши все из спальней были слышны.
К увещеванию слова, труды излишни,
И горести мои известны вам одним.
Я опасалась в них довериться родным,
Чтоб не доставить тем худой Аристу славы.

Сафир

Он виноват кругом, но вовсе ли вы правы?

Эльмира

Уж вы всё знаете, судите вы меня.
С тех пор, как я за ним, доселе, несмотря
На частые его отсутствия, холодность,
Я делаю ли что Аристу в неугодность?
Противуречу ли, мешаю ль в чем-нибудь?
Иль жалуюсь когда, ропщу? Ах! нет, отнюдь:
Я одобряю всё, что нужным он находит,
Не спрашиваю, где он дни свои проводит;
Что б ни задумал он, я перед ним молчу
И воли собственной иметь я не хочу.
Вот все вины́ мои.

Сафир

И что же? очень худо.
Где нет взаимности, рождается остуда;
Ее же претворит один мертвящий взор
Любовь в раскаянье, согласие в раздор
И цепь цветочную в железные оковы;
Примеры этому и многи и не новы.

Эльмира

Итак, не до́лжно мне покорной мужу быть?

Сафир

Нет, дайте мне сполна вам это объяснить.
Тот муж, мы, например, каким Ариста знаем,
Уверенный, что он женою обожаем

Что ясных дней его ничто не помрачит,
В беспечности благой живет как сибарит;
Вседневны ласки он с холодностью приемлет;
Взаимность райская утихнет и задремлет;
Ему ничто не впрок, и чужд сердечный страх.
Нет! постарайтесь быть хотя в его глазах
Вы легкомысленней и больше прихотливы;
Увидите, какой он будет боязливый.
Едва опомнится, что может потерять
Блаженство, коим стал он так пренебрегать,
С супругой-ангелом в любви минутах тайных,
Он в заблуждениях раскается случайных
И, образумясь, вам покорен будет вновь.

Эльмира

Не послушание мне нужно, а любовь.

Сафир

Но возвратить ее нет способа другого.

Эльмира

Хоть ныне умереть я за него готова.

Сафир

Не надо умирать; приличней средство есть,
Чтоб чувства прежние Ариста вам обресть.

Эльмира

И способ случай мне давно к тому доставил:
Мой муж в рассеяньи, дела свои оставил,
Но я за них взялась, радела как могла,
У должностных людей по целым дням была,
На малу опытность мою с прискорбьем глядя,
Мне руку помощи в том подавал мой дядя.
У мужа тяжба есть по делу одному,
И производится неведомо ему.
Хотя на стороне его и справедливость,
В неправоту ему вменили б нерадивость.
Я не щадила просьб, подарков и хлопот.
Сегодня жданный день решенья настает.
Я еду, чтоб узнать, успешно ль окончанье;
Увидит пусть Арист мое об нем старанье.

Сафир

Возможно ль, чтоб он был неблагодарен вам?
Вы более об нем печетесь, чем он сам,
Но, ах!..

Эльмира

Докончите, я вам охотно верю.

Сафир

Вы возвратите ль сим любви его потерю?
Конечно, скажет он и скажет целый свет:
Что дивных качеств вы, что вам подобной нет,
Что делаете честь вы редких жен сословью.
Почтенье не всегда сопряжено с любовью.

Эльмира

Или намерены меня вы убедить,
Что нет возможности мне мужу угодить;
Что сердца я его лишаюсь невозвратно.
Так! должно верить мне сему, хоть неприятно.
Он вовсе действует тем чувствам вопреки,
Являл которые, искав моей руки.
В те дни, что для меня так памятны, так сладки,
Он всё любил во мне — и даже недостатки.

Сафир

О! в этом нечего меня вам уверять!
Как вас не полюбить? вам суждено пленять.
Но узников своих чтоб приучить к неволе,
На то потребно средств еще гораздо боле;
Они, сударыня, для вас не мудрены;
Зачем отбросили свои таланты вы?
Искусством нравиться пренебрегать не надо.
Вы хороши собой хотя и без наряда,
Но что вы, как теперь, одеты не всегда?
Зачем не ездите в собранья иногда,
Которых можете быть первым украшеньем?
Там возбужденные правдивым восхищеньем
Хвалы, с которыми к вам всякий поспешит, —
Ручаюсь, что Арист их дорого ценит.

Эльмира

Ужели кисея, надетая удачно,
Ему заменит взор мой ласковый, безмрачный?
Ужель неискренний восторг, похвальный бред,
Который так легко всем уделяет свет,
Захочет он сравнять с горячностию тою,
С которой может он быть мной любим одною?

Сафир

О нет! конечно, нет; но, видя каждый раз
Везде угодников, вздыхателей круг вас,
Сам будет угождать, к свому привыкнет дому,
Чтоб сердца вашего не уступить другому.

Эльмира

Довольно; верьте мне, что до минуты сей
Скрывалась дома я, таилась от людей
Не для того, чтоб быть мне от других отличной, —
Любить веселье мне подобно всем прилично:
Утехи, счастие, всех радостей собор
В Аристе мне одном мечтались до сих пор.
Он насмехается над чувствами моими.
С теперешней поры и я прощаюсь с ними:
Род жизни я моей переменяю весь;
И съездов ежели у нас не будет здесь,
То целый день и ночь искать их буду вчуже.

Сафир

Вот удивите вы весь свет!

Эльмира

Так удивлю же.

Сафир

И сим поддержите честь пола своего.
Я знаю, женщинам нет легче ничего,
Как пременять свой вид, и даже свойства,
мненья. . .
Но, кстати, вы теперь начните превращенья:
Сыграйте что-нибудь и спойте в добрый час;
Пусть музы, Аполлон и, словом, весь Парнас
Благоприятствуют успешному началу.

Эльмира

Давно не пела я.

Сафир

Попробуйте.

Эльмира

Пожалуй.

(Садится за фортопиано и поет.)

1

Боги! Лида, унывая,
В грусти вопиет своей:
Ах! красавица какая
В мирной есть долине сей,
Что, от жалкой Лиды кроясь,
Разлучает с милым нас!
Иль она Венерин пояс
Получила в дар от вас?

Пристойнее бы мне совсем не начинать.

Сафир

И таковой талант вы можете скрывать?
Как дурно скромничать не к месту...
Продолжайте.

Эльмира

Смотрите ж, за глаза меня не осуждайте.

2

Вдруг, как ветерок привея,
Лель ей на ушко шепнул:
Ты пастушек всех милее!
Но Филон, едва вздохнул, —
От тебя всё получает;
Для того не ищет вновь:
Где желанье умолкает,
Умолкает и любовь.

Что, ежели Арист пришел бы сей порой?

Сафир

Не знаю, что бы он, а я уж сам не свой!

ЯВЛЕНИЕ 6

Эльмира, Сафир и Арист, входит и останавливается в дверях.

8

И подшед Филон к прекрасной,
Ей не встречен в первый раз;
Просит поцелуй напрасно:
За отказом вслед отказ;
В просьбах и сопротивленьи
Длится неги сладкий час,
И любовник в упоеньи
Счастлив — будто в первый раз.

Ей-богу, ваше мне суждение опасно.

Арист

Неподражаемо! божественно! прекрасно!

Эльмира

Я не заметила тебя; давно ль ты здесь?

Арист

Что ж делать: где талант, бывает также спесь.
Но чьим обязан я всесильным убежденьям?
Кто приманил тебя к забытым упражненьям?
Ты думала ль меня приятно удивить?

Эльмира

О! благодарностью ты можешь не спешить:
Вот упросил меня.

Арист

Сафир?

Эльмира

Да, он.

Арист

Измена!
Я сколько приставал и падал на колена,
И всё не мог тебя на это преклонить.

Эльмира

Как будто бы мужья умеют попросить;
Их просьба на приказ ужасно как походит,
А повеление до сердца не доходит.

Сафир

Арист! тебе урок.

Арист

Старательный убор;
А принуждения не замечает взор;
Платочек на груди как ветерок навеян.

Эльмира

Я ехать собралась.

Арист

Ты едешь?

Эльмира

В магазеин.

Арист

И в магазеин?

Эльмира

Да.

Арист

Не верю я ушам.

Эльмира

Тьму разных мелочей я заказала там,
И надо кое-что для нынешнего балу.

Арист

Для балу?

Эльмира

Точно так.

Арист

Но объяснись пожалуй,
Пустыннический дух ужели впрямь исчез?
Тебя ли слушаю? Давно ли до небес
Уединение ты мне превозносила?

Эльмира

И это помнишь ты? я, право, позабыла.

Арист

Забыла правила любимы через час?
И вот, о женщины! не обижая вас,
Вот та, которая из самых постоянных!

Эльмира

Ты первый недруг был всех этих правил странных;
Сафир противу их меня охолодил.

Арист

И все-таки Сафир.

Эльмира

Тебе он угодил:
Он сделал, что твои уважила я мненья;
Ты, верно, очень рад?

Арист

(сухо)

Я нем от восхищенья.
Да как послушалась Сафировых ты слов
Так скоро — невзначай?

Эльмира

И без больших трудов.
Мне перестали быть те общества противны,
Где предвещает он веселья непрерывны,
Где можно нравиться легко в моих летах.
Нет! больше не сижу я в четырех стенах.
Пускай к рассеянью кто нову страсть осудит:
Сафир ее внушил, и отвечать он будет.

Сафир

За что такая честь! Я, право, уж боюсь,
Что красноречием невольно возгоржусь.

Эльмира

Не даром — в полчаса вы совершить умели
То, в чем бы во сто лет другие не успели.

Арист

Завиден тот, кому дар слова дан такой.
Так вместе на́ вечер поедем мы с тобой.

Эльмира

И нет! там многие, в сужденьи торопливы,
Безвинно посвятят тебя в мужья ревнивы
Или найдут, что мы как пара голубков;
Я ж от двусмысленных шептаний, полуслов
Старалась до сих пор быть сколько можно дале.

Арист

Как! если вместе мы покажемся на бале,
Двусмысленно о том свет будет говорить?
Мне всё двусмысленным уж начинает быть.

Эльмира

Сафир! еще совет: какого лучше цвету
Купить бы шляпку мне?

Сафир

Малинового.

Арист

Нету,
По мне — небесного.

Эльмира

Нет, нет!

Арист

А почему?

Эльмира

Не верю иногда я вкусу твоему.

Арист

Подписан приговор! мой вкус уже порочен!

Эльмира

Порочен не скажу, а переменчив очень.
Но с вами нехотя я время упущу,
Прощайте; ежели найду, чего ищу,
Я буду истинно довольна и счастлива.
Сафир! желайте мне успеха.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 7

Арист и Сафир.

Арист

Что за диво!

Сафир

Каков с Аглаей ты? — Она тебя нашла
Иль ты ее сыскал?

Арист

(не внимая ему)

При всем том как мила!

Сафир

Надеюсь, для тебя всего милее света.
Увы! надолго ли?

Арист

Как хорошо одета!

Сафир

О! этим славится не без причин она;
Что более в ней есть?

Арист

Жива, ловка, умна!

Сафир

Приятно сладостных часов воспоминанье!
А где произошло с любезною свиданье?
Что сделалось с тобой! как ты задумчив.

Арист

Да,
Я таковой ее не видел никогда!

Сафир

Вскружила голову тебе совсем Аглая,
Скажи по совести?

Арист

Ох, братец, нет, другая.

Сафир

Уже другая? я как вкопанный стою!

Арист

Да, я влюбился вновь.

Сафир

В кого?

Арист

В жену мою.

Сафир

Вот новости еще!

ЯВЛЕНИЕ 8

Прежние и Эльмира.

Эльмира

Как будто это надо,
Чтоб именно со мной тут встретилась досада.

Арист

А что случилось?

Эльмира

Что? вы б это не снесли.

Арист

Быть может; но скажи...

Эльмира

Вы бы с ума сошли.

Арист

Я верю, но скажи, в чем происходит дело?

Эльмира

Ужели о пустом я так бы зашумела?

Арист

Печальное пришло известье?

Эльмира

Ох, не то!
Мне плакать хочется.

Арист

Не умер ли уж кто?

Эльмира

Не может разве быть несчастия иного?

Арист

Да что же сделалось?

Эльмира

Карета не готова.

Арист

Загадки этой я не разрешил бы ввек.

Эльмира

Вас это веселит, счастливый человек
В забаву для себя всё обратить умеет!

Но если новое мне платье не поспеет,
То я не знаю, в чем уже на бале быть.

Арист

Уже? так перестань, мой друг, себя крушить:
Едва ты явишься, и, позабыв наряды,
На красоту твою все обратятся взгляды.

Эльмира

Удачно мадригал вы, сударь, мне сплели;
Аглае лучше бы его поберегли.

Арист

Как! что это?

Эльмира

Сафир! пожалуй, подойдите.

Сафир

Чего изволите?

Эльмира

Рукавчик завяжите.
Послушайте меня.
(Тихо ему)
Арист не должен знать,
Что по его делам я еду хлопотать.

Сафир

Я умолчал о том.

Эльмира

Я этого страшилась,
И только для того сюда к вам воротилась.

Арист
(в сторону)

Они с ней шепчутся.

Эльмира
(громко)

Благодарю.

Сафир

За что ж?

Арист

У вас таинственность; а я на что похож?

Эльмира

И тайну чтоб узнать, догадки надо много.

Арист

Сафир! прошу сказать.

Эльмира

Сафир! ах! ради бога!

Сафир

Не бойтесь, не скажу.

Арист

Я угадаю сам.

Эльмира

Ломайте голову, я позволяю вам;
А вы не делайте, Сафир, ему рассказы.
Пора уж отомстить мне за его проказы.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 9

Арист и Сафир.

Арист

Конечно, ежели сего лишь захотят,
И ангела с пути прямого совратят,
Не правда ли, Сафир?

Сафир

Мне это непонятно.

Арист

Не ждал от дружбы я услуги столь приятной.

Сафир

Пожалуй объяснись.

Арист

Иль славно поступил
Ты, что жене мою с Аглаей связь открыл?

Сафир

Кто, я?

Арист

Да, ты.

Сафир

Арист!

Арист

Сознайся, что некстати
Уведомлять жену о мужнином разврате?
Коль ветреность мою так можно называть.

Сафир

Арист!

Арист

Когда же мнишь любовь ее снискать,
То лучше отложи все ковы в долгий ящик.
Такой ли женщине приятен пересказчик?

Сафир

Уж это чересчур! — Вот на — рука моя,
Что ей не говорил о том ни слова я.

Арист

Да кто же ей сказал?

Сафир

Кто! — мне какое дело!
Но только что не я, могу уверить смело.

Арист

Ужели у меня есть скрытные враги,
Привыкшие мои изведывать шаги?..

Сафир

Ты всё колеблешься? Я повторяю снова:
Не я о том сказал, даю честнóе слово.

Арист

Довольно; извини, прости меня, Сафир.

Сафир

Как мог подумать ты?

Арист

Ну, мир.

Сафир

Пожалуй, мир.

Арист

Я очень чувствую, что это быть не может.
Не знаю, ныне что весь день меня тревожит?

Сафир

А повод к этому?

Арист

Эльмира. — Посуди:
Блаженство обретал я на ее груди;
Смиренный, тихий нрав, испытанный во многом,
Любви достаточным казался мне залогом.
Я так уверен был, беспечен, что, ей-ей,
В объятиях ее не помышлял об ней.
Внезапно кротость та пожертвована вздору;
Эльмира вне себя от шляпки, от убору:
Она сбирается на бал, а я — сказать стыжусь! —
И в провожатые уж боле не гожусь.

Сафир

Ну что ж? ей, может быть, единобразье скушно,
И ты на то глядеть обязан равнодушно.

Арист

Я это говорил, я точно не был прав:
Еще не знал тогда я ревности отрав.

Сафир

А ныне чувствуешь?

Арист

Не точно ревность...

Сафир

Что же?

Арист

А что-то, на нее ужасно как похоже.

Сафир

Мой друг, не вовсе ль ты рассудок потерял?
Когда жена твоя, чего ты сам желал,
К приманкам светскости не столько хладнокровна,
Уже ты вне себя, уже она виновна.

Арист

Пременчивости тень убийственна тому,
Кто вверился, как я, блаженству своему. —
Постой, что давеча она тебе шептала?

Сафир

Вот, видно, на меня опять сомненье пало.
Весь толк о шляпке был; ты, верно, слышал сам?

Арист

Неправда, выдумка, я вижу по глазам.
Скажи мне истину сейчас — или ни слова.

Сафир

По крайней мере нет тут ничего такого,
Что неприятность бы могло тебе подать.

Арист

К чему ж таинственность?

Сафир

Я обещал молчать.

Арист

Довольно.

Сафир

Что с тобой, в лице весь изменился.

Арист

Тебе, знать, чудится.

Сафир

Ну, право, рассердился.

Арист

Я... ничего.

Сафир

Постой, куда же ты пошел?

Арист

Я так...

Сафир

Куда, скажи?

Арист

Здесь воздух мне тяжел.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Сафир, один.

Сафир

И это был Арист! он может быть ревнивым!
Так! вертопрахам он пример велеречивым;
Блаженства сущностью они не дорожат:
Его утративши, по нем же загрустят.

ЯВЛЕНИЕ 11

Сафир и Эльмира.

Сафир

Вы скоро съездили.

Эльмира

Не правда ль, торопливо?
Не менее того мой выезд пресчастливый;
И в сей записочке еще подтверждено,
Что в пользу дело всё Ариста решено.
Прочтите, — с сим письмом слуга мне повстречался.
Успехом наконец мой поиск увенчался.

Сафир

Я поздравляю вас.

Эльмира

А что Арист?

Сафир

Пропал.
Отчаянно брюзглив и недоверчив стал;
Любезные черты ревнивца он являет.

Эльмира

Что неожиданно его переменяет?

Сафир

Что хочет женщина, то сбудется всегда.

Эльмира

Какие случаи бывают иногда:
Я радуюсь тому, о чем иная плачет;
Мой муж ревнив!

Сафир

И как!

Эльмира

Сафир! что это значит?

Сафир

То значит, что ему досталось унывать.

Эльмира

О! я берусь его достойно наказать:
От дядюшки письмо я утаю до срока,
Его промучаю весь день.

Сафир

Ах! как жестоко!

Эльмира

Мной чувства жалости совсем отдалены;
С ума его сведу.

Сафир

По милости жены
Не первый попадет в число он сумасшедших.

Эльмира

Нет! а раскается он в шалостях прошедших,
Ручаюсь вам за то.

ЯВЛЕНИЕ 12

Прежние и Арист, в дверях.

Сафир

Признаться, что Арист
Пред вами совестью своей не очень чист,
И наказания примерного достоин.

Эльмира

И накажу его, он может быть покоен.

Сафир

А чем? не этим ли письмом?

Эльмира

Чем бог послал.
Отдайте мне его, чтоб он не увидал.

Арист

Итак, сбылись мои правдивые сомненья!
Скажи, бессовестный, еще в недоуменьи
Не знаю, как судить мне по твоим словам:
Помощник, что ли, ты иль обольститель сам?

Сафир

К кому такая речь?

Эльмира

Замешаны мы оба.

Арист

Уж боле не к лицу невинною особой
Прикидываться вам: сей день вас обличил;
Довольно времени я легковерен был.

Сафир

Обдумайся, Арист.

Эльмира

Он в полном ли рассудке?

Арист

О! бросьте наконец безвременные шутки.
Скажи, суда́рь! .. Иль нет, оставь покуда нас;
Мы лучше свидимся с тобою через час,
Тогда произойдет короче объясненье.

Сафир

Но что ввело тебя в такое исступленье,
Скажи причину нам?

Арист

Оно у ней в руках.

Сафир и Эльмира

Письмо!

Арист

Неу́жели вы ощутили страх?

Сафир

Дай мне тебе сказать...

Арист

Мне слушать недосужно.

Сафир

Одно...

Арист

Не надобно.

Сафир

Лишь слово дай...

Арист

Не нужно.

Эльмира

Вы видите, Сафир, он, кажется, в бреду;
Подите, пусть его упрямится.

Сафир

Иду.

Он, право, жалок мне!

Арист

Ужимки бросьте эти:
Еще ль вам повторять, что нам не нужен третий?

Сафир уходит.

ЯВЛЕНИЕ 13

Арист и Эльмира.

Эльмира

Чего хотите вы? вот мы наедине.

Арист

Не вам расспрашивать, сударыня, а мне.

Эльмира

Чего хотите вы?

Арист

Чего? вопрос забавный!
Подайте мне письмо, где я увижу явно,
Как женской честности вы пре́зрели закон,
Как вами я забыт, поруган, оскорблен!

Эльмира

Поруган! оскорблен! — какие выраженья!
Но ваши не хочу я разрешать сомненья
И не отдам письма.

Арист

Должны его отдать,
Иль бешенство мое хотите испытать?

Эльмира

Подумайте — читать письмо чужое низко,
И хлопотен надзор над женской перепиской.

Арист

Я, кажется, вам муж.

Эльмира

Я, сударь, вам жена;
И любопытством я большим одарена,
Но ваши тайны мне всегда казались святы.

Арист

Вам свято что-нибудь! не я ль уж виноватый?
Подайте мне письмо.

Эльмира

Нет, право, не отдам.
Читаю ль я когда, что пишет часто вам
Любезная для вас, прелестная Аглая
И, может быть, еще прелестница другая?

Арист

Как заблуждения дерзаете равнять
Мои вы с вашими? Иль вам растолковать:
Мои суть шалости, а ваши преступленья.

Эльмира

Где эти ветхие нашли вы наставленья?

Арист

Но и погрешности мои вам не покров;
Я вам неверен был на несколько часов;
А в доказательство, здесь для моей очистки,
Вот как я берегу любовные записки.

(Вынимает записки из бумажника и рвет.)

Эльмира

Ах! доказательства не служат ни к чему,
Коль дороги еще вы сердцу моему,
И бесполезнее, когда я к вам остыла.

Арист

В глаза мне говорит, что точно изменила!
Простительно ль сему бесстыдству мне внимать?
Не думайте, чтоб я вас мог подозревать
По недостаточной какой-нибудь причине;
Нет! повод вы к сему мне подали не ныне,
А перемену в вас заметил я давно.

Эльмира

Что вы заметили?

Арист

То, что... Но всё равно,
Я тысячу могу вам случаев исчислить,
По коим должен был об вас я худо мыслить;
Довольно было бы смешно не замечать
Мне на лице у вас уныния печать,
Когда наедине мы оставались с вами;
И часто думал я, что, кстати, между нами,
Страдаете всегда вы болью головной,
Когда случается вам выезжать со мной. —

Сегодня поутру, на что искать мне дале,
В смятеньи были вы, погружены в печали,
Когда напомянул я об деревне вам;
Конечно, скоро бы прибегнули к слезам,
К упрекам, жалобам! — на дело не похоже!..
Является Сафир, я ухожу — и что же?
Откуда всё взялось на бедствие мое:
Веселость, острота, наряды и пеньё —
Все, словом, женские чертовские приманки.
Я в дверь, вы со двора, и очень спозаранки.
Не ведаю, какой злой дух в меня вдохнул,
Чтобы Сафиру я об этом намекнул?
Изменник! над моим ругался как несчастьем!
Как утешал меня притворным соучастьем!
Непринужденно как смеялся, ободрял!
От горькой истины как хитро отвращал!
Как другом и женой жестоко я обманут!
Но более меня обманывать не станут.
Что вы потупили глаза? вы смущены?
Подайте ж мне письмо.

Эльмира

Мой бог! как вы смешны!

Арист

Я очень чувствую; однако непристойно
Вам это замечать.

Эльмира

Нрав самый беспокойный.
Мне, право, кажется, что вы больны — в жару.
Не сами ль ныне вы твердили поутру,
Чтоб одевалась я нарядней, выезжала,
Чтоб дарованьями не столь пренебрегала?
По воле вашей я за это принялась,
И вышло невпопад, — как угодить на вас?
Откуда прихотей вы набрались?

Арист

Откуда?
Я впрямь несправедлив, и был, и есмь, и буду!
Подайте мне письмо.

Эльмира

Пора об нем забыть.

Арист

Как можете еще такой спокойной быть?

Эльмира

Да это оттого, что нрав имею ровный.

Арист

Пожалуй, говорить я стану хладнокровно.
Письмо я требую; прошу его от вас
Не для того, чтобы с сей вывеской тотчас
Повсюду разглашать ваш стыд, мое бесчестье,
И вскоре без меня о том пройдет известье;
Над этим случаем свет едкость изострит,
Печальну истину раскрасит, распестрит;
Еще похвалит вас, что мужа обманули.
Нет! лучше припасу две роковые пули:
Одну бездельнику, другую для себя.

Эльмира

Как хладнокровно!

Арист

Нет! вас сверх всего любя,
Скажите, я могу ль так вдруг возненавидеть?
Подайте мне письмо, — ах! дайте мне увидеть,
Вам точно ли всегда другой казался мил,
Всё притворялись вы, я всё обманут был.
Вы усмехаетесь, — кто смеху здесь предметом?

Эльмира

Я думала теперь, ей-богу, не об этом.

Арист

Не будем долее комедию играть;
Подайте мне письмо, — ведь надобно ж отдать?
Подайте, — право, я за вас боюсь.

Эльмира

Не бойтесь.

Арист

Подайте.

Эльмира

Полноте.

Арист

Подайте.

Эльмира

Успокойтесь;
Возьмите, вот оно.

Арист

Что буду я читать?

(Читает)

«Не надлежало б так Ариста баловáть,
Эльмира, милый друг! но так и быть; и дело
Он ныне выиграл, — ты этого хотела.
Прощай, я остаюсь усердный дядя твой.
N.»

Эльмира! я дурак! прости мне, ангел мой!

Эльмира

Насилу сделались опять вы справедливы.

Арист

Я недоверчивый, неистовый, строптивый!
Какие клеветы произносил с сердцов?
Для оправдания мне недостанет слов.

ЯВЛЕНИЕ 14

Прежние и Сафир.

Сафир

Вот неожиданность! хоть бы в волшебных тѐнях;
Супруга нежная в слезах, муж на коленях!
Раскаянье, любовь, согласие! — что, брат?

Арист

Пред ней я, пред тобой, пред всеми виноват.
Прости, Эльмира, мне сомненье безрассудно;
Конечно, мне к тебе его питать бы трудно;
Но мой неправый гнев. . . но и проступок сей —
Не есть ли верный знак к тебе любви моей?

Эльмира

Нет, беспорочной мне была холодность платой
И ревность, я когда казалась виноватой.

Арист

Что требуешь, скажи: чтоб удалился я
В леса дремучие, в безлюдные края?
Мой друг, изволь, и там забуду я с тобою
Веселья бурные, утраченные мною.

Эльмира

Такие жертвы я, конечно, откажу:
Приятность в городе сама я нахожу.

Арист

Как хочешь; но теперь в столице иль в пустыне
С тобою дома я всегда сижу отныне —
Днем, утром, вечером, и в полдень, и в полно́чь;
Все вертопрашества и суетности прочь!

Эльмира

Но дома не всегда меня ты видеть будешь.

Арист

Иль долго ты мою вину не позабудешь? . .

Сафир

Или прикажете мне к вашим пасть ногам?

Эльмира

Прощаю — пусть он всем обязан будет вам.

(Аристу)

Так, если несколько тебя сей день исправил,
Его благодаря: он и меня наставил,

Чтоб вкусам я твоим старалась снисходить,
Затем чтоб от других приманок отвратить,
Чтоб иногда твоей противилась я воле,
Затем чтоб ты ценил мое смиренство боле.
Так! он любовь твою мне возвратить хотел,
Старался сколько мог — и, может быть, успел.

1814 или 1815

3. ОТРЫВОК ИЗ КОМЕДИИ ⟨«СВОЯ СЕМЬЯ, ИЛИ ЗАМУЖНЯЯ НЕВЕСТА»⟩

Любим, молодой человек, в бытность свою в Петербурге женился по страсти, без согласия своих родственников. Он привозит жену в тот город, где живут все его тетки и дяди: Мавра Савишна, Раиса Савишна, Варвара Савишна, Карп Савич, Максим Меркулович. Все думают, что он сговорен; никто не знает, что он женат, кроме Варвары Савишны, которая всех добрее и у которой молодые пристали. Любимова свадьба до времени остается тайной, а между тем Наташа, жена его, под чужим именем, знакомится со всею мужниною роднею, старается каждому из них угодить и понравиться, и в том успевает. — Это содержание одной комедии кн. А. А. Шаховского, в которой я взялся сделать несколько сцен из второго акта. Вот они.

⟨ЯВЛЕНИЕ 1⟩

Варвара Савишна, Любим, Наташа.

Любим

Да! я обегал всю почтенную родню,
И счастья своего покамест не виню:
Где ни был, никого найти не удавалось,
Кроме одной. — Зато уж от нее досталось!
К Раисе Савишне, как следует, зашел;
Глядь, у себя. Слуга тотчас меня повел
К ней в образную, — там в очках она читала,
Вспрыгну́ла, ахнула и в обморок упала.
Оттерли. — Боже мой! тут только что держись:
Увещевания рекою полились;
И всё печатное, что только вышло внове,
Всё знает наизусть, не ошибется в слове;

Ну, так и сыплет вздор. Речь о тебе зашла:
Тут длинную она статью о том прочла,
Как, верно, в девушке, вертушке новомодной,
Нет пламенной души, ни нежности природной,
Ни сердца простоты... А я без дальних слов,
Не выслушав всего, взял шляпу, был таков.
Наташа, как я глуп! зачем, не понимаю,
Привез тебя сюда?

Варвара Савишна

Вот так-то! поздравляю!
Все виноваты мы...

Любим

Ах, нет! всегда жене
Твердил я, что у нас порядочных в родне
Есть двое: вы да я.

Варвара Савишна

Поверь мне: помаленьку
На свой поставишь лад ты всю свою роденьку.
Наш опыт удался с секунд-маиором. Ну,
Полюбят также все они твою жену, —
Дай срок.

Наташа

А с дядюшкой сдружились мы случайно!..
Он на тебя похож, Любим, да чрезвычайно!
И видно по всему, что смолоду он был
Такой же ветреный, и так же добр и мил.
Максим Меркулович — тот не того разбора,
Да и две тетушки! Не сладишь с ними скоро!
Ну, если не пойдут никак они на лад,
Я, пусть они меня расценят, как хотят,
Скажу им наотрез: пожалуй, мной гнушайтесь,
Для мужа всё стерплю.

Любим

(обращаясь к Варваре Савишне)

А! какова! признайтесь,
Что будьте сами вы мужчиной... вы как раз
Женились бы на ней. — Все перед нею пас.

Варвара Савишна
(посмотрев в окошко)

Ах! Мавра Савишна сюда идет!

Наташа

Какая?
Что сва́рливая?

Варвара Савишна

Да, крикуша!

Любим

И скупая,
И тем упрямее, что денег тьма у ней.

Наташа

Ах! нет ли, тетушка, здесь в доме попростей
Какого платьица, чтоб мне пришлось по тальи?

Варвара Савишна

У Груньки в де́вичьей спросить... Нет! у Натальи
Передничек ее да шемизетку взять,
Что в праздничные дни велю ей надевать.
Уйдите же... она уж подошла к порогу.

Наташа
(уходя)

Любим!

Любим

Я за тобой.

Уходят вместе.

⟨ЯВЛЕНИЕ 2⟩

Мавра Савишна, Варвара Савишна.

Мавра Савишна

Скажи-ка: слава богу!
Ведь наш Любим сюда изволил прикатить!
Хоть, правда, поспешил меня он навестить,

Да вишь пожаловал в тот самый час, в который
К вечерне я хожу. Ох! эти мне проворы!
Я чай, разведывал, когда-де побывать?
Когда потрафить так, чтоб дома не застать!

Варвара Савишна

Ну, можно ли...

Мавра Савишна

Чего? Он разве малый путный?
Я одному дивлюсь, что карточкой визютной
Меня не наградил; а то ведь таковой
Обычай водится в столицах, об Святой
И в Рождество. Да что? там вечно наглость та же;
Знатнейшие дома — и родственников даже —
Вот посещают как: сам барин дома спит,
Карету и пошлет, а в ней холоп сидит,
Как будто господин; обрыскает край света,
Швыряет карточки!.. Спасибо! мерзость эта
Что не дошла до нас: помиловал господь!
Да и племяннику нельзя глаза колоть,
Не подражает в том столичному он краю,
А все-таки спесив! увижу — разругаю.
Ведь нет, чтоб подождать полчасика... беда,
Никак нельзя: спешит. Спроси его: куда?
Небось не думает угодность сделать тетке;
А кабы в Питере, к какой-нибудь красотке...

⟨ЯВЛЕНИЕ 8⟩

Мавра Савишна, Варвара Савишна, Наташа.

Наташа

Ах, вы здесь не одни! простите!

Варвара Савишна

Ничего.

Мавра Савишна

Кто это? здешняя?

Варвара Савишна

Нет! мужа моего
Покойного родня, приехала недавно.
Знакома вам была Федосья Николавна?

Мавра Савишна

Твоя золовка?

Варвара Савишна

Да, ее в живых уж нет.
Вот дочь ее.

Мавра Савишна

Она? — Прошу! каких уж лет!
Невеста хоть куда! — Мы вместе вырастали
С твоею матушкой, дружнехонько живали,
И батюшка в Москве к нам часто в дом ходил,
При мне он сватался, при мне помолвлен был.
Ах, на сем свете я куды давно таскаюсь!
Ты с нами долго ли пробудешь? а?

Наташа

Не знаю-с.
Как будет тетушке угодно...

Варвара Савишна

Мне, друг мой?
Весь век радехонька я вместе жить с тобой.
(Обращаясь к Мавре Савишне)
В глаза и за глаза скажу: неприхотлива
И угодительна, ловка и бережлива.
Желаю всякому такую дочь иметь.

Наташа

Угодно, тетушка, вам будет посмотреть?
Там приготовила для вас одно я блюдо.

Варвара Савишна

А! знаю, хорошо. — Останься здесь покуда.
Сестрица, кажется, не гостьи вы у нас,
Не взыщете, а я назад приду сейчас.
(Уходит.)

⟨ЯВЛЕНИЕ 4⟩

Мавра Савишна, Наташа.

Мавра Савишна

Что это, матушка? неслыханное дело!
Кто стряпает теперь?

Наташа

К обеду не поспело;
Хватились поздно мы; так, как-то не пришлось.

Мавра Савишна

Какое ж кушанье?

Наташа

Пирожное одно-с,
И выдумки моей.

Мавра Савишна

Твоей? — Оно б не худо,
Да ведь пирожное затейливое блюдо.
Насущный хлеб теперь один составит счет,
Так лакомство, ей-ей! на ум уж не пойдет.

Наташа

Да-с, у меня зато всё сна́добье простое:
Морковка, яицы и кое-что другое,
Да соку положить лимонного чуть-чуть.

Мавра Савишна

Ну, сахар входит же?

Наташа качает головой.

Хоть крошечка?

Наташа

Отнюдь!
Как, сахар? шутка ли? что вы? побойтесь бога!
Нет! и без сахару расходов нынче много.

Мавра Савишна

Да! согрешили мы, крутые времена!

Наташа

Я как-то с малых лет к тому приучена́,
Что дорогой кусок мне видеть даже грустно:
Я так люблю поесть, чтоб дешево и вкусно.

Мавра Савишна

Как судишь ты умно! не по летам, мой свет;
В иной и в пожилой такого смысла нет.

Наташа

Помилуйте...

Мавра Савишна

Чего помиловать? смотри-ка,
Житье-то сестрино не явная ль улика,
Что прожила весь век, не нажила ума?
Расчету ни на грош, увидишь ты сама;
Всегда столы у ней, — зачем? кому на диво?

Наташа

А будто трудно жить, как надо, бережливо?
Я вот и не в нужде воспитана была,
Хоть матушка моя покойница жила
Куда не ро́скошно, я чай, и вам известно?

Мавра Савишна

Умна была, — дай бог ей царствие небесно!

Наташа

Однако странность я одну вам расскажу.

Мавра Савишна

Как, друг мой? что? — Садись.

Наташа

Вот что...

Мавра Савишна

Да сядь!

Наташа

(севши на краешке стула)

Сижу.
Вот что... спросить у вас позвольте: вы давно ли
Расстались с матушкой?

Мавра Савишна

Лет двадцать пять, поболе;
Мы молоды тогда, невесты были с ней,

(со вздохом)

И схоронила я с тех пор уж трех мужей!

Наташа

Так, может, никогда вам слышать не случалось
Об том, что к Ладовой, к графине, я попалась
На воспитание?

Мавра Савишна

Нет, не слыхала я.

Наташа

Уж странность подлинно! — Она и мать моя
Век были по всему противных свойств и правил.
Не знаю, между их как случай связь составил,
А только матушка с ней так дружна была,
Что на руки меня к ней вовсе отдала!
Представьте же себе: я в дом попала знатный,
У Ладовой на всё расход невероятный!
И шляпкам, и шаля́м, и платьям счету нет,
И собирается у ней весь модный свет:
Вчера концертный день, а нынче танцевальный,
А завтра что-нибудь другое. — Натурально,
Вы можете судить, что в этаком дому
До бережливости нет дела никому.

Мавра Савишна

Зараза! истинно зараза! жаль, родная,
Смерть жалко! хоть кого испортит жизнь такая.

Наташа

Позвольте досказать. Мне скоро щегольство
И весь графинин быт: шум, пышность, мотовство
И давка вечная в передней за долгами —
Так опротивели, что рада, между нами,
Была я убежать бог ведает куда!
Так опротивели! что лучше бы всегда
Я ела черный хлеб, в серпянке бы ходила
Да лишь бы суетно так время не губила.

Мавра Савишна

Ужли, голубушка! да как же это ты?
Я, я свертелась бы от этой суеты!
Вот ум не де́вичий! — К чему ты наклонилась?
Что потеряла?

Наташа

Здесь булавочка светилась,
Сейчас я видела. Вот тут она была,
На этом месте, здесь. — А! вот она! нашла.

(Поднявши, прикалывает к косынке.)

Ведь и булавочка нам может пригодиться.

Мавра Савишна

Как? из булавки ты изволила трудиться?
Чем больше думаю и на тебя гляжу,
И слушаю тебя, ума не приложу.
Диковина, мой свет! Уж ты ли не водилась
С большими барами! а всё с пути не сбилась!

Наташа

Напротив, многим я обязана тому,
Что столько времени жила в большом дому.
Когда к француженкам поедем мы, бывало,
Графине только бы купить что ни попало;
А я тихохонько высматриваю всё,
Как там работают, кроят и то и сё,
И выпрошу себе остатков, лоскуточков,
Отрезочков от лент, матерьицы кусочков,
И дома, запершись, крою себе, крою.
Теперь же, верите ль, я что угодно шью,

Вы не увидите на мне чужой работы —
Вот ни на эстолько.

(Показывает на кончик шемизетки или фартука.)

Мавра Савишна

Помилуй, друг мой, что ты?
Клад сущий, — и тебе подобной не сыскать!

Наташа

Я шелком, золотом умею вышивать.
Бывало, прочие лишь заняты весельем,
На ба́лах день и ночь, а я за рукодельем;
Что вышью, продаю; работою своей
Скопила наконец до тысячи рублей.

Мавра Савишна

Теперь на свете нет вещей невероятных,
Скопила! — Чем? — Трудом! воспитана у знатных!
Свершилась над тобой господня благодать.
Дай, радость, дай скорей себя расцеловать! —

Обнимаются.

Вот если б был Любим степенный и толковый,
Вот счастье! вот оно! вот случай здесь готовый!
И услужил бы всем, родным бы и себе,
Когда женился бы он, друг мой, на тебе.
Уму бы разуму его ты научала,
Любила бы его, мотать бы не давала;
А то, слышь, в Питере он сватанье завел!
Там русскую мамзель какую-то нашел!
Преаккуратная головушка, я чаю.

Наташа

А почему же знать?

Мавра Савишна

Как почему? — Я знаю.

Наташа

Конечно, это вам известнее, чем мне.

Мавра Савишна

Вот то-то, видишь ли, что всей его родне
Она не по нутру. — Не может, чай, дождаться,
Когда Любимовы родные все свалятся,
Чтоб поскорей по них наследство получить;
Того не думает, чтобы самой нажить.
Хоть об себе скажу: не без труда скопила
Я кое-что. Нет! трем мужьям, трем угодила!
Легко ли вытерпеть от них мне довелось —
При жизни чтó хлопот! по смерти сколько слез!

(Останавливается от избытка чувств.)

Я, друг мой, кажется, в тебе не обманулась.
По воле божией, когда б ты приглянулась
Любиму нашему и вышла б за него,
Не расточила бы наследства моего.
Да и полюбишься ему ты, вероятно:
Свежа как маков цвет, ведешь себя опрятно,
А франтов нынешних не мудрено прельстить.
Ты по-французскому умеешь говорить?

Наташа

Умею несколько.

Мавра Савишна

И! верно, мастерица.
Им только надобно. . .

(ЯВЛЕНИЕ 5)

Варвара Савишна, Мавра Савишна, Наташа.

Мавра Савишна

Послушай-ка, сестрица!
Вот толк об чем у нас: не правда ли, она
Любиму нашему ведь по всему жена?

Варвара Савишна

Я то же говорю.

Мавра Савишна

Ты говоришь... Я знаю,
Что это быть должно, я этого желаю,
На этом настою. Как хочет он, Любим,
Я вразумлю его, и, по словам моим,
Он петербургские все шашни позабудет.
Пожалуй-ка, сестра, когда к тебе он будет,
Пришли его ко мне. — А между тем прощай!
К тебе, признаться, я попала невзначай;
Шла к тетке Звонкиной, с ней перемолвить нужно
Так кой об чем. — Прости!

(Обращаясь к Наташе)

Ах! жаль, что
недосужно.
А то бы мы с тобой... прошу нас навещать.
Ты говорила мне, что любишь вышивать;
На это мастерство у нас есть заведенье,
Туда свожу тебя, увидишь: загляденье,
Отцу Пафнутию какие ризы шьют!

(Варваре Савишне)

Скажи ж Любимушке, чтоб на себя взял труд,
Заехал бы ко мне. — Быть может, и без брани,
Авось!.. загадывать я не хочу заране.
Авось!.. не ведает никто, что впереди.
Сестра! без проводов! останься! не ходи!

1817

4. ПРИТВОРНАЯ НЕВЕРНОСТЬ

Комедия в одном действии, в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Э л е д и н а, молодая вдова.
Л и з а, сестра ее.
Р о с л а в л е в.
Л е н с к и й.
Б л ё с т о в.

Комната в доме Элединой.

ЯВЛЕНИЕ 1

Л е н с к и й, Р о с л а в л е в.

Л е н с к и й

Ну, нет! любить, как ты, на бешенство похоже.

Р о с л а в л е в

А так любить, как ты, и не любить — всё то же.

Л е н с к и й

Кто с Лизою твои все ссоры перечтет?

Р о с л а в л е в

Зато с ее сестрой ты холоден, как лед.

Л е н с к и й

Подумай, как вчера ты с нею обходился.
Ты дулся и молчал, бесился и бранился;
Бог знает из чего, кричал, уж так кричал,

Что я со стороны, куда уйти, не знал.
Как Лиза ни добра, ей это надоело,
Она рассорилась с тобою, — и за дело.

Рославлев

Она же ссорится! и я же виноват!
И мне приятели признаться в том велят!
От этих женщин мы чего не переносим?
А кончится одним: что мы прощенья просим.

Ленский

При всяком случае готов ты их бранить.
Они несносны? Да? Зачем же их любить?
Нет, право, за тебя становится мне стыдно:
Ты знаешь, что прослыть ревнивым незавидно;
А многие куда как резко говорят
И громко...

Рославлев

На мой счет?

Ленский

На твой.

Рославлев

Я очень рад!

Ленский

Всем кажется, что ты брюзглив и своенравен,
И нежностью смешон, и ревностью забавен;
А в свете толковать о странностях других
Везде охотники.

Рославлев

Кто ж говорит об них?
Прелестницы, с толпой вздыхателей послушных,
И общество мужей, к измене равнодушных,
И те любезники, которых нынче тьма:
Без правил, без стыда, без чувств и без ума,
И в дружбе, и в любви равно непостоянны.
Вот люди!.. И для них мои поступки странны,
Я не похож на них, так чуден всем кажусь.

Да, я пустых людей насмешками горжусь;
А ты б, я чай, хотел, чтоб им я был угодным,
Чтоб также следовал сужденьям новомодным
И переделался на их бы образец,
Или на твой, — ведь ты таков же наконец!

Ленский

Ты хочешь, чтоб и я на женщин воружился;
Однако ж я пока на это не решился.
Мне с ними весело, им весело со мной.
А сверх того еще, вот веры я какой,
Что в добродетелях нам должно брать уроки
У них. — Мы сами же заводим их в пороки.
Немножко ветрены, неверны иногда, —
Ну что ж?

Рославлев

Как иногда! — Всегда, суда́рь, всегда!

Ленский

Всегда, ты говоришь, и нет невиноватых?
Как это мнение приятно для женатых!
А впрочем, нас с тобой никто не согласит:
Меня вот, например, всё в свете веселит,
А ты не можешь жить без горести и муки.

Рославлев

Ты рассудителен! и если бы от скуки
Твоей Элединой понравился другой,
Ты восхищался бы находкою такой.

Ленский

А ты как думаешь? мне надо бы терзаться?
Ни день, ни ночь не спать? С любезною расстаться,
И всё-таки потом везде ее следить
И всех бояться?

Рославлев

Всех. — Все могут милы быть.

Ленский

А пуще, кто умом и прелестьми украшен.
Я признаю́сь тебе, мне Блёстов очень страшен.

Рославлев

Шути, а этот франт — я не терплю его!

Ленский

И дельно; он собой затмит хоть бы кого.

Рославлев

Пустая голова! Что шаг, то принужденье!
А здесь, у двух сестриц, об нем иное мненье.
Вчера же с ними он весь вечер проболтал:
Ты видел... Я сперва совсем не ревновал,
Да Блёстовым они так много занимались,
Что нас забыли. — С ним всё время просмеялись.

Ленский

Они смеялися и слушали его.
Не равнодушно же смотреть им на того,
Кто в обществах всегда всех женщин забавляет.
И как ты думать мог, что он их завлекает?
Кто ж Блёстов? Старый франт! Он слишком в сорок лет
Везде волóчится, прельщает целый свет,
Острится надо всем, а сам всего смешнее;
Не вовсе без ума, и от того глупее;
Охотно в дураки отца бы посвятил,
Лишь бы с улыбкою сказали: как он мил!

Рославлев

И несмотря на то, как это мне ни больно,
Я бьюся об заклад, что женщин есть довольно,
Кому он нравится.

Ленский

Конечно, для иных
Не без достоинства такой, как он, жених:
Богат и всем родня.

Рославлев

(с досадой)

Ну, так они и прáвы!

Ленский

Э, полно! здесь его лишь любят для забавы.

Рославлев

Насмешки их над ним — уловки против нас!
Видал насмешниц я, как ладили подчас
С людьми, которые казались им противны.
Да что и говорить? — Мне в женщинах не
дивны
Увертки, хитрости, лукавство против всех,
Обманы вечные, притворный плач и смех;
И только одному нельзя не подивиться,
Как люди до сих пор имеют дух жениться!

Ленский

Да успокойся.

Рославлев
(с сердцем)

Я спокоен.

Ленский

Так поди
К своей возлюбленной. — Клянися ей, тверди,
Что ты навек у ней в слепом повиновеньи.

Рославлев

Я? к ней пойду?

Ленский

Да, ты.

Рославлев

Хорош! — я в огорченьи, —
А ты... Из дружбы он смеется надо мной.

Ленский
(хохочет)

Тебе же в пользу я стараюсь...

Рославлев

Бог с тобой!
Вот каковы друзья: хоть плачь я, хоть бесися,
Он будет хохотать!

Ленский

Эй, с Лизой помирися.
Поди! у ног ее ты должен обещать,
Что ей хотя дни два не станешь докучать;
Ну, отправляйся же.

Рославлев, увидя Блёстова, отворачивается и поспешно уходит.

ЯВЛЕНИЕ 2

Ленский, Блёстов.

Блёстов
(вслед Рославлеву)

Эк он заторопился!
Я в двери, он бежать, — ушел, не поклонился.
Ах, Ленский, здравствуйте! — Ваш друг не в духе?

Ленский

Да.
Престранный человек. Заметьте, что всегда
Он тотчас убежит, где только вас завидит.

Блёстов

Скажите мне, за что меня он ненавидит?

Ленский

Причина ясная: он вас боится.

Блёстов

Что?
Вот вздор!

Ленский

Вы женщинам так милы, как никто;
И милы так давно.

Блёстов

Зло! очень зло! — Однако,
Кто ж нынче им не мил? без исключенья всякой:
Сначала все они как будто далеки,
А после...

Ленский

Да, для вас успехи в них легки.
Назвать до дюжины... до сотни можно смело...
Да что и называть? — победы ваше дело.

Блёстов

Помилуйте!

Ленский

И вот, недалеко искать:
Рославлеву и мне нельзя не ревновать;
У вас с обеими на что-то уж похоже.

Блёстов

Вы думаете?

Ленский

Да.

Блёстов

Вы друг ему?

Ленский

Ну, что же?

Блёстов

Скажите искренно, как поступил бы он,
Когда бы кто ему был Лизой предпочтен?

Ленский

А разве?

Блёстов

Ничего, — одно предположенье;
Клянусь вам, ничего. — Ну, вот и подозренье!

Ленский

Я и не думал.

Блёстов

Нет? — Где вам меня провесть!

(Рассеянно)

А впрочем, хоть и я пленяю как ни есть,
Хоть Лизе нравиться и нет большого чуда,
Но всё, я вам божусь, что с ней еще покуда
Мы на учтивостях — и более никак.

Ленский

Я верю без божбы.

Блёстов

(значительно)

А если бы не так,
На что б решился он?

Ленский

Он с Лизой бы простился;
А там и с вами бы, конечно, объяснился.

Блёстов

Стреляться бы он стал? — Стреляться не беда!
Но быть ревнивым? — о! в нем вовсе нет стыда.
Отстаньте от него и будемте друзьями:
Давно заметил я тьму сходства между нами.

Ленский

Я не таков, как он, а вас боюсь, — ужли
Вы баловнем любви невинно прослыли?

Блёстов

Кто счастлив не бывал? — Но я вам дам присягу,
Что в жизнь для этого не делывал ни шагу.

Ленский

Бесчувственный! и вот пленяете вы чем!

Блёстов

Ба! — Не пленяется в наш век никто, никем, —
Всё дело прихоти и случая слепого;
А люди есть еще: не скажут вам ни слова,
Чтобы удач своих в любви не приплести.
Признаться, этого я не могу снести!
И как рассказывать о том, что так ничтожно?
С одной я, например, едва поверить можно,

Совсем не думавши, не знаю как успел;
Я даже говорить с ней вовсе не хотел;
И всячески она завлечь меня старалась,
Чтоб только отомстить — и ах! сама попалась.
Другой понравился с таким же я трудом,
Ну, отгадайте, чем? — любезностью, умом?
Нет! — бледностью лица! — Я был жестоко болен.
Зато болезнию потом как был доволен!
Одну имел я связь серьезную, — в нее
Вмешалось несколько достоинство мое;
Вот это было как...

Ленский

Простите, поневоле
Я с вами расстаюсь, — мне здесь нельзя быть боле;
Хозяйки милые так долго никогда
Не заставляли ждать. — Вы остаетесь?..

Блёстов

Да.

Ленский

Так дружбу мне свою на деле докажите
И хоть Элединү, жестокий, пощадите.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Блёстов

(один)

Шути, мой друг, острись! — Я, в очередь мою,
Для шутки у тебя дорогу перебью;
Да и Рославлев твой порядочной ценою
За неучтивости поплатится со мною,
И дельно. — В дураки попасть им легче всех:
Один всё хмурится, другому же всё смех.
Нет! женщин надо знать, — так знать, как я их знаю.
Однако ж я и сам неловко поступаю:
К обеим вдруг сестра́м я письма написал;
К обеим об любви? — Ну, как в беду попал?

Да что? — Развязка тут не самая ль плохая,
Что от одной отказ, — не та, так всё другая;
Вот дурно, ежели они одна другой
Хвалиться вздумают короткостью со мной?
Да нет! не может быть: они не разболтают,
В любви и женщины, что надобно, скрывают.
А вот они идут! — Однако ж не могу
С обеими теперь быть вместе, — убегу!

ЯВЛЕНИЕ 4

Элединa, Лиза.

Лиза

Как можно целый час смеяться до упада?

Элединa

(хохочет)

Нет сил!

Лиза

Да что с тобой? Скажи, чему ты рада?

Элединa

(хохочет)

Ах, что за милое письмо мне принесли!

Лиза

Письмо?

Элединa

От Блёстова. — Как нежно!

Лиза

Неужли!
Он и ко мне писал сегодня же.

Элединa

Забавно!
Да где ж твое письмо? — Дай посмотреть. . .
Вот славно!

Прочти, пожалуйста: он любит нас равно,
Из слова в слово в них написано одно.
Каков?

Лиза

(прочитав)

Ну что ж, так нам обеим незавидно.

Элeдина

Уж Блёстов вздумал нас обманывать; обидно!
Нет, баловать его не надо, — и к чему?
Садись, пиши.

Лиза

Зачем?

Элeдина

Чтоб отомстить ему.
Повеса в сорок лет! — Ах, друг мой! как счастливо!
Тебе нередко ведь скучает твой ревнивый;
А мой возлюбленный, что б он ни говорил,
Своей холодностью нимало мне не мил;
Твой слишком любит, мой почти любви не знает;
А это нам в мужьях добра не обещает.

Лиза

Ну что же?

Элeдина

К Блёстову напишешь ты ответ,
Для шутки, так, чтобы он был ни да, ни нет.

Лиза

Как можно?

Элeдина

Напиши; ты страх меня обяжешь!

Лиза

А если все потом узнают, что ты скажешь?

Эледина

Пусть знают. Я сама хочу к нему писать,
Вот тут-то он начнет мечтать, мечтать, мечтать,
Зазнается, — и вдруг глаза ему откроем.
Представь себе, как мы Росла́влева расстроим?
Услышит, взбесится, взревнует, а потом,
Как ты сама ему признаешься во всем,
Не много надобно иметь ему рассудка,
Чтобы увериться, что это просто шутка.
Ну, если шалостью исправим мы его?
А мне не сделать уж ревнивым своего,
Так я хочу его заставить рассердиться,
Чтоб он хоть раз узнал, как весело мириться.
Ну, милая, решись, — пиши; я пособлю.

Лиза

Нет, я не напишу, что я его люблю.

Эледина

Вот, как теперь гляжу, как Блёстов будет славить.

Лиза

Ревнивца обмануть?

Эледина

Да, чтоб его исправить;
Теперь же случай есть... Пиши, не будь дитя.

Лиза

Да как?

Эледина

Ах! полно.

Лиза

Я боюся не шутя.

Эледина

А время между тем уходит. — Ну, скорее!

Лиза

Что будет?

Эледина

Ничего.

Лиза садится.

Вот так, начни смелее.

Лиза

Ах! что я делаю!

Эледина

Поверь мне, не тужи.

Лиза

Что он подумает?

Эледина

Пусть думает. — Пиши:

(диктует)

«Не знаю, хорошо ль, что я вам отвечаю. . .»

Лиза

Уж как не хорошо, я это очень знаю.

Эледина

(продолжая)

«И не решилась бы я долго, — но со мной
Рослáвлев, как назло, несносный стал такой. . .»

Лиза

Несносный, что за вздор?

Эледина

Ну, беспокойный. . .

Лиза

Точно.

Эледина

Пиши: *«Он ревностью, как будто бы нарочно,*
Надоедает мне».

Лиза

И всё не надоест!

Элединa

«Надоедает мне. — Пусть ищет же невест
Потерпеливее; а я не в силах боле
Сносить все странности его, — я век в неволе;
Его мученья...»

Лиза бросает перо.

Ну?

Лиза

Помилуй, отчего
Ты рада выдумать всё злое на него?

Элединa

А не сама ли ты сто раз мне повторяла,
Что даже часто с ним терпение теряла?

Лиза

Какая разница! то было на словах;
А это я пишу к другому.

Элединa

Дурно страх!
Ну, да, пожалуй, я смягчу из сожаленья;
Прочти, что у тебя?

Лиза

Сейчас.

(Читает)

«Его мученья...»

Элединa

(диктует)

«Так надоели мне, что, словом, хоть кого
Готова я любить, да только не его...»

Лиза

Нет! Этого писать я век не соглашуся.

Эледина

Что за ребячество!

Лиза

Ну, право, не решуся.

Эледина

Ты шутишь; да скажи, чего бояться тут?
Ведь этого письма лишь двое не поймут,
Росла́влев с Блёстовым, Росла́влев как ревнивый,
А Блёстов как дурак.

Лиза

(дописавши)

Ответ красноречивый.
Неужли он теперь поверит, что в него
Влюбилась я!

Эледина

Кто? — он? Он верил до того.
Как знаю я мужчин! Ах, все без исключенья
Какого об себе они большого мненья!
Самолюбивы как! почти не меньше нас!
Давай свое письмо, я отошлю сейчас.
А между тем тебе уж надо притворяться,
Что ты с Росла́влевым не хочешь вовсе знаться. —
Пусти ж меня.

(Садится.)

Теперь мне очередь писать.
Представь, как будем мы над ними хохотать!
Ах! вдруг троих мужчин помучить так приятно!

Лиза

Что тут приятного, мне, право, непонятно!

ЯВЛЕНИЕ 5

Ленский, Рославлев, Эледина, Лиза.

Лиза

Ах! вот они! — Куда всё это нам девать?
Спрячь эти глупости.

Эледина
(нарочно громко)

Вот стану я скрывать;
Ты знаешь, что во всем я скрытность ненавижу.

Рославлев

Смотри, что так она прилежно пишет!

Ленский

Вижу.

Рославлев
(Лизе)

Я ждал вас давеча до половины дня;
Или решилися вы бегать от меня?

Лиза

Да, сударь, с вами я все ссоры прекращаю;
Вы не ошиблись: я — вас точно убегаю.

Рославлев

Не убежите же: я вас везде найду.

Лиза перебегает и становится за Элединою.

Эледина
(в сторону)

Вот любит истинно! а на мою беду
Мой Ленский самая холодная особа.

(Ленскому)

Ах! да вы здесь. Давно?

Ленский

Сейчас вошли мы оба.
Не помешаю ли я вам?

Эледина

(продолжая писать)

Нет, ничего.

Рославлев

Конечно, нечего бояться вам его.
Вы можете при нем всегда писать свободно,
Хоть бы к соперникам его, — к кому угодно;
Он из учтивости не будет вам мешать.

Эледина

Хоть бы к соперникам его, — почем же знать?
Я точно нежное письмо пишу.

Ленский

Прекрасно!
Да я скажу, к кому.

Эледина

К кому ж?

Ленский

Ко мне.

Эледина

Напрасно.

(В сторону)

Как можно столько быть уверенным в себе!

Ленский

Ах! позавидует весь свет того судьбе,

(показывая на письмо)

Кто нежности от вас такие получает!
Я вижу по глазам, что чувство вам внушает.

Эледина складывает письмо.

И будто кончили! не лучше ль продолжать?
Расположения такого долго ждать.

Элед ина

(в сторону)

Смеется? — Если б я в сердцах не рассуждала,
Любовное письмо не в шутку б написала.

(Кличет)

Кто тут?

Лакей входит.

На, вот письмо; поди, отдай тому,
Кому надписано...

Ленский

Куда ж идти ему?
Я здесь покамест.

Элед ина

Нет; уж вы домой подите;
Там лучше прочитать.

(Уходит.)

Ленский

(с улыбкой)

Вы этого хотите.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Лиза, Рославлев.

Лиза хочет уйти.

Рославлев

И вы?

Лиза

Позвольте.

Рославлев

Нет.

Лиза

Я вздоров не терплю.

Рославлев

Вы сердитесь за то, что я вас так люблю!

Лиза

Всё это лишнее; на что нам объясняться!
Конечно, прежде в вас могла я ошибаться;
Я всё надеялась ваш нрав переменить;
Но больше не хочу игрушкой вашей быть.
Вчера еще...

Рославлев

Вчера... да будьте беспристрастны!
Я жду, вы входите: вы были так прекрасны!
Я видел вас одних; опять, какой же след
Вам замечать меня, где тьма народу? — нет!
Вы милы! веселы! — для всякого другого;
Со всеми ласковы, со мною — ни полслова.
Вдруг Блёстов с значащей улыбкой к вам пристал,
Болтал, болтал, и так собою заслонял,
Что долго я за ним не мог вас видеть после.
Макао начался; вы сели, Блёстов возле.
Меня упрятали покамест за бостон:
Бостон ли на уме! я без того взбешен;
Играю скверно; все другие, что играют,
Кричат и сердятся, бранят меня, ругают;
А вы хохочете — и вы, и ваш чудак.

Лиза

Да не одна я, все смеялись.

Рославлев

Точно так!
Не вы одни, весь свет смеется из пустого.
Зато же сыщете вы где меня другого?
Кто чувствует, как я? Кто нынче есть с душой?
Кто любит истинно? .. Я, право, сам не свой:
Твержу в наш век, чтобы кокетство позабыли,
Хочу, чтоб женщины не женщинами были.

Лиза

Вот оправдание ревнивца! — Признаюсь!
Нет, как хотите вы, я с вами расстаюсь.
Да и чего мне ждать? При вас неосторожно
Ни слова вымолвить, ни замолчать не можно;
Нельзя ни встать, ни сесть, ни выйти, ни войти;
Всему вы толк иной умеете найти.
Письмо читаю я... тотчас уж подозренье;
Танцую ли с другим... и тут вам огорченье;
Получше ли к кому оденусь... всё беда!
Всё виновата я, — и с вами брань всегда;
Хоть с Блёстовым когда я говорю учтиво,
Уж слышу, там ногой стучат нетерпеливо;
Нет, лучше вовсе бы меня вам не любить.
Вот радость! замужем невольницей мне быть.

Рославлев

Невольницей! — Тогда! — Ах! нет! избави боже,
Чтоб я осмелился...

Лиза

Тогда всё будет то же,
И точно то терпеть я буду, что терплю:
Мы не поладим век.

Рославлев

Зачем я вас люблю?
Без этой глупости я вас бы ненавидел!
Мы не поладим век! — Да, я давно уж видел,
Что есть другой, с кем вы поладите скорей!
Ну, что ж? так я пойду дорогою своей:
Знакомы с Вельской вы? — добра, умна, прекрасна.
Так знайте ж: за меня идти она согласна;
А с нею век могу я счастливо прожить.
И — вы принудите меня ее любить.

Лиза

Извольте ж к ней сейчас отправиться, — подите!

Рославлев

(хочет идти)

Я вас послушаюсь, — иду сейчас.

(Воротясь)

Скажите,
Кто этот сча́стливый, что вами предпочтен?

Лиза

Зачем вам имя знать его?

Рославлев

Затем, что он
Заплатит дорого... да!

Лиза

Что вы? успокойтесь;
Вы что-то стра́шны.

Рославлев

Как?

Лиза

Я вас боюсь...

(Убегает.)

Рославлев

Не бойтесь!
Какая мне нужда до вас и до него,
И как его зовут...

ЯВЛЕНИЕ 7

Рославлев

(один)

Вот, взбесит хоть кого!
Да и меня ж потом ревнивым называют!

(Ходит взад и вперед.)

Но в самом деле, мне кого предпочитают?

В это время Блёстов показывается.

Кто знает, может быть, и он соперник мой?
И точно! — нынче он доволен так собой!

ЯВЛЕНИЕ 8

Р о с л а в л е в, Б л ё с т о в.

Б л ё с т о в

Вы здесь, Росла́влев? — Ну, опять сердит?
Скажите:
За что? — Вы влюблены, любимы.

Р о с л а в л е в

Извините!
Вы шутите, а я. . . я вовсе не шучу.
Да кстати, я давно просить у вас хочу;
Прошу покорно мне сказать чистосердечно,
Как честный человек.

Б л ё с т о в

Вы спросите, конечно,
Что не намерен ли у вас я перебить?

Р о с л а в л е в

Однажды навсегда прошу мне объявить,
С какими видами так часто, постоянно
Сюда вы ездите?

Б л ё с т о в

С какими? — Очень странно!
Я видов не имел ни на кого отнюдь;
А если. . .

Р о с л а в л е в

Их на вас имеет кто-нибудь. . .
Ну, кто ж?

Б л ё с т о в

Когда б от вас хотели допытаться,
Вы не сказали бы, конечно?

Р о с л а в л е в

Может статься.
Но вы? вы скажете? — не правда ли?

Блёстов

Бог мой!
Как этак приставать? Вот человек какой!
И даже помолчать он не дает свободы!
Пусть так; вы смущены, я — жалостлив с природы.

Рославлев

Без предисловия.

Блёстов

Прошу же скромным быть.

(Забавляется вниманием его.)

Однако этого не должно б говорить.

Рославлев

(с бешенством)

Теперь всё говорят, — ну, говорите ж.

Блёстов

Милый!
Вы слишком горячи! А если б что и было,
И если даже есть, так вам нет нýжды в том;
Ну, понимаете, что вы тут ни при чем.

Рославлев

Ужли Элединa? — Вот это будет ново!

Блёстов

А что ж?

Рославлев

Вы шутите.

Блёстов

Да нет.

Рославлев

Честнóе слово?

Блёстов

Честно́е слово. — Вот: всегда бедам чужим
Смеялся Ленский ваш! Ну, смейтесь же над ним.
Я от Элединой давно терплю нападки;
Да, да!

Рославлев

Но, может быть, всё это лишь догадки,
Без основания.

Блёстов

Одни догадки? Вот!
А если дело-то серьезнее пойдет,
На доказательства... Что? это вас тревожит?

Рославлев

Нет! потому что их и быть у вас не может.

Блёстов

Не может, точно так. Да как у нас и быть?

(Вынимает бумажник и ищет в нем.)

А если, например, здесь можем мы найтить,
Между такими же другими письмецами...
Оно? — Нет, не оно. — А, вот! — прочтите сами.

Показывает Рославлеву письмо. Тот хочет схватить его, но Блёстов не дает, и Рославлев читает с жадностию.

Заметьте, что Амур лукавое дитя:
Всё это писано как будто бы шутя;
Всегда ведь женщины с насмешек начинают,
А там привяжутся, а там и обожают,
А там...

(Хохочет.)

Ну, мочи нет, как Ленский мне смешон!
Я рад до крайности, что так обманут он!
Нет, вы — вы смотрите за Лизой осторожно,
Вы очень знаете, что женщине всё можно.

(Хохочет.)

А он без милости уверен был в себе.

Рославлев

Что ж? Все мы этой же подвержены судьбе.
Вот, Ленский! наконец слова мои сбылися!
Я говорил тебе...

Блёстов

Когда? — как завелися
У нас свидания почаще с нею?

Рославлев

(сердито)

Нет!
Гораздо прежде. — Ах! и мне таких же бед
От Лизы можно ждать.

Блёстов

Да, да, — я уверяю.

Рославлев

Прошу не уверять...

Блёстов

(с значащей гримасой)

Нельзя; когда я знаю...
И в том, что к грусти вам причину подает,
Никто участия такого не берет,
Как я... Прощай же.

*(Уходя, поет из Жоконда «В печали, в огорченьи,
Всегда любовники грустят в уединеньи».)*

ЯВЛЕНИЕ 9

Рославлев

(один)

Он весел и поет! он счастлив и любим!
А Ленский между тем смиряйся перед ним!
А с Лизой в ссоре я? — Хоть тем могу я льститься,
Что Лизе вряд ли он успеет полюбиться.
Вот женщины, мой друг! — Что?..

ЯВЛЕНИЕ 10

Рославлев, Ленский.

Рославлев
(увидя Ленского)

А! да вот и он,
И что-то невесёл!

Ленский
(увидя Рославлева)

Опять уж рассержон!

Рославлев
(помолчав)

Ну, Ленский, в женщинах ничто мне непонятно!

Ленский

Мне тоже, признаюсь.

Рославлев

Они... невероятно!
Как хитры, скрытны! — в них обманется хоть кто.

Ленский

Как ветрены!

Рославлев
(в сторону)

Да он заговорил не то, —
Неужли угадал?

Ленский
(в сторону)

Таить не много прока;
Узнает без меня, — а рассказать жестоко.

Оба сходятся с двух сторон.

Рославлев

(подходя к Ленскому)

С чего бы мне начать?

(Ленскому)

Послушай, милый мой!
Мы с Лизой разговор имели преживой,
Да с ней не сговоришь: совсем другая стала!
И неуступчива, как сроду не бывала!
Тут что-нибудь да есть. — Так! бог уж ей судья,
А что душой кривит Элединa твоя.

Ленский

Нет! за Эледину, как за себя, ручаюсь;
А в Лизе, виноват, я что-то сомневаюсь;
Однако ж не сердись, ведь это ни к чему,
Будь рассудителен. — А видно по всему,
Что вряд ли ты любим.

Рославлев

Так! обо мне заботы;
А об самом себе подумать нет охоты?

Ленский

А что?

Рославлев

Не бойсь, скажи про Лизу, что она
И точно не шутя в кого-то влюблена,
Что пишет к этому кому-то; это мало,
Что он письмо ее везде, где ни попало,
Показывает всем; и, словом, что ты сам
Письмо ее читал?

Ленский

Да по твоим словам
Тебе известно всё, — а я сказать боялся.
Так точно: Блёстов здесь со мною повстречался;
И тотчас показал мне, к горю твоему,
Письмо руки ее; и писано к нему.
Теперь прошу сказать, у женщин что же прочно?

Рославлев

Письмо от Лизы?

Ленский

Да.

Рославлев

Сам видел ты?

Ленский

Сам точно...
У Блёстова... Его он носит напоказ.

Рославлев

Ты сам читал его?

Ленский

И перечел не раз;
Я верить не хотел.

Рославлев

Возможно ли? Так, стало,
Всё кончено теперь! Всё для меня пропало!
Как глупо вверился и как обманут я!
И кем же? — Решена судьба теперь моя.
Утешимся, мой друг. — Оставим их в покое —
Откажемся навек от женщин, будем двое,
Как братья, жить.

Ленский

Оно всё так, я очень рад!
Однако ж посуди и то, любезный брат,
Что мне моя верна.

Рославлев

Верна? — да, дожидайся!
Верна! — Нет, женщинам ты лучше удивляйся,
Твоей, моей и всем! — Все вéрны, хоть куда!
Да что я? Для тебя не велика беда;
И станешь ли тужить ты об своей потере?

Ленский

(очень хладнокровно)

В чем дело, расскажи?

Рославлев

Она... По крайней мере,
Ты это заслужил холодностью своей.

Ленский

Да что же?

Рославлев

Ничего. От верной-то твоей
Показывал письмо мне Блёстов, — в оба глаза
Смотрел я и читал, и перечел два раза.

Ленский

(особо)

От каждой по письму!

(Ему)

Как ты сказал? — моя?

Рославлев

Писала к Блёстову письмо, — сам видел я.

Ленский

Ты шутишь?

Рославлев

(усиливая голос)

Не шучу.

Ленский

Она к нему писала?

Рославлев

Да, сударь!

Ленский

К Блёстову?

Рославлев

Да, сударь.

Ленский

Изъясняла
В письме любовь свою без всякого стыда?

Рославлев

Да, су́дарь, да, суда́рь, я говорю вам: да!
К чему расспрашивать? для вас ведь это малость.

Ленский

(в сторону)

Так обе к Блёстову они писали? — Шалость!

Рославлев

Никак не вслушались, — велите повторить?

Ленский

(с улыбкой)

Нет, вслушался, и вас хотел благодарить.

Рославлев

Что? женщин я не знал? — «Нам брать у них уроки?
И только сами мы заводим их в пороки?»
Что? прав ты?

Ленский

Может быть.

Рославлев

Как? Лиза мне верна?
И в шу́та, в Блёстова, покамест влюблена!

Ленский

Я думаю, теперь он должен восхищаться.

Рославлев

Вот думает об чем!

Ленский

Нельзя ль тебе дождаться?
Я вмиг приду назад.

Рославлев

Их надо в стыд привесть;
Пойдем.

Ленский

Что мне до них? другое дело есть.

(Хочет идти.)

Рославлев

(его держит)

Эледина сама, ты помнишь, нам сказала,
Что нежности она к кому-то сочиняла. . .
Да что? при нас самих записка послана.

Ленский

Хоть то в ней хорошо, что искренна она.

Рославлев

Как входит в голову такое рассужденье!
Подумай хоть об том, холодное творенье:
Письмо Элединой мне Блёстов показал,
Письмо от Лизы он тебе читать давал. —
Неужли позволять над нами так ругаться?

Ленский

У всякого свой вкус; он любит забавляться.

Рославлев

Ах, Лиза! Ах! на что от Вельской я отстал?
Послушай, ты письмо. . . проклятое читал,
Не помнишь ли, что в нем? Сказать ты можешь смело, —
Уж я не рассержусь.

Ленский

Зачем? не к спеху дело;
Мне Блёстов обещал их письма выдать в свет.

Рославлев

Прощай же, коли так; в тебе надежды нет;
Я Блёстова сыщу.

(Хочет идти.)

Ленский
(удерживает его)

Постой; какой ты вздорный!
Ну, есть ли из чего шуметь?

Рославлев
(хочет уйти)

Слуга покорный!

Ленский
(держит его)

Постой, — поверь же мне, что Блёстов не любим.

Рославлев

Как?

Ленский

Забавляются над нами и над ним.

Рославлев

С чего ты взял?

Ленский

С того, что я наверно знаю.

Рославлев

А письма?

Ленский

Их себе я очень объясняю.
Вдруг обе к Блёстову послали два письма?
Нельзя, чтоб обе вдруг сошли они с ума,
Ну, сам ты рассуди.

Рославлев

Так точно. — Нет! вернее
Узнать бы. Растолкуй всё это мне яснее.

Ленский

Да всё объяснено. Одна из них скромна,
Другая меньше, но... обманщица ль она?
Ты веришь письмам их, а я их чувствам верю.
Лишь Блёстов сделал тут неважную потерю,
Рассудок потерял, и то не нынче...

Рославлев

Так!
Ты жизнь мне возвратил! — Какой же я дурак!
Я сомневаться мог! — Что значит быть ревнивым!
Сто раз уж перед ней я был несправедливым!
Как до сих пор не знать ума ее, души?
Однако ж ведь они и сами хороши:
Сидят и про себя, чай, думают: авось ли
Над легковерьем их мы похохочем, — после.
Нет! не умели мы их хитрость угадать?
Нет! очередь не нам над ними хохотать?
Тебе обязан я всем, друг мой!

(Обнимает его.)

Ленский

И, как другу,
Мне окажи теперь бездельную услугу.

Рославлев

(с живостию)

Вели, приказывай; что хочешь ты, чего?

Ленский

Дай Блёстову пожить, не вызывай его.

Рославлев

Не вызову.

Ленский

Ну вот, насилу усмирился.

Рославлев

Однако ж если ты судить поторопился?

Ленский

Опять за ревность!

Рославлев

Нет; да ты подумай сам;
Без доказательства нельзя же верить нам.

Ленский

Всё та же песня.

Рославлев

Мне хотелось бы покуда...

Ленский

Покуда надобно уйти тебе отсюда;
Отчаянного роль я стану здесь играть;
Ты только не мешай.

Рославлев

Да надо бы узнать.

Ленский

Я всё узнаю,

(почти толкает его)

всё; ну, что же, убирайся.

Рославлев

А если...

Ленский

Ах, поди!

(Толкает его.)

Рославлев

Смотри, в обман не вдайся.

Ленский

(выталкивает)

Да ну, поди скорей!

Рославлев тихонько входит опять и, не быв примечен Ленским, прячется через другие двери в кабинет.

ЯВЛЕНИЕ 11

Ленский

(один)

Довольно покричал!
Не мудрено: я сам уж верить начинал!
А Блёстову его соперники достались
В поверенные! — Как? все трое мы попались,
Чтобы Эледину и Лизу забавлять?
Пустое! — Не люблю я женщин баловáть.
Нет хуже, как прощать насмешки их над нами;
Их поздно в руки брать, как будут нам женáми...
Они? я очень рад!

ЯВЛЕНИЕ 12

Ленский, Эледина, Лиза.

Эледина

(Лизе в глубине комнаты)

Печален! — Неужли
Уж Блёстов рассказал?

Лиза

Спроси.

Эледина

(Ленскому)

Куда вы шли?

Ленский

(печально)

Не знаю.

Эледина

Что за грусть? — Ведь вы смеетесь вечно.

Ленский

(ходя взад и вперед)

Когда обманывал кто так бесчеловечно!
Мужчину завести, уверить, уловить,
Дать слово, — и потом, как нá смех, изменить.
В досаде этакой от смерти недалеко!

Эледина

Зачем же от меня так мучиться жестоко?

Ленский

(остановясь)

Поступок ваш меня, конечно, оскорбил;
Однако ж не об нем теперь я говорил.
Отчаянный мой друг мне в голове вертится...

(Лизе)

Представьте, он совсем хотел уж застрелиться.
Всё проклинал: любовь, друзей и целый свет;
Решил, что для него ни в ком надежды нет.
Что в свете всё обман, что женщины все ровно
Лукавы, злы...

Эледина

(перебивая)

А вы, как должно хладнокровно,
Утешили его?

Ленский

Как тут попали вы.
Я, правда, ждал всего от этой головы;
Он застрелился бы; но выдумкой счастливой
Я спас его.

Лиза

(испугавшись)

Какой?

Ленский

Известно, что ревнивый,
В любви обманутый, тотчас на всё готов;
Так убедить его мне стоило двух слов:
Наталью Вельскую вы знаете?

Элединa

Ну, что же?

Ленский

(Лизе)

Так точно; вас она немного помоложе.

(Элединой)

Брюнетка! острая! живая! .. Словом, он...

Элединa

(перебивая и показывая на Лизу)

С досады на нее уж в Вельскую влюблен.

Ленский

Вхожу я: в комнате почти не видно света;
Он в горе; на столе лежат два пистолета;
Я начал утешать, он слушать не хотел;
Об Вельской речь зашла...

Элединa

(перебивая)

И к ней он полетел.

Ленский

Нет, я отвез его. — А впрочем, долго бился;
Он спорил, ссорился, но после — согласился.

Элединa

(в сторону)

Злодей!

Лиза

(в сторону)

Ах!

Ленский

(Элединой)

И теперь они в глазах моих!
Представьте в нежности и в восхищеньи их!
Не могут говорить, хоть говорить хотели,
Зато с каким огнем друг на́ друга глядели!

(Лизе)

А более меня ее пленял восторг!
Скажите! я без слез смотреть на них не мог.

(Элединой)

И что ж приятнее, как видеть двух счастливых?

(Лизе)

В желаниях любви, всегда нетерпеливых,
При мне клялись они друг друга обожать;
И... скоро свадьба их.

(Элединой)

А мне пришлось искать
Такую милую (хоть, правда, это странно),
Чтоб одного меня любила постоянно;
Не то, чтоб Блёстову я подражать хотел,
Сегодня двух невест он вдруг сыскать умел.

(Ленский смеется и раскланивается с ними; они с досады на него не смотрят, и он уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 13

Эледина, Лиза.

Эледина

(долго молчит, не смея взглянуть на Лизу; наконец говорит)

Какой же человек! — и я его любила!

Лиза

А я себя, скажи, за что же погубила?
Твоя же выдумка, чтоб письма нам писать!
И подлинно умно, уж нечего сказать!
Ах! я от этого Росла́влева теряю.

Рославлев

(выходя из кабинета, в котором он прятался)

Дай их послушаю.

(В этой сцене он несколько раз хочет подойти к Лизе.)

Элединa

Да, я еще не знаю,
Печалиться ли нам? И есть ли из чего?
Хоть Ленский мой? Скажи, ну где ж любовь его?
Ведь он же не шутя любить меня божился.
А твой? — С отчаянья почти что уж женился.
Они...

Лиза

То сделали, что до́лжно было им,
Что сделала бы я, с терпением моим.
Как? на дурацкие мы письма отвечаем!
Кого же? Блёстова мы им предпочитаем.

Элединa

Что ж? Из учтивости должны бы хоть они
Поплакать, пострадать каких-нибудь два дни.
Я видела, как здесь ревнивец твой божился,
Что вмиг бы умер он, когда б тебя лишился.
Зачем же не сдержал он слова своего?

Лиза

Зачем? — Ах, боже мой!

Элединa

Да, это роль его.
Роль Ленского теперь веселым притворяться,
А наша, им назло, ничуть не огорчаться.
Поддержим честь свою и позабудем их.

Лиза

(почти плачет)

Честь? — Разве честь велит обманывать других?

Рославлев

(тихо в глубине комнаты)

Прелестна!

(Хочет к ней подойти.)

Лиза

(плачет)

Как любил! Как думал быть счастливым!
Ну вот! ты Ленского не сделала ревнивым,
А я с Рославлевым лишаюся всего;
Мне даже жаль теперь и ревности его!
Ах! если б слышал он, как я себе пеняю!
Когда бы знал...

ЯВЛЕНИЕ 14

Рославлев, Элединa, Лиза.

Рославлев

(с радостию)

Я здесь: всё слышал и всё знаю.

Лиза

Рославлев, это вы?

Рославлев

Так я еще любим?
И сказкам обо мне вы верите пустым?

Элединa

Так вздор он нам сказал про Вельскую Наташу?
Обманщик Ленский!

Рославлев

Да, он понял шутку вашу
И отплатить хотел.

Лиза

А вы с ним заодно!

Рославлев

Кто? .. я? .. Нет, не совсем... Ведь было мудрено
Не усомниться мне — такой я сумасшедший.
Да что уж толковать о глупости прошедшей?

(Элединой)

Не ссорьтесь с Ленским; он бесценен! — Без него
Не знал бы никогда я счастья своего.

(Лизе)

Когда бы удалось услышать мне, как мило
Жалели обо мне? — Как мне приятно было!
За это вы меня решитесь ли простить?

Лиза

Вы сами слышали, так что тут говорить.

Рославлев

Ах! сроду никогда я так не восхищался!

Эледина

(увидя Ленского)

Тс! — тише!

ЯВЛЕНИЕ 15

Ленский, Рославлев, Эледина, Лиза.

Ленский

(будто ищет кого-то)

Точно здесь. — Что, если б догадался
И он помучить их?

(Посмотрев на всех)

Нет, всё известно...

Эледина

Да!
Известно всем, что в вас нет совести, стыда;
Всех ради осмеять вы для своей забавы,
И непростительно как злы и как лукавы.
Ужасный человек!

Ленский

Что ж делать? — виноват!
А вот несносен кто, всё выболтать он рад!
Нет, милый мой, теперь мы сговорились двое;
А если что-нибудь вперед затею злое,
Так, верно, без тебя.

Рославлев

(с довольным видом)

Пожалуй.

Элединa

Боже мой!
Вот извиняется он как передо мной!

Ленский

Что ж, хитрость мне моя — признаться я обязан —
Не вовсе удалась; довольно я наказан.

Рославлев целует руку у Лизы; Ленский с тем же подходит к Элединой; она от него отворачивается. В эту минуту является Блёстов и помирает со смеху.

ЯВЛЕНИЕ 16

Блёстов, Эледина, Ленский, Рославлев, Лиза.

Блёстов

(в сторону)

Забавны взапуски один перед другим!

(На ухо Элединой)

Зачем обходитесь вы так жестоко с ним?
Он догадается.

Эледина смеется. Блёстов становится между Ленским и Рославлевым.

(Ленскому)

Ваш друг в веселом нраве.

Что, если б он узнал? Нет, боже нас избави!

Ленский смеется.

(Рославлеву)

Каков вам кажется ваш Ленский? — право, клад!
Ведь за Эледину он побожиться рад,
Что всё ему верна!

Все смеются.

Да кто ж над кем смеется?

Ленский

Над вами, сýдарь, все; мне так оно сдается.

(Элединой)

А чтоб уверился он в торжестве своем,
День нашей свадьбы мы назначимте при нем.

Эледина

Ты понял мастерски, хитрец, мою науку;
За это за одно мою получишь руку.

Ленский

Вы шутки не должны так к сердцу принимать:
Я вас в неверности не смел подозревать,
Хоть Блёстов, слова нет, соперник преопасный...
Рослáвлев ревновал... Ну! он любовник страстный,
А я — почтительный, — тут нет других причин;
И несогласиям конец теперь один.

(Показывая на Блёстова)

За наши ссоры он пусть богу отвечает.

Рославлев

(самым насмешливым тоном)

Вот Блёстов разом как двух женщин обольщает!

Каждый в свою очередь подходит к Блёстову с ироническим поклоном, и потом все уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Блёстов

(один)

Красавицы мои! Кто растолкует вас?
Да правда, ведь и мы не лучше в добрый час;
Сегодня любим их, а завтра ненавидим.

(Подумавши)

Как будут замужем они, — тогда увидим!

Конец 1817 или начало 1818

5. ПРОБА ИНТЕРМЕДИИ

Интермедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Фёколков, Алегрин, Резвушкин, Припрыжкин, Свисталова, Бемольская — актеры.
Машинист.
Суфлер.
Актеры и актрисы.

Действие происходит в провинциальном театре. Театр представляет сцену в беспорядке.

Фёколков

Много вас, актеров и актрис.
Батюшки, мне нужен бенефис!
Матушки, мне нужен бенефис!

Прочие актеры и актрисы

Расскажите,
Что хотите
Вы от нас?

Фёколков

Вот так раз:
В бенефис меня вы не оставьте,

Мне чтоб не попасть впросак,
Публику вы позабавьте
Кое-чем и кое-как.

Прочие

Вам помочь.
Мы не прочь.

Фёколков

Вас, друзья мои, так много, —
Помолчите, ради бога!

Прочие

Правда, много нас числом,
Да какая польза в том?

Фёколков

Надо, чтоб скорей поспело.

Алегрин

Поскорее? — Так за дело!
Взяться надлежит с умом!

Фёколков

В этом затрудненья мало,
Делайте, как ни попало.

Прочие

Хорошо, — да должно знать,
Что мы будем представлять?
Оперу?

Фёколков

Ох, нет!

Алегрин

Балет?

Фёколков

Нет! Нет!

Babcia

П р и п р ы ж к и н

Комедью?

Ф ё к о л к о в

Интермедью!

В с е

(кроме его)

Интермедью! — Боже сохрани!
Интермедью! — Нет, уж искони
Солоны достались нам они!
И какая вам охота?
Только бедным нам работа,
Бедным зрителям зевота!

Ф ё к о л к о в. Неужто, господа, мне быть без бенефису?

А л е г р и н. Дайте в свой бенефис что хотите, да только не интермедию.

В с е

(повторяют)

И какая вам охота? —
Только бедным нам работа,
Бедным зрителям зевота.

Ф ё к о л к о в. Да, господа, дело праздничное; серьезное надоест, не худо бы затеять какую-нибудь потеху, ярмонку.

Р е з в у ш к и н *(обращаясь к прочим)*. Ну, уж выведемте его из хлопот; делать, так делать. Здесь, однако, не Петербург, автора не скоро сыщешь; разве наш суфлер примется, — человек он грамотный. Ну-тка, батюшка, вылезай из своего кабинета; у тебя давно рука чесалась сочинить что-нибудь для театра, вот и случай есть, отличись.

Ф ё к о л к о в. Вылезайте, отец родной, я сам вам услужу в другое время.

С у ф л е р. Извольте, располагайте моим умом, моим пером и моим языком.

Все

(кроме его)

Браво! Фора!
У суфлера
Всё кипит!
Кто коль скоро
Что проспит,
Не затвердит,
Кто собьется,
Заикнется,
Наш суфлер лишь встрепенется,
И лишь голос он подаст,
Всякий кто во что горазд.

Суфлер. Смейтесь, смейтесь, господа, а без меня иному бы из вас плохо пришлось. Да не о том речь. Вам нужна новая пиеса. Для сего нужно многое, а самое нужное: декорации, актеры, слова, музыка и танцы... танцы или пляски.

Резвушкин. Верховой, спускай декорацию. Вот тебе лес и вода.

Свисталова. Актеры все налицо, в костюмах и без костюма.

Бемольская. Слов чем меньше, тем лучше.

Алегрин. Музыки у нас вволю, выбирай любую.

Припрыжкин. За танцами дело не станет.

Фёколков. Так, стало, самое нужное есть, стоит только к сему присочинить кое-что.

Суфлер. Это ничего не составляет...

Свисталова. Особливо для суфлера.

Бемольская. Он всякую всячину наизусть знает.

Резвушкин. Он весь свой век чужое говорит.

Алегрин. Пусть его крадет, откуда хочет, была бы пиеса готова.

Свисталова. Не беспокойтесь, он, на нашу беду, пожалуй, столько сочинит, что нам ввек не выучить.

Суфлеру нашему хвала,
Природа коему дала
Писать охоту и уменье!
Его ж такие сочиненья,

Что сам едва ль он их поймет,
Да и никто не разберет;
А дело всё на лад идет.

Суфлер

Прошу вас, господа,
Не говорить ни слова!
Вот лес и вот вода, —
Так главное готово.
На завесе река,
Пусть будет же: «Ока».
Готово и названье
Благодаря реке:
«Пирушка на Оке».
Иль: «За Окой гулянье»;
И песнями начать,
И плясками кончать!

Алегрин. Что же нам петь?

Припрыжкин. Какие пляски?

Суфлер. Пойте и скачите, сколько душе угодно, только не все вдруг.

Фёколков. Однако нельзя без пробы.

Суфлер. Ну, так пробуйте. Господин певец, выступайте. Что потверже, то и пойте. А прочих прошу изготовиться для последующего; я же между тем займусь сочинением куплетов, которые пропоет наша певица тогда, как будут готовы. — За дело! скорее! а не то я перестану сочинять.

Все. Хорошо, хорошо.

Пение и танцы. По окончании суфлер говорит.

Суфлер. Довольно, довольно. Куплеты готовы! Угодно ли мне сделать честь их пропеть в заключенье?

Фёколков. Неужли заключенье?

Бемольская. Чего ж вы еще хотите?

(Берет куплеты и поет их.)

Куплеты

Довольно все плясали, пели!
Покудова ж не надоели,
Всего умнее разойтись.

Кто хочет, тот пускай сердись,
Над нашей шалостью острись.
А мы не с авторским умишком —
Хоть пошалили, да не слишком.

Притом, кто осуждать нас станет,
Не худо, ежели вспомянет,
Что позабавиться насчет
Кто интермедии идет,
Не много умного он ждет.
И в этой вздору много тоже,
Да всё на прочих не похоже.

На свете же всегда водилось:
Как зрителям что полюбилось,
Никто не спросит, как оно —
Бессмысленно, или умно,
Или плачевно, иль смешно?
Лишь только бы новее было;
Всегда что ново, то и мило.

1818

6. КТО БРАТ, КТО СЕСТРА, ИЛИ ОБМАН ЗА ОБМАНОМ

Новая опера-водевиль в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Пан Чижевский, содержатель почтового двора.
Антося, Лудвися — его дочери.
Рославлев-младший, гусарский офицер.
Юлия, жена его.
Рославлев-старший.
Андрей, слуга его.
Вацнус — писарж почтовый.
Передовой Рославлева-старшего.
Слуга проезжающих.
Жиды.

Действие происходит в польском местечке в почтовом доме. Комната, справа от зрителей стол, на нем шнуровые книги, бумага и проч., с левой клавикорды, на стене гитара, в средине открытый вид в цветник.

ЯВЛЕНИЕ 1

Рославлев-младший, Юлия (сидят за столом в цветнике и пьют чай), Антося и Лудвися (одна за клавикордами, а другая с гитарою, и поют). Рославлевы слуги (увязывают чемоданы и проч.), писарж (пишет за столом). Пан Чижевский (читает варшавскую газету).

[Краковяк]

Антося и Лудвися

Молодость, как струйка! Молодость, как цвет!
Пробежит украдкой, процветет — и нет!
«Милая Магдуся! —
Янек говорил, —

Злых людей не труся,
Молви: „Ты мне мил!“»
Что ж на то Магдуся
Молвила ему? —
«Сердцем отдаюся
Другу моему!»
Завтра — гость неверный! прошлый гость — вчера!
На любовь и радость нам одна пора!
Слышу ли, как зыбкой
Кра́дется ручей,
Как на ветке гибкой
Стонет соловей,
В розу ли всмотрюся,
Что цветет на срок,
Вспомнится Магдуся
И ее урок.
Завтра — гость неверный! прошлый гость — вчера!
На любовь и радость нам одна пора!

Рославлев-младший и Юлия входят в комнату.

Рославлев-младший. В дороге чай и песни всегда кстати, но и лошади не лишнее. Мы теперь отдохнули, освежились; отправьте нас скорее, пан почтмистрж!

Пан Чижевский. За́раз, яснеосвещенный! кони готовы.

Писарж *(между тем показывает ему подорожную и тихо говорит)*. Позвольте только расспросить о имени вашем: мы никак не разберем. *(Читает.)* «Следующему из Санкт-Петербурга в Варшаву»...

Рославлев-младший. «Гвардии ротмистру Рославлеву».

Пан Чижевский *(читает про себя)*. «...С будущими»...

Рославлев-младший. И славу богу! не только с будущими, но и с настоящею *(показывая на жену)*, назло всем препятствиям.

Пан Чижевский. А, понимаю, понимаю!..

Жизнь скучным трактом вам казалась!
Так, взяв любовь в проводники,
Желали вы, чтобы досталась
И радость с легкой вам руки!

Так! к счастью пристани надёжной,
Всем мил открытый лист в жене...

Антося

Ах! как хотелось бы и мне } (2)
Скорей быть также подорожной. }

Пан Чижевский

Любовь и брак!

Рославлев-младший

Одно и то же.
Они родные брат с сестрой!

Пан Чижевский

Согласен! но сестра моложе.
Ах, братец — барин пожилой,
В дороге спутник ненадежный:
Сестра на вольных навострит,
А брат отстанет и сидит } (2)
Один, с законной подорожной. }

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и передовой старшего Рославлева.

Передовой. Скорее! скорее! восемь лошадей! две мне, а шесть его высокородию, который скачет по пятам моим.

Пан Чижевский (*читает подорожную*). «Из Варшавы в Санкт-Петербург маиору Рославлеву». (*Отходит к письменному столу.*)

Рославлев-младший. Вот неожиданный гость! Это брат мой!

Юлия. Куда нам деваться?

Пан Чижевский. Рославлев из Петербурга в Варшаву — Рославлев из Варшавы в Петербург.

Рославлев-младший (*отводя его в сторону*). Тс! Ни слова обо мне! нам надо с тобою уговориться, любезный, драгоценный пан почтмистрж.

П е р е д о в о й (*писаржу*). Пока нельзя ли мне с дороги и на дорогу выпить стакан вина?

П и с а р ж. Хоть два, только вместе со мною.

Слуга и он уходят.

ЯВЛЕНИЕ 3

Р о с л а в л е в - м л а д ш и й, Ю л и я, п а н Ч и ж е в с к и й, А н т о с я и Л у д в и с я.

Ю л и я. Сделайте одолжение, пан почтмистрж, не давайте лошадей проезжающему!

П а н Ч и ж е в с к и й. Да не беспокойтесь! вас не обидим! В лошадях, благодаря бога, здесь недостатка нет. Моя станция первая по всему тракту...

Р о с л а в л е в - м л а д ш и й. Верю, но не в том дело! мы и сами останемся здесь, да и его нужно нам задержать.

П а н Ч и ж е в с к и й. Змилуйтесь, ясновельможный пане! За кого вы нас принимаете! Я знаю всю важность своей обязанности, облеченный доверенностию правительства, — как пойду против постановлений!..

Р о с л а в л е в - м л а д ш и й. За другими... дорога наезжена.

П а н Ч и ж е в с к и й. Что скажут обо мне начальники?

Р о с л а в л е в - м л а д ш и й. Что говорят о других.

П а н Ч и ж е в с к и й

Знать, ложен толк в вас о почтмистрже польском:
Кривнуть душой нас бог борони!
Ввек не споткнутся в месте скользком
Ни гонор мой, ни лошади мои!

Нет! польских почт историю прочтите
И с норовом почтмистржа в Посполите
Не сыщете, ручаюсь вам!
Присяга в нас непобедима,
И Нарушевич скажет сам,
Что наша честь ненарушима!

Ю л и я. Троньтесь хоть тем, что Нарушевич как вам, так и мне земляк, что и я полька...

Рославлев-младший *(впуская в руку несколько червонцев)*. Да троньтесь хоть этим... За упокой Нарушевича.

Юлия *(снимает с себя цепочку и кольцо и отдает сестрам)*. Вот, мои милые, носите это на память обо мне.

Антося

Какая милая цепочка,
Какой пленительный наряд!
И самого́ марша́лка дочка
Такой имеет ли навряд.

Лудвися

Колечко, я тебя в гостинец
Дружку готовлю своему,
А кто дружок?

(Надевая кольцо)

Смотри ж, мизинец,
Не проболтайся никому!

Пан Чижевский. Делать нечего! Вы побеждаете мою непреклонность! Добрый поляк умеет сострадать ясновельможному ближнему и сам готов страдать за ясновельможную ближнюю. Что ни было бы, а кому вы не прикажете, тому лошадей и не будет.

Кровь польская сказалась в сердце польском!
Не устою на роковой черте!
И, спотыкаясь в месте скользком,
Я падаю, но в ноги красоте!
Я не легко пускаюсь на измену,
Нет, ваших просьб признал и вес и цену,
Вы заглушили ложный стыд,
В мою прокралися вы душу,
И Нарушевич мне простит,
Что клятву раз свою нарушу.

Юлия. Как мы вам благодарны!

Пан Чижевский. Оно благодарности не стоит!

Рославлев-младший. Нет, стоит-то стоит, да не в счете дело.

Пан Чижевский. Но растолкуйте мне теперь, зачем вы непременно хотите задержать однофамильца. Тут есть тайна, а я недаром почтмистрж: много тайн перебывает у меня в руках.

Рославлев-младший. Немало и останется!

Юлия. Муж мой всё вам расскажет. *(Сестрам)* А вы, милые, подите со мною. Надобно нам обдумать и привести в исполнение план нашей комедии на скорую руку.

Они уходят.

ЯВЛЕНИЕ 4

Рославлев-младший и пан Чижевский.

Рославлев-младший. Узнайте же, что едущий из Варшавы в Петербург Рославлев — мой родной брат. Лишившись родителя своего в ребячестве, видел я в брате другого отца; выросши, вижу в нем лучшего своего друга. Долго не имели мы между собою ни тайного поступка, ни тайной мысли; нравы скромности, образ мыслей — всё сближало нас день ото дня более и более. Но вдруг согласие наше разрывается. Я начинаю признавать власть любви; он, любви постоянный данник, как нарочно, отрекается от нее. Я полюбил одну женщину, — он всех женщин возненавидел. Я пишу к нему, что хочу жениться и прошу его согласия, — он отвечает, что если не обещаюсь остаться с ним холостым на всю жизнь, то он отказывается от меня навсегда. Я женился и еду к нему с женою, — он скачет, чтобы помешать нашей свадьбе и докончить лично то, что без успеха начал письменно. Вот наша история.

Пан Чижевский. Но каким способом надеетесь вы переупрямить его и довести до согласия?

Рославлев-младший. Я сам еще порядочно не знаю, но есть надежда; брат — человек пламенный, и вообще постоянства в любви к женщинам мало, но постоянства в ненависти к ним еще менее.

Пан Чижевский. И то правда! Я смолоду и сам не охотник был до женщин, но покойная жена, однако же, принудила меня обвенчаться с нею. Помнится мне,

читал и в Красицком, что богачей и барынь все злословят, и все в них ищут.

Бар и барынь все бранят
 Под рукою,
Презирать их каждый рад
 За спиною;
Но столкнися с мудрецом
 Барин знатный
Иль красотка брось тайком
 Взор приятный, —
Вдруг начнет иное петь
 Наш Сенека,
Переменится медведь
 В человека;
Смотришь, — он, как и другой,
 Гибок, тонок,
Мастер кстати делать свой
 Пáдам-дó-ног.

Рославлев-младший. Стук! коляска подъехала. Прощай, благодетель, и смотри же скромнее и осторожнее. *(Уходит в боковую комнату.)*

Пан Чижевский *(пересчитывает деньги из руки в руку)*. Скромнее и осторожнее!

ЯВЛЕНИЕ 5

Пан Чижевский, Рославлев-старший (в фуражке и не снимает ее).

Рославлев-старший. Лошади готовы? Впрягать скорее!

Пан Чижевский. Ясновельможный...

Рославлев-старший. Готовы, я спрашиваю?

Пан Чижевский. Ясносвещенный, извольте взять терпенье.

Рославлев-старший. Терпенье? — Лошадей, я говорю. Где ж мой передовой?

Пан Чижевский. Гм! Здесь!

Рославлев-старший. А лошади?

Пан Чижевский (*нерешительно и боязливо*). Будут.

Рославлев-старший. Ну, сейчас, сию минуту!

Пан Чижевский (*приободряется и откланивается, не трогается и начинает петь, Рославлев с первого стиха зажимает ему рот.*)

Могу сказать вам о почтмистрже польском...

Рославлев-старший. До песней ли мне теперь! Тьфу, какой безмозглый народ! послать ко мне курьера! Сам беги, вели, кричи! Живо! мигом! (*Выталкивает его.*)

ЯВЛЕНИЕ 6

Рославлев-старший (*один*). Петь хочет! Сумасшедший! Теперь, может быть, у брата на свадьбе поют и пляшут... Странная судьба! Скачу сломя голову, чтобы брата отговорить от дурачества, которое сам хотел было сделать три месяца тому назад; но вы, красавицы, меня вылечили от залетного воображения, от всяких попыток на супружеское счастье, от веры в вашу любовь, — вы, которые никого, кроме себя, не любите. Я долго гонялся по следам вашим, долго; но поумнеть никогда не поздно. (*Берет гитару, прислоняется к фортепьяно, пробует несколько аккордов и напевает куплет*)

<Рондо>

Пускай сердечным суеверам
Еще мерещится любовь;
А я откланялся химерам
И на обман не дался вновь.
Из ваших рук довольно пил отраву,
Довольно я, красавицы! страдал;
Моя тоска была вам на забаву,
Смеялись вы, — я слезы проливал;
Но слез моих вам более не видеть,
Я в школе был и с горя поумнел.
Как я вас обожать умел —
Так вас умею ненавидеть!

Готовьте другим
Оковы и розы,
Обеты, угрозы,
Улыбки и слезы, —
Я стал невредим.
Пускай сердечным суеверам
Еще мерещится любовь;
А я откланялся химерам
И на обман не дался вновь.

ЯВЛЕНИЕ 7

Рославлев-старший, Антося и Лудвися.

Антося. Ах, как вы приятно поете!

Лудвися. С каким выражением вы арпеджио делаете на гитаре.

Антося. Продолжайте, сударь.

Рославлев-старший бросает гитару.

Антося. Вы не хотите, чтоб мы вас слышали?

Лудвися. Мы вам помешали?

Антося. Пожалуй, мы уйдем.

Рославлев-старший. Уйдите или оставайтесь — мне, право, всё равно.

Антося. Может быть, вам угодно нас послушать?

Рославлев-старший. Я терпеть не могу женского голоса!

Антося. Как? Неприятно вам, когда женщины поют?

Рославлев-старший. И даже когда говорят!

Лудвися. Это почти что очень неучтиво!

Рославлев-старший. Я предупреждаю вас, я ужасный грубиян.

Лудвися. Сестрица, он шутит.

Антося. Вы шутите, сударь, мне кажется: вам наш пол не так противен.

Лудвися. И я тоже думаю, что он вам мил!

Антося. Вы еще, того гляди, здесь влюбитесь.

Рославлев-старший. В вас?

Антося. Коли не в нас, так у нас по крайней мере!

Рославлев-старший. В здешнем городе?

Лудвися. Хоть и в здешнем доме, как узнать?

Рославлев-старший. Не худо на дорогу.

Антося. Ни за что не ручайтесь! кто истинно до женщин неохотник, тот не говорит им этого в глаза и вовсе с ними в разговор не вступает, берет шляпу и уходит.

Рославлев-старший. Именно так, прощайте. *(Кричит при выходе)* Что ж, готово? Нет еще? Это разбойство! Это неслыханно, что за мешкотня! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 8

Антося, Лудвися, Юлия (в мужском платье, приделанные бакенбарды, сапоги со шпорами).

Юлия. Ну, каков наш нелюдим?

Антося. Очень забавен!

Чудак он, право, своенравный!
Его ввести не можно в толк:
На разговор он рыбе равный,
А вежлив, как сердитый волк.
На шутки гневом отвечает
И дуется...

Лудвися

Нет дива тут:
Предчувствием он, верно, знает,
Что нами будет он надут.

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же, Рославлев-старший, пан Чижевский, писарж, курьер и слуга Рославлева.

Рославлев-старший *(держит пана Чижевского за ворот).* Ты, бездельник! Не может быть, чтобы все лошади были в разгоне.

Рославлев-старший и курьер с одной стороны, Юлия с другой тормошат пана Чижевского.

Рославлев-старший	Антося и Лудвися
Скорей, скорей Лошадей, лошадей.	Смелей, смелей Вы откажите лошадей.

Пан Чижевский

Я рад вам дать бы лошадей,
Но с час последня пара вышла.

Рославлев-старший. Как вышла!

Пан Чижевский

Есть лошади, да не для вас!
Здесь сверхкомплектных пять у нас:
Из них не ходят две у дышла,
А три не ходят уж никак!

Рославлев-старший

Я не терплю докучных врак!
Твоей я спеси поубавлю,
И, если станешь врать пустяк,
Тебя — тебя ходить заставлю!

Антося и Лудвися

Вы забываетесь никак —
Наш папенька и сам из шляхты.
Прошу понизить голосок.
Наш герб — подкова и рожок.

Рославлев-старший

Скачи от Питера до Кяхты,
От Кяхты поскачи в Моздок,
Но, верно, хуже этой почты
Нигде по трактам не найдешь.

Пан Чижевский

Да говорят же вам не ложь!
Всех подорожных не сочтешь!
Коляска скачет за каретой!
За городскою эстафетой
Летит из армии курьер,
Тут подкоморжий за курьером,
Тут арендарж и офицер!
Тут панна вслед за офицером!

Антося и Лудвися

И день и ночь, судите вы,
Мы не выходим из упряжки;
И наши лошади, бедняжки,
И мы — совсем без головы.

Юлия (*вслух*). Несносный упрямец! с ним не сговоришь; я уже моих людей разослал, чтобы как-нибудь на вольных убраться. Представьте, с самого утра он меня проводит. То лошадей вовсе нет, а когда сказывают ему, что есть точно, видели их в стойлах, отговоркам конца нет: одна будто бы охромела, другая крива, третья вовсе бессильна, при последнем издыхании, упряжки не в порядке, почтари в разброде! Между тем дочери его оглушают страстными плаксивыми песнями... Верьте мне, он с ними в заговоре. Нас здесь женить хотят.

Рославлев-старший (*расхохотавшись*). Какая мысль! а что? может быть. — Тесть любезный, не быть бы тебе...

Антося и Лудвися, будто обиженные, подходят к нему и, приседая, поют.

Антося

Нет, это слишком, признаюсь,
И оставаться здесь напрасно.

(Уходит, приседая.)

Лудвися

Я бешеных, суда́рь, боюсь!
И с вами быть, ей-ей, опасно.

(Также уходит.)

Пан Чижевский

Сердитесь вы наедине,
Но гнев сносить ваш нет мне следу!

(Уходит.)

Рославлев-старший

Иль тотчас дайте ехать мне,
Иль всех я вас путем доеду!

ЯВЛЕНИЕ 10

Рославлев-<старший> и Юлия.

Юлия. Успокойтесь! мои люди всё сделают, всё достанут мне и вам. Я рад, что могу служить собрату в равном горе, и через полчаса мы покатимся каждый по своей дороге, а может быть, по одной и той же. — Вы куда?

Рославлев-старший. В Петербург.

Юлия. А я оттуда.

Рославлев-старший. Тамошний житель? Всегда или временно?

Юлия. Я там служу в гусарах.

Рославлев-старший. Ах, боже мой, так вы знаете Александра Рославлева, — он в них же служит?

Юлия. Товарищ, друг мой неразлучный, мы с ним живем в одной комнате.

Рославлев-старший. Он мой брат родной.

Юлия. Неужели? как счастливо! Следовательно, вы и мне родной, — дайте обнять себя. — А знаете, какую было он глупость сделал? мой друг, ваш братец, чуть было не женился.

Рославлев-старший. Чуть было? стало, миновалась опасность?

Юлия. Совершенно. Он уже вовсе об этом не думает!

Рославлев-старший *(в сторону)*. Мои письма подействовали. *(Громко)* Как я рад встрече с вами, и даже прощаю почтовому смотрителю, что задержал меня. Эй! Кто-нибудь!

Антося и Лудвися. *(Сестры входят.)* Что вам надобно?

Рославлев-старший. Шампанского!

Антося. И! Какие прихоти! в нашем местечке этакого вина не водится. Венгерского, коли угодно?

Рославлев-старший. Чего-нибудь! Что душу располагает к веселью! Скорее!

Юлия. Туда, в цветничок.

Сестры уходят.

Рославлев-старший. Расскажите мне о брате, пожалуйста, всё, что знаете.

Юлия. Представьте себе — в его лета жениться.

Рославлев-старший. И на польке, это всего опаснее.

Юлия. Почему же! Я сам поляк.

Рославлев-старший. Нет! будьте справедливы, любовь к отечеству в сторону. Наши кокетки — ученицы перед здешними.

Юлия. Быть так, но братец ваш... ему совсем было голову вскружили, подговорили, заговорили, он уже готов был под венец, но я заклинал именем вашим, не зная вас, и моею дружбою... он образумился; вы видите во мне закоренелого мизогина.

Рославлев-старший. Закоренелого! Вы еще очень молоды!

Юлия. Со дня моего рождения тверд, как кремень, и не изменяю моим правилам. Враг отъявленный свадеб и волокитства, томных вздохов и нежных поцелуев. Если бы все женщины какой-нибудь благодетельной чумою исчезли с лица земли...

Рославлев-старший. Я бы не охнул.

Юлия. Я также.

Рославлев-старший. Я их терпеть не могу!

Юлия. Я их ненавижу.

Рославлев-старший. Вечные прихотницы без толку, ни капли здравого смысла, ни шагу без видов, любезны сначала, но под конец докучливы.

Юлия. Самые ничтожные, бесполезные! Дайте мне руку, передадим такие же правила нашим детям.

Рославлев-старший. Я надеюсь, что у меня их никогда не будет!

Юлия. Тем лучше, забот меньше.

Антося и Лудвися входят и подносят налитые стаканы.

Юлия

Стократ счастлив, кто разум свой
Не помрачил еще любовью,
Но век проводит холостой, —
Я выпью за его здоровье.

Поверьте мне, жена для нас
Есть вечное почти мученье.

Женись лишь только — и как раз
Родятся ревность, подозренье.

Ах, то ли дело одному:
Его не мучит неизвестность,
Душе покой, простор уму
И вечная почти беспечность!

Нрав женщины имеют злой,
Капризны, что не сладишь с ними.
Чтоб избежать судьбы такой,
Останемся мы холостыми!

(Стакан свой только к губам подносит.)

Рославлев-старший

(выпивает все)

Любил бы, может быть, и я
Заботы, нежности и ласки,
Но кто б уверить мог меня,
Что эти нежности — не сказки!
Жена сердита — в петлю лезь!
Нежна — замучат подозренья!
Родятся дети — с ними здесь
Родятся новые сомненья!
Прими совет мой, молодежь:
Любовь — лукавая наука.
В любви бывает часто ложь,
За истину ж вино порука!
Влюбись в красотку неравно,
Твой вкус — приманка заблужденья!
Когда ж на вкус придет вино,
Его ты выпьешь без сомненья!

Антося и Лудвися устанавливают поднос с бутылками в цветнике и уходят.

Юлия. Одна есть женщина на свете, которую я люблю по самой родственной связи.

Рославлев-старший. Одна уже нашлась; найдутся и более!

Юлия. Нет! двух таких не бывает; она — сердца ангельского, примерной добродетели.

Рославлев-старший. О! они все ангелы! все чудесно добродетельны! где же твердость ваша? правила неизменные?

Юлия. Не ошибайтесь. Речь идет об моей сестре. Кроткое, невинное существо, и так же мало заботится об нас, как мы с вами об их. Брат, отец, мать — вот кто ей наполняют душу. Здесь, например, давно ли мы остановились, и то неохотно, она уже отыскала какого-то безгласного, разбитого параличом, дряхлого старика, всеми брошенного, ухаживает за ним, бережет его и благословляет случай, который задержал нас здесь, подавая ей добро творить, между тем как мы с вами от этого случая готовы лопнуть с досады.

Антося вбегает.

Антося. Вас сестрица зовет, крайняя нужда!

Юлия. Сейчас.

Антося *(ей на ухо)*. Ваш муж что-то по вас беспокоится.

Юлия. Иду, я скоро ворочусь к вам.

ЯВЛЕНИЕ 11

Рославлев-старший *(один)*. Брат сестру хвалит, видит в ней совершенство! Почтенное чувство! Но кто ручается, что тут нет пристрастия? Однако он поселил во мне сильное любопытство... Что, кабы попытаться познакомиться с пригожей незнакомкой? .. Пригожею? — это еще неизвестно, но то верно, что между мною и старым паралитиком она бы не долго колебалась. Разумеется, всё бы кончилось шуткою, потому что я отныне впредь и навсегда, благодаря принятому намерению, об женщинах слышать не хочу. Спешить некуда, повеса Александр не женится, что ж — попробуем. И я многим нравился... *(охорашивается перед зеркалом)* конечно, не столько, сколько бы хотелось, а пуще всего недолго!

Зачем теперь не вспомнить мне,
Как резво, сча́стливо и смело
Сердечны шалости одне
Имел за главное я дело.
Я у красавиц был в чести!

Шутил собой, шутил и ими,
Как быть! .. был проведен иными, —
Зато, отмщаясь над другими,
Успел я многих провести.

ЯВЛЕНИЕ 12

Рославлев-старший и Юлия (в женском платье).

Юлия. Пан почтмистрж, пан почтмистрж!

Рославлев-старший. Это она! прехорошенькая! и как на брата похожа!

Юлия (*между тем бегает к дверям, в цветник и в окно смотрит*). Пан почтмистрж!

Рославлев-старший. Кого вы ищете? кого вам надобно? Хотите, я позову?

Юлия. Здешний хозяин обещал мне достать шалфея и не идет до сих пор.

Рославлев-старший. Лекарство для вас? чем вы нездоровы?

Юлия. Нет-с, не для меня, здесь больной есть, и опасно больной.

Рославлев-старший. Ближний вашему сердцу?

Юлия. Ах, сударь, помогите ему, — вы, верно, лекарь.

Рославлев-старший. Почему вы это думаете?

Юлия. Вы с таким участием расспрашиваете о болезни и больном.

Рославлев-старший. Признаюсь, на этот раз я в отчаянии, что неискусен в медицине.

Юлия. Так я ошиблась, извините. (*Уходит.*)

Рославлев-старший. Ошиблась, и не любопытствует знать, кто я! В самом деле это редко... Молоденькая, личико миленькое, чувствительное — и не любопытна!

Юлия возвращается.

Рославлев-старший. Нашли, кого искали?

Юлия (*среди комнаты, печально*). Нет-с, не нашла.

Рославлев-старший. Позвольте же, я за вас пойду, разведаю, отыщу и приведу.

Юлия. Пожалуйста, я вам много обязана буду.

*

Рославлев-старший. Сию минуту. (*Ворочается.*) Какое в вас небесное добродушие, и как непритворно! Как вы для других себя забываете! Клянусь вам... что я не видывал ничего подобного.

Юлия. Перестаньте, сударь!

Рославлев-старший. Вы рассердились?

Юлия. Нет-с, я вам благодарна, я, право, не сержусь, вы мне говорите приятные вещи, только, простите мне, они не у места. Вспомните, что ваши услуги, помощь ваша нужна бедному старику, изнеможенному страданиями. Идите, спешите.

Рославлев-старший. Бегу, лечу. (*В дверях*) Не оскорбляется похвалами, а не любит их. (*Ворочается.*) Ах! ах! кстати вспомнил, что со мною есть маленькая дорожная аптека — я вам сейчас принесу ее.

Юлия. Очень кстати! пожалуйста, скорее!

Рославлев-старший (*ворочается*). Боже мой! Печатное наставление, как употреблять ее, на английском языке!

Юлия. Я умею по-английски.

Рославлев-старший. А название составов и способов составления и мера приемов по-латыни.

Юлия. Я умею по-латыни.

Рославлев-старший. А драхмы, унции и их дроби?

Юлия. Вес как вес, я по необходимости его знаю: матушка целый год была больна; впрочем, это знание так не трудно, что нечем хвастать. Пожалуйста, пришлите ваш ящик.

Рославлев-старший. Сию минуту. (*В дверях*) Сколько познаний, и не выказывает их, и не дорожит ими! (*Ворочается.*) Я готов не только быть у вас в полном подданстве на услугах, рассыпаться всюду и за всякой всячиной вам в угодность, только...

Юлия. Что вы хотите сказать?

Рославлев-старший (*в сторону*). Куда девалась моя дерзость? (*Вслух*) Не теперь, но когда удастся мне вам сделать угодное, когда вы убедитесь, что и я не без добродушия, не без сострадания; осмелюсь ли я просить у вас...

Юлия. Чего? скажите!

Рославлев-старший. Поцеловать вас в знак дружбы.

Восторгов бурных и непрочных
Во мне простыл горячий след,
И поцелуев непорочных
Теперь мне сладостнее нет.
Меня не страсти пыл волнует —
Умел я чувства обуздать,
И вас хочу поцеловать,
Как брат сестру свою целует.

Юлия. На такой поцелуй и я согласна. Идите, сударь, торопитесь, не теряйте времени... почему мне не поцеловать вас? Я готова обнять доброго человека, только не мешкайте, бегите, принесите. Почему не обнять вас за доброе дело!

Рославлев-старший. Невинна как ребенок! *(Уходит.)*

Юлия *(смотрит вслед ему, потом в окно)*. Ушел! Войдите!

ЯВЛЕНИЕ 13

Юлия, Антося и Лудвися (ведут Юлии мужа, укутанного в виде больного, зонтик на глазах, все лицо почти закрыто полотенцами, жена около него старается, поправляет и любуется).

Антося

Каков, скажите, наш больной?
Больной он нового покроя!

Лудвися

Кто в этой смерти подвижной
Найдет гусарского героя?

Антося

Болезней всех образчик он!

Лудвися

Вот предисловье похорон!

Антося

Слепой, расслабленный, недужный,
Он дышит будто сгоряча...

Лудвися

Но тем болезнь ему сплеча,
Что в ней врачи ему ненýжны.

Рославлев-младший (*слабеющим голосом*). Капель, микстуру, сироп! Смотрите на часы, не пора ли принимать?

Юлия. Шалун, ты ужо не забудься при любезном братце! Пожалуйста, будь смирен и не подавай ни малейшего знака жизни.

Рославлев-младший. Уговор лучше денег: я не гожусь в параличные; хочешь, лучше напущу на себя белую горячку, выскочу, зарублю, развоюсь, брата в сторону, тебя в другую, сам на стену...

Юлия. Не дурачься, мой милый, ты всё испортишь, а коли тебе непременно движение нужно, видел ты здесь креслицы? Хочешь, я тебя усажу в них и стану прокатывать из комнаты в комнату?

Рославлев-младший. Сажай, вези!

Юлия. Ну, пойдем. (*Уводит его.*)

ЯВЛЕНИЕ 14

Антося, Лудвися, Рославлев-старший и пан Чижевский.

Рославлев-старший. А, милые, вы здесь, как я рад, что вас вижу!

Антося (*в сторону*). Наш дикарь становится, кажется, обходительнее.

Лудвися. Мы от вас бегали, боялись вам в глаза попасть; вы такие сердитые!

Рославлев-старший. А уж вы и приняли за строгую истину мои тогдашние шутки! Как вам не стыдно? а скажите мне, где проезжая дама?

Антося. Она тотчас будет.

Пан Чижевский. У нее нет минуты свободной! все время посвящено у нее на разумные дела.

Рославлев-старший. Да, кажется мне, что вы об ней знаете: известны ль вам обстоятельства ее жизни?

Лудвися. Мы и сами много сказать вам не можем о ней. Всё, что знаем, слушайте!

Она друг сирым и убогим!

Антося

Она благотворит шутя!

Лудвися

Она мудрец рассудком строгим!

Антося

Она невинностью дитя!

Пан Чижевский

Она благое существо,
В ней человеческого мало...

Рославлев-старший

Да, в этом женском диве, стало,
Уж женского нет ничего!

ЯВЛЕНИЕ 15

Те же и Юлия (в мужском костюме).

Рославлев-старший. А! любезный мизогин, откуда? а я без вас сделал здесь приятнейшее знакомство!

Юлия. Поздравляю с доброй вестью: мало-помалу лошади собираются, и мы скоро отправимся.

Рославлев-старший. Поздравьте лучше меня с тем, что я видел вашу сестрицу и говорил с ней.

Юлия. Правду сказать, слуга у меня препроворный и в дороге — клад: в минуту избéгал местечко, переколотил всех жидов...

Рославлев-старший. Как сестрица ваша похожа на вас; но признаюсь, не сердитесь — черты одни, а миловидности в ней гораздо более.

Юлия. Уступаю охотно! Я, право, не приревную к ней! Пан Чижевский, посмотрите, верно, уже всё изготовлено?

Пан Чижевский. Зáраз, ясновельможный капитане! *(Уходит.)*

Юлия. Что у вас за ларчик? не казна ли ваша?

Рославлев-старший. Нет! но на эту пору

дороже всякого сокровища: сестре вашей нужны лекарства, и я принес ей свою дорожную аптеку. *(Хочет идти.)* Нельзя ли мне с вами пойти к ней и отнести?

Юлия. О нет, подождите. Вы знаете, что к молодым барышням и знатным барам входить без докладу не можно; дайте мне предварить ее. *(В сторону)* Победа наша!

Рославлев-старший отпирает ящик и осматривает его снутри.

Антося

Как любовь бывала лекарь,
Свет уж видывал не раз, —
А теперь она аптекарь:
Часа нет ей без проказ!

Лудвися

Но от нас он не уйдет;
Мы, его подкарауля,
Скажем также в свой черед:
Вот и вам, суда́рь, пилюля?

(Обе уходят.)

ЯВЛЕНИЕ 16

Рославлев-старший *(один)*. Однако я с своим ларчиком в ожидании ее прихода очень похож становлюсь на дамского угодника. Было время, и это не так давно, прежде, нежели я отказался от любви навсегда... но, признаюсь, три месяца тому назад встреча с нею могла бы сильно на меня подействовать. Теперь я безопасен, хладнокровен, решился ничего не чувствовать. Но где же она и что так долго медлит? и отчего мне так хочется опять ее видеть? Это ничего не значит: заманчивость, новость, приключение. — Ах! Вот она!

ЯВЛЕНИЕ 17

Рославлев-старший, Рославлев-младший (в виде больного в тележке), Юлия (развозит его по цветнику).

Рославлев-старший. Какие заботы! Как она усердно хлопочет около этого бездушного, недвижимого старика. *(Обращаясь к ней)* Я принес обещанное и давно жду вас.

Юлия *(прибегая к нему из цветника)*. Дайте сюда, разберемте вместе, я вам много обязана, я вам очень много благодарна.

Рославлев-старший. Я вам во сто раз более... Нынешний день, например, думал ли быть на что-нибудь годным, но вы вдохнули в меня ту же страсть к добру, которая вас одушевляет, и я на всё хорошее способен.

Юлия. Коли так, повозите больного, сударь, я устала, привезите его сюда.

Рославлев-старший. О! хоть отсюда до Петербурга на себе, на моих плечах. *(Идет и останавливается; задумавшись)*

Ручаться можно ли за что?
Наш ум — ужасный своенравец;
Давно ль мной было принято
Намеренье — не знать красавиц?
Нельзя ручаться ни за что!
Нельзя ручаться ни за что!

(Бежит в цветник и везет тележку с больным.)

Юлия *(смотря на него)*. Чего ж мы с мужем пугались! Он очень послушлив, возит и не жалуется.

Рославлев-старший *(довезши до Юлии, останавливается; она отпирает аптеку, он поет)*

Ваш лазарет я прикатил;
Пущусь опять, коли то надо,
Лишь только бы уверен был,
Что не замедлите наградой!
Что не замедлите наградой!
Лишь только б я вам угодил!
Лишь только б я вам угодил!

Ю л и я. Лишь только... что вы говорите?

Рославлев-старший. Лишь только б я вам угодил. Скажите, что вам нужно, я достаточно имею навык в этих травах, порошках, элексирах и, может быть, скорее выберу то, что требуется.

Ю л и я. Какое-нибудь легкое средство к возбуждению испарины.

Рославлев-старший. Дайте, примусь за дело. *(Что-то высыпает, растворяет водою, мешает ложкою в стакане, между тем продолжает разговор.)* Давно ли вы посвятили ваши нежные старания этому старику?

Ю л и я. Недавно.

Рославлев-старший. Он вам родственник?

Ю л и я. Несколько.

Рославлев-старший. Нет, от меня не кройтесь, я всё знаю, он вам чужой, совершенно чужой. Вы нынче в первый раз его увидели, здесь нашли нечаянно, и ваши заботы об нем тем более заставляют удивляться.

Ю л и я. Не дивитесь, это делается не по рассудку, но по быстрому чувству сострадания; оно скоро вспыхнет и скорей того остывает. Завтра, может быть, я не с таким рвением попекусь об этом недужном и, видите ли, нынешний мой подвиг превратится в ничто. Изведайте постоянство в добрых делах и тогда только называйте человека добродетельным. *(Между тем оправляет больного.)*

Рославлев-старший. Как мило она отклоняет от себя всё, что на лесть похоже. Вот раствор, он готов, мне всегда был целебен. Ужасно противен вкусу, но во всяком случае безвреден. *(Подносит Рославлеву-младшему, тот рукой машет, что не хочет.)*

Ю л и я. Не понуждайте его, он не хочет, будет время после.

Рославлев-старший. Как вам угодно; однако какая у него здоровая жилистая рука!

Ю л и я. Это идропическая пухлость, в лице он совершенно иссох.

Рославлев-старший. Лицо его слишком увязано, ему душно, я его немного освобожу от этих свивальников.

Ю л и я *(торопливо удерживая его)*. Оборони боже, не делайте того; малейшее неосторожное прикосновение

произведет в нем жестокую боль. Один луч дневного света, как острие ножа, глаза ему колет.

Рославлев-старший *(отшедши, смотрит на больного издали)*. Передвижная мумия, одною ногою уже в гробе, а придется позавидовать жребию подобных ему жалких существ! Для них только вы имеете душу пламенную, все прочие вам чужды.

Когда в вас сердце признает
Права священные несчастья,
Когда к страдальцу вас влечет
Порыв нежнейшего участья, —
Ужель могли б вы не внимать
Души тоскующей взыванью?
Ужель могли не сострадать (2) } bis
От вас рожденному страданью? }

Ах нет! Несчастливей не тот,
Кто бедность получил в наследство,
Недужным помощь подает
Искусства быстрое посредство;
Но нам дано мученье знать,
Где след один есть к упованью,
Где тот лишь может сострадать,
Кто сам виною был страданью.

Будьте искренны, — если бы человек, не старик, не тягчимый болезнями, но добрый, в цвете лет, полюбил вас всем сердцем, преданный во власть вашу безусловно, в вас бы поставил одну свою отраду, цель жизни и всё свое блаженство, неужли бы вы ему в пользу не склонились ниже к малейшей взаимности?

Юлия. Отчего же нет; но, во-первых, он бы не должен быть русским!

Рославлев-старший. Не русским? кем же, ради бога!

Юлия. Нас, выезжих из Польши, не любят в вашей России!

Рославлев-старший. Напротив: мужчины, мы все боготворим вас.

Юлия. Свет не из одних мужчин составлен, ваши дамы...

Рославлев-старший. О! Не думайте об них. Разумеется, вы у нас явитесь, и участь их будет из-за угла вам завидовать! Вы единственны, не бойтесь моих слов, верьте им, дайте им полную веру, они отсюда, из глубины сердца невольно вырвались; но бесполезно вам высказать всё то, что я теперь чувствую! *(Осыпает ее поцелуями.)*

Рославлев-младший. Он не путем пристает!

Рославлев-старший. Больной простонал что-то.

Юлия. Он просится к себе, ему назад пора. *(Юлия идет к больному.)*

Рославлев-старший. Неужели мы расстаемся? О! я за вами всюду! Не правда ли, вы позволите мне за вами следовать?

Юлия. Я вам не запрещаю!

Рославлев-старший *(отнимает у нее колясочку)*. Нет, уж это мое дело; покуда мы вместе, я буду возить больного; любовь села на козлы и правит.

За кулисами слышен хор:

Любит обновы
Мальчик Эрот!

В цветнике появляются дочери почтмейстера, писарь, люди графские и сам хозяин. Шумят, поют и пляшут, все бегут навстречу везущему графу.

Рославлев-старший. Какая ярмонка! Что вы, с ума сошли?

Юлия. Пусть их тешатся, оставьте их повольничать, пожалуйста, для меня! — У них нынче праздник!

Рославлев-старший *(уходит с Юлией и увозит больного)*. Веселитесь, и я весел.

ЯВЛЕНИЕ 18

Пан Чижевский, писарж, Антося, Лудвися, Андрей — слуга Рославлева-старшего — и прочие.

Хор

Мазурка-краковская

Любит обновы
Мальчик Эрот,

Стрелке перёной,
Знать, не черед, —
Вожжи шелко́вы
В руки берет,
Плеткой ременной
Хлещет и бьет.

Андрей. Эк, барин-та у меня не путем развозился!

Пан Чижевский. Не он первый, не он последний!

Судьба-проказница в насмешку
Дает нам часто напрегай,
Чему ж дивиться, что в тележку
Впряжен твой барин невзначай? (2)
Имея счастье на примете,
Век целый возится народ, (2)
Везде возня на этом свете:
Кто возит, а кому везет! } (3)

Антося и Лудвися

Пускай шумиху с возу счастья
Глупец хватает, вздернув нос,
И после с ли́хвой, в день ненастья,
Он, плача, платит за провоз! (2)
Фортуна нас и на запятки
В свою повозку не берет, (2)
Но и без ней пути нам гладки,
Пока нас молодость везет! } (3)

ЯВЛЕНИЕ 19

Те же и Рославлев-старший (Андрей между тем заснул на столе).

Рославлев-старший. Сделайте милость, уплетайтесь куда-нибудь подальше с вашею веселостью: у меня и без того голова кругом идет!

Они уходят. Он будит Андрея, который просыпается, зевая, и потягивается.

Так и есть, только и умеешь пить и спать без просыпа, а в промежутках зевать!

Андрей (*зевая и шатаясь*). Да помилуйте! Что же другое делать?

Жизнь наша сон...

Рославлев-старший. Молчать, пьяница! Куда девался тот, — как его зовут!..

Андрей. Как его зовут? (*Опять принимается петь*)

Жизнь наша сон...

Рославлев-старший. Дурак! не разевай мне никогда так широко глупого своего рта. (*Про себя*) Куда девался брат ее? мне непременно нужно видеться и объясниться с ним. Пойду отыщу его. (*Андрею*) А тебя я знаю, как протрезвить. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 20

Андрей (*один*). В песне-то не то сказано, как бишь я ее наладил:

Жизнь наша сон! всё песнь одна:
Или ко сну, или со сна!

Одно всё водится издавна:
Родятся люди, люди мрут
И кое-как пока живут;
Куда как это всё забавно!
Как не зевать? всё — песнь одна:
Или ко сну, или со сна.

Иной зевает от безделья,
Зевают многие от дел,
Иной зевает, что не ел,
Другой зевает, что с похмелья!
Как не зевать *и проч.*

Актер в своей зевает роле,
Зевотой зритель давит свист,
Зевая пишет журналист,
А сускрибент зевает боле!
Как не зевать *и проч.*

Я холост был, зевал без счета,
Подумал завестись домком
И взял жену, чтоб жить вдвоем,
И вдвое забрала зевота!
Как не зевать *и проч.*

ЯВЛЕНИЕ 21

Андрей и Юлия в мужском платье.

Юлия. Где твой барин?

Андрей. Мой барин... а вот он!

ЯВЛЕНИЕ 22

Рославлев-старший и Юлия, потом вся компания.

Рославлев-старший *(входя, толкает Андрея вон)*. Прочь! Ах, любезный новый знакомец, я вас ждал с невероятным желанием.

Андрей уходит.

Юлия. Я пришел проститься с вами.

Рославлев-старший. Куда вы? Как, уже в дорогу?

Юлия. У нас всё готово, идти сестру кликнуть, потом пожать вам дружески руку и скорее отсель во всю конскую мочь.

Рославлев-старший. Ваша сестрица... постойте, погодите... у вас сестра — существо необыкновенное!

Юлия. Я вам сказывал.

Рославлев-старший. Вы мне ничего не сказали, она свыше всего, что об ней сказать можно!

Юлия. Это для меня очень лестно; однако хорошо, что мы с вами оградились против нежных впечатлений пылких страстей.

Любви туман и сумасбродство
Не посетят меня и вас!
Признавших красоты господство
Мильон страдают и без нас.

Они нас не прельстят собою,
Их красота пред нами дым, —
Мы, дорожа своей душою,
Поклон прелестным отдадим.

Смеюсь я над Амуром смело
И рад уверить целый свет,
Что сердце наше будет цело,
Хоть стрел его опасней нет!
Пускай летает он, где хочет,
Чтобы поранить как-нибудь!
Для нас напрасно он хлопочет —
Ему мы скажем: добрый путь!

Рославлев-старший. Стойте, я ни за что не отвечаю. Добрый путь! Вы великий импровизатор! Я ни за что не ручаюсь, полчаса бывают иногда важнее года в судьбе человека, решают ее на всю жизнь, и самые твердые, неломкие намерения разбиваются вдребезги, как детские игрушки. Прах и дым — всё наше мужество. Еще два слова об вашей сестре!

Неу́жли никогда в ней кровь
В час мысли не была в волненьи?
Ужель не знает, что́ любовь,
Что́ сердца трепет, восхищенье?

Или в невинной простоте
Любовь по слуху только знает
И в полной блеска красоте,
Как нежна роза, расцветает?

Ах, точно ль для ее души
Еще счастливец не сыскался,
Который счастия б в тиши
Любви блаженством наслаждался?

Ах! нет, — он, верно, верно, есть,
Напрасно я влекусь мечтами;
Нет, не моей душе процвесть:
Любовь, блаженство, радость с вами!

Юлия. Давеча я с первого свидания с вами не мог предаться совершенной искренности. Теперь выведу вас из заблуждения: сердце сестры моей давно уже неравнодушно.

Рославлев-старший. К кому? как? неравнодушно! и уже давно? Почтмейстер, лошадей!.. во всем обман и неудача! Под каким рожден я несчастным созвездием!

Юлия. Будьте терпеливы, дайте всё до конца открыть вам; но пуще не перебивайте меня ни в одном слове.

Рославлев-старший. Ах, чем вы меня успокоите? Говорите!

Юлия. Не знаю, с чего начать вам рассказ, истинный, но едва вероятный; не знаю, как он на вас подействует, с трудом решаюсь; конечно, судьба этого хотела: мы недаром с вами здесь встретились.

Рославлев-старший. Какое таинственное начало!

Юлия. На пути от Люблина в Краков стоит замок ветхий, брошенный богатыми владельцами; Юлия, девушка им сродни, оставалась дома с пожилою наставницею; здесь она провождала бо́льшую часть времени: посещала хижины поселян, пользовала недужных, утешала скорбных. Она сама рано познала сиротство и своею печалию научилась разделять ее вчуже. Так текли годы, наступила пора непреодолимого любопытства, желанья видеть свет; родственники, друзья покойных отца и матери приглашали ее в Варшаву; она к ним отправилась. Столица королевства закипела тогда новою жизнию: в ней толпилось множество ваших соотечественников. Один из них, по крайней мере для приезжей Юлии, казался заметнее прочих, она его слишком заметила, он был приятен, имел очаровательный голос. Он искусно играл на гитаре, а объяснялся еще лучше.

Рославлев-старший. Ах, боже мой! уж это не я ли?

Юлия *(в сторону)*. Вот не самолюбив! *(Громко)* Вы, конечно.

Рославлев-старший. Продолжайте, продолжайте, да как же я об этом ничего не знал.

Юлия. И как вам знать! Зачем, однако, вы меня перебили? Я просил вас дотерпеть до развязки.

Рославлев-старший. Мог ли я выдержать? Продолжайте ради бога, продолжайте!

Юлия *(в сторону)*. Потеряла всю нить, как сведу, сама не знаю. *(Громко)* Вы тогда кружились в шумных веселостях, могли ли заметить смиренную провинциальную девушку, и которая, может быть, не смела равняться красотой с вашими знакомыми, в обществах старалась отдаляться, боялась быть отличной? Вы предпочитали тех, которые вперед себя выставляли, — она была стыдлива, следственно, по-вашему, робкая невинность вас бы самих обробеть заставила. Наконец, она вас любила, а вы без примечания проходили мимо той, в чьей груди единственно вами билось сердце живейшим бескорыстнейшим чувством.

Рославлев-старший. Ах! это самая истина; я только теми и занимался, которые обманывали меня. — Но почему всё это вам известно, неужели эта Юлия, ангел на земле, сестра ваша?

Юлия *(сбрасывает с себя конфедератку и шинель)*. Я сама.

Рославлев-старший. Боже мой! Какое превращение!

Юлия. Вот уже месяц, как я из Варшавы от вас и от самой себя бежала. Здесь мне понравилось, здесь, где я никому не известна, старалась припомнить то время, когда душевное свое спокойствие употребляла на успокоение других. Ах! другим хорошо; но мне где найти утешение? Прочих тайн моих вам, кажется, открывать нечего: я от вашего передового узнала, что вы сюда будете, схватилась за первый способ, который мне вообразился, чтобы видеть вас и говорить с вами под чужим именем. Теперь я всё объяснила, что сердце мое обременяло; прощайте и помните, это был — последний наш разговор, последнее свидание.

Рославлев-старший. Как! чтоб мне с вами расстаться! Едва верю всему, что слышу... иногда в романах начитывал что-то подобное... Я вне себя, я в восторге; нет, нет, я вас не пущу, сударыня!

Слуга *(входит)*. Лошади готовы.

Рославлев-старший. Убирайся! пошел вон!

Ах! повторите... мне еще раз об любви вашей, мною вовсе не заслуженной, и не говорите о расставаньи.

Пан Чижевский (*входит*). Ясновельможный...

Рославлев-старший. Будь проклят и оставь нас одних!

Юлия. Я вам повторяю: мы более не увидимся. Иначе какое же вам ручательство, что я не одна из тех кокеток, которые на всё отваживаются для достижения цели?

Рославлев-старший. Я... чтоб смел приравнять вас...

Входят жиды-музыканты и гудят какой-то танец.

Тс! Вот вам деньги; после, после я вас позову, а теперь проваливайтесь сквозь землю! (*Бросает им червонец.*) Нет, прекрасная Юлия, мы теперь соединимся навсегда.

Юлия старается от него освободиться. Он бросается на колени и в таком положении следует за нею до самого цветника.

Юлия. Или вы поезжайте, или я скроюсь отсюдова туда, где никто меня не сыщет.

Рославлев-старший. Нет! нет!

Антося и Лудвися входят.

Антося. Этакое презрение к нашему полу!

Лудвися. На коленях всю комнату изъездил!

Рославлев-старший. Оставьте нас; вам будет праздник, только после, идите!

Рославлев-младший, в виде больного, треплет его сзади по плечу.

Рославлев-старший (*вскрикивает*). Что это! больной на ногах! мертвецы воскресают.

Рославлев-младший (*сбрасывает с себя одежду*). Узнаешь ли?

Рославлев-старший. Брат?

Рославлев-младший. Как видишь, и вот моя жена, рекомендую!

Рославлев-старший. Какое дьявольское сплетение!

Антося

Что, каково свели концы?
Вот с польками быть в ссоре!

Лудвися

Напрашиваясь в мудрецы,
Вы назвались на смех и горе.

Пан Чижевский

(кланяясь)

Позволите ль и мне при том
Сказать, ясновельможный, слово:
Как вас доехали путем, —
И вам в путь ехать всё готово!

Рославлев-старший. Как я глуп был! О, как я был глуп! Однако если дался ей в обман на полчаса, любезный брат, тебе эта участь предоставлена на всю жизнь, мужайся.

Рославлев-младший. Не беспокойся, я сам хотел, сам и отвечаю. Куда же мы? В Варшаву? или в Петербург?

Рославлев-старший. К вам, и как можно скорей, с прекрасной Юлией!.. А может быть, имя вымышленное, всё равно: с твоей женой! Знакомиться нам нечего, мы, кажется, довольно подружились.

Пан Чижевский. Ясновельможный! позвольте нам позвать наших музыкантов и плясунов, которых вы давеча прогнали? Мы хотим окончить наше веселье.

Рославлев-старший. Делайте, что хотите, теперь я готов ждать лошадей хоть трое суток!

Рославлев-младший. Прекрасно: теперь мы все довольны, виват!

Рославлев-младший

Наши замыслы все шатки,
Наша мудрость всё туман,
Вечно люди будут падки
И к обманам и в обман,
Если ж и с женой моею
Мне обман в участок дан,
То признайтесь, что имею
В ней хорошенький обман. } (2)

Лудвися

Бойтесь — нам твердят из детства, —
Бойтесь вы сердечных ран,
От мужчины ждите бедства, —
Он обманщик и тиран!
Знать, обманы — жребий жалкий!
Но влачить девичий сан
Для стареющей весталки —
Вот несноснейший обман! } (2)

Пан Чижевский

Ян, как брат наш, без талана
Стал спесив, как богдыхан;
Если верить басням Яна,
То с умом и с де́ньгой Ян!
Но поверь его заране,
Взвесь и мозг в нем, и жупан,
То в болване и кармане
Ты найдешь пустой обман. } (2)

Андрей

Я в зевалах мастер ловкий,
Я зеваю трезв и пьян;
Но, зевая без сноровки,
Можно вызевать изъян.
Раз на винах и на жлудях
Прозевал я свой карман...
Зазевайся в добрых людях —
И тотчас попал в обман. } (2)

Рославлев-старший

«Заживо гляжу в потомки!
Я на пир бессмертья зван!» —
Во́пит Бралькин, так же громкий
И пустой, как барабан.
Счастлив он, пока с ним бродит
Самолюбия дурман;
Но вралей одних ли вводит
Самолюбие в обман? } (2)

Юлия

(к зрителям)

Хоть невинный и безвредный
Мною выдуман роман,
Но сколь часто автор бедный
Для ушей чужих тиран!
Вечно горд, самолюбивый,
Всем доволен шарлатан!
Суд же публики правдивый
Не впадет никак в обман. } (2)

Антося

Бедным авторам к успеху
Путь ухабист и песчан,
С публикою не до смеху;
С ней пропал ты или пан!
Что, как скажет зритель едкий,
Мненья общего орга́н:
«Нас поддели, но напре́дки
Не заманите в обман!» } (2)

Входят музыканты — жиды, мазуры, поляки и русские, и начинается дивертисмент.

1823—1824

ОТРЫВКИ И ПЛАНЫ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

7. ЮНОСТЬ ВЕЩЕГО

(Из пролога)

(Куростров. Ищут Михаила. Находят его. Ночь перед отплытием в дальний путь.)

Орел, едва лишь пухом оперенный,
Едва в себе почуял дерзость сил,
Рассек эфир, с размаху воспарил;
Хор птиц, его явленьем изумленный,
Неспорный крик ему навстречу шлет.
Нет! Дерзость тех очей и тот полет
Не зрит себе ни равных, ни преслушных,
И властвует в селеньях он воздушных.
Не так между людьми: ах! от пелен
Томится столько лет ревнитель славы!
Еще томится возмужалый он,
Отвержен и не признан, угнетен...
Судьба! О, как тверды твои уставы!
Великим средь Австралии зыбей
Иль в Севера снегах везде одно ли
Присуждено? — Искать желанной доли
Путем вражды, препятствий и скорбей!
И тот певец, кому никто не смеет
Вослед ступить из бардов сих времен,
Пред кем святая Русь благоговеет,
Он отроком, безвестен и презрен,
Сын рыбаря, чудовищ земноводных
Ловитвой жил; в пучинах ледяных,
Душой алкая стран и дел иных,
Изнемогал в усилиях бесплодных!..

Океан, пустынный остров. Любопытство юноши.

Скорбь отца. Вновь отъезд.

Нелюбовь.

Соловцы. Неведомый муж, богомолец. Весть о вечерних странах.

Возвращение домой. Побег. Тот же таинственный спутник.

1823

8. ОТРЫВОК ИЗ ГЕТЕ

Директор театра

По дружбе мне вы, господа,
При случае посильно иногда
И деятельно помогали;
Сегодня, милые, нельзя ли
Воображению дать смелый вам полет?
Парите вверх и вниз спускайтесь произвольно,
Чтоб большинство людей осталось мной довольно,
Которое живет и жить дает.
Дом зрелища устроен пребогатый,
И бревяной накат, и пол дощатый,
И всё по зву: один свисток —
Храм взыдет до небес, раскинется лесок.
Лишь то беда: ума нам где добиться?
Смотрите вы на брови знатоков,
Они, и всякий кто каков,
Чему-нибудь хотели б удивиться;
А я испуган, стал в тупик;
Не то чтобы у нас к хорошему привыкли,
Да начитались столько книг!
Всю подноготную проникли!
Увы!
И слушают, и ловят всё так жадно!
Чтоб были вещи им новы,
И складно для ума, и для души отрадно.
Люблю толпящийся народ
Я при раздаче лож и кресел;

Кому терпенье — труден вход,
Тот получил себе — и весел,
Но вот ему возврата нет!
Стеной густеют непроломной,
Толпа растет, и рокот громный,
И голоса: билет! билет!
Как будто их рождает преисподня.
А это чудо кто творит? — Поэт!
Нельзя ли, милый друг, сегодня?

Поэт

О, не тревожь, не мучь суст картиной.
Задерни, скрой от глаз народ,
Толпу, которая пестреющей пучиной
С собой противувольно нас влечет.
Туда веди, где под небес равниной
Поэту радость чистая цветет;
Где дружба и любовь его к покою
Обвеют, освежат божественной рукою.
Ах! часто, что отраду в душу льет,
Что робко нам уста пролепетали,
Мечты неспелые... и вот
Их крылья бурного мгновения умчали.
Едва искупленных трудами многих лет,
Их в полноте красы увидит свет.
Обманчив блеск: он не продлится;
Но истинный потомству сохранится.

Весельчак

Потомству? да; и слышно только то,
Что духом все парят к потомкам отдаленным;
Неужто наконец никто
Не порадеет современным?
Неужто холодом мертвит, как чародей,
Присутствие порядочных людей!
Кто бредит лаврами на сцене и в печати,
Кому ниспосланы кисть, лира иль резец
Изгибы обнажать сердец,
Тот поробеет ли? — Толпа ему и кстати;
Желает он побольше круг,
Чтоб действовать на многих вдруг.
Скорей Фантазию, глас скорби безотрадной,

Движенье, пыл страстей, весь хор ее нарядный
К себе зовите на чердак.
Дурачеству оставьте дверцу,
Не настежь, вполовину, так,
Чтоб всякому пришло по сердцу.

Директор

Побольше действия! — Что зрителей манит?
Им видеть хочется, — ну живо
Представить им дела на вид!
Как хочешь, жар души излей красноречиво;
Иной уловкою успех себе упрочь;
Побольше действия, сплетений и развитий!
Лишь силой можно силу превозмочь,
Число людей — числом событий.
Где приключений тьма — никто не перечтет,
На каждого по нескольку придется;
Народ доволен разойдется,
И всякий что-нибудь с собою понесет.
Слияние частей измучит вас смертельно;
Давайте нам подробности отдельно.
Что целое? какая прибыль вам?
И ваше целое вниманье в ком пробудит?
Его расхитят по долям,
И публика по мелочи осудит.

Поэт

Ах! это ли иметь художнику в виду!
Обречь себя в веках укорам и стыду! —
Не чувствует, как душу мне терзает.

Директор

Размыслите вы сами наперед:
Кто сильно потрясти людей желает,
Способнее оружье изберет;
Но время ваши призраки развеять,
О гордые искатели молвы!
Опомнитесь! — кому творите вы?
Влечется к нам иной, чтоб скуку порассеять,
И скука вместе с ним ввалилась — дремлет он;
Другой явился отягчен
Парами пенистых бокалов;

Иной небрежный ловит стих, —
Сотрудник глупых он журналов.
На святочные игры их
Чистейшее желанье окриляет,
Невежество им зренье затемняет,
И на устах бездушия печать;
Красавицы под бременем уборов
Тишком желают расточать
Обман улыбки, негу взоров.
Что возмечтали вы на вашей высоте?
Смотрите им в лицо! — вот те
Окременевшие толпы́ живым утёсом;
Здесь озираются во мраке подлецы,
Чтоб слово подстеречь и погубить доносом;
Там мыслят дань обресть картежные ловцы;
Тот буйно ночь провесть в объятиях
бесчестных;
И для кого хотите вы, слепцы,
Вымучивать внушенье муз прелестных!
Побольше пестроты, побольше новизны, —
Вот правило, и непреложно.
Легко мы всем изумлены,
Но угодить на нас не можно.
Что? гордости порыв утих?
Рассудок превозмог...

Поэт

Нет! нет! — негодованье.
Поди ищи услужников других.
Тебе ль отдам святейшее стяжанье,
Свободу, в жертву прихотей твоих?
Чем ра́вны небожителям поэты?
Что силой неудержною влечет
К их жребию сердца́ и всех обеты,
Стихии все во власть им предает?
Не сладкозвучие ль, которое теснится
Из их груди, вливает ту любовь,
И к ним она отзывная стремится
И в них восторг рождает вновь и
вновь?
Когда природой равнодушно
Крутится длинновьющаяся прядь,

Кому она так делится послушно?
Когда созданья все, слаба их мысль обнять,
Одни другим звучат противугласно,
Кто съединяет их в приятный слуху гром
Так величаво! так прекрасно!
И кто виновник их потом
Спокойного и пышного теченья?
Кто стройно размеряет их движенья
И бури, вопли, крик страстей
Меняет вдруг на дивные аккорды?
Кем славны имена и памятники тверды?
Превыше всех земных и суетных честей,
Из бренных листвиев кто чудно соплетает
С веками более нетленно и свежей
То знаменье величия мужей,
Которым он их чёла украшает?
Пред чьей возлюбленной весна не увядает?
Цветы роскошные родит пред нею перст
Того, кто спутник ей отрад любви стезею;
По смерти им Олимп отверст,
И невечернею венчается зарею
Кто не коснел в бездействии немом,
Но в гимн единый слил красу небес с землею.
Ты постигаешь ли умом
Создавшего миры и лета?
Его престол — душа Поэта.

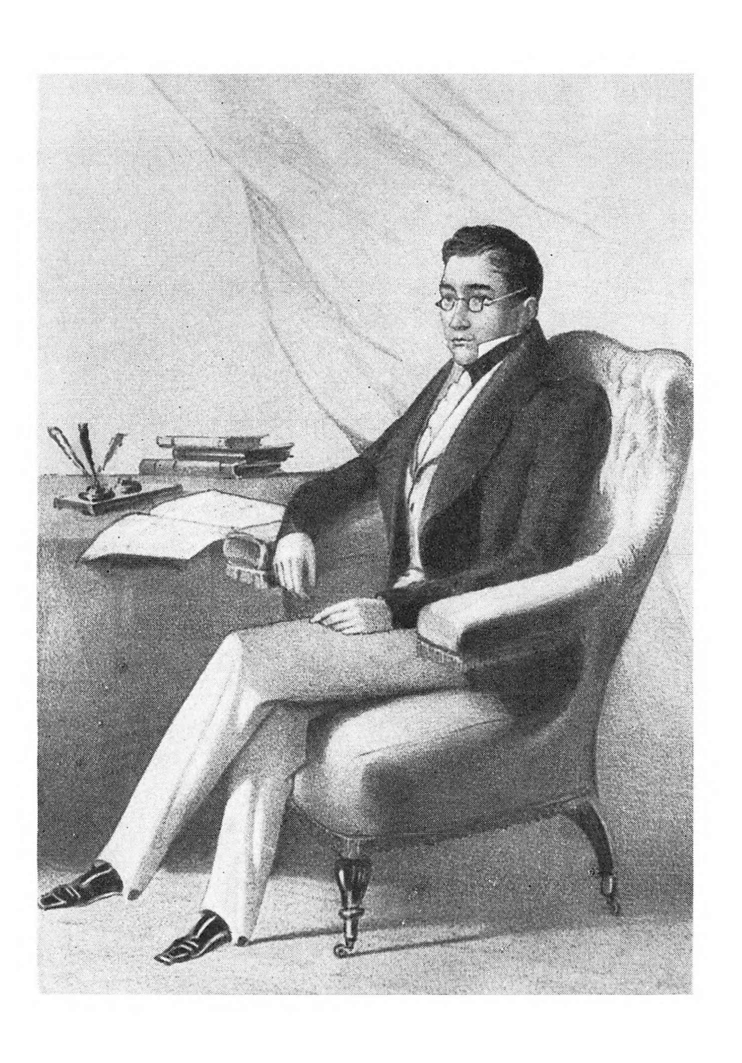
<1824>

9. ⟨ОТРЫВОК ТРАГЕДИИ О ВРЕМЕНИ СВЯТОПОЛКА ИЗЯСЛАВОВИЧА⟩

Серчак

Ты помнишь ли, как мы с тобой, Итляр,
На поиски счастливые дерзали,
С коней три дня, три ночи не слезали;
Им тяжко: градом пот и клубом пар,
А мы на них — то вихрями в пустыне,
То вплавь по быстринам сердитых рек...
Кручины, горя не было вовек,
И мощь руки не та была, что ныне.
Зачем стареют люди и живут,
Когда по жилам кровь едва струится!
Когда подъять бессильны ратный труд
И темя их снегами убелится!
Смотри на степь, — что день, то шумный бой,
Дух ветреный, другого превозмогший,
И сам гоним... сшибутся меж собой
И завивают пыль и злак иссохший:
Так человек рожден гонять врага,
Настичь, убить иль запетлить арканом.
Кто на путях не рыщет алчным враном,
Кому уже конь прыткий не слуга,
В осенней мгле, с дрожаньем молодецким,
Он, притаясь, добычи не блюдет, —
Тот ляг в сыру землю́: он не живет!
Не называйся сыном половецким!

Итляр

Мы дряхлы, друг, но ожили в сынах,
И отроки у нас для битвы зрелы.
Не празднен лук, — натянут в их руках;
Недаром мещут копья, сыплют стрелы.
Давно ль они несчетный лов в полон
Добыли нам ценою лютых браней,
Блестящих сбруй и разноцветных тканей,
И тучных стад, и белолицых жен.
О, плачься, Русь богатая! Бывало,
Ее полки и в наших рубежах
Корысть деля́т. Теперь не то настало!
Огни ночной порою в камышах
Не так разлитым заревом пугают,
Как пламя русских сел, — еще пылают
По берегам Трубе́жа и Десны...
Там бранные пожары засвечают
В честь нам, отцам, любезные сыны.

Серчак

В твоих сынах твой дух отцовский вне́дрен!
Гордись, Итляр! Тебя их мужественный вид,
Как в зимний день луч солнечный, живит.
Я от небес лишь дочерью ущедрен,
И тою счастлив... Верь, когда с утра
Зову ее и к гру́ди прижимаю, —
Всю тяжесть лет с согбенных плеч стрясаю.
Но ей отбыть из отчего шатра:
Наступит день, когда пришельцу руку
Должна подать на брачное житье;
Душой скорбя, я провожу ее,
И, может быть, на вечную разлуку...
Тогда приди всем людям общий рок!
Закройтесь, очи, не в семье чад милых...
Наездник горький, ветх и одинок
Я доживу остаток дней постылых!
Где лягут кости? В землю их вселят
Чужие руки, свежий дерн настелят,
Чужие меж собой броню, булат
И всё мое заветное разделят!..

1825(?)

10. РАДАМИСТ И ЗЕНОБИЯ

‹План трагедии›

АКТ I

Дебрь, лай, звук рогов, гром бубен. Несколько охотников, потом Радамист и за ним приближенный оруженосец Семпад, которому он доверяет беспокойство души, алчущей великих дел и ныне принужденной довольствоваться ловитвою вепрей и серн. Ему ненавистны и Фарасман, и римляне, и парфы, но он сперва ополчится на сих, а Рим страшен царю, едва твердому на собственном престоле. Велит пригласить к себе посланца от римских восточных легионов, который тут же тешится охотою. Семпад идет, Радамист раскаивается, что был с ним слишком чистосердечен.

Является Касперий. Переговоры, хвастовство с обеих сторон. Римлянин кичится свободою и славою отечества. Радамист дает ему чувствовать, что то и другое живо только в памяти, по преданиям. Рим рабствует, и сила его оружия давно уже не испытана, власть царя восточного народа вернее и чистосердечнее, — велит, и любой из дружины его пожертвует жизнию. Касперий не удивляется, упоминает о Деции и о многих других опытах самопожертвования, но для благороднейшей цели. — Радамист велит удалиться прочим, а Семпаду готовиться к бою с тигром. Наедине с Касперием пытается подкупить его притворною приязнью, корыстию, честолюбием. Касперий непоколебим. Радамист отпускает его прежде себя на зрелище. Сам остается один и рассуждает: к чему

такой человек, как Касперий, в самовластной империи,— опасен правительству, и сам себе бремя, ибо иного века гражданин.— Коня! Коня! отправляется за Касперием на ту же травлю.

2-я сцена в царском теремном саду. По-восточному прямолинейная аллея чинаров, миндальных деревьев, которые все примыкают к большой пурпурной ставке. Около нее главные чины в раболепном ожидании властителя,— Ярванд, Мирван, Бахрат, Аспрух, Армасил и проч.

Аспрух сидящий, все около него стоят. Он грузинин, албанского происхождения, взят в плен Фарасманом, им вскормлен, дрался против соотечественников и тем гордится. Арфаксат первый по Радамисте, все перед ним преклоняются; он кичится тем, что знает только царево слово, которое ему вместо совести и славы. Толки о близком возвращении царя с охоты, об отправлении римского посла и о том, чтобы никто из жителей не имел сообщения с чужеземцами — парфы они или римляне. Все соглашаются на всё, что он ни говорит, потом он уходит. Долго никто не смеет сказать своего мнения, наконец Армасил, славный воин, воспитанный в Риме, где он был при Митридате, во время его заточения, прерывает молчание и своею откровенностию и убеждением невольно исторгает у каждого одно желание: смерть утеснителя. В Бахрате, Ярванде и Мирване видны мелкие страсти. Жалобы, что все главнейшие места воинские и все поборы поручены грузинам, иноземцам. Один жалуется, что уже не он орлоносец, которого важное преимущество, но наследственное, по закону Вагаршака, о котором все вспоминают с энтузиазмом, как и с преувеличенною ненавистию к нынешнему царю,— при венчании царя на него возлагать корону; другой, что евнуху поручена царская сокровищница, которой он по наследству был хранителем; третий, что Аспрух первый в доверенности царя, когда по роду и богатству ему принадлежит сей сан. Иные даже попрекают царя, что он воздержан с женщинами, почти не имеет наложниц и в пиршествах мало участвует, что он более похож на простолюдина, нежели на царя. Армасил упрекает их в малодушии. Вбегает Ассюд, его остерегаются. Он объявляет о насильственной смерти брата, о мщении, которым пылает за сие злодейство против Радамиста. Армасил недоверчив.— «Отчего же ты

равнодушием его отбиваешь от нашего сообщества?» — «Он вскормлен в царедворцах, вчера еще дышал милостию царевой, ныне мгновенно возбужден против него одним внезапным случаем, — но кто поручится: завтра не обратится ли опять слабодушием в ревностного ласкателя?» — «Мне ли, юноше, быть опытнее вас, старцев? Но помните: не во множестве сила, когда дело правое, но в испытанном, надежном, несомненном мужестве участников». Является юродивый, пророчит. Он нищий скиталец, просит милостыню или соглядатай царев? Притворно ли проповедует, или точно безумный? Но многие, в том числе Бахрат, его знают. Все в него веруют, он давно уже стяжал славу святости; пещера его в утесе, на берегу Аракса. — Здесь он тайными словами из Зендавесты прорицает успех заговорщикам. Сперва тоже нем, не отваживается говорить. Армасил: «Я знаю, отчего он немствует, — сей юноша, бывший ласкатель царев, ему заграждает уста». Армасил убеждает ему верить, и он религиею истинного армянина еще более их воспламеняет к скорейшему взрыву, назначает им ночное, решительное сходбище в склепе царей армянских. Заговорщики назначают ночь к тайному сходбищу в капище за южными вратами города. Потом пустынник исчезает. Ассюд удаляется с растерзанным сердцем, что никто не принимает участия в его скорби. Он армянин, но армяне к нему холоднее иверов. — «Я дебри оглашу моими справедливыми проклятьями за жестокость царя к несчастному брату». — Целый полк прислужников, за ними Радамист. Аспрух всех раболепнее. — Противуположность аспруховой спеси с низшими и унижения перед властителем. — Радамист иных дарит дичью с охоты, кому благоволение, кому грозный суд. — Армасилу попрек, что не был на охоте. Говорит об отъезде римлянина, с которым он заключил союз, и о мире с парфами. Ждет от отца подкрепления. Все под его державою благоденствуют. «Тот день потерян, в который я не награждаю доблесть и не наказываю строптивых. Идите, покойтесь в мирных семейственных упражнениях, но не дремлет царево око. Врагов я имею и благодарю за них небо: они поощряют меня на безленостную бодрость, неусыпные труды и на славные подвиги».

АКТ II

Женский терем

Зенобия, Перизада и прочие прислужницы. Зенобия — дочь убиенного Радамистом Митридата, его дяди, но выданная замуж еще прежде смерти отца, гаремное существо, рожденное и воспитанное для чувственного наслаждения супруга, и потому Перизада напрасно хочет возбудить в ней ненависть, желание мести — страсти, ее невинному сердцу вовсе чуждые. Перизада ей напоминает о удавлении отца и кто его убийца. Зенобия едва этому верит. Отца она мало видала, почти не знала, муж ближе к ее сердцу, и ее долг его любить, угождать ему во всем и трепетать его гнева. Что приобретет она бесплодною местию? Успех невероятен, способы к тому превыше женских ее сил. Но если бы и удалось, — какое от того счастие? Перизада трогает ее совесть гневом небесным.[1] Зенобия впадает в грусть, Перизада предлагает ей ворожбу для развлечения и святого пустынножителя, который давно управляет ее собственным суеверием. Его вводят сенные девушки потаенно. Он еще более подкрепляет слова Перизады. Наконец Зенобия совершенно расстроена его таинственными прорицаниями. Он с нее берет слово, что она ночью, в сопровождении Перизады, придет в капище вне города, где склеп царей армянских, и мертвых зовет во свидетели, что там откроет ей тайну, от которой зависит будущее безмятежное течение ее жизни. Зенобия говорит ему, что Радамист всеми любим и злодеям страшен; кто покусится восстать против него? Юродивый пустынник уверяет ее в противном.

Евнух возвещает приход Радамиста. Пустынник скрыт толпою женщин. Сцена Радамиста с Зенобиею наедине: она печальна; воспоминания, которыми ей сейчас возмутили душу, препятствуют ей предаться иному чувству. Радамист недоволен ею, подозревает в ней притворство, нелюбовь. Ни в ком не уверенный, окруженный трепе-

---

[1] Сбоку, на поле листа, в подлиннике было приписано: «Это должно быть отнесено в I действие, между 1-й и 2-й сценой». — *Ред.*

щущими рабами, скрытыми предателями и открытыми корыстолюбцами... неужели в лоне супружеской любви нет ему успокоения!! Оставляет ее расстроенную, и сам в волнении.

Бахрат входит с Ассюдом, который уже включен совершенно в тайное умышление против Радамиста. Армасил скорбит при самом Ассюде о сей неосторожности. Ассюд горит нетерпением отомстить царю, Армасил об одном его просит, — о совершенном бездействии и о скромном сохранении тайны. Ассюд обещает более: он на себя берет убить царя. Армасил всем в свете заклинает его не предаваться сему нетерпению, что он прочих тем губит, не совершив ничего; наконец говорит, что их дело слишком зрело, еще несколько мгновений, и кто поручится, что они не будут преданы, — участников слишком много, в которых он не уверен, и потому надобна решимость; последнее слово — сходбище ночью и потом за оружие. (№. Характер Армасила самый основательный: он не скор, но тверд в поступках и более молчалив; опасность его не пугает, но неосторожности не простит себе. В 3-м действии совершенное развитие его характера, которому Ассюд во всем противоположен.) Некоторые из заговорщиков присоединяются к сей беседе. Вообще надобно заметить, что народ не имеет участия в их деле, — он будто не существует. В 3-м уже действии возмущение делается народным, но совсем не по тем причинам, которыми движимы вельможи: восстав сама собою, мгновенно, грузинская дружина своими буйствами, похищениями у граждан жен и имуществ восстановляет их против себя.

Аспрух велит через евнуха, чтобы все удалились; ему повинуются. Входит Радамист, несколько слов с Аспрухом о порядке дружины. Аспрух доносит о содружестве между собою многих сомнительных царедворцев, Ярванда, Бахрата и проч. Радамист презирает слишком людей, чтобы от них бояться чего-нибудь важного. Он желает какого-нибудь важного происшествия, чтобы в полной мере предаться своей деятельности, измерить себя, лю-

дей и силу обстоятельств, насколько он их превысить может, — враги нужны великому человеку. Но скрытно и прилежно велит за ними наблюдать, при первом двусмысленном движении донести ему вновь; если требуется спеха — схватить их без доклада ему и ввергнуть в оковы; если опасность неминуема — без исследования предать смерти. Отпускает Аспруха с евнухом; несколько слов о Зенобии, о гареме; евнуху поручает насчет женщин, как Аспруху о вельможах. Радамист один. Смутное предчувствие, недоволен своим положением.

Но кто этот, бродит вокруг ставки, в часы царского отдохновения, когда никто сюда не смеет приближаться? Боязлив, озирается... Радамист готовится к обороне, но делает вид, будто не замечает скрытного врага. Ассюд сперва медленно подступает, потом устремляется на царя, обезоружен им и ранен в руку.

В 2-м <акте> Ассюд хочет заколоть Радамиста, тот удерживает его, притворное соучастие, выманивает у него тайну, потом свирепствует.

В 3-м <акте> заговорщики ссорятся о будущей власти, в эту минуту устремляется на них Радамист.

Между 1825 и 1828

11. ⟨ ПЛАН И ОТРЫВОК ТРАГЕДИИ О 1812 ГОДЕ ⟩

ОТДЕЛЕНИЕ 1

Красная площадь

История начала войны, взятия Смоленска, народные черты, приезд государя, обоз раненых, рассказ о битве Бородинской. М * с первого стиха до последнего на сцене. Очертание его характера.

Собор Архангельский

Трубный глас архангела; на его призыв возникают тени давно усопших исполинов — Святослава, Владимира Мономаха, Иоанна, Петра и проч., из разных стихий сложенные и с познанием всего, от начала века до днесь, как будто во всех делах после их смерти были участниками, но вместе с тем исчезла у них память о том, что было с ними за пределами сей жизни, и где были, и откудова ныне вновь призваны к бытию. Пророчествуют о године искупления для России, если не для современников, то сии, повествуя сынам, возбудят в них огнь неугасимый, рвение к славе и свободе отечества. Хор бесплотных провожает их и живописным строем представляет их отшествие из храма; своды расступаются, герои поднимаются выспрь и исчезают.

Терем царей в Кремле

Наполеон с сподвижниками. Картина взятия Москвы. Н<аполеон> один. Высокие воспоминания. Открывает окно, лунная ночь. Видение — или нет, как случится. Размышление о юном, первообразном сем народе, об особенностях его одежды, зданий, веры, нравов. Сам себе преданный, — чтó бы он мог произвести?

ОТДЕЛЕНИЕ 2

Галерея в доме Познякова

Входит офицер R. из приближенных к Наполеону (см. сц<ена> 3-я, 1-го отд<еления>), исполненный жизни, славы и блестящих надежд. Один поседелый воин с горьким предчувствием опытности остерегает насчет будущих бедствий. Ему не верят. Хохот. Из театра несутся звуки плеска и отголоски веселых песен. Между тем зарево обнимает повременно окна галереи; более и более устрашающий ветер. Об опустошениях огня.

Улицы, пылающие дома. Ночь. Сцены зверского распутства, святотатства и всех пороков. — R * и M * в разных случаях.

Село под Москвой

Сельская картина. Является M *. Всеобщее ополчение без дворян. (Трусость служителей правительства — выставлена или нет, как случится).

ОТДЕЛЕНИЕ 3

Зимние сцены преследования неприятеля и ужасных смертей. Истязание R * и поседелого воина. Сей юноша показывает пример, и оба умирают героями. Подвиги M *. Множество других сцен.

ЭПИЛОГ

Вильна

Отличия, искательства; вся поэзия великих подвигов исчезает. M * в пренебрежении у военачальников. Отпускается восвояси с отеческими наставлениями к покорности и послушанию.

Село или развалины Москвы

Прежние мерзости. M * возвращается под палку господина, который хочет ему сбрить бороду. Отчаяние, ... [1] самоубийство.

---

[1] Многоточие — в первопечатном тексте. — *Ред.*

Петр Ан[дреевич]

Дитя мое любезное, <Наташа>! [1]
Оставь шитье, узоры кружевные:
Не выряжать тебе красы своей
На светлых праздниках. Не выезжать
С боярами, князьями. Было время:
Ласкают и манят тебя с собой
И мчат в богато убранной карете.
А ныне знать, вельможи — где они? ..
Тот князь, твой восприемник от купели?
Его жена? Родня? Исчезли все!
Их пышные хоромы опустели.
Когда слыла веселою Москва,
Они роились в ней. Палаты их
Блистали разноцветными огнями...
Теперь, когда у стен ее враги,
Бессчастные рассыпалися дети,
Напрасно ждет защитников; сыны,
Как ласточки, вспорхнули с теплых гнезд
И предали их бурям в расхищенье.
Ты из житья роскошного обратно
В убогий дом отцовский отдана,
А мне куда с тобой? .. Куда укрыться?
И если б мог бежать отселе я,
Нет! нет! .. Не оторвался б от тебя,
О матерь наша, мать России всей,
Кормилица моя, моих детей!
В тебе я мирно по́жил, видел счастье,
В тебе и гроб найду. Мой друг, <Наташа>,
Гроза над нами носится, — потерпим
И с верою вдадимся той судьбе,
Которую господь нам уготовил.
Грустна, грустна! .. О ком же плачешь ты?
О прежних ли подругах и забавах?

Наташа

Ах, батюшка! Я плачу не о том!
Теперь не та пора...

(Рыдает.)

[1] В первопечатном тексте — Надежда. — *Ред.*

Петр Ан[дреевич]

И те ли времена? О брате, что ли?
Наш Алексей... Даруй ему господь
Со славой устоять на ратном поле.
Мне всё твердит: он будет жив.

Наташа

Нет, батюшка, я плачу не об нем.

(Рыдает пуще прежнего.)

Петр Ан[дреевич]

Когда же ты о родине печальна,
Рыдай, мое дитя, — и для тебя
Отрадного я слова не имею.
Бывало, на душе кручинно — посох в руки,
С тобою сердцу легче, всё забыто...
Утешенный я приходил домой.
Бывало, посетишь и ты меня, отца.
Обнимешь, всё осмотришь... угол мой
На полгода весельем просветится...
А ныне вместе мы, и нам не легче!
Москва! Москва! О, до чего я дожил!..

(Растворяет окно.)

Между 1822 и 1825

12. ГРУЗИНСКАЯ НОЧЬ

(Отрывок трагедии)

1

К.

Но сам я разве рад твоей печали?
Вини себя и старость лет своих.
Давно с тебя и платы не бирали...

Т.

Ругаться старостью — то в лютых ваших нравах.
Стара я, да, — но не от лет одних!
Состарелась не в играх, не в забавах,
Твой дом блюла, тебя, детей твоих.
Как ринулся в мятеж ты против русской силы,
Укрыла я тебя живого от могилы,
Моим же рубищем от тысячи смертей.
Когда ж был многие годины в заточеньи,
Бесславью преданный в отеческом краю,
И ветер здесь свистал в хоромах опустелых,
Вынашивала я, кормила дочь твою.
Так знай же повесть ты волос сих поседелых,
Колен моих согбенных и морщин,
Которые в щеках моих изрыты
Трудами о тебе. Виною ты один.
Вот в подвигах каких младые дни убиты.

А ты? Ты, совести и богу вопреки,
Полсердца вырвал из утробы!
Что мне твой гнев? Гроза твоей руки?
Пылай, гори огнем несправедливой злобы...
И кочет, если взять его птенца,
Кричит, крылами бьет с свирепостью борца,
Он похитителя зовет на бой неравный;
А мне перед тобой не можно умолчать, —
О сыне я скорблю: я человек, я мать...
Где гром твой, власть твоя, о боже вседержавный!

К.

Творец, пошли мне вновь изгнанье, нищету
И на главу мою все ужасы природы:
Скорее в том ущельи предпочту,
Где бурный Ксань крутит седые воды,
Терпеть разбойником гоненья, голод, страх,
От стужи, непогод не быв укрытым,
Засесть за кáмнями с ружьем на сторожах,
Чтоб путника убить иль быть убитым,
Чем этой фурии присутствие сносить,
И злость ее души, и яд ее упреков.

Т. [1]

Ничем тебя не можно умягчить!
Ни памятью добра, ни силой слезных токов!
Подумай, сам отец, и сына ты лишен.
Когда, застреленный, к тебе он был внесен
И ты в последний раз прощался с трупом милым,
Без памяти приник к очам его остылым
И оживить хотел потухший взор,
Весь воздух потрясал детей и жен вой дикий,
И вторили раскаты этих гор
С утра до вечера пронзительные крики, —
Ты сам хотел зарыться в землю с ним.
Когда же б искупить ты мог его из плена,
Какой тогда казны бы пожалел?
На чей бы гнев суровый не посмел?
Ты чьи тогда не обнял бы колена?

---

[1] В сохранившемся отрывке чернового автографа — «Г».

К.

Я не питал к тебе вражды! ..
Я помню о людях, о боге,
И сына твоего не дал бы без нужды,
Но честь моя была в залоге:
Его ценой я выкупил коня,
Который подо мной в боях меня прославил,
Из жарких битв он выносил меня,
Тот подел, кто б его в чужих руках оставил.

Т.

Ни конь твой боевой всей крепостию жил,
Никто из слуг твоих любимых
Так верой-правдою тебе не послужил,
Как я в трудах неисчислимых.
Мой отрок, если б возмужал,
За славу твоего он княжеского дома
Сто раз бы притупил и саблю и кинжал,
Не убоялся бы он язв и пушек грома.
Как матерью его ты был не раз спасен,
Так на плечах своих тебя бы вынес он.

К.

Прочь от меня! Поди ты прочь, старуха!
Не раздражай меня, не вызывай на гнев
И не терзай мне жалобами слуха...
Безвременен кому твой вопль, и стон, и рев.
Уж сын твой — раб другого господина,
И нет его, он мой оставил дом,
Он продан мной, и я был волен в том, —
Он был мой крепостной...

Т.

(падает на колена)

Он сын мой! Дай мне сына!
И я твоя раба, — зачем же мать
От детища ты разлучил родного?
Дай раз еще к груди его прижать! ..
Ах, ради бога имени святого,

Чтоб не видать кровавых слез моих,
Соедини ты снова нас двоих.

К.

Не повторяй мне горькие упреки!
В поля и в горы — вот пути широки,
Там мчится шумная река,
Садись над пропастью, беседуй свысока
О сыне с мраками ночными
И степь буди стенаньями своими,
Но в дом не возвращайся мой...
Уймись, или исчезни с глаз долой.

Т.

Достойное заслугам воздаянье!
Так будь же проклят ты и весь твой род,
И дочь твоя, и всё твое стяжанье!
Как ловчие, ни быстриною вод,
Ни крутизною скал не удержимы,
Но скачут по ветрам носимы,
Покуда зверь от их ударов не падет,
Истекший кровию и пеной, —
Пускай истерзана так будет жизнь твоя,
Пускай преследуют тебя ножом, изменой
И слуги, и родные, и друзья!
Неблагодарности в награду,
Конца не знай мученья своего,
Тогда продай ты душу аду,
Как продал сына моего.
Отступник, сам себя карая,
В безумьи плоть свою гложи,
И ночью майся, днем дрожи,
На церковь божию взирая.
Твой прах земле не предадут!
Лишь путники произнесут
Ругательства над трупом хладным,
И будь добычею чекалам плотоядным...
А там — перед судом всевышнего творца —
Ты обречен уже на муки без конца!

2

Т.

О, люди! Кто назвал людьми исчадий зла,
Которых от кровей утробных
Судьба на то произвела,
Чтоб были гибелью, бичом себе подобных!
Но силы свыше есть! Прочь совесть и боязнь! ..
Ночные чуда! áли! áли!
Явите мне свою приязнь,
Как вы всегда являли
Предавшим веру и закон,
Душой преступным и бессильным,
Светите мне огнем могильным,
Несите ветер, свист и стон,
Дружины áли! Знак условный —
Вот пять волос
От вас унес
Ваш хитрый, смелый враг, мой брат единокровный,
Когда в <. . . . .> [1] он блуждал
На мшистых высотáх уединенных скал.
Я крестным знаменьем от вас оборонялась,
Я матерью тогда счастливой называлась,
А ныне кинутой быть горько сиротой!
Равны страдания в сей жизни или в той?
Слетайтеся, слетайтесь,
Отколе в темну ночь исходят привиденья,
Из снежных гор,
Из диких нор,
Из груды тли и разрушенья,
Из сонных тинистых зыбей,
Из тех пустыней многогробных,
Где служат пиршествам червей
Останки праведных и злобных.
Но нет их! Непокорны мне!
На мой привет не отзовутся!
Лишь тучи нá небе несутся
И воет ветр... Ах, вот оне!

(Прислоняется к утесу и не глядит на них.)

[1] Многоточие в первопечатном тексте (слово не разобрано публикатором). — *Ред.*

Али

(плавают в тумане подошвы гор)

В пара́х вечерних, перед всходом
Печальной девственной луны,
Мы выступаем хороводом
Из недозримой глубины.

Т.

Робеет дух, язык прикован мой!
Земля не расступайся подо мной...

Али

Таятся в мрачной глубине
Непримиримых оскорбленья
И созревают в тишине
До дня решительного мщенья;
Но тот, чей замысел не скрыт,
Как темная гробов обитель,
Вражды вовек не утолит,
Нетерпеливый мститель.

Р.

. . . .
. . . .
Настанет день и час пробьет. [1]

Али

Неизъяснимое свершится:
Тогда мать сына обретет
И ближний ближнего лишится.

Молчание.

Куда мы, али? В эту ночь
Бежит от глаз успокоенье.

Одна из них

Спешу родильнице помочь,
Чтоб задушить греха рожденье.

---

[1] Две строки точек — в подлиннике. — *Ред.*

Другие

А мы в загорские края,
Где пир пируют кровопийцы.

Последняя

Там замок есть... Там сяду я
На смертный одр отцеубийцы.

1826 или 1827

СТИХОТВОРЕНИЯ

13. ЛУБОЧНЫЙ ТЕАТР

Comptable de l'ennui, dont sa muse m'assomme,
Pourquoi s'est-il nommé, s'il ne veut qu'on le nomme?

Gilbert[1]

Эй! Господа!
Сюда! сюда!
Для деловых людей и праздных
Есть тьма у нас оказий разных:
Есть дикий человек, безрукая мадам!
Взойдите к нам!
Добро пожаловать, кто барин тороватый,
Извольте видеть — вот
Рогатый, нерогатый
И всякий скот:
Вот господин Загоскин,
Вот весь его причет:
Княгини и
Княжны,
Князь Фольгин и
Князь Блёсткин;
Они хоть не смешны, да сам зато уж он
Куда смешон! —
Водиться с ним, ей-богу! праздник.
Вот вам его *Проказник;*
Спроказил он неловко: раз упал
Да и не встал.
Но автор таковым примером

[1] Беря в расчет скуку, которою меня убивает его муза, спрашивается, зачем он назвал себя, если не хочет быть названным? *Жильбер* (франц.). — *Ред.*

Не научён — грешит перед партером,
Проказит до сих пор.
Что видит и что слышит,
Он обо всем исправно вздор
И говорит и пишет.
Вот *Богатонов* вам: особенно он мил,
Богат чужим добром — всё кра́дет, что находит,
С *Транжирина* кафтан стащил
Да в нем и ходит.
А светский тон
Не только он —
И вся его беседа
Переняли у *буйного соседа.*
Что ж вы?.. Неужто по домам?
Уж надоело вам?
И кстати ль?
Вот вам Загоскин-*Наблюдатель;*
Вот *Сын отечества,* с ним вечный состязатель;
Один напишет вздор,
Другой на то разбор;
А разобрать труднее,
Кто из двоих глупее.
Что вы смеетесь, господа?
Писцу насмешка не беда.
Он знает многое смешное за собою,
Да уж давно махнул рукою.
Махнул пером — отдал сыграть,
А вы, пожалуй, рассуждайте!
Махнул пером — отдал в печать,
А вы читайте!

16 октября 1817

14. ‹ЭПИТАФИИ ДОКТОРУ КАСТАЛЬДИ›

1

Из стран Италии — отчизны
Рок неведомый сюда его привел.
Скиталец, здесь искал он лучшей жизни...
Далеко от своих смерть близкую обрел!

2

Брыкну́ла лошадь вдруг, скользнула и упала, —
И доктора Кастальдия не стало! ..

Апрель или май 1820

15. ДАВИД

Неславен в братии измлада,
Юнейший у отца я был,
Пастух родительского стада;
И се! внезапно богу сил
Орган мои создали руки,
Псалтырь устроили персты.
О, кто до горней высоты
Ко господу воскрилит звуки? ..

Услышал сам господь-творец,
Шлет ангела; и светлозрачный
С высот летит на долы злачны,
Взял от родительских овец,
Елеем благости небесной
Меня помазал.
                Что ж сии
Велики братия мои!
Кичливы крепостью телесной!
Но в них дух божий, бога сил,
Господень дух не препочил.

Иноплеменнику не с ними,
Далече страх я изгоня,
Во сретенье исшел: меня
Он проклял идолми своими;
Но я мечом над ним взыграл,
Сразил его и обезглавил,
И стыд отечества отъял,
Сынов Израиля прославил.

1823 или 1824

Давидъ.

Неславенъ въ братіи измлада,
Юнѣйшій у отца я былъ,
Пастухъ родительскаго стада;
И се! Внезапно Богу силъ
Органъ мои создали руки,
Псалтырь устроили персты.
О кто до горней высоты
Ко Господу воскрилитъ звуки?..

Услышалъ самъ Господь-Творецъ,
Пошлетъ Ангела, и свѣтлозрачный
Съ высотъ летитъ на долы злачны,

Взялъ отъ родительскихъ овецъ,
Елеемъ благости небесной
Меня помазалъ.

Старѣ сіи
Велики братія мои!
Красивы крѣпостью тѣлесной!
Но въ нихъ Духъ божій, бога силъ,
Господень Духъ не опочилъ.

Иноплеменнику на сѣчи,
Далече страхъ я [illegible]ня;
Во срѣтенье изшелъ: меня
Онъ проклялъ идолами своими;
Но я мечемъ надъ нимъ взыгралъ,
Сразилъ его и обезглавилъ,
И стыдъ Отечества отъялъ,
Сыновъ Израиля прославилъ?

А Грибоѣдовъ

16. РОМАНС

Ах! точно ль никогда ей в персях безмятежных
Желанье тайное не волновало кровь?
Еще не сведала тоски, томлений нежных?
Еще не знает про любовь?

Ах! точно ли никто, счастливец, не сыскался,
Ей друг? по сердцу ей? который бы сгорал
В объятиях ее, в них негой упивался,
Роскошствовал и обмирал?..

Нет! нет! Куда влекусь неробкими мечтами?
Тот друг, тот избранный — он где-нибудь, он есть.
Любви волшебство! рай! восторги! трепет! — Вами,
Нет! — не моей душе процвесть.

Конец 1823 или 1824

17

Крылами порхая, стрелами звеня,
Любовь вопрошала кого-то:
Ах! есть ли что легче на свете меня?
Решите задачу Эрота.

Любовь и любовь, решу я как раз,
Сама себя легче бывает подчас.
Есть песня такая:
Легко себе друга сыскала Аглая
И легче того
Забыла его.

Конец 1823 или 1824

18

Как распложаются журнальные побранки!
Гласит предание, что Фауст ворожил
Над банкой, полною волшебных, чудных сил,

И вылез черт из банки;
И будто Фаусту вложил
Он первый умысел развратный —
Создать станок книгопечатный.
С тех пор, о мокрые тряпичные листы,
Вы полем сделались журналам для их браней,
Их мыслей нищеты, их скудости познаний.
Уж наложил на вас школярные персты
Михайло Дмитриев с друзьями;
Переплетясь они хвостами,
То в прозе жилятся над вами,
То усыряют вас водя́ными стихами.

Первая половина 1824

19. НАДПИСЬ
К ПОРТРЕТАМ СОЧИНИТЕЛЯ МИХАЙЛЫ ДМИТРИЕВА И ПЕРЕВОДЧИКА ПИСАРЕВА

И сочиняют — врут, и переводят — врут!
Зачем же врете вы, о дети? Детям прут!
Шалите рифмами, нанизывайте стопы,
Уж так и быть, — но вы ругаться удальцы!
Студенческая кровь! Казенные бойцы!
Холопы «Вестника Европы»!

Первая половина 1824

20. ТЕЛЕШОВОЙ
В БАЛЕТЕ «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА», ГДЕ ОНА ЯВЛЯЕТСЯ ОБОЛЬЩАТЬ ВИТЯЗЯ

О, кто она? — Любовь, харита,
Иль пери, для страны иной
Эдем покинула родной,
Тончайшим облаком обвита?
И вдруг — как ветр ее полет!
Звездой рассыплется, мгновенно
Блеснет, исчезнет, воздух вьет
Стопою, свыше окриленной...

Не так ли наш лелеет дух
Отрадное во сне виденье,
Когда задремлет взор и слух,
Но бодро в нас воображенье! —
Улыбка внятная без слов,
Небрежно спущенный покров,
Как будто влаги облиянье;
Прерывно персей волнованье,
И томной думы полон взор:
Созданье выспреннего мира
Скользит, как по зыбя́м эфира
Несется легкий метеор.

Зачем манишь рукою нежной?
Зачем влечешь из дальних стран
Пришельца в плен твой неизбежный,
К страданью неисцельных ран?
Уже не тверды заклинаньем
Броня, и щит его, и шлем;
Не истомляй его желаньем,
Не сожигай его огнем
В лице, в груди горящей страсти
И негой распаленных чувств!
Ах, этих игр, утех, искусств
Один ли не признает власти!
Изнеможенный он в борьбе,
До капли в душу влил отраву,
Себя, и честь, и долг, и славу —
Всё в жертву он отдал тебе.

Но сердце! Кто твой восхищенный
Внушает отзыв? для кого
Порыв восторга твоего,
Звучанье лиры оживленной?
Властительницы южных стран,
Чье царство — роз и пальм обитель,
Которым эльф-обворожитель
В сопутники природой дан,
О, нимфы, девы легкокрилы!
Здесь жаждут прелестей иных:
Рабы корыстных польз унылы,
И безрассветны души их.

Певцу красавиц что́ в награду?
Пожнет он скуку и досаду,
Роптаньем струн не пробудив
Любви в пустыне сей печальной,
Где сном покрыто лоно нив
И небо ризой погребальной.

Декабрь 1824

21. ХИЩНИКИ НА ЧЕГЕМЕ

Окопайтесь рвами, рвами,
Отразите смерть и плен —
Блеском ружей, тверже стен!
Как ни крепки вы стенами,
Мы над вами, мы над вами,
Будто быстрые орлы
Над челом крутой скалы.

Мрак за нас ночей безлунных,
Шум потока, выси гор,
Дождь и мгла, и вихрей спор.
На угон коней табунных,
На овец золоторунных,
Где витают вепрь и волк,
Наш залег отважный полк.

Живы в нас отцов обряды,
Кровь их буйная жива.
Та же в небе синева!
Те же льдяные громады,
Те же с ревом водопады,
Та же дикость, красота
По ущельям разлита!

Наши — камни; наши — кручи!
Русь! зачем воюешь ты
Вековые высоты́?
Досягнешь ли? — Вон над тучей —
Двувершинный и могучий [1]

[1] Эльбрус.

Режется из облаков
Над главой твоих полков.

Пар из бездны отдаленной
Вьется по его плечам;
Вот невидим он очам!..
Той же тканию свиенной
Так же скрыты мы мгновенно,
Вмиг явились, мигом нет,
Выстрел, два, и сгинул след.

Двиньтесь узкою тропою!
Не в краю вы сел и нив.
Здесь стремнина, там обрыв,
Тут утес: берите с бою.
Камень, сорванный стопою,
В глубь летит, разбитый в прах;
Риньтесь с ним, откиньте страх!

Ждем. — Готовы к новой сече...
Но и слух о них исчез!..
Загорайся, древний лес!
Лейся, зарево, далече!
Мы обсядем в дружном вече,
И по ряду, дележом,
Делим взятое ножом.

Доли лучшие отложим
Нашим панцирным князьям,
И джигитам, узденям
Юных пленниц приумножим,
И кадийям, людям божьим,
Красных отроков дадим
(Верой стан наш невредим).

Узникам удел обычный, —
Над рабами высока
Их стяжателей рука.
Узы — жребий им приличный;
В их земле и свет темничный!
И ужасен ли обмен?
Дома — цепи! в чуже — плен!

Тащат скрытно на мученье,
Пленных [illegible], многих [illegible],
[illegible], два, и ~~[illegible]~~ стонут [illegible].

Змеится узкою тропою,
Не в краю ли сёл и нив,
Здесь стремнина, тут обрыв,
Тут и гнёзда, берите с бою,
Камень сорванный стопою
Вслед летит разбитый в прах
[illegible] с ним отрадно страх

[illegible] готовы на новый свет,
Но и [illegible] об них [illegible]
Загорай дубовый лес,
Лей в дороге дождь;
Мы обедаем в дружеском [illegible]
И по роду, [illegible],
[illegible] вдвое [illegible].

Воли [illegible], [illegible]
[illegible], [illegible],
И [illegible], удалых
[illegible] пригожих [illegible],
А [illegible] [illegible]
Пленники [illegible] дадим,
Добрый стан нам не вреден.

Дети [illegible] [illegible],
Вот обломки [illegible]
[illegible] будь, [illegible] земли;
[illegible] [illegible] [illegible]
Падший мир; [illegible] весело
Раз ещё увидим вдруг
[illegible] край родимых гор

А. С. Грибоедов

…ие шла, от шла, а прав был:
Ребра Адамова потомка,
Как светлорадужный хрусталь
Дальше пленительно и ~~[illegible]~~ ломки. —

„Она расцвела, как цветочная
мечта юности; была чиста и прекрасна,
Как земля в первый день творения!“
(Старинная [illegible])

„[illegible]! и [illegible] и [illegible];
~~[illegible]~~ мой [illegible]: но и [illegible]
Ее [illegible] [illegible]
и [illegible] [illegible]

Делим женам ожерелье.
Вот обломки хрусталя!
Пьем *бузу!* Стони, земля!
Кликом огласись, ущелье!
Падшим мир, живым веселье.
Раз еще увидел взор
Вольный край родимых гор!

Октябрь 1825
Кам<енный> мост на Малке

22

По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово «раб»,
За то попался в главный штаб
И был притянут к Иисусу...

Ему не свято ничего, —
Он враг царю... он друг сестрицын.
Уж не повесят ли его,
Скажите правду, князь Голицын?..

1826

23. А. О ⟨ДОЕВСКОМУ⟩

Я дружбу пел... когда струна́м касался,
Твой гений над главой моей парил,
В стихах моих, в душе тебя любил
И призывал, и о тебе терзался!..
О мой творец! Едва расцветший век
Ужели ты безжалостно пресек?
Допустишь ли, чтобы его могила
Живого от любви моей сокрыла?..

Между 1826 и 1828

Chère Marie, j'ai passé une nuit
de souffrances. Veuillez envoyer
cette production de mon incomme
à Kuchelbecker.

Pour le livre Bondendorf
qui l'apportait c'est une
franchise!

24. ДОМОВОЙ

Детушки матушке жаловались,
Спать ложиться закаивались.
Больно тревожит нас дед-непосед,
Зла творит много и множество бед,
Ступней топочет, столами ворочит,
Душит, навалится, щиплет, щекочет.

<1828>

25. ПРОСТИ, ОТЕЧЕСТВО!

Не наслажденье жизни цель,
Не утешенье наша жизнь.
О, не обманывайся, сердце!
О, призраки, не увлекайте! —
Нас цепь угрюмых должностей
Опутывает неразрывно.
Когда же в уголок проник
Свет счастья на единый миг,
Как неожиданно! как дивно!

Мы молоде и верим в рай, —
И гонимся и вслед и вдаль
За слабо брезжущим виденьем.
Постойте! . . Нет его! угасло! —
Обмануты, утомлены. . .
И что ж с тех пор? — Мы мудры стали,
Ногой отмерили пять стоп,
Соорудили темный гроб
И в нем живых себя заклали.

Премудрость! вот урок ее:
Чужих законов несть ярмо,
Свободу схоронить в могилу,
И веру в собственную силу,
В отвагу, дружбу, честь, любовь!!!
Займемся былью стародавней,
Как люди весело шли в бой,
Когда пленяло их собой,
Что так обманчиво и славно!

26. КАЛЬЯНЧИ

Путешественник в Персии встречает прекрасного отрока, который подает ему кальян. Странник спрашивает, кто он, откуда. Отрок рассказывает ему свои похождения, объясняет, что он грузин, некогда житель Кахетии.

В каком раю ты, стройный, насажден?
Какую влагу пил? Какой весной обвеян?
Эйзедом ли ты светлым порожден,
Питомец пери, или джиннием взлелеян?
Когда заботам вверенный твоим
Приносишь ты сосуд водовмещальный
И сквозь него проводишь легкий дым, —
Воздушной пеною темнеет ток кристальный
И ропотом манит к забвенью, как ручья
Гремучего поток в зеленой чаще!
Чинара трость творит жасминной длань твоя
И сахарныя трости слаще,
Когда палимого ширазского листа
Глотают чрез нее мглу алые уста,
Густеет воздух, напоенный
Алоэ запахом и амброй драгоценной!

Когда ж чарующей наружностью своей
Собранье ты осветишь людей —
Во всех любовь! .. Дервиш отбросил четки,
Примрачный вид на радость обменил:
Не ты ли в нем возжег огонь потухших сил?
Не от твоей ли то походки
Его распрямлены морщины на лице
И заиграла жизнь на бывшем мертвеце?
Властитель твой — он стал лишь самозванцем,
Он уловлен стыдливости румянцем,
И ку́дрей кольцами, по высоте рамен
Влекущихся, связавших душу в плен,
И гру́ди нежной белизною,
И жилок, шелком свитых, бирюзою,
Твоими взглядами, под свесом темных вежд,
Движеньем уст твоих невинным, миловидным,
Твоей, нескрытою покровами одежд,
Джейрана легкостью и станом пальмовидным.

В каком раю ты, стройный, насажден?
Эдема ль влагу пил, дыханьем роз обвеян?
Скажи: или от пери ты рожден,
Иль благодатным джиннием взлелеян?

«На Риона берегах,
В дальних я рожден пределах,
Где горит огонь в сердцах,
Тверже скал окаменелых;
Рос — едва не из пелен,
Матерью, отцом, безвинный,
В чужу продан, обменен
За сосуд ценинный!

Чужой человек! скажи: ты отец?
Имел ли ты чадо от милой подруги?
Корысть ли дороже нам с сыном разлуки?
Отвержен ли враном невинный птенец?

Караван с шелками шел,
С ним ага мой. Я, рабочий,
Глаз я долго не отвел
С мест, виднелся где кров отчий;
С кровом он слился небес;
Вечерело. Сном боримы,
Стали станом. Темен лес.
Вкруг огня легли мы.

Курись, огонек! светись, огонек!
Так светит надежда огнем нам горящим!
Пылай ты весельем окрест приседящим,
Покуда спалишь ты последний пенек!

Спал я. Вдруг взывают: «бой!»
В ста местах сверкает зелье;
Сечей, свистом пуль, пальбой
Огласилось всё ущелье.
Притаился в глубь межи
Я, и все туда ж влекутся.
Слышно — кинулись в ножи —
Безотвязно бьются!

Затихло смятенье — сече конец.
Вблизи огня брошен был труп, обезглавлен,
На взор его мертвый был взор мой уставлен,
И чья же глава та? .. О, горе! .. Отец! ..

Но могучею рукой
Был оторван я от тела.
«Будь он проклят, кровный твой! —
В слух мне клятва загремела. —
Твой отец разбойник был. . .»
И в бодце, ремнем увитом,
Казнь сулят, чтоб слез не лил
По отце убитом!

Заря занялася. Я в путь увлечен.
Родитель, ударом погибший бесславным,
Лежать остается — он вепрям дубравным,
Орлам плотоядным на снедь обречен!

Вышли мы на широту
Из теснин, где шли доселе,
Всю творенья красоту
В пышной обрели Картвеле.
Вкруг излучистой Куры
Ясным днем страна согрета,
Все рассыпаны цветы
Щедростию лета. . .»

27. ОСВОБОЖДЕННЫЙ

Луг шелкóвый, мирный лес!
Сквозь колеблемые своды
Ясная лазурь небес!
Тихо плещущие воды!
Мне ль возвращены назад
Все очарованья ваши?
Снова ль черпаю из чаши
Нескудеющих отрад?
Будто сладостно-душистой
В воздух пролилась струя;
Снова упиваюсь я

Вольностью и негой чистой.
Но где друг? ... но я один! ..
Но давно ль, как привиденье,
Предстоял очам моим
Вестник зла? Я мчался с ним
В дальний край на заточенье.
Окрест дикие места,
Снег пушился под ногами;
Горем скованы уста,
Руки тяжкими цепями.

Там, где вьется Алазань,
Веет нега и прохлада,
Где в садах сбирают дань
Пурпурного винограда,
Светло светит луч дневной,
Рано ищут, любят друга...
Ты знаком ли с той страной,
Где земля не знает плуга,
Вечно юная блестит
Пышно яркими цветами
И садителя дарит
Золотистыми плодами? ..
Странник, знаешь ли любовь,
Не подругу снам покойным,
Страшную под небом знойным?
Как пылает ею кровь?
Ей живут и ею дышат,
Страждут и падут в боях
С ней в душе и на устах.
Так самумы с юга пышат,
Раскаляют степь...
Что судьба, разлука, смерть! ..

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ГРИБОЕДОВУ

28. ОТ АПОЛЛОНА

На замечанье Феб дает,
Что от каких-то вод
Парнасский весь народ
Шумит, кричит и дело забывает,
И потому он объявляет,
Что толки все о Липецких водáх
(В укору, в похвалу, и в прозе, и в стихах)
Написаны и преданы тисненью
Не по его внушенью!

Ноябрь 1815

29. ИЗ ПИСЬМА Н. А. КАХОВСКОМУ

Как же вас возносили на неприступный status quo ad presentem[1] и как

Полком окружали
Военных теней?
В присошках пищали
Курки без кремней?
Как ханы и беки
Пролили вам реки
Хвалы круговой?
С преклонной главой

[1] Положение, существующее в данное время (лат.). — *Ред.*

Ньюкеры и дусты!
И головы их,
При шапках больших,
Под шапками пусты.

3 мая 1820

30. ВАЖНОЕ ПРИОБРЕТЕНИЕ

Германской музою пиита вдохновленный,
В залог бессмертия нетленный,
От Славы имя получил:
Михайлом прежде слыл, а ныне *Михаил!*

Первая половина 1824

31. ЭЛЕГИЯ

(Из Леонара)

Покоясь на брегу крутом,
Когда воздушные равнины
Едва струятся ветерком
Над лоном дремлющей пучины,
Я вслед за странником в морях
Лечу завистливой мечтою,
И грусть о родине слезою
Блестит в задумчивых очах.
И мерный плеск волны, вспененной
Ударом шумного весла,
И голос песни отдаленной
Пловца с бегущего челна —
Всё тайное родит желанье
Покинуть берег мой родной
И с ветреной моей судьбой
Лететь на чуждое призванье.
Когда ж эол во мгле шумит,
И бурный вал кипит и плещет,
И гром над бездною гремит,
И молния по тучам блещет, —
Тогда, бросая жадный взор

На ручейка поток беспечный,
На мир долин, лесов и гор,
Воскликну в радости сердечной:
Блажен, кто ларами богат!
Он чужд коварных обольщений,
Его к раздумью лишь манят
Родных дубрав безмолвны сени
И тихий плеск младых наяд.

32. ДУША

Жива ли я?
Мертва ли я?
И что за чудное виденье!
Надзвездный дом,
Зари кругом,
Рождало мир мое веленье!
И вот от сна
Привлечена
К земле ветшающей и тесной.
Где рой подруг,
Тьма резвых слуг?
О, хор воздушный и прелестный!
Нет, поживу
И наяву
Я лучшей жизнию, беспечной:
Туда хочу,
Туда лечу,
Где надышусь свободой вечной!

33. ВОСТОК

Из Заволжья, из родного края,
Гости, соколы залетны,
Покручали сумки переметны,
Долги гривы заплетая;
На конях ретивых посадились,
На отъезд перекрестились,
Выезжали на широкий путь.
Что замолкли? в тишине

Что волнует молодецку грудь?
Мысль о дальней стороне?
Ах, не там ли воздух чудотворный,
Тот Восток и те сады,
Где не тихнет ветерок проворный,
Бьют ключи живой воды,
Рай-весна цветет, не увядает,
Нега, роскошь, пир в лесах,
Солнышко горит, не догорает
На высоких небесах!
Терем злат, а в нем душа-девица,
Красота, княжая дочь;
Блещет взор, как яркая зарница,
Раздирает черну ночь.
Если ж кровь ее зажжется,
Если вспыхнет на лице, —
Позабудь о матери, отце;
С кем душой она сольется,
Станом гибким, белыми руками
Друга мила обвивает,
Крепко жмет, румяными устами
Жизнь до капли испивает!
Путники! от дочери княжой
Отбегите неоглядкой!
Молодые! К стороне чужой
Не влекитесь думой сладкой,
Не мечтайте чародейных снов!
Тех земель неправославных
Дивна прелесть и краса лугов;
Сладки капли рос медвяных,
Злак шелковый, жемчуги в зерне.
Что же видно в стороне?
Столб белеет на степи широкой,
Будто сторож одинокой,
Камень! он без надписи стоит:
Темная под ним могила,
Сирый им зашельца прах покрыт.
И его любовь манила;
Чаял: «Тут весельем разольюсь,
Дни навеки удолжатся!»
Грешный позабыл святую Русь...
Дни темнеют, вновь зарятся;

Но ему лучом не позлатятся
Из-за утренних паров
Божьи церкви, град родимый, отчий дом!
Буйно пожил век, а ныне —
Мир ему! один лежит в пустыне,
И никто не поискал,
Не нарезал имени, прозванья
На отломке диких скал;
Не творят молитвы, поминанья;
Персть забвенью предана;
У одра больного пожилая
Не корпела мать родная,
Не рыдала молода жена...

ГОРЕ ОТ УМА

Ранняя редакция

[ГОРЕ УМУ]

ГОРЕ ОТ УМА

Комедия в стихах в 4-х актах

(Происходит в Москве, в доме Павла Петровича Фамусова)

АКТ I

Гостиная [комната], в ней большие часы, справа дверь в спальню Софии, оттудова слышно фортопияно с флейтою, которые потом умолкают. Лизанька* середи комнаты спит, свесившись с кресел.

Утро, чуть день брезжится.

СЦЕНА 1

Лизынька

(вдруг просыпается, встает с кресел, оглядывается)

Светает! .. Ах, как скоро ночь минула!
[Жизнь! жизнь!] Вчера просилась спать —
отказ.
«Ждем друга». — Нужен глаз да глаз,
[Карауль] Не спи, покудова покатишься со стула.
Теперь вот только что вздремнула,
Уж день! .. Сказать им.

(стучится к Софье.)

Господа,
Эй! Софья Павловна, беда.
Зашла беседа ваша зá ночь.
Вы глухи? Алексей Степаноч.
Сударыня! .. — И страх их не берет!

(Отходит от дверей.)

Ну, гость неприглашенный,
Быть может батюшка войдет.
Прошу служить у барышне влюбленной!

(Опять к дверям)

Да расходитесь. Утро. — Что-с?

(Голос Софьи)

Который час?

Лизынька

Всё в доме поднялось.

София

(из своей комнаты)

Который час?

Лизанька

Седьмый, осьмый, девятый.

София

(оттудова же)

Неправда.

Лизанька

(прочь от дверей)

Ах! Амур проклятый!
Ни верить не хотят, ни слышать, ни видать.
[Хоть ставни бы на ум пришло отнять.]
Ну что бы ставни им отнять?
Переведу часы, заставлю бить их звонко,
И музыку пущу.

(Лезет на стул, передвигает [часовую] *стрелку, часы бьют и играют.)*

1.

Горе ~~Уму~~ от ума

Комедія въ стихахъ въ 4хъ актахъ

(Происходитъ въ Москвѣ, въ домѣ Павла Петровича Фамусова)

Актъ 1.

Гостиная комната, въ ней большіе часы, справа дверь въ спальню Софіи, откудова слышно фортепіяно съ флейтою, которые потомъ умолкаютъ. Лизанька среди комнаты спитъ свѣсившись съ креселъ

(Утро чуть брезжится)

Лизанька

(вдругъ просыпается, встаетъ съ креселъ, оглядывается)

Свѣтаетъ!.. Ахъ, какъ скоро ночь минула!
~~Ждемъ друга.~~ Вчера просилась спать. — отказъ.
„Ждемъ друга", — Нуженъ глазъ, да глазъ,
Не спи
~~Брауль~~, покудова не скатишься со стула
Теперь вотъ только что вздремнула,
Ужъ день!... Сказать имъ.

(стучится къ Софіи)

Господа,

Эй Софья Павловна, бѣда.

СЦЕНА 2

Лиза, Фамусов.

Лиза

Ах! барин!

Фамусов

Барин, да.

(Останавливает часовую музыку.)

Ведь экая шалунья ты девчонка.
Не мог придумать я, что это за беда!
То флейта слышится, то будто фортопияно;
Для Софьи слишком было б рано??.

Лиза

Нет, сударь, я... лишь невзначай...

Фамусов

Вот то-то невзначай за вами примечай,
Так верно с умыслом.

(Жмется к ней и заигрывает.)

Ох! зельи, баловницы.

Лиза

Вы баловник, к лицу ль вам эти лицы!

Фамусов

Скромны, а ничего кромé
Проказ и ветру на уме.

Лиза

Пустите, ветреники сами,
Опомнитесь, вы старики...

Фамусов

Почти.

Лиза

Ну кто придет, куда мы с вами?

Фамусов

Кому сюда придти?
Ведь Софья спит?

Лиза

Сейчас започивала.

Фамусов

Сейчас! А ночь?

Лиза

Ночь целую читала.

Фамусов

Вишь прихоти какие завелись!

Лиза

Всё по-французски, вслух, читает запершись.

Фамусов

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится,
И в чтеньи прок-та невелик:
Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится.

Лиза

Что встанет, доложусь,
Извольте же идти, разбудите, боюсь.

Фамусов

Чего будить? сама часы заводишь,
На весь квартал симфонию гремишь.

Лиза

(как можно громче)

Да полноте-с.

Фамусов

(зажимает ей рот)

Помилуй, как кричишь.
С ума ты сходишь.

Лиза

Боюсь, чтобы не вышло из того — — — —

Фамусов

Чего?

Лиза

Пора, суда́рь, вам знать, вы не ребенок,
У девушек сон утренний так тонок,
Чуть дверью скрыпнешь, чуть шепнешь:
Всё слышут...

Фамусов

Всё ты лжешь.

Голос Софии

Эй, Лиза!

Фамусов

(торопливо)

Тс!

(Крадется вон из комнаты на цыпочках.)

Лиза

(одна)

Ушел — — — — Ах! от господ подалей;
У них беды себе на всякий час готовь,
Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.

СЦЕНА 3

Лиза, София со свечкой, за ней Молчалин.

София

Ну что ж ты, Лиза, хлопотала?

Лиза

Конечно, вам расстаться тяжело?
До света запершись, и кажется всё мало?

София

Ах! в самом деле рассвело!

(Тушит свечу.)

И свет и грусть. Как быстры ночи!

Лиза

Тужите знай, со стороны нет мочи,
Сюда ваш батюшка зашел, я обмерла,
Вертелась перед ним, не помню что врала,
Насилу вынес бог. Для нашей, сударь, чести,
Ступайте, сердце не на месте,
Смотрите на часы, повыгляньте в окно,
Валит народ по улицам давно,
А в доме стук, ходня, метут и убирают.

София

Счастливые часов не наблюдают.

Лиза

Не наблюдайте, ваша власть,
А что в ответ за вас, конечно, мне попасть.

София

(Молчалину)

Идите, целый день еще потерпим скуку.

Лиза

Бог с вами-с, прочь возьмите руку.

(Разводит их, Молчалин в дверях сталкивается с Фамусовым.)

СЦЕНА 4

София, Лиза, Молчалин, Фамусов.

Фамусов

Что за оказия! Молчалин, ты, брат?

Молчалин

Я-с.

Фамусов

Зачем же здесь? и в этот час?
И Софья!.. Здравствуй, Софья, что ты
Так рано поднялась! а? для какой заботы?
И как вас бог не впору вместе свел?

София

Он только что теперь вошел.

Молчалин

Сейчас — с прогулки.

Фамусов

Брат Молчалин,
Гуляешь возле женских спален!
А ты, сударыня, чуть из постели прыг,
С мужчиной! с молодым! — Занятье для девицы;
Всю ночь читает небылицы,
И вот плоды от этих книг!
А всё Кузнецкий мост и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы.
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас творец
От шляпок их, чепцов, и шпилек, и булавок,
И книжных и бисквитных лавок! —

София

Позвольте, батюшка, кружится голова,
Я от испугу дух перевожу едва,
Изволили вбежать вы так проворно,
Смешалась я. —

Фамусов

Благодарю покорно,
Я скоро к ним вбежал!
Я помешал! я испужал!
Я, Софья Павловна, и сам встревожен очень,
И без того уж многим озабочен:
По должности, по службе хлопотня,
Друг, недруг ли, всем дело до меня,
Но ждал ли худшего? Чтоб был тобой обманут...

София

(сквозь слезы)

Как, батюшка?

Фамусов

Вот попрекать мне станут,
Что без толку всегда журю.
Не плачь, я дело говорю:
Уж об твоем ли не радели
Об воспитаньи! с колыбели!
Мать умерла: умел я принанять
В мадам Розье вторую мать,
Старушку золото в надзор к тебе приставил:
Умна была, нрав тихий, редких правил.
Одно не к чести служит ей:
За лишних в год пятьсот рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не в мадаме сила.
Не надобно иного образца,
Когда в глазах пример отца.
Смотри ты на меня: не хвастаю сложеньем,
Однако бодр и свеж, и дожил до седин,
Свободен, вдов, себе я господин —
Монашеским известен поведеньем!..

Лиза

Осмелюсь я, сударь...

Фамусов

Молчать.
Ужасный век! Не знаешь, что начать!
Все умудрились не по лéтам.
А пуще дочери, да сами добряки,
Дались нам эти языки,
Берем же побродяг и в дом и по билетам,
Чтоб наших дочерей всему учить, всему,
И танцам, и пенью́, и нежностям, и вздохам,
Как будто в жены их готовим скоморохам.
Ты, посетитель, что? Ты, сударь, здесь к чему?
Безродного пригрел и ввел в мое семейство,
Дал чин ассесора и взял в секретари,

В Москву переведен через мое содейство,
И будь не я, коптел бы ты в Твери.

София

Я гнева вашего никак не растолкую.
Он в доме здесь живет, великая напасть.
Шел в комнату, попал в другую.

Фамусов

Попал или хотел попасть?
Да вместе вы зачем? Нельзя, чтобы случайно. —

София

Вот в чем, однако, случай весь.
Как давиче вы с Лизой были здесь,
Перепугал меня ваш голос чрезвычайно,
И бросилась сюда я со всех ног. — — — —

Фамусов

Пожалуй, на меня вину еще всю сложит.
Не в пору голос мой наделал им тревог! —

София

По смутном сне безделица тревожит,
Сказать вам сон: поймете вы тогда.

Фамусов

Что за история?

София

Вам сказать?

Фамусов

Ну да.

Фамусов садится.

София

В саду была, цветы бессчетно там пестрели,
Искала я, мне чудилось, траву
Какую-то, не вспомню наяву.

В ирисах, в бархатцах, в левкоях и в синели,
Да где их всех назвать?
Из сил я выбилась и бросила искать,
Приподнялась: вдруг кем-то поневоле
Из саду выхвачена в поле.
Передо мной откуда ни взялся
Премилый человек, один из тех, кого мы
Увидим — будто век знакомы.
Был робок он сперва, потом в любви клялся,
Потом... невзвидела я света.

Фамусов

Какая небылица эта!
И милый человек, кто он?

София

Я вам докладываю: сон!
Вот после этого: сад, поле, всё пропало.
Мы в комнате, в пустой, вдвоем,
[И будто смерть нам грустно, горько стало]
Нам очень грустно, горько стало,
Тужили мы бог ведает о чем.
И тут [еще] к приумноженью скуки
От фортопиян и флейты издали
Печальные к нам прорывались звуки,
От них унынье...

Фамусов

Неужли́?
Я тоже слышал, и как ярко.

(Указывает на Лизу.)

К рассвету я не спал, а всё она, штукарка.

София

[И] Так будто бы середь тюрьмы
И я, и друг мой новый
Грустили долго, долго мы.
Он всё роптал на жребий свой суровый,
Что не к добру любовь его манит,
[Он] Что небогат и вам не угодит.

Фамусов

Ах! матушка, не довершай удара,
Кто беден, тот тебе не пара.

София

Всё это сон. Дослушайте, каков.
Как между дум и между слов
Забылись мы, и шли часы, покуда
Пол вскрылся, встали вы оттуда:
Смерть на щеках, и дыбом волоса.
Тут разное смешенье! чудеса!
Полк всяких лиц, раздался шум побоищ,
Свирепые друг друга рвали, жгли,
Вы в пропасть за собой меня влекли,
Нас провожают стон, рев, хохот, свист чудовищ!
Он вслед кричит!.. —
Проснулась. — Вот здесь кто-то говорит:
Прислушалась: ваш голос, что так рано!
Бегу сюда, и вас обоих нахожу.

Фамусов

Да. Дурен сон; как погляжу,
Тут всё есть, коли нет обмана:
И черти, и любовь, и флейты, и цветы.
Ну, сударь мой, а ты?

Молчалин

Я слышал голос ваш.

Фамусов

Забавно!
Дался им голос мой, и как себе исправно
Всем слышится, и всех сзывает до зари!
На голос мой спешил за чем же? — говори.

Молчалин

С бумагами-с.

Фамусов

Да, их недоставало.
Помилуйте, что это вдруг припало
Усердье к [тяжебным] письменным делам!

(Встает.)

Ну, Сонюшка, тебе покой я дам:

Бывают странны сны, а наяву страннее,
Искала ты себе травы,
На друга набрела скорее.
Повыкинь вздор из головы,
Не занимайся этим чадом.
Поди-ка, ляг, усни опять.

(Молчалину)

Идем, [сударь] бумаги разбирать.

Молчалин

Я только к вам их нес с докладом,
Что в ход нельзя пустить без справок, без иных,
Противуречья есть, и многое не дельно.

Фамусов

Боюсь, суда́рь, я одного смертельно,
Чтоб множества не накоплялось их.
Дай волю вам, оно бы и засело.
А у меня, что дело, что не дело,
Обычай мой такой:
Подписано, так с плеч долой.

(Уходит с Молчалиным, в дверях пропускает его [прежде себя] вперед.)

СЦЕНА 5

София Павловна, Лиза.

Лиза

[Ушли они. Ах! всю меня коробит!
В глазах темно и замерла душа,
История вам ваша неспособит,
Грех не беда, молва не хороша.]

Ушли они. Тоскуйте на досуге,
Вот вам и друг, толкуйте-ка об друге:
В глазах темно, и замерла душа,
Грех не беда, молва не хороша.

София

Предвижу я, достанется терпеть!
Мне не страшна людская слава,

Да как теперь [суметь] успеть
Укрыть себя от батюшкина нрава??
Несправедлив и недоверчив, скор,
Таков всегда, а с этих пор,
Ты можешь посудить, уж будут нам гоненья.
[Ты можешь посудить...

Лиза

Охти-с не по рассказам:
Изволит он вас запереть со мной,
Молчалина же разом
С двора долой.

София

Меня к монастырю скорее заохотят,
Ах нет! куда его, и я за ним же вслед.

Лиза

А ежели-с поймают да воротят.

София

Да полно, Лизынька. Какой несносный бред!
Знать, мне не от тебя дождаться утешенья.]

Лиза

Вот то-то-с моего вы глупого сужденья
Не жалуете никогда:
ан вот беда.
На что вам лучшего пророка?
Твердила я: в любви не будет в этой прока
Ни вó веки веков.
Как все московские, ваш батюшка таков:
Желал бы он звезду на зяте,
А кто в звездах не все богате,
Так, видите ль, к тому б
Доходцы были чтоб немалы.
Вот, например, полковник Скалазуб.
И золотый мешок, и метит в генералы.

София

Куда хорош! Толкует всё про честь,
Про шпаги и кресты, крестов не перечесть,

А слова умного не выговорил сроду, —
Мне всё равно, что за него, что в воду.

Лиза

Да-с, правду молвить, не хитер.
Но будь военный, будь он статский,
Кто ж весел и умен, и ловок, и остер,
Как Александр Андреич Чадский?
Теперь другий вам больше мил,
А помнится, он не противен был.

София

Не потому ли, что так славно
Зло говорить умеет обо всех?
А мне оно забавно?
Делить со всяким можно смех.

Лиза

А чем был плох ваш прежний вкус-то?

София

Чем? Прежде я не знала никого,
С кем сердце не бывает пусто.
Теперь... Молчалин мой! как не любить его?
Как будто свыклись с малолетства. —
Грустна — он без ума помочь мне ищет средства,
Смеюсь, тужу нипочему:
Посмотришь, в том и жизнь и смерть ему.
Беспечна я: он за меня боится,
Задумаюсь — он прослезится.

Лиза

Что ж? Александр Андреич нет?
Не та ж любовь, хоть разного покроя?
Вот с ним-то прямо с малых лет
Росли, резвились, вечно двое.

София

Спроси его, привязан он к чему,
Окроме шутки, вздора?
Всех в прихоть жертвует уму,
Что встреча с ним у нас, то ссора.

Лиза

Где носится из края в край?
Лечился на водах от груди,
От скуки, чай...

София

И верно, рад, где посмешнее люди.
Кого люблю я — не таков:
Не оскорбит, враг острых слов,
Без хитрости, он промолчит день целый,
И словно девушка несмелый.
Мы ночи с ним, как ни на есть,
Сидим, а на дворе давно уж побелело,
Как думаешь? чем заняты?

Лиза

Бог весть,
Сударыня, мое ли это дело?

София

Возьмет он руку, к сердцу жмет,
Проходит час, другий проходит,
Чуть слова два произнесет,
Рука с рукой, и глаз с меня не сводит. —
Смеешься ты? с ума сошла?
Пора ли хохоту такому!

Лиза

Мне-с ваша тетушка на ум теперь пришла,
Как молодый француз сбежал у ней из дому.
Голубушка! хотела схоронить
Свою досаду, не сумела:
Забыла волосы чернить
И через три дни поседела.

(Продолжает хохотать.)

София

(с огорчением)

Вот так же обо мне потом заговорят.

Лиза

Простите, право, как бог свят,
[Хотела] Пыталась я, чтоб этот смех дурацкий
Вас несколько развеселить помог.

СЦЕНА 6

София Павловна, Лиза, Слуга, за ним Чадский.

Слуга

К вам-с Александр Андреич Чадский.
(Уходит.)

СЦЕНА 7

София Павловна, Лиза, Чадский.

Чадский

[Так рано на ногах и я у ваших ног]
Чуть свет — уж на ногах! и я у ваших ног.
(С жаром целует руку.)

Вы от меня не ждали этой прыти?
Что ж, раде? Нет? В лицо мне посмотрите,
Удивлены? и только? вот прием!
Как будто бы не далее недели,
Как будто бы вчера, вдвоем
Мы мочи нет друг другу надоели.
Ни нá волос любви! страх милы! хороши!
И между тем не вспомнюсь, без души,
Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря,
Чрез седьмсот верст пронесся, ветер, буря,
И растерялся весь, и падал сколько раз —
И вот за подвиги награда.

София

Ах! Чадский, я вам очень рада.

Чадский

Вы раде? В добрый час.
Однако искренно, кто ж радуется эдок
Мне кажется, так напоследок
Людей и лошадей знобя,
Я только тешил сам себя.

Лизынька

Вот, сударь, если бы вы были за дверями,
Ей-богу! нет пяти минут,
Как поминали вас мы тут,
Сударыня, скажите сами. —

София

Не только, что теперь,
Я никогда не стоила упрека.
Кто только в дверь
Являлся к нам заезжий из далёка:
С вопросом я тотчас, будь он моряк,
Что не встречал ли где вас в почтово́й карете?

Чадский

Положимте, что так.
Блажен, кто верует, тепло ему на свете... —
Ах! боже мой! ужли я здесь опять,
В Москве! у вас! да как же вас узнать!
Где время то? где возраст тот невинный,
Когда, бывало, в вечер длинный
Мы с вами явимся, исчезнем тут и там,
Играем и шумим по стульям, по столам.
Или ваш батюшка с мадамой за пикетом,
[Я] Мы в темном уголке, и кажется, что в этом!
Вы помните? вздрогнём, чуть скрипнет столик, дверь.

София

Ребячество.

Чадский

Да-с, а теперь
В седмнадцать лет вы расцвели прелестно,

Неподражаемо, и это вам известно,
И потому скромны, чуть смотрите на свет.
Не влюблены ли вы? прошу мне дать ответ
Без думы, полноте смущаться.

София

Как не смутиться мне? От вас нет оборон,
Вы обзираете меня со всех сторон.

Чадский

Помилуйте, не вам, чему же удивляться?
Что нового покажет мне Москва?
Вчера был бал, а завтра будет два.
Тот сватался: успел, а тот дал промах.
Всё тот же толк, и те ж стихи в альбомах.

София

Гоненье на Москву. [Знаком вам прочий свет] Что значит видеть свет!
Где ж лучше?

Чадский

Где нас нет.
Ну что ваш батюшка? всё Английского клуба
Миритель спорщиков, и спорит так, что любо?
Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?
А этот, как его, он турок или грек,
Известен всем, живет на рынках?
Князь? или граф? Кто он таков?
[Распорядитель] Опустошитель всех столов
На свадьбах и поминках?
А трое из бульварных лиц?
Которые с полвека молодятся,
Родных мильон у них, и с помощью сестриц
Со всей Европой породнятся.
[А толстый жизни друг? для нас бывало клад;]
А наше солнышко, наш клад,
На лбу написано: театр и маскерад,
Дом зеленью раскрашен в виде рощи,
Сам толст, его артисты тощи.
На бале, помните, открыли мы вдвоем
За ширмами в одной из комнат

Был спрятан человек и щелкал соловьем
В знак, что зимою лето помнят.
А тот чахоточный, родня вам, книгам враг,
В ученый комитет который поселился
И с криком требовал присяг,
Чтоб грамоте никто не знал и не учился?
Опять увидеть их мне суждено судьбой.
Жить с ними надоест, и в ком [не сыщешь] не сыщем пятен?
Когда ж постранствуем, воротимся домой,
И дым Отечества нам сладок и приятен!

София

Вот вас бы с тетушкою свесть,
Чтоб всех знакомых перечесть.

Чадский

А тетушка? всё девушкой, Минервой?
[С ней доктор Фациус? Он вам не рассказал?
Его прилипчивой болезнью я пугал,
Что будто бы Смоленск опустошает,
Мы в Вязьме съехались, вот он и рассуждает:
Хотелось бы в Бреслау, да вряд ли попадет,
Когда на полпути умрет,
Сюда назад давай бог ноги.

София

Смеялись мы, хоть мнимую чуму
Другой дорогою объехать бы ему.

Чадский

Как будто есть у немца две дороги!
А Гильоме? француз, подбитый ветерком?
Он не женился ли?]
Всё фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанниц и мосек полон дом?
Ах! к воспитанью перейдем,
Что нынче так же, как издревле,
Хлопочут набирать учителей полки
Числом [побольше бы] поболее, ценою подешевле.
В своей земле истопники,
В России под великим штрафом
[В них] Нам каждого признать велят
Историком и геогра́фом.

Я не могу забыть учительский халат,
Перст указательный, сияние гуменца,
Как наши робкие тревожили умы,
Как с ранних пор привыкли верить мы,
Что ничего нет выше немца.
А Гильоме? француз, подбитый ветерком?
Он не женат еще?

София

На ком?

Ча[дс]цкий

Хоть на какой-нибудь княгине
Пульхерии Андревне, например?

София

Танцмейстер! можно ли!

Чадский

Ну он и кавалер.
От нас потребуют с именьем быть и в чине,
[А Гильоме, куда глаза не кинь,
На наших дам, госпож, княгинь,
Под пару все ему подделаться успели,
Мадам достойнейших питомицы, мамзели.]
А Гильоме, куда глаза ни обратит,
Кто против легкости волшебной устоит?
Живем мы так давно, так дружно, так семейно
Со всяким вертуном залётным из-за Рейна.
Чтоб не забыть. Здесь нынче тон каков?
На съездах на больших, по праздникам приходским
Господствует еще смешенье языков
Французского с нижегородским?

София

Смесь языков?

Чадский

Да двух, без этого нельзя ж.

София

Но мудрено из них один скроить, как ваш.

Ча[дс]цкий

По крайней мере не надутый.
Вот новости! — Я пользуюсь минутой,
Свиданьем с вами оживлен
И говорлив, а разве нет времен;
Что я Молчалина глупее. Где он, кстати?
Еще ли не сломил безмолвия печати?
Бывало, песенок где новеньких тетрадь
Увидит, скажет тут: «пожалуйте списать».
А впрочем, быть ему у нас в лю́дях известных,
Ведь нынче любят бессловесных.

София
(в сторону)

Не человек! змея!

(Громко и принужденно)

Хочу у вас спросить:
Случалось ли, чтоб вы смеясь? или в печали?
Ошибкою? добро о ком-нибудь сказали?
Хоть не теперь, а в детстве, может быть,
Когда пора была безвреднейшим забавам?

Ча[дс]цкий

На что же так давно? Вот доброты черта вам:
Звонками только что гремя
И день и ночь по снеговой пустыне,
Спешу к вам голову сломя.
И как вас нахожу? в каком-то строгом чине!
Вот полчаса холо́дности терплю!
Лицо святейшей богомолки! .. —
И все-таки я вас без памяти люблю.

Минутное молчание.

Послушайте: ужли мои слова все колки?
И клонятся к чьему-нибудь вреду?
Но если так: ум с сердцем не в ладу.
Я в чудаках иному чуду
Раз посмеюсь, потом забуду:
Велите ж мне в огонь: пойду как на обед.

София

Да, хорошо — сгорите, если ж нет?

СЦЕНА 8

София Павловна, Лиза, Ча[дс]цкий, Фамусов.

Фамусов

Вот и другий.

София

Ах, батюшка! сон в руку.

(Уходит.)

Фамусов

(ей вслед вполголоса)

Проклятый сон.

СЦЕНА 9

Фамусов, Чацкий (смотрит на дверь, в которую София вышла).

Фамусов

Ну выкинул ты штуку!
Три года не писал двух слов!
И грянул вдруг как с облаков.

Обнимаются.

Здорово, друг, здорово, брат, здорово.
Рассказывай, чай у тебя готово
Собранье важное вестей?
Садись-ка, объяви скорей.

Садятся.

Ча[дс]цкий

(рассеянно)

Как Софья Павловна у вас похорошела!

Фамусов

Вам, молодым людя́м, другого нету дела,
Как замечать девичьи красоты:
Сказала что-то вскользь, а ты,
Е чай, надеждами занесся, заколдован!

Чадский

Ах! нет: надеждами я мало избалован.

Фамусов

«Сон в руку» — мне она изволила шепнуть,
Вот ты задумал...

Чадский

Я? — ничуть.

Фамусов

О ком ей снилось? что такое?

Чадский

Я не отгадчик снов.

Фамусов

Не верь ей, всё пустое.

Чадский

Я верю собственным глазам,
Век не встречал, подписку дам,
Чтоб было ей хоть несколько подобно!

Фамусов

Он всё свое. Да расскажи подробно.
Где был? Скитался [сколько] столько лет!
Откудова теперь?

Чадский

Теперь мне до того ли!
Хотел объехать целый свет,
И не объехал сотой доли.

(Встает поспешно.)

Простите; я спешил скорее видеть вас,
Не заезжал домой. Прощайте. Через час
Явлюсь, подробности малейшей не забуду;
Вам первым, вы потом рассказывайте всюду.

(В дверях)

Как хороша!

(Уходит.)

СЦНЕА 10

Фамусов

(один)

Который же из двух?
«Ах! батюшка, сон в руку!»
И говорит мне это вслух!
Ну, виноват. Какого ж дал я крюку!
Молчалин давиче в сомненье ввел меня.
Теперь... да в полмя из огня:
Тот нищий, этот франт-приятель,
Отъявлен мотом, сорванцом.
Что за комиссия, создатель,
Быть взрослой дочери отцом! —

(Уход<ит.>)

Конец первого акта.

АКТ II

СЦЕНА 1

Фамусов, Слуга.

Фамусов

Петрушка, вечно ты с обновкой,
С разодранным локтем. Достань-ка календарь,
Читай не так, как пономарь,
А с чувством, с толком, с расстановкой.
Пожди-ка. На листе черкни на записном
Противу будущей недели:
К Прасковье Федоровне в дом
Во вторник зван я на форели.
Куда как чуден создан свет!
Пофилософствуй, ум вскружится,
Великий пост, и вдруг обед!
Ешь три часа, и в три дни не сварится!
Грибки, да кисельки, щи, кашки в ста горшках.
Отметь: *в четверг я зван на погребенье,*
А вынос у Николы в сапожках.
Ох, род людской! Пришло у нас в забвенье,
Что всякий сам туда же должен лезть,
В тот ларчик, где ни стать, ни сесть.
Но хочет кто пути [свои] пред господом исправить,
Вот благочестия пример
Покойник был. Почтенный камергер,
С ключом, и сыну ключ умел доставить,
Богат, и на богатой был женат,
Переженил детей, внучат,

Скончался: все о нем [с прискорбьем] прискорбно
поминают,
Кузьма Петрович! Мир ему, —
Что за тузы в Москве живут и умирают! —
Пиши: в четверг, одно уж к одному,
А может, в пятницу, а может, и в субботу,
Я должен у вдове, у докторше крестить.
Она не родила, но по моему расчету
Должна родить.

СЦЕНА 2

Фамусов, слуга, Чадский.

Фамусов

А? Александр Андреич, просим,
Садитесь-ка.

Чадский

Вы заняты?

Фамусов

(слуге)

Поди.

Слуга уходит.

Да разные дела на память в книгу вносим,
Забудется того гляди.

Чадский

Вы что-то невесёлы стали,
Скажите, отчего? Приезд не в пору мой?
Уж Софье Павловне какой
Не приключилось ли печали?
У вас в лице, в движеньях суета.

Фамусов

Ах! батюшка, нашел загадку:
Невесел я! .. В мои лета
Не можно же пускаться мне вприсядку?

Чадский

Никто не приглашает вас;
Я только, что спросил два слова
Об Софье Павловне, быть может нездорова.

Фамусов

Тьфу, господи прости! Пять тысяч раз
Твердит одно и то же!
То Софьи Павловны на свете нет пригоже,
То Софья Павловна больна.
Скажи, тебе понравилась она?
Обрыскал свет; не хочешь ли жениться?

Чадский

А вам на что?

Фамусов

Меня не худо бы спроситься,
Ведь я ей несколько сродни,
По крайней мере искони
Отцом меня недаром называли.

Чадский

Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?

Фамусов

Сказал бы я во-первых: не блажи,
Именьем, брат, не управляй оплошно,
А главное, поди-тка послужи.

Чадский

Служить бы рад, прислуживаться тошно.

Фамусов

Вот то-то все вы гордецы!
Спросили бы как делали отцы?
Учились бы, на старших глядя,
Мы, например, или покойник дядя,
Максим Петрович: он не то на серебре,
На золоте едал, сто человек к услугам,
Весь в орденах, езжал-то вечно цугом,

Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то, что ныне,
При государыне служил *Екатерине!*
А в те поры всё важный люд,
Раскланяйся, тупеем не кивнут.
Вельможа — господин, тем паче,
Не как другой, и пил и ел иначе.
А дядя, что твой князь? что граф?
Сурьезный взгляд, надменный нрав.
Когда же надо подслужиться,
Сгибался вперегиб.
На куртаге ему случилось обступиться,
Упал, да так, что чуть затылка не прошиб;
Старик заохал, голос хрипкой;
Был *высочайшею* пожалован улыбкой,
Изволили смеяться, как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдругóреть — уж нарочно —
А хохот пуще, он и в третий так же точно.
А? Как по-вашему? по-нашему — смышлен.
Упал он больно, встал здорово.
Зато, бывало, в вист кто чаще приглашен?
Кто слышит при дворе приветливое слово?
Максим Петрович. Кто пред всеми знал почет?
Максим Петрович. Шутка!
В чины выводит кто? и пенсии дает?
Максим Петрович. Да. Вы, нынешние, нутка! —

Чадский

И точно, начал свет глупеть,
Сказать вы можете вздохнувши,
Как посравнить да посмотреть
Век нынешний и век минувший:
Свежó предание, а верится с трудом,
Как тот и славился, чья чаще гнулась шея,
Как не в войне, а в мире брали лбом,
Стучали об пол не жалея!
Кому нужда — тем спесь, лежи они в пыли,
А тем, кто выше, лесть как кружево плели.
Прямой был век любви и страха,
Когда всё красилось усердием к царю,

Я не об дядюшке об вашем говорю,
Не возмутим его мы праха.
Однако кто теперь дворцовый Донкишот,
Хоть в раболепстве самом пылком,
Решится, чтоб смешить народ,
Отважно жертвовать затылком!
А сверстники, а старички,
Глядя́ на смелые скачки,
Уж разрушаясь в ветхой коже,
Чай, молвили еще: ах, если бы нам тоже!
Хоть есть охотнички поподличать везде,
Да нынче смех страшит, и держит стыд в узде;
Недаром жалуют их скупо государи.

Фамусов

Ах! боже мой! он карбонари!

Чадский

Нет! нынче дурно для дворов.

Фамусов

Опасный человек!

Чадский

Вольнее всякий дышит,
И не торопится вписаться в полк шутов.

Фамусов

Что говорит! и говорит, как пишет!

Чадский

У покровителей зевать на потолок,
Явиться помолчать, пошаркать, пообедать,
Подставить стул, поднять платок.

Фамусов

Он вольность хочет проповедать!

Чадский

Теперь кто странствует, в деревне кто живет.

Фамусов

Властей не признает!

Чадский

Кто служит делу, а не лицам.

Фамусов

Строжайше б запретил я этим языкам
На выстрел подъезжать к столицам.

Чадский

Я наконец вам отдых дам.

Фамусов

Не слушаю, терпенья нет, досадно.

Чадский

Ваш век бранил я беспощадно,
Предоставляю вам во власть:
Откиньте часть,
Хоть нашим временам в придачу,
Уж так и быть, я не поплачу.

Фамусов

Знать не хочу, разврата не терплю.

Чадский

Я досказал.

Фамусов

Добро, заткнул я уши.

Чадский

На что ж? Я их не оскорблю.

Фамусов

Вот рыскают по свету, бьют баклуши,
Воротятся, от них тут толку жди.

Чадский

Я перестал...

Фамусов

Пожалуй, пощади.

Чадский

Длить споры не мое желанье...

Фамусов

Хоть душу отпусти на покаянье! —

СЦЕНА 3

Слуга

(входит)

Полковник Скалазуб.

Фамусов

(ничего не видит и не слышит)

Тебя уж упекут
Под суд, как пить дадут.

Чадский

Пожаловал к вам кто-то нá дом.

Фамусов

Не слушаю, под суд!

Чадский

К вам человек с докладом.

Фамусов

Не слушаю, под суд, под суд.

Чадский

Да обернитесь, вас зовут.

Фамусов

([оборачиваясь] оборачивается)

А? бунт? я так и жду содома.

Слуга

Полковник Скалазуб. Прикажете принять?

Фамусов

Ослы! Сто раз вам повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень рад. Пошел же, торопись.

Слуга уходит.

Пожалуй-ста, суда́рь, при нем остерегись.
Известный человек, солидный,
И знаков тьму отличья нахватал,
Не по летам, и чин завидный,
Не нынче завтра генерал.
Пожалуй-сто при нем веди себя скромне́нько.
Эх! Александр Андреич, дурно, брат!
Ко мне он жалует частенько,
Я всякому, ты знаешь, рад.
В Москве прибавят вечно втрое:
Вот будто женится на Сонюшке. Пустое.
Об этом он молчит со мной,
Мне тоже нет нужды большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня,
Ведь Софья молода. А, впрочем, власть господня.
Пожалуй-сто при нем не спорь ты вкривь и вкось,
И завиральные идеи эти брось.
Однако нет его! какую бы причину...
А! знать, ко мне пошел в другую половину.

(Поспешно уходит.)

СЦЕНА 4

Чадский

Как суетится! Что за прыть!
[А дочь его? Как здесь бы ей не быть?
А Софья? давиче была она здорова,]
А Софья? — видно, нездорова,
С которых пор меня дичатся как чужова!
Как здесь бы ей не быть!!.

Кто этот Скалазуб? Отец им сильно бредит;
А может быть не только, что отец...
Ах! тот скажи любви конец,
Кто на три года вдаль уедет.

СЦЕНА 5

Чадский, Фамусов, Скалазуб.

Фамусов

Сергей Сергеич, к нам, сюда-с,
Прошу покорно, здесь теплее,
Прозябли вы, согреем вас,
Отдушничек отве́рнем поскорее.

Скалазуб

(густым басом)

Зачем же лазить, например,
Самим!.. Мне совестно, как честный офицер.

Фамусов

Неужто для друзей не делать мне ни шагу,
Сергей Сергеич, дорогой,
Кладите шляпу, сденьте шпагу,
Вот вам софа, раскиньтесь на покой.

Скалазуб

[Где ни на есть, лишь бы усесться]
Куда прикажете, лишь только бы усесться.

Фамусов

Ах! батюшка, сказать, чтоб не забыть,
Позвольте нам своими счесться,
Хоть дальными, наследства не делить,
Я сам узнал недавно.
И то уж научил [троюродный] двоюродный ваш брат.
Как вам доводится Настасья Николавна?

Скалазуб

Не знаю-с, виноват;
Мы с нею вместе не служили.

Фамусов

Сергей Сергеич, это вы ли!
А я так дорожу родством,
Сыщу его на дне морском,
При мне служáщие чужие очень редки,
Всё больше сестрины, свояченицы детки,
Один Молчалин мне не свой,
И то затем, что деловой.
Как станешь представлять к крестишку ли, к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку!..
Однако братец ваш мне [тоже говорил] друг, и говорил,
Что вами выгод тьму по службе получил!

Скалазуб

В тринадцатом году мы отличились с братом
В 30-м егерьском, а после в 45-том.

Фамусов

Да, счастье у кого есть эдакий сынок.
Имеет, [но] кажется, в петличке орденок?

Скалазуб

За 3-тье августа, мы брали батарею.
Ему дан с бантом, мне на шею.

Фамусов

Любезный человек, и посмотреть — так хват,
Прекрасный человек двоюродный ваш брат.

Скалазуб

[Но крепко заражен он нынешним столетьем,
Представьте, по полку был третьим
Вдруг вышел вон и книги стал читать.]

Но крепко заражен теперешним столетьем.
Представьте, капитан по списку был он третьим,
В отставку вышел вдруг и книги стал читать.

Фамусов

[Что значит молодость терять,]
Вот молодость!.. всё вздор, а после хвать!..
Вы повели себя исправно,
Давно полковники, а служите недавно.

Скалазуб

Иным и моего счастливее везет.
У нас в пятнадцатой дивизии, не дале,
Об нашем хоть сказать бригадном генерале.

Фамусов

Помилосердствуйте, в крестах ли недочет?

Скалазуб

[Их девять у меня]
Шесть, седмь их у меня, да если б было десять,
Не худо бы еще один привесить.

Фамусов

В погонь ли за одним крестом?
Зато, конечно, в чем другом
За вами далеко тянуться.

Скалазуб

Нет-с, ста́рее меня по корпусу найдутся,
Я с 809-го служу,
Да ищет кто чинов, отроет к ним каналы,
Об них как истинный философ я сужу,
Мне только бы досталось в генералы.

Фамусов

И славно судите, дай бог здоровье вам,
И генеральский чин, а там,
Зачем откладывать бы дальше,
Речь завести об генеральше.

Скалазуб

Жениться? Я ничуть не прочь.

Фамусов

Что ж? у кого сестра, племянница есть, дочь,
В Москве ведь нет невестам перевода,
Чего? плодятся год от года,
А, батюшка, признайтесь, что едва
Где сыщется столица, как Москва.

Скалазуб

Дистанции огромного размера.

Фамусов

Вкус, батюшка, отменная манера,
На всё свои законы есть:
Вот, например, у нас уж исстари ведется,
Что по отцу и сыну честь;
Будь плохенький, да если наберется
Душ тысячки две родовых,
Тот и жених.
Другий хоть прытче будь, надутый книжным чванством,
Пускай себе разумником слыви,
А в сéмью не включат, на нас не подиви,
Ведь только здесь еще и дорожат дворянством. —
Да это ли [еще] одно? [Теперь возьмите]
возьмите вы хлеб-соль,
Кто хочет к нам пожаловать — изволь,
Дверь отперта для званых и незваных,
Особенно из иностранных,
Хоть честный человек, хоть нет,
Для нас [равны] равнехонько, про всех готов обед.
Возьмите вы от головы до пяток,
[На москвичах особый] На всех московских есть особый
отпечаток.
Извольте посмотреть на нашу молодежь,
На юношей — сынков и внýчат,
Журим мы их, а если разберешь,
В пятнадцать лет учителей научат!
А наши старички?? — Как их возьмет задор,
Засудят об делах, что слово — приговор, —
Ведь столбовые все, в ус никого не дуют,
И об правительстве иной раз так толкуют,
Что если б кто подслушал их — беда.
Не то, чтоб новизны вводили, — никогда.
Спаси нас боже от крамол, но
Когда к словцу, а чаще ни к чему,
Поспорят, пошумят, и... полно.
Прямые канцлеры в отставке по уму,
Я вам скажу, знать, время не приспело,
А что без них не обойдется дело.

А наши дамы, а-сь? речистее мужей,
Судьи всему, везде, над ними нет судей,
За картами к таким способны бу́нтам,
Мужчины все от них дрожат,
Скомандовать заставьте перед фрунтом,
Присутствовать пошлите их в Сенат!
Ирина Власьевна! [Лукерья Апраксевна!] [Татьяна]
Лукерья Алексевна!
Настасья [Дмитриевна] Юрьевна! Пульхерия Андревна!
А дочки? Кто видал, всяк голову повесь.
Его величество король был прусский здесь,
Дивился не путем московским он девицам,
Их благонравью, а не лицам,
[И можно ли] И точно, можно ли воспитаннее быть!
Умеют же себя принарядить
Тафтицей, ба́рхатцем и дымкой,
Словечка в простоте не скажут, всё с ужимкой,
Французские романсы вам поют,
И верхние выводят нотки,
К военным людям так и льнут,
А потому, что патриотки.
Решительно скажу: едва
Другая сыщется столица, как Москва.

Скалазуб

По моему сужденью,
Пожар как на заказ пылал.
Способствовал [ей много к] к градскому украшенью,
И образ жизни лучше стал.

[Чацкий

Да был нам черный год, и приходилось туго:
Не послужило впрок.

Фамусов

Позвольте-с... Чадского, мне друга,
Андрея Ильича покойного сынок,
[Он в путешествиях покуда вкус находит]
На месте не сидит, всё по миру он бродит
И славно пишет, переводит.

Чадский

[Как истинно в Москве всему своя печать]
Вы правы, что в Москве всему своя печать,
Есть добродетели, которые хоть стары,
А продолжают вековать,
Преодолев и моды и пожары.
Чтоб не трудить себе ума,
Мы скажемте: всё нынче как бывало,
И прежде были те ж открытые дома,
Входило всё что ни попало
Есть, пить и предавать на суд
Столов убранство, роскошь блюд,
А путешественник не раз середь обеда
Тишком разгадывал на лбу
Иного земляка-соседа,
Что был привинчен он к позорному столбу.
Вам нравится в сынках отцовское наследство,
И прежде им плелись победные венки,
Людьми считались с малолетства
Патрициев дворянские сынки,
В заслуги ставили им души родовые,
Любили их, ласкали их,
И причитались к ним в родные —
Коли теперь соборы всех седых
Бранят, чего не разумеют,
А редко путное затеют.
Всегда готовые к журьбе:
Певали прежде песню ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже,
Теперь гром сабель, шпор, султан
[Военная броня красавицам прельщенье
И камер-юнкерский узорчатый кафтан]
И камер-юнкерский кафтан
Узорчатый красавицам прельщенье,
Военная броня,
Не то ли ж было искушенье,
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали.
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали.]

Фамусов

Ох! от пожара нам пришлося было туго.

Чадский

(не обращаясь ни к кому)

Да, был нам черный год, не послужило впрок.

Фамусов

(Чацкому)

Эй, завяжи на память узелок,
О чем тебя просил?..
(Полковнику)
Вот-с: Чадского, мне друга,
Андрея Ильича покойного сынок:
Не служит, то есть в том он пользы не находит;
Но захоти — так был бы деловой.
Жаль, очень жаль, он малый с головой,
И славно пишет, переводит,
Нельзя не пожалеть, что с эдаким умом...

Чацкий

Нельзя ли пожалеть об ком-нибудь другом?
С меня уж будет.

Фамусов

Не я один, а всякий так же судит.

Чацкий

А судьи кто?! — За древностию лет
В отставке, вечный толк их о придворных штатах,
Сужденья черпают из забытых газет
Годов семьсот осьмидесятых,
Всегда готовые к журьбе,
Поют всё песнь одну и ту же,
Не замечая об себе:
Что ста́рее, то хуже.
Нам укажите: где отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не этот ли? грабительством богатый,
Защиту от суда в друзьях нашел, в родстве,

Великолепные соорудил палаты,
Где разливается в пирах и мотовстве
И где не воскресят клиенты-иностранцы
Прошедшего житья подлейшие черты.
(Да и кому в Москве не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы?)
Не тот ли? вы к кому меня еще с пелен
Дитёй возили на поклон;
Тот Нестор негодяев старых,
Туда же в самых знатных барах
И повелитель многих слуг:
Они несчастные в часы вина и драки
И честь и жизнь его не раз спасали: вдруг
На них он выменял борзые три собаки!!!
Или вон тот еще? который для затей
На крепостный балет согнал толпы детей,
От матерей, отцов отторженных и сирых!!
Сам погружен умом в Амурах и Зефирах,
Заставил и Москву дивиться их красе!
Но должников не согласил к отсрочке:
Амуры и Зефиры все
Распроданы поодиночке!!!
Вот те, которые дожили до седин!
Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вот наши старики! взыскательные судьи!
Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдется не служащий
И не зависимый от повышенья в чин,
От мест и должностей, иным огнем горящий,
В науки ум вперит иль воспитает жар
В душе к высокому, к искусствам благородным —
Они тотчас: разбой! пожар!
И прокричат его мальчишкою негодным...
Мундир! один мундир! в летах он молодых
Когда-то прикрывал пристойно и красиво
Ничтожность, пустоту, пороки, глупость их,
И нам за ними путь счастливой!
И в женах, дочерях — к мундиру та же страсть!
[Ах! сам к нему давно ль я нежности отрекся?!]
Я сам к нему давно ль от нежности отрекся?!
Теперь в ту суетность мне более не впасть,
Но кто б тогда за всеми не повлекся?

Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали, —
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали?

Фамусов

(про себя)

[Терпеть нет мочи, как в бреду]
Уж втянет он меня в беду.

(Громко)

Сергей Сергеич, я пойду
И буду ждать вас в кабинете.

(Уходит.)

СЦЕНА 6

Скалазуб, Чадский.

Скалазуб

Мне нравится при этой смете
Искусно как коснулись вы
Предубеждения Москвы
К любимцам, к гвардии, к гвардейским,
к гвардионцам,
Ведь согреваются шитьем их будто солнцем!
А в Первой армии как выправлен солдат!
Мундиры пригнаны по тальям, все в обхват,
И платья нижние облеплены, так узки,
В шагу доходит как ни в чем,
И офицеров вам начтем,
Что даже говорят иные по-французски.

СЦЕНА 7

Скалазуб, Чадский, Софья Павловна, Лиза.

София

(бежит к окну)

Ах! боже мой! упал! убился! —

(Теряет чувства.)

Чадский

Кто?
Кто это?

Скалозуб

С кем беда?

Чадский

Она мертва со страху!

Скалозуб

Да кто? откудова?

Чадский

Ушибся обо что?

Скалозуб

Уж не старик ли наш дал маху?

Лиза

(хлопочет около барышни)

Кому назначено-с, не миновать судьбы;
Молчалин нá лошадь садился, ногу в стремя,
А лошадь на дыбы,
Он óб землю и прямо в темя.

Скалозуб

[Знать затянул поводья. Плох ездок]
Поводья затянул. Ну жалкий же ездок.
Взглянуть, как треснулся он — грудью или в бок.

(Уходит.)

СЦЕНА 8

Те же без Скалозуба.

Чадский

Помочь ей [как] чем? Скажи скорее.

Лиза

Там в комнате вода стоит.

Чацкий бежит и приносит. Все следующее — вполголоса [Покуда] — до того, как Софья очнется.

Стакан налейте.

Чадский

Уж налит,
Дай грудь ей распущу вольнее,
Виски ей уксусом потри,
Опрыскивай водой. Смотри,
Свободнее дыханье стало.
Повеять чем?

Лиза

Вот опахало.

Чадский

Гляди в окно:
Молчалин на ногах давно!
Безделица ее тревожит.

Лиза

Да-с, барышнин несчастен нрав,
Со стороны смотреть не может,
Как люди падают стремглав.

Чадский

Опрыскивай еще водою.
Вот так. Еще. Еще.

София

(с глубоким вздохом)

Кто здесь со мною?
Я точно как во сне.

(Торопко и громко)

Где он? что с ним? Скажите мне.

Чадский

Пускай себе сломил бы шею,
Вас чуть было не уморил.

София

Убийственны холодностью своею!
Смотреть на вас, вас слушать нету сил.

Чадский

Прикажете мне за него терзаться?

София

Туда бежать, там быть, помочь ему стараться.

Чадский

Чтоб оставались вы без помощи одне?

София

На что вы мне?
Да, правда, не свои беды́ для вас забавы,
Отец родной убейся, все равно.

(Лизе)

Пойдем туда, бежим.

Лиза

(отводит ее в сторону)

Опомнитесь, куда вы?
Он жив, здоров, смотрите здесь в окно.

София в [окно] окошко высовывается.

Чадский

Смятенье! обморок! поспешность! гнев! испуга!
Так можно только ощущать,
Когда лишаешься единственного друга.

София

Сюда идут. Руки не может он поднять.

Чадский

Желал бы с ним убиться... [для компаньи]

Лиза

Для компаньи?

София

Нет, оставайтесь при желаньи.

СЦЕНА 9

София Павловна, Лиза, Чадский, полковник Скалазуб, Молчалин (с подвязанною рукою).

Полковник Скалазуб

Воскрес и невредим, рука
Ушибена слегка,
И впрочем всё фамильная тревога.

Молчалин

[Софии]

[Простите ради бога] Я вас перепугал, простите ради бога.
[Что я причиной был вам]
[Причиной был я стольких беспокойств.

Лиза

(на ухо Софии)

Не бросьтесь вы к нему на шею.

София

(по некотором молчании обращается к Скалазубу)

Стыжусь моих трусливых свойств,
Преодолеть их не умею.]

П. Скалазуб

Ну! я не знал, что будет из того
Вам ирритация. Опро́метью вбежали. —
Мы вздрогнули. — Вы в обморок упали,
И что ж? — весь страх из ничего.

София

(не глядя ни на кого [*к нему же*]*)*

Я чувствую, что из пустого,
А всё еще теперь дрожу.

Чадский

(про себя)

[С ним говорит, а с тем ни слова!]
С Молчалиным ни слова!

София

([*к Скалаз.*] *по-прежнему)*

[Вам странность об себе скажу,
По дням и по часам, по прихоти я словно
То с страхом вижу всё, то слишком хладнокровно,
Сама не берегусь верхом,
Скачу, лечу, мой конь с огнем
Раз в сторону ударился с разбегу,
Долой я под гору, по снегу,
Не охнула, привстала и опять
На нем отважилась скакать.
В другой же раз во мне души нет
Кого-нибудь как лошадь скинет,
И не случится ничего,
Готова я бежать из дому.]
Я просто вам скажу,
За самое себя не трушу, лошадь скинет,
Убьюсь ли: раз со мной и было, я опять
Потом отважилась скакать,
Но за других во мне души нет,
Из ничего,
И приключится, что хоть вовсе мне чужому.

Чадский

(про себя)

Прощенья просит у него,
Что раз добра была к другому.

П. Скалазуб

Позвольте, расскажу вам весть:
Княгиня Ласова какая-то здесь есть,
Наездница, вдова, но нет примеров,
Чтоб ездило с ней много кавалеров.
На днях расшиблась в пух, —
Жоке́ не поддержал, считал он видно мух. —
И без того она, как слышно, неуклюжа,
Теперь ребра недостает,
Так для поддержки ищет мужа.

София

Ах! Александр Андреич, вот,
К ее искателям кобы себя причли вы? —
Ведь вы на помощь торопливы.

Чадский

Да-с, опыт давича я показал на вас,
[Эндимион сгубил, а я от смерти спас]
Смиренник погубил, а я от смерти спас.

(Берет шляпу и уходит.)

СЦЕНА 10

Те же, кроме Чадского.

София

Вы вечером к нам будете?

П. Скалазуб

Как рано?

София

Пораньше: съедутся домашние друзья,
[Мы станем танцовать под фортопиано]
Потанцовать под фортопиано, —
[Великий пост, так балу дать нельзя]
[Дом невелик, так балу дать нельзя]
Мы в трауре, так балу дать нельзя.

П. Скалазуб

[Явлюсь, а между тем забыл я в эту смуту
Что к батюшке зайти был должен на минуту]
Явлюсь, но к батюшке зайти я обещался,
Откланяюсь.

София

Прощайте.

П. Скалазуб

(жмет руку Молчалину)

Ваш слуга.

(Уходит.)

СЦЕНА 11

София, Лиза, Молчалин.

София

[Ушли. Ах! скучные, лепечут, как сороки.
Молчалин, вы ко мне жестоки!]
Молчалин! как во мне рассудок цел остался!
Ведь знаете, как жизнь мне ваша дорога!
[Зачем играть ей так неосторожно]
Зачем же ей играть, и так неосторожно?
Скажите, что у вас с рукой?
[Не можно] [Не должно]
Не дать ли капель вам?
не нужен ли покой?
Пошлемте к доктору, пренебрегать не должно.

Молчалин

Платком перевязал, не больно мне с тех пор.

Лиза

Ударюсь об заклад, что вздор,
И если б не к лицу, не нужно перевязки,
[А вот не вздор, что вас лукавый помутил,
Был здесь полковник, Чадский был,
Не побоялись вы огласки.]

А то не вздор, что вам не избежать огласки:
На смех, того гляди, подымет Чадский вас,
И Скалазуб, как свой хохол закрутит,
Расскажет обморок, прибавит сто прикрас;
Шутить и он горазд, ведь нынче кто не шутит!

София

[Ни на кого я не гляжу]
А кем из них я дорожу?
Хочу — люблю, хочу — скажу.
Молчалин, будто я себя не принуждала?
Вошли вы — слова не сказала,
При них не смела я дохнуть,
У вас спросить, на вас взглянуть. —
[И что же, наконец, в моей любви худова?
Кому я неверна, кому давала слово?

Лиза

И в нашем говорят быту,
Одна вина, сто оправданий,
Мою простите простоту,
Да только бы без дальних разбираний
На смех не поднял Чадский вас,
А Скалазуб как ус закрутит,
Расскажет обморок, прибавит сто прикрас,
Шутить и он горазд, ведь нынче кто не шутит?
Дойдет до батюшки, который вдруг в жару...
Припомните, что было поутру.

София

Уж разувериться теперь их не припудим,
Да что за дело нам, что Чадский говорит?
Смешно? пусть шутит он, досадно? — пусть бранит,
А мы, мой друг, смотреть на них не будем]

Молчалин

Нет, Софья Павловна, вы слишком откровенны.

София

Откуда скрытность почерпнуть?!
Готова я была в окошко к вам прыгну́ть.
Да что мне до кого? до них? до всей вселенны?
Смешно? — пусть шутят их; досадно? — пусть бранят.

Молчалин

Чтоб дорого не заплатить за это.

София

Неужто на дуэль вас вызвать захотят?

Молчалин

Ах! злые языки страшнее пистолета.

Лиза

Сидят они у батюшки теперь,
Вот ко-бы вы порхнули в дверь
С лицом веселым, беззаботно:
[Когда нам скажут то, что именно хотим]
Когда нам скажут, что хотим, —
Куда как верится охотно!
Таков и Чадский [кобы] вы бы с ним
Особнячком подсели: между
Невинных [шуток] ласок, милых слов...
[Подайте вы влюбленному надежду]
Ему бы подали надежду,
[Топиться он за вас готов]
А кто влюблен, на всё готов.

[София

Не стану лгать, не уважаю света — — —

Молчалин

Чтоб дорого не заплатить за это.

(Целует ей руку.)]

Молчалин

Я вам советовать не смею.

(Целует ее руку.)

София

Хотите вы?.. Пойду любезничать сквозь слез,
Боюсь, что выдержать притворства не сумею.
Зачем сюда бог Чадского принес!

(Уходит.)

СЦЕНА 12

Молчалин, Лиза.

Молчалин

Веселое созданье ты! живое!

Лиза

Прошу пустить, и без меня вас двое.

Молчалин

Какое личико твое!
Как я тебя люблю!

Лиза

А барышню?

Молчалин

Ее
По должности, тебя...

Лиза

От скуки.
Прошу подальше руки.

Молчалин

Есть у меня вещицы три:
Есть туалет, прехитрая работа:
Снаружи зеркальце, и зеркальце внутри,
Кругом всё прорезь, позолота,
Подушечка, из бисера узор,
И перламутровый прибор:
Игольничек и ножинки, как милы!
Жемчужинки, растертые в белилы!
Помада есть для губ, и для других причин,
С духами сткляночки: резéда и жасмин.

Лиза

Вы знаете, что я не льщусь на интересы;
Скажите лучше, почему
Вы с барышней скромны, а с горнишной повесы?

Молчалин

Сегодня болен я, обвязки не сыму;
Приди в обед, побудь со мною,
Я тайну всю тебе открою.

(Уходит в боковую дверь.)

СЦЕНА 13

София, Лиза.

София

Была у батюшке, там нету никого.
Сегодня я больна, и не пойду обедать,
Скажи Молчалину, и позови его,
Чтоб он пришел меня проведать.

(Уходит к себе.)

СЦЕНА ПОСЛЕДНЯЯ

Лиза

Ну! люди в здешней стороне!
Она к нему, а он ко мне,
А я... одна лишь я любви до смерти трушу. —
А как не полюбить буфетчика Петрушу! —

Конец 2-го акта

АКТ III

СЦЕНА 1

Чацкий, потом София.

Чацкий

Дождусь ее и вынужу признанье:
Кто наконец ей мил? Молчалин! Скалазуб?
Молчалин прежде был так глуп!..
Жалчайшее созданье!
Уж разве поумнел?.. А тот
Хрипун, удавленник, фагот,
Созвездие манёвров и мазурки.
Судьба любви, играть ей в жмурки,
А мне...

Входит София.

Вы здесь? Я очень рад,
Я этого желал.

София

(про себя)

И очень невпопад.

Чацкий

Конечно, не меня искали?

София

Я не искала вас.

Чацкий

Дознаться мне нельзя ли,
Хоть и некстати, нужды нет,
Кого вы любите?

София

Ах! Боже мой! весь свет.

Чацкий

Кто более вам мил?

София

Вот спросы пречудные.

Чацкий

Все более меня?

София

Иные.

Чацкий

И я чего хочу, когда всё решено?
Мне в петлю лезть, а ей смешно.

София

Хотите ли знать истины два слова?
Малейшая в ком странность чуть видна,
Веселость ваша не скромна,
У вас тотчас уж острота́ готова,
А сами вы...

Чацкий

Я сам? не правда ли, смешон?

София

Да, грозный взгляд и резкий тон,
И этих в вас особенностей бездна,
А за собой смотреть куда не бесполезно.

Чацкий

Я странен, а не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож,
Молчалин, например...

София

Примеры мне не новы,
Заметно, что вы желчь на всех излить готовы,
А я, чтоб не мешать, отсюда уклонюсь.

Чацкий
(держит ее)

Постойте же.

(В сторону)

Раз в жизни притворюсь.

(Громко)

Оставимте мы эти пренья,
С Молчалиным мирюсь я, виноват,
Быть может он не то, что три года назад:
Есть на земле такие превращенья
Правлений, климатов, и нравов, и умов,
Есть люди важные, слыли за простяков,
Известных по газетам,
Боюсь назвать, но признано всем светом,
Особенно в последние года,
Что стали умны, хоть куда.
Не в этом подлежит Молчалин укоризне;
Но есть ли в нем та страсть? то чувство? пылкость та?
Чтоб кроме вас ему всё в жизни
Казалось прах и смех? дым, мелочь и тщета?
Чтоб сердца каждое биенье
Любовью ускорялось к вам?
Чтоб мыслям были всем и всем его делам
Душою вы? вам угожденье?..
Я это чувствую, сказать вам не могу,
Но что теперь во мне кипит, волнует, бесит,
Я б не желал и личному врагу,
А он?.. смолчит и голову повесит.
Конечно, смирен, тих, безгласнее травы,
Бог знает, в нем какая мудрость скрыта,
Бог знает, за него что выдумали вы,
Чем голова его ввек не была набита,
Быть может, качеств ваших тьму,
Любуясь им, вы придали ему;

Не на его душе, весь грех на вашей шее...
Нет! нет! пускай умен, час от часу умнее,
Но вас он стоит ли? вот вам один вопрос.
Чтоб равнодушнее мне понести утрату,
Как человеку вы, который с вами взрос,
Как другу вашему, как брату
Мне дайте убедиться в том;
Потом [подумайте]
От сумасшествия могу я остеречься,
[По-прежнему пущусь слоняться в свет]
По-прежнему пущусь во все края глядеть,
Искать хоть не любви, но буду я уметь
Теряться [в новизнах] по́ свету, забыться и развлечься

София

(про себя)

Вот нехотя с ума свела.

(Вслух)

Что притворяться?
Молчалин давиче мог без руки остаться,
Я живо в нем участье приняла,
А вы, случась на эту пору,
Не позаботились расчесть,
Что можно доброй быть ко всем и без разбору.
Но может истина в догадках ваших есть,
И горячо его беру я под защиту:
Зачем же быть? скажу вам напрямик,
Так невоздержну на язык?
В презреньи к людям так не скрыту?
Что и смирнейшему пощады нет!.. Чего?
Нельзя назвать его:
Тотчас град колкостей и шуток ваших грянет.
Шутить! и век шутить! как вас на это станет! —

Чацкий

Ах! боже мой! неужли я из тех,
Которым цель всей жизни смех?
Мне весело, когда смешных встречаю,
А чаще с ними я скучаю.

София

Напрасно. Это всё относится к другим,
Молчалин вам наскучил бы едва ли,
Когда б сошлись короче с ним.

Чацкий

(с жаром)

Зачем же вы его так коротко узнали?

София

Я не старалась, бог нас свел.
Смотрите, дружбу всех он в доме приобрел.
При батюшке три года служит,
Тот часто бе́з толку сердит,
А он безмолвием его обезоружит,
От доброты души простит.
И между прочем,
Веселостей искать бы мог;
Ничуть: от [стариков] старичков не ступит за порог.
Мы ре́звимся, хохочем,
Он с ними целый день засядет, рад не рад,
Играет...

Чацкий

Целый день играет!
Молчит, когда его бранят!

(В сторону)

Она его не уважает.

София

Конечно, нет в нем этого ума,
Что гений для иных, а для иных чума,
Который скор, блестящ и скоро опротивит,
Который свет ругает наповал,
Чтоб свет об нем хоть что-нибудь сказал,
Да эдакий ли ум семейство осчастливит?

Чацкий

Сатира и мораль? смысл этого всего?

(В сторону)

Она не ставит в грош его.

София

Чудеснейшего свойства
Он наконец, уступчив, скромен, тих,
В лице ни тени беспокойства,
И на душе проступков никаких,
Чужих и вкривь и вкось не рубит, —
Вот я за что его люблю.

Чацкий

(в сторону)

Шалит, она его не любит.

(Вслух)

Докончить я вам пособлю
Молчалина изображенье,
Оставьте мне на попеченье.
Но Скалазуб? вот человек с душой,
Люблю я рост его большой,
Геройский голос — бас, звучнее барабана.

София

Герой! .. не моего романа.

Чацкий

Не вашего? кто разгадает вас?

СЦЕНА 2

Чацкий, София, Лиза.

Лиза

(шепотом)

Сударыня, за мной сейчас
К вам Алексей Степаноч будет.

София

Простите, надобно идти мне поскорей.

Чацкий

Куда?

София

К прикмахеру.

Чацкий

Бог с ним.

София

Щипцы простудит.

Чацкий

Пусть студит их.

София

Нельзя, ждем нá вечер гостей.

Чацкий

Бог с вами, остаюсь опять с моей загадкой,
Однако дайте мне зайти хотя украдкой
К вам в комнату на несколько минут,
Там стены, воздух — всё приятно!
Согреют, оживят, мне отдохнуть дадут
Воспоминания об том, что невозвратно!
Взойду, не засижусь, вздохну минуты две,
Потом, подумайте, член Английского клуба,
Я там дни целые пожертвую молве
Про ум Молчалина, про душу Скалазуба.

София пожимает плечами, уходит к себе и запирается, за нею Лиза.

СЦЕНА 3

Чацкий, потом Молчалин.

Чацкий

Ах! Софья! .. Неужли Молчалин избран ей!
А чем не муж? Ума в нем только мало,
Но чтоб иметь детей,
Кому ума недоставало?
Услужлив, скромненький, в лице румянец есть.

Входит Молчалин.

Вон он на цыпочках, и не богат словами,

Какою ворожбой умел к ней в сердце влезть!

(Обращается к нему)

Нам, Алексей Степаноч, с вами
Не удалось сказать двух слов.
Ну, образ жизни ваш каков?
Без горя нынче? без печали?

Молчалин

По прежнему-с.

Чацкий

А прежде как живали?

Молчалин

День за день, нынче как вчера.

Чацкий

К перу от карт? и к картам от пера?

Молчалин

Могу назвать себя счастливым,
По мере ревности и сил,
[С тех пор как занят по архивам]
С тех пор, как числюсь по архивам,
Три награжденья получил.

Чацкий

Взманили почести и знатность?

Молчалин

Нет-с, свой талант у всех...

Чацкий

У вас?

Молчалин

Два-с:
Умеренность и аккуратность.

Чацкий

Чудеснейшие два! и стоят наших всех.

Молчалин

Вам не дались чины, по службе неуспех?

Чацкий

Чины людьми даются,
А люди могут обмануться.

Молчалин

Как удивлялись мы!

Чацкий

Какое ж диво тут?

Молчалин

Жалели вас.

Чацкий

Напрасный труд.

Молчалин

Татьяна Дмитревна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
С министрами про вашу связь,
Потом разрыв...

Чацкий

Ей почему забота!

Молчалин

Татьяне Дмитревне!

Чацкий

Я с нею не знаком.

Молчалин

С Татьяной Дмитревной!!

Чацкий

С ней век мы не встречались;
Слыхал, что вздорная.

Молчалин

Да это, полно, та ли-с?
Татьяна Дмитревна!!! — Ее известен дом,
Живет по старине, и рождена в боярстве,
Муж занимает пост из первых в государстве,
Любезен, лакомка до вкусных блюд и вин,
Притом отличный семьянин:
С женой в ладу, по службе ею дышит,
Она прикажет, он подпишет.
К Татьяне Дмитревне вы съездите.

Чацкий

Зачем!

Молчалин

Затем,
Что часто пользу мы находим, где не метим.

Чацкий

Я езжу к женщинам, да только не за этим.

Молчалин

Как обходительна! добра! мила! проста!
Балы дает нельзя богаче
От рождества и до поста,
А летом праздники на даче.
Ну, право, что бы вам в Москве у нас служить?
И награжденья брать и весело пожить?

Чацкий

Когда в делах, я от веселья прячусь,
Когда дурачиться: дурачусь,
А смешивать два эти ремесла
Есть тьма искусников, я не из их числа.

Молчалин

По-нашему тут нету преступленья,
Вот вам Фома Фомич известен, верно?

Чацкий

Что ж?

Молчалин

При трех министрах был начальник отделенья,
Сюда же перешел.

Чацкий

Хорош!
Ничтожный человек, из самых бестолковых.

Молчалин

Как можно! слог его здесь ставят в образец.
Читали вы?

Чацкий

Я глупостей не чтец,
А пуще образцовых.

Молчалин

Нет, мне так довелось с приятностью прочесть,
Не сочинитель я...

Чацкий

Да, по всему заметно.

Молчалин

Не смею вслух мое сужденье произнесть.

Чацкий

Зачем же так секретно?

Молчалин

В мои лета не должно сметь
Свое суждение иметь.

Чацкий

Помилуйте, мы с вами не ребяты,
Зачем же мнения чужие только святы?

Молчалин

Ведь надобно ж зависеть от других.

Чацкий

Зачем же надобно?

Молчалин

В чинах мы небольших.

Чацкий

(почти громко)

С такими чувствами! с такой душой дренною!
Любим!.. обманщица смеялась надо мною!

СЦЕНА 4

Вечер.
Раскрывается в перспективе ряд освещенных комнат. Слуги суетятся, один из них, главный, говорит:

Эй! Филька, Фомка, ну, ловчей,
Столы для карт, мел, щеток и свечей.
(Стучится к Софии в дверь.)
Скажите барышне скорее, Лизавета:
Наталья Юрьевна, и с мужем, и к крыльцу
Еще подъехала карета.

Расходятся, остается один Чацкий.

СЦЕНА 5

Чацкий, Наталья Юрьевна.

Наталья Юрьевна

Не ошибаюсь ли!.. он точно, по лицу.
Ах! Александр Андреич, вы ли?

Чацкий

С сомненьем смотрите от ног до головы,
Неужто так меня три года изменили?

Наталья Юрьевна

Я полагала вас далеко от Москвы.
Давно ли?

Чацкий

Нынче лишь...

Наталья Юрьевна

Надолго?

Чацкий

Как случится.
Однако кто, смотря на вас, не подивится!
Полнее прежнего, помолодели страх.
Как свежи! как здоровы!
Огонь, румянец, смех, игра во всех чертах.

Наталья Юрьевна

Я замужем.

Чацкий

Сказали бы давно вы.

Наталья Юрьевна

Мой муж, прелестный муж, вот он сейчас войдет,
Я познакомлю вас, хотите ль?

Чацкий

Прошу.

Наталья Юрьевна

Он не спесив, а как себя ведет!
Супружних должностей строжайший исполнитель.

Чацкий

Иных особенно, да с вами было б грех.

Наталья Юрьевна

Нет-с, не особенно, а всех, всегда и всех.
Платон Михайлоч мой единственный, бесценный,
Теперь в отставке, был военный;
И утверждают все, кто только прежде знал,
Что с храбростью его, с талантом,
Когда бы службу продолжал,
Конечно был бы он московским комендантом.

СЦЕНА 6

Чацкий, Наталья Юрьевна, Платон Михайлович.

Наталья Юрьевна

Вот мой Платон Михайлоч.

Чацкий

Ба!
Друг старый, мы давно знакомы, вот судьба.

Платон Михайлович

Здорово, Чацкий, брат.

Чацкий

Платон, любезный, славно.
Похвальный лист тебе, ведешь себя исправно.

Платон Михайлович

Как видишь, брат:
Московский житель и женат.

Чацкий

Забыт шум лагерный, товарищи и братья?
Спокоен и ленив?

Платон Михайлович

Нет, есть-таки занятья,
На флейте я твержу дуэт
А-мольный...

Чацкий

Что твердил назад тому пять лет?
Ну, постоянный вкус в мужьях всего дороже.

Платон Михайлович

Брат, женишься, тогда меня вспомянь,
От скуки будешь ты свистеть одно и то же.

Чацкий

От скуки! как? уж ты ей платишь дань?

Наталья Юрьевна

Платон Михайлоч мой к занятьям склонен разным,
Которых нет теперь, к ученьям и смотрам,
К манежу... иногда скучает по утрам.

Чацкий

А кто, любезный друг, велит тебе быть праздным?
Во фрунт. Ступай. Охота лишь была б.

Наталья Юрьевна

Платон Михайлоч мой здоровьем очень слаб.

Чацкий

Здоровьем слаб! давно ли?

Наталья Юрьевна

Всё рюматизм и головные боли.

Чацкий

Движенья более. В деревню, в теплый край.
Почаще нá конь. Мчись, порскай.

Наталья Юрьевна

Платон Михайлоч город любит,
Москву, за что в глуши он дни свои погубит.

Чацкий

Москву и город... Ты чудак.
А помнишь прежнее?

Платон Михайлович

Да, брат, теперь не так...

Наталья Юрьевна

Ах! мой дружочек.
Здесь так свежо, что мочи нет,
Ты распахнулся весь и расстегнул жилет.

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот...

Наталья Юрьевна

Послушайся разочек,
Мой милый, застегнись скорей.

Платон Михайлович

(хладнокровно)

Сейчас.

Наталья Юрьевна

Да отойди подальше от дверей,
Сквозный там ветер дует сзади.

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот.

Наталья Юрьевна

Мой ангел, бога ради,
От двери дальше отойди.

Платон Михайлович

(глаза к небу)

Ах! матушка!

Чацкий

Ну, бог тебя суди.
Уж точно стал не тот в короткое ты время,
Не в прошлом ли году, в конце,
В полку тебя я знал? лишь утро: ногу в стремя
И носишься на борзом жеребце;
Осенний ветер дуй хоть спереди, хоть с тыла.

Платон Михайлович

(со вздохом)

Эх! братец! славное тогда житье-то было.

СЦЕНА 7

Те же и Князь и Княгиня Тугоуховские с 6-тью дочерьми.

Наталья Юрьевна

(тоненьким голоском)

Князь Петр Ильич, княгиня, боже мой!
Княжна Зизи! Княжна Наталья!

Громкие лобызанья, потом усаживаются.

1-я Княжна

Ах! что это на вас?

2-я Княжна

Прелестнейший покрой!

Наталья Юрьевна

Нет, если б видели, себе купила шаль я.

3-я Княжна

Какой эшарп cousin мне подарил!

4-я Княжна

Ах! да, барежевый!

5-я Княжна

Ах! прелесть!

6-я Княжна

Ах! как мил!

Княгиня

Сс! Кто это в углу? взошли мы, поклонился.

Наталья Юрьевна

Приезжий, Чадский.

Княгиня

Отставный?

Наталья Юрьевна

Да, путешествовал, недавно воротился.

Княгиня

И холостый?

Наталья Юрьевна

Да, не женат.

Княгиня

Князь, князь, сюда пожалуй.

Князь

(к ней обращает слуховую трубку)

О! хм!

Княгиня

Пошел бы ты да пригласил бы к балу
Натальи Юрьевны знакомого: вон он.

Князь

И-хм!

(Отправляется, вьется около Чацкого и покашливает.)

Княгиня

Вот то-то детки:
Им бал, а батюшка таскайся на поклон;
Танцовщики ужасно стали редки!..
Он камер-юнкер?

Наталья Юрьевна

Нет.

Княгиня

Богат?

Наталья Юрьевна

О! нет!

Княгиня

(громко, что есть мочи)

Князь, князь, назад.

СЦЕНА 8

Те же и графини Хрюмины: бабушка и внучка.

Графиня внучка

Ах! grand'maman, ну, кто так рано приезжает!
Мы первые!

(Пропадает в боковую комнату.)

Княгиня

Вот нас честит!
Вот первая и нас за никого считает!
Зла в девках целый век, уж бог ее простит.

Графиня внучка

(вернувшись, направляет на Чацкого двойной лорнет)

Мсьё Чацкий! вы опять в России?

Чацкий

Как видите.

Графиня внучка

Вернулись холостые?

Чацкий

На ком жениться мне?

Графиня внучка

В чужих краях на ком!
О! наших тьма без дальних справок
Там женятся и нас дарят родством
С искусницами модных лавок.

Чацкий

Несчастные! должны ль упреки несть
От подражательниц модисткам?
За то, что смели предпочесть
Оригиналы спискам?

СЦЕНА 9

Те же и множество других гостей. Между прочим Загарецкий. Мужчины являются, шаркают, отходят в сторону, кочуют из комнаты в комнату и пр. София от себя выходит. Все к ней навстречу.

Графиня внучка

(к ней)

Eh! bon soir! comment vont les rubans? les guirlandes?
Toujours le déséspoir de ceux, qui Vous attendent.

Загарецкий

(Софье)

На завтрашний спектакль имеете билет?

София

Нет.

Загарецкий

Позвольте вам вручить, напрасно бы кто взялся
Другий вам услужить, зато
Куда я ни кидался!
В контору — всё взято,
К директору, он мне приятель,
С зарей в седьмом часу, и, кстати ль!
Уж с вечера никто достать не мог;
К тому, к сему, всех сбил я с ног
И этот наконец похитил уже силой
У одного, старик он милой,
Мне друг, известный домосед,
Пусть дома посидит в покое.

София

Благодарю вас за билет,
А за старанье вдвое.

Являются еще кое-какие, тем временем Загарецкий отходит.

Загарецкий

Платон Михайлоч.

Платон Михайлович

Прочь.
Поди ты к женщинам, им лги и их морочь.
Я правду об тебе порасскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вот, брат,

(Чадскому)

рекомендую,
Как эдаких людей зовут?
Помягче-то? по-светски?
Отъявленный мошенник, плут:
Антон Антоныч Загарецкий.
При нем остерегись, переносить горазд,
И в карты не садись: продаст.

Загарецкий

Оригинал! брюзглив, а без малейшей злобы.

Чацкий

И оскорбляться вам смешно бы,
Окроме честности есть множество отрад:
Ругают здесь, а там благодарят.

Платон Михайлович

Ох нет! братец, Москва! ругают
Везде, а всюду принимают.

Загарецкий мешается в толпу.

СЦЕНА 10

Те же и Хлёстова.

Хлёстова

Легко ли в шестьдесят пять лет
Тащиться мне к тебе? племянница, мученье.
Час битый ехала с Покровки, силы нет.
Ночь — светопредставленье.
От скуки я взяла с собой
Арапку-девку да собачку,

Вели их накормить, ужо, дружочек мой,
От ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте.

(Села.)

Ну, Софьюшка, мой друг,
Какая у меня арапка для услуг,
Курчавая! горбом лопатки!
Сердитая! все кошачьи ухватки!
Да как черна! да как страшна!
Ведь создал же господь такое племя!
Там, в девичьей она;
Позвать ли?

София

Нет-с, в другое время.

Хлёстова

Представь: их как зверей выводят на показ,
Я слышала в земле турецкой,
А знаешь ли, кто мне припас? —
Антон Антоноч Загарецкий.

Он выставляется вперед.

Лгунишка он, картежник, вор.

Загарецкий исчезает.

Я от него было и двери на запор,
Да мастер услужить: мне и сестре Прасковье
Двоих арапченков на ярмонке достал,
Купил, он говорит, чай в карты сплутовал,
А мне подарочек, дай бог ему здоровье.

Чацкий

(с хохотом Платону Михайловичу)

[Да] Не поздоровится от эдаких похвал,
И Загарецкий сам не выдержал, пропал.

Хлёстова

Кто этот весельчак? из звания какого?

София

Вон этот? — Чадский.

Хлёстова

Ну? а что нашел смешного?
Чему он рад? какий тут смех?
Над старостью смеяться грех.
Я помню, ты дитёй с ним часто танцовала,
Я за уши его трепала, только мало.

СЦЕНА 11

Те же и Фамусов.

Фамусов

Ждем князя Пётра Ильича,
А князь уж здесь! а я забился там в портретной.
Где Скалазуб Сергей Сергеич? а?
Нет, кажется, что нет, он человек заметный —
Сергей Сергеич Скалазуб.

Хлёстова

Ах, батюшка, да ты отправился к нему б.

СЦЕНА 12

Те же и Скалазуб, потом Молчалин.

Фамусов

Сергей Сергеич, запоздали,
А мы вас ждали, ждали, ждали.

(Подводит к Хлёстовой.)

Моя невестушка, которой уж давно
Об вас говорено.

Хлёстова

(сидя)

Вы прежде были здесь... в полку... в том... в
Гренадерском?

Скалозуб

(басом)

В его высочества, хотите вы сказать,
Ново-землянском мушкетерском.

Хлёстова

Не мастерица я полки-та различать.

Скалозуб

А форменные есть отлички:
В мундирах выпушки, погончики, петлички.

Фамусов

Пойдемте, батюшка, там ожидают вас
Мой брат и многие. Прошу покорно. Князь.

(Уводит их с собою.)

Хлёстова

(Софии)

Ух! я точнехонько избавилась от петли,
Ведь полоумный твой отец,
Дался ему трех сажен удалец,
Знакомит, не спросясь, приятно ли нам? нет ли?

Молчалин

(подает ей карту)

Я вашу партию составил: мосьё Кок,
Фома Фомич и я.

Хлёстова

Спасибо, мой дружок.

(Встает.)

Молчалин

Ваш шпиц — прелестный шпиц, не более наперстка,
Я гладил всё его, как шелковая шерстка!

Хлёстова

Спасибо, мой родной.

(Уходит, за ней Молчалин и многие другие.)

СЦЕНА 13

Чацкий, София и несколько посторонних, которые в продолжении расходятся.

Чацкий

Ну! тучу разогнал...

София

Нельзя ль не продолжать?

Чацкий

Чем вас я испугал?
За то, что он смягчил разгневанную гостью,
Хотел я похвалить.

София

А кончили бы злостью.

Чацкий

Сказать вам, что я думал? — Вот:
Старушки часто ведь сердиты,
Ко-бы всегда такий услужник знаменитый
Тут был, как громовый отвод.
Как он искусно все уладил!
Рушитель ссор, смиритель гроз,
Как кстати карточку поднес!
Как моську вовремя погладил!
В нем Загарецкий не умрет,
Чего не ожидать при этом нраве кротком,
При свойстве угождать племянницам и теткам,

(Ей на ухо)

О! давишнее вам так даром не пройдет.

(Уходит.)

СЦЕНА 14

София, потом Г. N.

София

Грозит и тешится, и рад бы что есть силы
Молчалина при всех унизить, как он зол!

Г. N.

(подходит)

Вы в размышлении.

София

Об Чацком.

Г. N.

Он премилый.

София

Он не в своем уме.

Г. N.

Ужли с ума сошел?

София

Не то, чтобы совсем...

Г. N.

Однако есть приметы?

София

(смотрит на него пристально)

Мне кажется.

Г. N.

Как можно, в эти леты!

София

Как быть!

(В сторону)

Готов он верить!
А! Чацкий, любите вы всех в шуты рядить,
Угодно ль на себе примерить?

(Уходит.)

СЦЕНА 15

Г. N.*, потом г. D.*

N.*

С ума сошел!.. Ей кажется!.. вот на!
Недаром!.. Повод есть, с чего б взяла она!
Ты слышал?

Д.*

Что?

N.*

Об Чацком?

Д.*

Что такое?

N.*

С ума сошел.

Д.*

Пустое...

N.*

Не я сказал, другие говорят.

Д.*

А ты расславить это рад?

N.*

Пойду, осведомлюсь, чай кто-нибудь да знает.

(Уходит.)

СЦЕНА 16

Г. Д.*, потом Загарецкий.

Д.*

Верь болтуну!
Услышит вздор и тотчас повторяет!
Ты знаешь ли об Чацком?

Загарецкий

Ну?

Д. *

С ума сошел.

Загарецкий

А, знаю, помню, слышал.
Как мне не знать? примерный случай вышел,
Его в безумные упрятал дядя, плут...
Схватили, в желтый дом, и нá цепь посадили.

Д. *

Помилуй, он сейчас здесь в комнате был, тут.

Загарецкий

Так с цепи, стало быть, спустили.

Д. *

Ну, милый друг, с тобой не надобно газет,
Известен обо всем, да жаль, что веры нет,
Пойду к другим. Авось поменьше знают.
(Уходит.)

СЦЕНА 17

Загарецкий, потом Графиня внучка.

Загарецкий

Которого ж они тут Чацким называют!
С каким-то Чацким я когда-то был знаком.
Вы слышали об нем?

Графиня внучка

Об ком?

Загарецкий

Об Чацком, он сейчас здесь в комнате был...

Графиня внучка

Знаю.

Я говорила с ним.

Загарецкий

Так я вас поздравляю:
Он сумасшедший...

Графиня внучка

Что?

Загарецкий

Да, он сошел с ума.

Графиня внучка

Представьте, я заметила сама,
Была пари держать готова.

СЦЕНА 18

Те же и Графиня бабушка.

Графиня внучка

Ah! grand'maman, вот чудеса! вот ново!
Вы не слыхали здешних бед?
Послушайте. Вот прелести! вот мило!

Графиня бабушка

Мой *т*руг, мне уши зало*ш*ило,
Ска*ш*и погромче...

Графиня внучка

Время нет.
Il vous dira toute l'histoire.
Пойду, спрошу.

(Уходит.)

СЦЕНА 19

Загарецкий, Графиня бабушка.

Графиня бабушка

Что? Что? уж нет ли здесь по*ш*ара?

Загарецкий

Нет, Чацкий произвел всю эту кутерьму.

Графиня бабушка

Как, Чацкого? кто свел в тюрьму?

Загарецкий

Чтоб не свели его, сошел с ума заране.

Графиня бабушка

Пошел он в бусурмане!

Загарецкий

Ее не вразумишь.

(Уходит.)

Графиня бабушка

Антон Антоноч. Ах!
И он бежит, все в страхе, впопыхах.

СЦЕНА 20

Графиня бабушка и Князь Тугоуховский.

Графиня бабушка

Князь, князь. Ох! этот князь, по балам, сам чуть дышит!
Князь, слышали?

Князь

А! хм.

Графиня бабушка

Он ничего не слышит.
Хоть, мошет, видели, здесь полицмейстер пыл?

Князь

Э-хм!

Графиня бабушка

В тюрьму-то, князь, кто Чацкого схватил?

Князь

И-хм!

Графиня бабушка

Е-чай, ему натенут лямку, ранец,
Да ничто, шутка ли переменил закон!

Князь

У-хм!

Графиня бабушка

Да!.. в пусурманах он!
Ах! окаянный волтерьянец!
Что? а? глух, мой отец, достаньте свой рожок.
Ох! глухота большой порок.

СЦЕНА 21

Те же и Хлёстова, София, Молчалин, Платон Михайлович, Наталья Юрьевна, Графиня внучка, Княгиня с дочерями, Загарецкий, Скалазуб, потом Фамусов и многие другие.

Хлёстова

С ума сошел! прошу покорно!
Да невзначай! Да как проворно!
Ты, Софья, слышала?

Платон Михайлович

Кто первый разгласил?

Наталья Юрьевна

Ах! друг мой, все.

Платон Михайлович

Ну, все, так верить поневоле,
А мне сомнительно.

Фамусов

(входя)

О чем? О Чацком, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открыл,
Давно дивлюсь я: как никто его не свяжет!
Попробуй о властях, — и ни весть что наскажет!

Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцом,
Хоть пред монаршиим лицом,
Так назовет он подлецом!..

Хлёстова

Туда же из смешливых;
Сказала что-то я: он начал хохотать.

Молчалин

Мне отсоветовал в Москве служить в архивах!

Графиня внучка

Меня модисткою изволил величать!

Наталья Юрьевна

А мужу моему совет дал жить в деревне.

Загарецкий

Безумный по всему.

Графиня внучка

Я видела из глаз.

Фамусов

По матери пошел, по Анне Алексевне;
Покойница с ума сходила осемь раз.

Хлёстова

На свете дивные бывают приключенья!
В его лета с ума спрыгну́л!
Чай, пил не по летам.

Княгиня

О! верно.

Графиня внучка

Без сомненья.

Хлёстова

Шампанское стаканами тянул.

Наталья Юрьевна

Бутылками-с, мы замечали сами.

Загарецкий

(с жаром)

Наталья [Дмитриевна] Юрьевна, ведра́ми, да-с, ведра́ми.

Фамусов

Ну, вот! великая беда,
Что выпьет лишнее мужчина!
Ученье — вот чума, ученость — вот причина,
Что нынче пуще, чем когда,
Безумных развелось людей, и дел, и мнений.

Хлёстова

И впрямь с ума сойдешь от этих, от одних
От пансионов, школ, лицеев, как бишь их,
Да от Ланкарточных взаимных обучений.

Княгиня

Нет, в Петербурге Институт
Пе-да-го-гический, так кажется зовут:
Там упражняются в расколах и в безверьи
Профессоры!! у них учился наш родня,
И вышел! хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи,
От женщин бегает, и даже от меня!
Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Федор, мой племянник.

Скалазуб

Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проэкт насчет лицеев, школ, гимназий,
Там будут лишь учить по-нашему: раз, два.
А книги сохранят так: для больших оказий.

Фамусов

Сергей Сергеич, нет! Уж коли зло пресечь,
Забрать все книги бы да сжечь.

Загарецкий

Нет-с, книги книгам рознь. А если б, между нами,
Был цензором назначен я,
На басни бы налег, ох! басни — смерть моя!

Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а все-таки цари.

Хлёстова

Отцы мои, уж кто в уме расстроен,
Так всё равно, от книг ли, от питья ль;
А Чацкого мне жаль.
По-христиански так, он жалости достоин:
Был острый человек, имел душ сотни три.

Фамусов

Четыре.

Хлёстова

Три, суда́рь.

Фамусов

Четыреста.

Хлёстова

Нет! триста.

Фамусов

В моем календаре...

Хлёстова

Всё врут календари.

Фамусов

Как раз четыреста, ох! спорить голосиста!

Хлёстова

Нет! триста! уж чужих имений мне не знать.

Фамусов

Вместе bis. { Четыреста и... сорок пять.

Хлёстова

Нет! триста, триста, триста. }

СЦЕНА ПОСЛЕДНЯЯ

Те же все и Чацкий.

Наталья Юрьевна

Вот он.

Графиня внучка

Шш!

Все

Шш!

(Пятятся от него в противную сторону.)

Хлёстова

Ну, как с безумных глаз
Он драться вздумает, ведь с ним плохи разделки.

Фамусов

О, господи! помилуй грешных нас!
(Опасливо)
Любезнейший, ты не в своей тарелке.
С дороги нужен сон. Дай пульс. Ты нездоров.

Чацкий

Да, мочи нет: мильон терзаний
Груди́ от дружеских тисков,
Ногам от шарканья, ушам от восклицаний,
А пуще голове от всяких пустяков.
(Подходит к Софье.)
Душа здесь у меня какой-то скорбью сжата,
И в многолюдстве я потерян, сам не свой.
Нет! не ужиться мне с Москвой.

Хлёстова

Москва, вишь, виновата.

Фамусов

Подальше от него.
(Делает знак Софии.)
Гм, Софья! Не глядит!

София

(Чацкому)

Скажите, что вас так гневит?

Чацкий

В той комнате простейший случай:
Французик из Бордо был окружен зевак
И слушательниц кучей:
К своим приравнивал он нас, что точно так
На всё готовы мы, нет дела до последствий,
Всё только бы шутя, резвясь,
От наших гладеньких он фраз,
От наших кругленьких приветствий
Воображает быть в отечестве своем,
И прочее... — утих, и тут по нем
Об южной Франции, о берегах Гаронны
Заохали, урок из детства натвержен —
Особенно две-три княжны пускали стоны,
(Куда деваться от княжен!).
Я к небу воссылал смиренные желанья,
Однако вслух,
Чтоб удалил господь нечистый этот дух
Слепого, жалкого, пустого подражанья;
Чтоб воздержал нас крепкою вожжой
От слез и тошноты по стороне чужой.
Неужли у себя для наших нет желаний
Семейных прелестей, родных воспоминаний!
И чем наш Север лучше стал,
Что всё заветное наследье променял?
И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую —
По шутовскому образцу:
Хвост сзади, спереди какий-то чудный выем!
Коротко полые, наперекор стихиям,
Рассудку смех, и не краса лицу.
Как платья и умы коротки,
Смешные, бритые, седые подбородки...
Ах! если рождены мы всё перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Их отверженья иноземцев,

Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.
«Помилуйте, как ставить в параллель
Национальное с французским, вот охота!
Ну как перевести *Мадам* и *Мадмуазель*?
Ужли *сударыня*!!» — пробормотал мне
кто-то — — —
Представьте, тут у всех
На мой же счет поднялся смех.
«Сударыня! Ха! ха! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! Хю! хю! хю! хю! ужасно!!» —
Я, рассердясь и жизнь кляня,
Готовил им ответ громовый,
Но все оставили меня.
Вот случай вам со мною, он не новый;
Москва, столичное в России место: то,
Где человек из города Бордо
Лишь рот раскрыл, имеет счастье
Во всех княжен вселять участье,
И в этой же Москве,
Когда воспитан кто в отечественных нравах,
В чьей голове
Пять-шесть найдется мыслей здравых,
И он осмелится их гласно объявлять, —
Глядь...

(Оглядывается, все в вальсе кружатся с величайшим усердием. Старики разбрелись к карточным столам.)

Конец 3 акта

АКТ IV

У Фамусова в доме парадные сени, большая лестница из второго [второго этажа] [верхних антресолей] жилья, к которой примыкают многие побочные из антресолей; внизу справа (от действующих) выход на крыльцы и швейцарская ложа, слева на одном же плане комната Молчалина.

Ночь.

Лакеи иные в движении, иные спят в ожидании господ своих.

СЦЕНА 1

Графиня бабушка, Графиня внучка, впереди их Лакей.

Лакей

Графини Хрюминой карета.

Графиня внучка

(покуда ее укутывают)

Ну бал! Ну Фамусов! умел гостей назвать!
Какие-то уроды с того света,
И не с кем говорить, и не с кем танцовать.

Графиня бабушка

Поетем, матушка, мне прафо не под силу,
Когда-нибудь я с *п*ала *т*а в могилу.

Обе уезжают.

*

СЦЕНА 2

Платон Михайлович и Наталья Юрьевна.

(Один лакей около их хлопочет у крыльца, другой — у подъезда кричит)

Карета Горича.

Наталья Юрьевна

Мой ангел, жизнь моя,
Бесценный, душечка, мой милой,
(целует мужа в лоб)
Признайся, весело у Фамусовых было.

Платон Михайлович

Наташа-матушка, дремлю на ба́лах я,
До них смертельный неохотник,
А не противлюсь, твой работник,
Дежурю за́ полночь, подчас
Тебе [в] угодно, с рожей постной
Пускаюсь по команде в пляс.

Наталья Юрьевна

Ах, миленький, ты пренесносный,
[Педантствуешь и корчишь старика]
Охота смертная прослыть за старика.

(Уходит с лакеем.)

Платон Михайлович

(хладнокровно)

Бал вещь хорошая, неволя-то горька,
И кто жениться нас неволит!
Ведь сказано ж иному на роду. . .

Лакей

(с крыльца)

В карете барыня-с, и гневаться изволит.

Платон Михайлович

(со вздохом)

Иду, иду.

(Уезжает.)

СЦЕНА 3

Чацкий и лакей его впереди.

Чацкий

Кричи, чтобы скорее подавали.

Лакей уходит.

Ну вот и день прошел, и с ним
Весь этот чад и дым
Надежд, которые мне душу наполняли.
Чего я ждал? Что думал здесь найти?
Где прелесть эта встреч? участье в ком живое?
Крик? радость! свиделись!? — — Пустое.
В повозке так-то на пути
Необозримою равниной, сидя праздно,
Всё что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно;
И едешь час, и два, и день, вот начало
Темнеть, час отдыха, ночлег: куда ни взглянешь,
Всё та же гладь и степь, и пусто и голо! .. —
Досадно, мочи нет, чем больше думать станешь.

Лакей возвращается.

Готово?

Лакей

Кучера-с нигде, вишь, не найдут.

Чацкий

Пошел, ищи. Не ночевать же тут.

Лакей опять уходит.

СЦЕНА 4

Чацкий, Репетилов (вбегает с крыльца, при самом входе падает со всех ног и поспешно оправляется.)

Репетилов

Тьфу! оплошал. — Ах! мой создатель!
Дай протереть глаза; откудова? Приятель! — —
Сердечный друг! Любезный друг! Mon cher!
Ну вот, мне часто было пето,

Что пустомеля я, что глуп, что суевер,
Что у меня на всё предчувствие, примета;
Сейчас... растолковать прошу,
Как будто знал, сюда спешу,
Хвать, об порог задел ногою
И растянулся во весь рост.
Пожалуй, смейся надо мною,
Что Репетилов врет, что Репетилов прост,
А у меня к тебе влеченье, род недуга,
Какая-то любовь и страсть,
Готов я душу прозакласть,
Что в мире не найдешь себе такого друга,
Такого верного, ей-ей;
Пускай лишусь жены, детей,
Оставлен буду целым светом,
Пускай умру на месте этом,
Пусть разразит меня господь.

Чацкий

Да полно вздор молоть.

Репетилов

Не любишь ты меня, естественное дело:
С другими я и так и сяк,
С тобою говорю несмело,
Я жалок, я смешон, я неуч, я дурак.

Чацкий

Вот странное уничиженье!

Репетилов

Ругай меня, я сам кляну свое рожденье,
Когда подумаю, как время убивал!
Скажи, который час?

Чацкий

Час ехать спать ложиться,
Коли явился ты на бал,
Так можешь воротиться.

Репетилов

Что бал? братец, где все, всю ночь до бела дня
В приличьях скованы, не вырвутся из ига,
Читал ли ты? есть книга...

Чацкий

А ты читал? задача для меня,
Ты Репетилов ли?

Репетилов

Зови меня Вандалом:
Я это заслужил.
Беспутно век свой погубил!
Пустых людей любил!
По ресторациям! по балам!
Об детях забывал! обманывал жену!
Играл! проигрывал! в опеку взят указом!
Танцовщицу держал! и не одну:
Трех разом!
Пил мертвую! не спал ночей по девяти!
Всё отвергал: законы! совесть! веру!

Чацкий

Послушай, ври, да знай же меру,
Есть от чего в отчаянье придти.

Репетилов

Постой, поздравь меня, теперь с людьми я знаюсь
С умнейшими, всю ночь не шляюсь напролет.

Чацкий

Вот нынче например.

Репетилов

Что? ночь одна не в счет,
Зато спроси, где был? [Чем нынче занимаюсь?]

Чацкий

[Неужли книгами?

Репетилов

Да, накупил сот шесть
Вчера еще, ты можешь их прочесть,
Я сам что раз прочту, то повторяю с жаром,
Сто раз везде и всем, поверь,
Минуты не теряю даром.
Вот отгадай, откуда я теперь?

Чацкий

Из Клуба, может статься.

Репетилов

Из Английского? Да, а что я там творил?

Чацкий

Играл, и ел, и пил.

Репетилов

Ты умный человек, а сроден ошибаться:
Играл, по маленькой играл,
Пил, жажду запивал,
Съел три куска чего-та,
Я знаю, у тебя всё на счету я мота,
Обжоры, игрока, повесы... виноват,
С друзьями в воду рад,
Зато грехи свои всем выскажу свободно
Кому угодно.
Сюда, однако же, был должен опоздать
Не от игры, мой друг, сейчас из заседанья.]

Чацкий

И сам я догадаюсь.
Чай, в Клубе?

Репетилов

В Английском. Что от тебя скрывать?
Сейчас из заседанья,
Пожалосто молчи, я слово дал молчать,
У нас есть общество, и тайные собранья
По четвергам. Секретнейший союз.

Чацкий

Ах! я, братец, боюсь.
Как? в Клубе?

Репетилов

Именно.

Чацкий

Вот способ чрезвычайный,
Чтоб взашеи прогнать и вас, и ваши тайны.

Репетилов

Напрасно страх тебя берет,
Вслух, громко говорим, никто нас не поймет.
Я сам, как схватятся об камерах, присяжных,
Об Бейроне, ну об матерьях важных,
Частенько слушаю, не разжимая губ,
Мне не под силу, брат, и чувствую, что глуп.
Ах! Alexandre! У нас тебя недоставало;
Послушай, миленький, потешь меня хоть мало,
Поедем-ка сейчас, мы, благо, на ходу;
С какими я тебя сведу
Людьми!!! уж на меня нисколько не похожи,
Что называется: сок умной молодежи! —

Чацкий

Бог с ними и с тобой. Куда я поскачу?
Зачем? в глухую ночь? Домой, я спать хочу.

Репетилов

Э! брось! кто нынче спит! Ну полно, без прелюдий.
[Дай случай мне, хоть с маленьким умом,
Между умнейшими быть, так сказать, узлом. . .]
Решись, а мы! . . у нас. . . решительные люди,
Горячих дюжина голов! —
Кричим, подумаешь что сотни голосов! . .

Чацкий

Да из чего беснуетесь вы столько?

Репетилов

Шумим, братец, шумим.

Чацкий

Шумите вы? и только?

Репетилов

Не место объяснять теперь и недосуг,
Но государственное дело:
Оно, вот видишь, не созрело,
Нельзя же вдруг.
Что за люди! mon cher! без дальних я историй
Скажу тебе: во-первых, князь Григорий!!

Чудак единственный! нас сó смеху морит!
Век с англичанами, вся áнглийская складка,
И так же он сквозь зубы говорит,
И так же он обстрижен гладко.
Ты не знаком? о! познакомься с ним.
Другий [Варкулов] Воркулов Евдоким,
Ты не слыхал, как он поет? о! диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
«А! нон лашьяр ми, но, но, но».
Еще у нас два брата:
Левон и Боринька, чудесные ребята!
Об них не знаешь что сказать,
Но если гения прикажете назвать:
Удушьев Ипполит Маркелоч!!!
Ты сочинения его
Читал ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братец, да он не пишет ничего;
Вот эдаких людей бы сечь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать;
В журналах можешь ты, однако, отыскать
Его *отрывок, взгляд* и *нечто*.
Об чем бишь нечто? — обо всем,
Всё знает, мы его на черный день пасем.
Но голова у нас, какой в России нету,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночный разбойник, дуэлист,
Был сослан черт знает куда-то к алеутам,
И крепко на руку нечист;
Да умный человек не может быть не плутом.
Когда ж об честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.
Вот люди, есть ли им подобные, навряд.
Ну, между ими я, конечно, зауряд,
Ленился смолоду, отстал, подумать ужас!
[Негоден ни на что, безграмотный, шальной,
И вовсе притупел с детьми, братец, с женой,]
Однако ж я, когда, умишком поднатужась,
Засяду, часу не сижу,
И как-то невзначай, вдруг каламбур рожу.

Другие у меня мысль эту же подцепят,
И вшестером, глядь, водевильчик слепят,
Другие шестеро на музыку кладут,
Другие хлопают, когда его дают.
Брат, смейся, а что любо, любо:
Способностями бог меня не наградил,
Дал сердце доброе, вот чем я людям мил,
Совру — простят...

Лакей

(у подъезда)

Карета Скалазуба.

Репетилов

Чья?

СЦЕНА 5

Те же и Скалазуб (спускается с лестницы).

Репетилов

(к нему навстречу)

Ах! Скалазуб, душа моя,
Постой, куда же? сделай дружбу.

(Душит его в объятиях.)

Чацкий

Куда деваться мне от них!

(Входит в швейцарскую.)

Репетилов

(Скалазубу)

Слух об тебе давно затих,
Сказали, что ты в полк отправился на службу,
Знакомы вы?

(Ищет Чацкого глазами.)

Упрямец! ускакал!
Нет нужды, я тебя нечаянно сыскал,
И просим-ка со мной, сейчас, без отговорок:

[У князь-Григория все собраны тепсрь]
У князь-Григория пир, шум и кутерьма,
Увидишь человек нас сорок,
Фу! сколько, братец, там ума!
Всю ночь толкуют, не наскучат,
Во-первых, напоят шампанским на убой,
А во-вторых, таким вещам научат,
Каких не выдумать, конечно, нам с тобой.

Скалозуб

Избавь, с ученостью вы много взяли все то,
Бог вам премудрость ниспошли.
Дают ли ордена за это?
Давай ученье нам, чтоб люди в ногу шли.
Я школы Фридриха, в команде гренадеры,
Фельдфебеля́ мои Волтеры.

Репетилов

Что служба, братец? вздор. Вот я, гляди сюда,
Такие огорченья встретил,
Какие, может быть, никто и никогда;
По статской я служил, тогда
Барон фон Клоц в министры метил,
А я —
К нему в зятья.
Шел напрямик без дальней думы,
С его женой и с ним пускался в реверси,
Ему и ей какие суммы
Спустил, что боже упаси!
Он в Царском жил Селе, я возле дом построил,
С колоннами! огромный! сколько стоил!
Женился наконец на дочери его,
Приданого взял — шиш, по службе — ничего.
Тесть немец, а что проку?
Боялся, видишь, он упреку
За маленький фавёр к родне! . .
Боялся! [черт] прах его возьми, да легче ль мне?
Секретари его, род хамский и продажный,
Людишки, пишущая тварь,
Все вышли в знать, все нынче важны,
Гляди-ка в адрес-календарь.

Тьфу! служба и чины, кресты — душе надсада,
Лахмотьев Алексей чудесно говорит,
Что за правительство путем бы взяться надо,
Желудок дольше не варит.

(Останавливается, увидя, что Загарецкий заступил место Скалазуба, который покудова уехал.)

СЦЕНА 6

Репетилов, Загарецкий.

Загарецкий

Извольте продолжать, поверьте,
Я сам ужасный либерал,
И рабства не терплю до смерти,
Чрез это много потерял.

Репетилов

(с досадой)

Что это от меня все направляют лыжи!
Куда один, другий туды же,
Был Чацкий, вдруг исчез, потом и Скалазуб.

Загарецкий

Как думаете вы об Чацком?

Репетилов

Он не глуп,
Мне друг, и от него наверх не мог попасть я.
Сурьезный разговор зашел про водевиль,
Да! водевиль есть вещь, а прочее всё гиль.
Мы с ним... у нас свои пристрастья.

Загарецкий

А вы заметили, что он
В уме сурьезно поврежден?

Репетилов

Какая чепуха!

Загарецкий

Об нем все этой веры.

Репетилов

Вранье.

Загарецкий

Спросите всех.

Репетилов

Химеры.

Загарецкий

А кстати, вот князь Петр Ильич,
Княгиня и с княжнами.

Репетилов

Дичь.

СЦЕНА 7

Репетилов, Загарецкий, Князь и Княгиня с шестью дочерями, немного погодя Хлёстова спускается с парадной лестницы. Молчалин ведет ее под руку. Лакеи в суетах.

Загарецкий

Княжны, пожалуйте, скажите ваше мненье,
Безумный Чацкий или нет?

1-я княжна

Какое ж в этом есть сомненье?

2-я княжна

Про это знает целый свет.

3-я княжна

Дрянские, Хворовы, Варлянские, Скачкозы.

4-я княжна

Ах! вести старые, кому оне новы́?

5-я княжна

Кто сомневается?

Загарецкий

Да вот не верит...

6-я княжна

Вы!

Все вместе

Мсьё Репетилов! вы! Мсьё Репетилов, что вы
Да как вы! можно ль против всех!
Да почему вы? стыд и смех.

Репетилов

(затыкает себе уши)

Простите, я не знал, что это слишком гласно.

Княгиня

Еще не гласно бы, с ним говорить опасно,
Давно бы запереть пора.
Послушать, так его мизинец
Умнее всех, и даже князь-Петра!
Я думаю, он просто якобинец,
Ваш Чадский. Едемте. Князь, ты везти бы мог
Катишь или Зизи, мы [едем] сядем в шестиместной.

Хлёстова

(с лестницы)

Княгиня, карточный должок!

Княгиня

За мною, матушка.

Все

(друг другу)

Прощайте.

Княжеская фамилия уезжает, и Загарецкий тоже.

СЦЕНА 8

Репетилов, Хлёстова, Молчалин.

Репетилов

Царь небесный!
Амфиса Карповна! Ах! Чацкий! бедный! вот!
Что наш высокий ум! и тысяча забот!
Скажите, из чего на свете мы хлопочем!

Хлёстова

Так бог ему судил, а впрочем,
Полечат, вылечат авось;
А ты, мой батюшка, неисцелим, хоть брось
Ночные шатуны! вишь, говорят, женате!
Зачем пожаловал? Чтоб посмотреть небось,
Красив ли Фамусов в халате?
Все, все разъехались.

Репетилов

Браните, бейте, ах!
Амфиса Карповна, я сам себя гнушаюсь,
Пустой я человек, шалун я, вертопрах,
Чистосердечно, слезно каюсь,
Несчастье Чацкого разительный урок,
Что не в большом уме нам прок.
Детьми займусь, и будет дело глаже,
Вселю в них божий страх, и с завтрашнего
дня же
Остепенюсь, моя жена
Уж более не ляжет спать одна.

Хлёстова

Так, видно, никогда бедняжке не ложиться.
Молчалин, вон чуланчик твой,
Не нужны проводы, поди, Христос с тобой.

Молчалин уходит к себе в комнату.

Прощайте, батюшка, пора перебеситься.

(Уезжает.)

СЦЕНА 9

Репетилов с своим лакеем.

Куда теперь направить путь?
А дело уж идет к рассвету.
Поди, сажай меня в карету,
Вези куда-нибудь.

(Уезжает.)

СЦЕНА 10

Чацкий выходит из швейцарской.

Что это? слышал ли моими я ушами!
Не смех, а явно злость. Какими чудесами?
Через какое колдовство
Нелепость обо мне все в голос повторяют!
И для иных как словно торжество,
Другие будто сострадают...
О праздный! жалкий! мелкий свет!
Не надо пищи, сказку, бред
Им лжец отпустит в угожденье,
Глупец [подхватит] поверит, передаст,
Старухи кто во что горазд
Тревогу бьют... и вот общественное мненье!
И вот Москва! — Я был в краях,
Где с гор верхов ком снега ветер скатит,
Вдруг глыба этот снег в паденьи всё охватит,
С собой влечет, дробит, стирает камни в прах,
Гул, рокот, гром, вся в ужасе окрестность.
И что она в сравненьи с быстротой,
С которой чуть возник, уж приобрел известность
Московской фабрики слух вредный и пустой.
А Софья? знает ли? — Конечно, рассказали,
Она в веселый час, как до нее дошло,
Чай, позабавилась, не то, чтоб мне назло,
Ей все равно, другий ли, я ли,
Никем по совести она не дорожит,
И обморок я к сердцу принял слишком,
Расстройство, слабость нерв, по прихоти,
по вспышкам,
Чтобы придать себе чувствительности вид,

Я признаком почел живых страстей. — Ни крошки:
Она, конечно бы, лишилась так же сил,
Когда бы кто нечаянно ступил
На хвост собачки или кошки.

София

(с свечой показывается из боковой двери над лестницей во втором этаже)

Молчалин, вы?

(Поспешно опять дверь припирает.)

Чацкий

Она! она сама!
Ах! голова горит, вся кровь моя в волненьи.
Явилась, нет ее, неу́жели виденье?
Не впрямь ли я сошел с ума?
Нет, нет, к горячке я, конечно, подготовлен,
Но не виденье тут, свиданья час условлен.
К чему обманывать себя мне самого!
Звала Молчалина, вот комната его.

Лакей его

(с крыльца)

Каре...

Чацкий

(Выталкивает его вон.)

Сс!..

Буду здесь, не шевельнусь ни с места
Хоть до утра. Уж коли горе пить,
Так лучше с одного присеста,
Чем медлить, а беды медленьем не избыть.
Дверь отворяется.

(Прячется за колонну.)

СЦЕНА 11

Чацкий спрятан, Лиза со свечкой.

Лиза

Ах! мочи нет! робею!
В пустые сени! в ночь! боишься домовых,
Боишься и людей живых.
Мучительница-барышня, бог с нею.
И Чацкий, как бельмо в глазу,
Вишь, показался ей он где-то здесь, внизу.

(Осматривается.)

Да! как же? по сеням бродить ему охота!
Он, чай, давно уж за ворота,
Любовь на завтра поберег,
Домой, и спать залег.
Однако велено к сердечному толкнуться.

(Стучится к Молчалину.)

Послушайте-с. Извольте-ка проснуться.
Вас кличет барышня, вас барышня зовет.
Да поскорей, чтоб не застали.

СЦЕНА 12

Чацкий за колонною, Лиза, Молчалин (потягивается и зевает.)

Лиза

Вы, сударь, камень, сударь, лед.

Молчалин

Ах! Лизанька, ты от себя ли?

Лиза

От барышни-с.

Молчалин

Ну кто б сказал,
Что в этих щечках, в этих жилках

Любви еще румянец не играл!
Охота быть тебе лишь только на посылках!

Лиза

А вам, искателям невест,
Не нежиться и не зевать бы,
Пригож и мил, кто недоест
И недоспит до свадьбы.
Скорей, пойдемте же, боюсь, не в добрый час
Из дворни кто-нибудь тут выскочит на нас.
Ну вот и барышня.

СЦЕНА 13

Те же и София.

София

Как я перепугалась,
Мой друг, шла давиче сюда, с свечой в руках,
И что-то двигалось, мне показалось,
Что Чацкий здесь...

Чацкий

(бросается между ими)

Я здесь, притворщица. Да.

София

Ах!..

Лиза свечку роняет с испугу, Молчалин скрывается к себе в комнату.

Чацкий

Скорее в обморок, теперь оно в порядке,
Важнее давишной причина есть к тому.
Вот наконец решение загадке!
Вот я пожертвован кому!
И знал уж раз! и верить усомнился!
Сходнее б, кажется, сквозь землю провалился.
А милый, для кого забыт
И прежний друг, и женский страх и стыд, —

За двери прячется, боится быть в ответе.
Ах! как игру судьбы постичь?
Людей с душой гонительница, бич! —
Молчалины блаженствуют на свете!

София

Какая низость! подстеречь!
Подкрасться, [чтоб] и потом, конечно, обесславить.
Что? этим думали к себе меня привлечь?
И страхом, ужасом вас полюбить заставить?
Отчетом я себе обязана самой,
Однако вам поступок мой
Чем кажется так зол и так коварен?
Не лицемерила, и пра́ва я кругом.
Ах! Боже мой! стук! шум! сюда бежит весь дом.
Вот батюшка.

Лиза

Сам барин!

СЦЕНА 14

Чацкий, София, Лиза, Фамусов, толпа слуг с свечами.

Фамусов

Сюда. За мной. Скорей. Скорей.
Свечей побольше. Фонарей.
Где домовые? Ба! Знакомые всё лица!
Дочь, Софья Павловна, страмница.
Бесстыдница! Где? с кем! Ни дать ни взять она,
Как мать ее, покойница жена.
Бывало, я с дражайшей половиной
Чуть врознь — уж где-нибудь с мужчиной.
Побойся бога, [чем] как? чем он тебя прельстил?
Сама его безумным называла!
И я поверил... Нет! во мне ума не стало!
Всё это заговор, и в заговоре был
Он сам, я думаю, теперьче маски сбросьте.

Чацкий

(Софии)

Так этим я еще обязан вашей злости!

Фамусов

Брат, не финти, не дамся я в обман,
Хоть подеритесь, не поверю.
Ты, Филька, ты прямой чурбан,
В швейцары произвел ленивую тетерю,
Не знает ни про что, не чует ничего.
Где был? куда ты вышел?
Сеней не запер для чего?
И как недосмотрел? и как ты недослышал?
В работу всех, на поселенье вас.
Вы все закуплены, [продать] сгубить меня готовы.
Ты, быстроглазая, всё от твоих проказ;
Вот он, Кузнецкий мост, наряды и обновы,
Там выучилась ты любовников сводить,
[Да я тебя исправлю]
Да я тебя заставлю:
[На скотный] Цыплят кормить, коров доить.
Да и тебя, мой друг, я, дочка, не оставлю;
Еще дни три терпение возьми,
Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми.
Подалее от этих хватов,
В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов,
Там будешь горе горевать,
За пяльцами сидеть, за святцами зевать.
А вас, суда́рь, прошу я с нашим домом,
С моей семьей, со мной не быть знакомым,
И ваша такова последняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будет заперта.
Я постараюсь, я; в набат я приударю,
По городу всему наделаю хлопот,
И оглашу во весь народ:
В Сенат подам, министрам, государю.

Чацкий

(Софии)

Я перед вами виноват.
Не знаю, почему вас с теми ставил в ряд,

Которым, впрочем, здесь найдутся сотни ровных
Искательниц фортун и женихов чиновных,
Которым красотой едва дано [процвесть] расцвесть.
Уж глубоко натвержено искусство
Не сердцем поискать, а взвесить и расчесть,
И продавать себя в замужство.
[Вы выше этого, для вас такий чтоб был]
Вы свыше этого. По вас такий, чтоб был
Немножко прост и очень мил,
Чтоб вы могли его и в возрасте бы зрелом
Беречь и пеленать, и спосылать за делом,
Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей:
Высокий идеал московских всех мужей!
Но боже мой! кого вы поискали?
Когда размыслю я, кого вы предпочли!
За что меня вы завлекли,
Повергли в бездну зол, мученья и печали!
Я сам, где я искал награду всех трудов?
Спешил? летел, дрожал, вот счастье, думал, близко.
Пред кем я давиче так страстно и так низко
Был расточитель нежных слов!!
Не верьте, с вами я горжусь своим разрывом.
А вы, суда́рь отец, вы, страстные к чинам:
В дворянской спеси вам желаю быть счастливом.
Я сватаньем моим не угрожаю вам.
Другий тут есть спокойный, благонравный,
Низкопоклонник и делец,
Достоинствами наконец
Он будущему тестю равный.
Так! отрезвился я сполна
От слепоты своей, от смутнейшего сна,
Теперь мне кстати б было сряду
На дочь и на отца,
И на любовника-глупца,
И на весь мир излить всю желчь и всю досаду.
Вон из Москвы! Сюда я больше не ездок.
Бегу, не оглянусь, пущусь искать по свету,
Где для рассудка есть и чувства уголок... —
Карету мне, карету!
(Уезжает.)

СЦЕНА 15

Кроме Чацкого.

Фамусов

Безумный. Что он тут изволил городить!
[Судьба моя еще ли не плачевна]
Низкопоклонник! тесть! и про Москву так гневно!
Ах! боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!

Конец

1822—1823

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ХАРАКТЕР МОЕГО ДЯДИ

Вот характер, который почти исчез в наше время, но двадцать лет тому назад был господствующим, характер моего дяди. Историку предоставляю объяснить, отчего в тогдашнем поколении развита была повсюду какая-то смесь пороков и любезности; извне рыцарство в нравах, а в сердцах отсутствие всякого чувства. Тогда уже многие дуэлировались, но всякий пылал непреодолимою страстью обманывать женщин в любви, мужчин в карты или иначе; по службе начальник уловлял подчиненного в разные подлости обещаниями, которых не мог исполнить, покровительством, не основанным ни на какой истине; но зато как и платили их светлостям мелкие чиновники, верные рабы-спутники до первого затмения! Объяснимся круглее: у всякого была в душе бесчестность и лживость на языке. Кажется, нынче этого нет, а может быть, и есть; но дядя мой принадлежит к той эпохе. Он как лев дрался с турками при Суворове, потом пресмыкался в передних всех случайных людей в Петербурге, в отставке жил сплетнями. Образец его нравоучений: «Я, брат! ..»

2. ⟨ ПО ПОВОДУ «ГОРЯ ОТ УМА» ⟩

Первое начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я принужден был облечь его. Ребяческое удовольствие слышать стихи мои в театре, желание им успеха заставили

меня портить мое создание, сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишет для сцены: Расин и Шекспир подвергались той же участи, — так мне ли роптать? — В превосходном стихотворении многое должно угадывать; не вполне выраженные мысли или чувства тем более действуют на душу читателя, что в ней, в сокровенной глубине ее, скрываются те струны, которых автор едва коснулся, нередко одним намеком, — но его поняли, всё уже внятно, и ясно, и сильно. Для того с обеих сторон требуется: с одной — дар, искусство; с другой — восприимчивость, внимание. Но как же требовать его от толпы народа, более занятого собственною личностью, нежели автором и его произведением? Притом, сколько привычек и условий, нимало не связанных с эстетическою частью творения, — однако надобно с ними сообразоваться. Суетное желание рукоплескать, не всегда кстати, декламатору, а не стихотворцу; удары смычка после каждых трех-четырех сот стихов; необходимость побегать по коридорам, душу отвести в поучительных разговорах о дожде и снеге, — и все движутся, входят и выходят, и встают и садятся. Все таковы, и я сам таков, и вот что называется публикой! Есть род познания (которым многие кичатся) — искусство угождать ей, то есть делать глупости.

1824 или 1825

3. ⟨ ОТВЕТ КАТЕНИНУ ПО ПОВОДУ «ГОРЯ ОТ УМА» ⟩

Умнейший, любезнейший Павел Александрович. Вчера я получил твое письмо, и знаешь ли, какое оно действие произвело на меня? Я заперся на целый день и у огонька моей печки полсутки пожил с тобою, почтенный друг. Прежние года с такою полнотою оживились в моей памяти! Давно я не проводил времени так уединенно и между тем так приятно!.. Критика твоя, хотя жестокая и вовсе несправедливая, принесла мне истинное удовольствие тоном чистосердечия, которого я напрасно буду требовать от других людей; не уважая искренности их, негодуя на притворство, черт ли мне в их мнении? — Ты находишь главную погрешность в плане, — мне кажется,

что он прост и ясен по цели и исполнению; девушка сама не глупая предпочитает дурака умному человеку (не потому, чтобы ум у нас, грешных, был слишком обыкновенен, нет! и в моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека), и этот человек разумеется в противуречии с обществом, его окружающим, его никто не понимает, никто простить не хочет, зачем он немножко повыше прочих, сначала он весел и это порок: *«Шутить и век шутить, как вас на это станет!»* Слегка перебирает странности прежних знакомых, что же делать, коли нет в них благороднейшей заметной черты! Его насмешки неязвительны, покуда его не взбесить, но все-таки: *«Не человек! змея!»* А после, когда вмешивается личность «наших затронули», предается анафеме: «Унизить рад, кольнуть, завистлив! горд и зол!» Не терпит подлости: «Ах! Боже мой, он карбонарий». Кто-то со злости выдумал об нем, что он сумасшедший, никто не поверил, и все повторяют, голос общего недоброхотства и до него доходит, притом и нелюбовь к нему той девушки, для которой единственно он явился в Москву, ему совершенно объясняется, он ей и всем наплевал в глаза и был таков. Ферзь тоже разочарована насчет своего сахара медовича. Что же может быть полнее этого? *«Сцены связаны произвольно»*. Так же как в натуре всяких событий, мелких и важных, чем внезапнее, тем более завлекают в любопытство. Пишу для подобных себе, а я, когда по первой сцене угадываю десятую, раззеваюсь и вон бегу из театра. *«Характеры портретны»*. Да! и я, коли не имею таланта Мольера, то, по крайней мере, чистосердечнее его, портреты и только портреты входят в состав Комедии и Трагедии, в них, однако, есть черты, свойственные многим другим лицам, а иные всему роду человеческому настолько, насколько каждый человек похож на всех своих двуногих собратий. Карикатур ненавижу, в моей картине ни одной не найдешь. Вот моя поэтика; ты волен просветить меня, и коли лучше что выдумаешь, я позаймусь от тебя с благодарностию. Вообще я ни перед кем не таился, и сколько раз повторяю (свидетельствуюсь Жандром, Шаховским, Гречем, Булгариным etc. etc. etc.), что тебе обязан зрелостию, объемом и даже оригинальностию моего дарования, если оно есть во мне. Одно прибавлю о характерах Мольера: Мещанин во дво-

рянстве, *Мнимый больной* — портреты, и превосходные, *Скупец*: антропос собственной фабрики, и несносен.

«Дарования более, нежели искусства». Самая лестная похвала, которую ты мог мне сказать, не знаю, стою ли ее? Искусство в том только и состоит, чтобы подделываться под дарование, а в ком более вытверженного, приобретенного пóтом и сидением, искусства угождать теоретикам: т. е. делать глупости, в ком, говорю я, более способности удовлетворять школьным требованиям, условиям, привычкам, бабушкиным преданиям, нежели собственной творческой силы, тот, если художник, разбей свою палитру, и кисть, резец или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имеет свои хитрости, но чем их менее, тем спорее дело, и не лучше ли вовсе без хитростей? nugae difficiles.[1] Я как живу, так и пишу свободно и свободно.

. . . . :

Середина января 1825

---

[1] Трудные пустяки (лат.) — *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящее издание помимо чисто стихотворных произведений Грибоедова вошли два его полупрозаических водевиля: «Проба интермедии» и «Кто брат, кто сестра» (как жанр промежуточный, тяготеющий к стихотворному).

Первый раздел сборника составляет «Горе от ума», второй — комедии и водевили, третий — отрывки и планы драматических произведений (поиски Грибоедова в области трагедии), четвертый — стихотворения (куда входят и наброски поэм), затем следует ранняя редакция «Горя от ума». В Приложениях даны материалы, связанные с «Горем от ума» (заметка Грибоедова о «Горе от ума», письмо его к Катенину по поводу комедии, очерк «Характер моего дяди»). Внутри разделов произведения располагаются в хронологическом порядке. Не вошла в издание стихотворная часть статьи Грибоедова «Письмо из Бреста Литовского к издателю „Вестника Европы“», так как стихотворный текст тесно связан с прозаическим, не представляющим литературного интереса, а также стихотворение из письма к Бегичеву «Иные славят Александра...», которое, по-видимому, не принадлежит Грибоедову (возможно — А. А. Шаховскому). Все тексты заново сверены с имеющимися рукописными и печатными источниками. До нас дошло лишь несколько автографов (или авторизованных копий) и незначительное число прижизненных публикаций произведений Грибоедова.

Родительский дом по разным причинам не был местом, где Грибоедов мог сосредоточить свой архив. Накапливающиеся рукописи Грибоедов или уничтожал, или беспечно отдавал друзьям, увозя с собой в свои странствия лишь те, которые были связаны с замыслами или требовали доработки. Так, автограф ранней редакции «Горя от ума» сохранился у С. Н. Бегичева, отданный ему в 1823 г., а черновой автограф окончательной редакции комедии был уничтожен или потерян Жандром в 1824 г. Обстоятельства ареста в январе 1826 г. неясны, но, судя по свидетельствам современников, Грибоедов был предупрежден и имел возможность уничтожить бумаги, для него опасные, оставив при себе лишь те автографы 1818—1825 гг., которые впоследствии, будучи соединены переплетом, составили так называемую «Черновую тетрадь». Попав в руки жандармерии, эти рукописи, однако, были возвращены Грибоедову, какое-то время находились у Ф. В. Булгарина, а затем, вплоть до отъезда в Персию, —

у самого Грибоедова. В июне 1828 г., уезжая, Грибоедов оставил «Черновую тетрадь» у С. Н. Бегичева. Все, что было у Грибоедова из его рукописей при себе на Кавказе и в Персии в последний год его жизни, — видимо, погибло во время разгрома русской миссии в Тавризе.

Судьба рукописей Грибоедова после его смерти была не менее трагической, чем при жизни. В 1857 г. С. Н. Бегичев отдал «Черновую тетрадь», автограф сатирической стихотворной пьесы «Димитрий Дрянской» и еще какие-то неизвестные нам рукописи Грибоедова (по-видимому, все, кроме автографа «Горя от ума») Д. А. Смирнову, внучатому племяннику Грибоедова. Смирнов никогда не встречался с Грибоедовым, литературой не занимался, но задумал, однако, обширную монографию о Грибоедове, в которую должны были войти многие неопубликованные материалы. Исходя из этой задачи, Смирнов опубликовал «Черновую тетрадь» (в «Русском слове», 1859, №№ 4 и 5) лишь выборочно, оставив, например, неопубликованными заметки Грибоедова о «Горе от ума». Кроме того, и по причинам цензурным, и по разным другим, Смирнов публиковал тексты «Черновой» с различными сокращениями и пропусками (так, в примечаниях своих он отметил по поводу заметок Грибоедова о Петре I, что «иные, как не совсем удобные для печати», им выпущены, что дневниковые записи даются «только выдержками» и т. д.). К объективным причинам, по которым содержание «Черновой» не было опубликовано с достаточной точностью, принадлежит и состояние самой рукописи, которое Д. А. Смирнов отметил в своих примечаниях. «Черновая тетрадь», по словам его, представляла собой «в высочайшей, почти невероятной степени беспорядочный, хаотический сборник разных бумаг Грибоедова» с полным разнобоем в нумерации страниц («на иных страницах одна номерация была вверху, а другая, в обратном порядке и совсем другими цифрами, внизу... пометы заходили за цифру 860»). Очевидно, отобранные Грибоедовым перед арестом из разных тетрадей листы затем уже не были приведены в порядок им самим, а в приблизительной последовательности переплетены кем-то из друзей. Разобраться в загадках рукописи Д. А. Смирнов смог лишь отчасти, в меру своих познаний. Наивность Смирнова в отношении языка и стиля записей Грибоедова, выразившаяся в его примечаниях (об орфографических «ошибках» и «недоработанности и беглости» стиля), несомненно отразилась и на чтении стихотворных текстов.

Тем не менее публикация Смирнова является для нас единственным первоисточником для целого ряда произведений. После смерти Д. А. Смирнова материалы по Грибоедову частично были сохранены его наследниками и «погибли безвозвратно» во время пожара в имении Смирновых в 1877 г. Были ли среди этих материалов автографы Грибоедова — неизвестно, так как другая часть материалов, связанных с Грибоедовым, сразу же после смерти Смирнова в 1866 г. была передана в Общество любителей российской словесности при Московском университете, откуда исчезла при загадочных обстоятельствах.

Между тем в 1874—1875 гг. А. Н. Веселовский, занявшийся после смерти Смирнова рукописями Грибоедова, успел опубликовать две заметки о «Горе от ума», находившиеся в составе «Черновой тет-

ради», но Смирновым не опубликованные. По свидетельству А. Н. Веселовского, уже в 1887 г., «несмотря на тщательные поиски», ему не удалось обнаружить автографов Грибоедова, переданных в Общество любителей российской словесности. В какой-то момент, между 1857 и концом 1870-х годов, «Черновая тетрадь» была расшита или из нее кем-то были сделаны вырезки. Доказательством этого является сохранность (в ГПБ) двух черновых автографов («Грузинская ночь» и «Прости, отечество!»), текст которых (если не считать ошибок в прочтении) совпадает с публикацией 1859 г.

Таким образом, положение с первоисточниками сочинений Грибоедова крайне неблагополучно и каждое новое издание, несмотря на огромную работу, проделанную редакцией Полного собрания сочинений А. С. Грибоедова, СПб., 1911—1917 (Н. К. Пиксанов и И. А. Шляпкин), сопоставившей различные источники текстов, наталкивается неизбежно на сложные текстологические вопросы. Так, например, ни один из авторизованных списков «Горя от ума» не может быть принят для издания как абсолютный, единственный источник, но требует неизменного соотнесения с другим списком и автографом, причем контаминация, принимаемая редакторами, в отдельных случаях не может считаться бесспорной.

Орфография и пунктуация текстов в настоящем издании приближены к современным, однако сохранены те индивидуальные и исторические особенности правописания Грибоедова, которые имеют произносительное значение. Из особенностей пунктуации Грибоедова сохраняются, например, в «Горе от ума» тире (иногда несколько подряд) в конце незаконченных фраз для обозначения паузы. Грибоедов употребляет их в случаях, когда фраза намеренно обрывается говорящим (по смыслу она вполне закончена), в отличие от трех точек, передающих в системе Грибоедова внезапный, не зависящий от говорящего, перерыв речи.

В датировку произведений внесен ряд уточнений. Даты в угловых скобках означают год, не позднее которого было написано произведение (устанавливается по дате первой публикации). Даты предположительные отмечены вопросительным знаком.

В примечаниях, сразу за номером произведения, указывается первая публикация, затем другие публикации, имеющие отличия в тексте, и наконец источник, по которому печатается данный текст. Если указана только первая публикация, это означает, что она и является источником текста, так как произведение не перепечатывалось более или перепечатывалось без изменений.

Пояснение мифологических имен, устаревших и малоупотребительных слов вынесено в словарь.

В произведениях коллективных текст, не принадлежащий Грибоедову, печатается петитом.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

АН — Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова. Академическая библиотека русских писателей, вып. 7, 8 и 9. Издание Разряда изящной словесности Академии наук, т. 1 — под редакцией и с примечаниями Н. К. Пиксанова и И. А. Шляпкина, тт. 2 и 3—

под редакцией и с примечаниями Н. К. Пиксанова, СПб., 1911—1917.

«А. С. Грибоедов» — «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников». Редакция и предисловие Н. К. Пиксанова, примечания И. С. Зильберштейна, М., 1929.

БЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

ГИМ — Государственный исторический музей (Отдел письменных источников).

ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ГТБ — Государственная театральная библиотека им. А. В. Луначарского (Ленинград).

РО — рукописный отдел.

РС — «Русское слово», 1859 (№№ 4 и 5), публикация «Черновой тетради» А. С. Грибоедова, подготовленная Д. А. Смирновым.

Соч. 1959 — А. С. Грибоедов, Сочинения, Подготовка текста, предисловие и комментарии Вл. Орлова, М. — Л., 1959.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.

ц. р. — цензурное разрешение.

ЦТМ — Центральный театральный музей (Москва).

1. «ГОРЕ ОТ УМА»

Отрывки (д. I, явл. 7—10, и д. II) — «Русская Талия на 1825 г.» (ц. р. 15 ноября 1824 г.), с цензурными изъятиями и заменами. Полностью, но также с цензурными вмешательствами, по театральной копии авторизованного списка, принадлежавшего Ф. В. Булгарину, — отд. изд., М., 1833. С 1858 г. за границей начинают появляться полные бесцензурные издания с различных списков. В России впервые полностью без цензурных вмешательств, по авторизованному списку, принадлежавшему А. А. Жандру, — отд. изд., СПб., 1862. Первое научное изд., под ред. Н. К. Пиксанова, — АН, т. 2, где в основу текста положена «Жандровская рукопись» с учетом дальнейших исправлений текста в «Булгаринской рукописи». В изд. под ред. В. Н. Орлова (Соч., Л., 1940; Л., 1945; Л., 1951; Л., 1953; М., 1956 и М.—Л.,1959) в основу текста положена «Булгаринская рукопись» с поправками по автографу и «Жандровской рукописи».

В настоящем издании печ. по «Жандровской рукописи» с учетом позднейших разночтений «Булгаринской рукописи» и поправками по автографу. В двух случаях продолжено оглушение согласных в речи Графини бабушки (д. III, явл. 20), так как Грибоедов правил в этом направлении «Жандровскую», а затем «Булгаринскую рукопись».

Сохранились следующие рукописные источники текста «Горя от ума»:

Автограф ранней редакции комедии, принадлежавший С. Н. Бегичеву (ГИМ), так называемый «Музейный автограф». Рукопись из 4-х тетрадей (82 листа писчей бумаги с водяными знаками «1818» и «1821», в основном автограф, частично авторизован-

ный список (в д. I: явл. 2—4, до реплики Софии «В саду была...», и в явл. 7: вставка со слов «А тетушка? Все девушкой, Минервой...», кончая репликой Софии «На ком?..»). Датируется, возможно, концом 1821-го, а вернее — началом 1822 — осенью 1823 г. Время написания устанавливается свидетельствами В. К. Кюхельбекера и С. Н. Бегичева. Кюхельбекер, живший в Тифлисе с декабря 1821 г. по май 1822 г., сообщает об интенсивной работе Грибоедова над комедией, развернувшейся в 1822 г.: «Грибоедов писал «Горе от ума» почти при мне, по крайней мере мне первому читал каждое отдельное явление непосредственно после того, как оно было написано» («Дневник В. К. Кюхельбекера», Л. 1929, с. 91). По свидетельству С. Н. Бегичева, Грибоедов приехал в Москву в марте 1823 г. (выехал из Тифлиса 20 февраля) с двумя готовыми действиями, из которых первое Грибоедов якобы писал заново после сделанных им, Бегичевым, замечаний. Третье и четвертое действия, согласно тому же свидетельству, были написаны весной — осенью 1823 г. Бегичев пишет: «На первый акт я сделал ему некоторые замечания, он спорил, и даже показалось мне, что принял это нехорошо. На другой день приехал я к нему рано... он неодетый сидел против растопленной печи и бросал в нее свой первый акт по листу. Я закричал: «Послушай, что ты делаешь?!!» — «Я обдумал, — отвечал он, — ты вчера говорил мне правду, но не беспокойся: все уже готово в голове моей». И через неделю первый акт уже был написан» («А. С. Грибоедов», с. 10—11). Данные рукописи свидетельствуют, однако, что Грибоедов уничтожил лишь 2—4 явл. I д. (со слов «Ах! барин...», кончая словами «Ну да...»). Кроме переработанных явл. 2—4 и 7, которые, будучи переписаны чьей-то рукой, вставлены в текст, рукой Грибоедова внесены в первый, равно как и в последующие акты, многие исправления стилистического и лексического характера, среди которых выделяется поправка в транскрипции имени главного героя. Написание «Чадский» заменено написанием «Чацкий». Поправка эта сделана не во всем тексте: в первом действии она внесена лишь в переработанные явления, во втором — сделана лишь кое-где.

Автограф представляет наиболее раннюю из известных нам редакций, в основном близкую позднейшей. Своеобразие данной редакции определяется стилистическими особенностями, куда входят и устраненные затем Грибоедовым историко-бытовые подробности, и карикатурные подробности характеристик.

Первая редакция, единственный автограф «Горя от ума», является наиболее достоверным источником в лексическом отношении, в отношении расположения стихов и в пунктуации Грибоедова, в дальнейшем зачастую исправленных (или искаженных) переписчиками. (В авторизованных списках Грибоедов, исправляя текст, почти не обращал внимания на орфографию и пунктуацию.)

Авторизованный список «Горя от ума», принадлежавший А. А. Жандру, так называемая «Жандровская рукопись». Датируется июнем — октябрем 1824 г. Грибоедов приехал из Москвы в Петербург 1 июня 1824 г., как сообщает Жандр, уже переделав «в уме своем» комедию. Сразу же по приезде он принялся за обработку ранней редакции, что подтверждается его письмом к Бегичеву в июне 1824 г.: «На дороге мне пришло в голову приделать новую развязку; я ее вставил между сценою Чацкого, когда он увидел свою

негодяйку со свечою над лестницею, и перед тем, как ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались» (Соч., 1959, с. 544). Работая над текстом «Горя от ума» в его ранней редакции, Грибоедов пришел к выводу, что «он так несовершенен, так нечист», что просил Бегичева своего «манускрипта», т. е. автографа ранней редакции, «никому не читать и предать его огню» (там же).

Совершенствование текста, помимо серьезной вставки в развязке комедии, состояло в стилистической правке. «Представь себе, что я с лишком восемьдесят стихов или, лучше сказать, рифм переменил, теперь гладко как стекло», — писал Грибоедов Бегичеву. Тогда же был сделан им и ряд цензурных исправлений (см. ниже). Черновая рукопись этой новой редакции была передана А. А. Жандру. «Когда Грибоедов приехал в Петербург и в уме своем переделал свою комедию, — сообщает Жандр, — он написал такие ужасные брульены (черновики. — *И. М.*), что разобрать было невозможно» («А. С. Грибоедов», с. 274). Жандр, хорошо изучивший почерк Грибоедова за годы совместной работы с ним, принимается за расшифровку «брульенов». Он пишет: «Видя, что гениальнейшее создание чуть не гибнет, я у него выпросил его полулисты. Он их отдал с совершенной беспечностью. У меня была под руками целая канцелярия, она списала «Горе от ума» и обогатилась потому, что требовали множество списков. Главный список, поправленный рукою самого Грибоедова, находится у меня» («А. С. Грибоедов», с. 274). Был ли у Грибоедова окончательный текст комедии, им самим переписанный, когда он отдал Жандру свои «брульены»? Из анализа авторизованных списков 1824 и 1828 гг. и из показаний Жандра этого не видно, а напротив, явствует, что перебелка «брульенов», выправленная Грибоедовым, и является окончательным текстом второй редакции комедии (без нескольких позднейших поправок, отразившихся в «Булгаринской рукописи»).

«Жандровская рукопись» — наиболее исправный и авторитетный список поздней редакции «Горя от ума», так как она довольно тщательно просмотрена Грибоедовым, сделавшим в ее тексте около ста поправок. В смысле лексических и пунктуационных особенностей рукопись стоит близко к автографу. Из крупных погрешностей, не исправленных Грибоедовым, следует отметить: 1) Неправильное отнесение реплики Софьи «Но мудрено из них один скроить, как ваш» (д. I, явл. 7) — Лизе. 2) Ошибку (результат неверного прочтения) в реплике Чацкого там же: «Когда ж постранству**ешь**, вороти**шься** домой...», в автографе: «постранству**ем**, вороти**мся** домой...», что соответствует глагольной форме в предшествующем стихе («сыщем») и местоимению («нам») в последующем. Кроме того, просматривая рукопись, Грибоедов ошибочно исправил ст. «Ах, вести старые, кому они новы́» (д. I, явл. 7) на «Ах, вести старые, кому они уж но́вы», что нарушило рифмовку (в автографе и в позднейшей «Булгаринской рукописи»: «кому они новы́»).

Авторизованный список комедии, принадлежащий Ф. В. Булгарину, так называемая «Булгаринская рукопись». Представляет собой тетрадь с писарской копией текста «Горя от ума», на которую нанесены карандашные и чернильные поправки. На титульном листе тетради надпись рукой Грибоедова: «Горе мое поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов. 5 июля 1828». По сравнению

с «Жандровской рукописью» имеет незначительные разночтения, большая часть которых является явными ошибками переписчика.

По-видимому, в 1825—1828 гг. Грибоедов нанес на имевшийся у него список, сделанный с «Жандровского», несколько исправлений стилистического характера. С этого списка, как можно предположить, была снята копия, которую он 5 июня 1828 г., перед отъездом в Персию, оставил Булгарину. Зависимость «Булгаринской рукописи» от «Жандровской» легко устанавливается последовательностью ошибок и описок переписчиков. Две из них так и не были замечены Грибоедовым. Это неправильная атрибуция реплики Софьи и ошибка в стихе «Когда ж постранствуем, воротимся домой...». Причем здесь переписчик пытался уничтожить разнобой в глагольных формах, выправив в предыдущем стихе «сыщем» на «сыщешь» (но в последующем стихе осталось «нам»).

«Булгаринская рукопись» изобилует ошибками переписчика: здесь пропуски реплик и ремарок, простые описки и непоследовательное сглаживание языковых особенностей Грибоедова. Например, характерные для него архаические формы типа «седьмый», «осьмый», «другий» кое-где заменены формами «седьмой», «осьмой», «другой»; архаические просторечные формы «у барышне», «у вдове» — «у барышни», «у вдовы» (но, кстати, в том же стихе сохранена форма «у докторше», а в ремарке IV д., явл. 2 форма «другой» исправлена на «другий»).

Причастность автора к правке «Булгаринской рукописи» не документирована.[1] Анализ рукописи показывает, что она несет на себе по крайней мере четыре слоя исправлений, из которых Грибоедову могут принадлежать лишь немногочисленные поправки чернилами отдельных букв (грамматических ошибок) без подчистки текста, а также две вставки, восстанавливающие текст, пропущенный переписчиком: слово «умом» в ст. «Сам погружен умом в зефирах и амурах» (д. II, явл. 4) и две реплики Репетилова и Чацкого «Шумим, братец, шумим... — Шумите вы? и только?..» (д. IV, явл. 4). Остальные три слоя правки, по всей видимости, Грибоедову не принадлежат (1) Правка синим карандашом и обводка стершегося текста лиловыми чернилами. 2) Карандашная правка, часто нарушающая стихотворный размер. 3) Подчистки и поправки черными чернилами по следам карандашной правки, по-видимому рукой переписчика.) Разночтений с «Жандровской рукописью», которые могут считаться авторскими, в «Булгаринском» списке немного:

1) Два раза, в списке действующих лиц и в ремарке (д. III, явл. 5) — «Наталья Дмитриевна, молодая дама», в «Жандровской рукописи» — «молоденькая дама» и «молодая дамочка». 2) В «Булгаринской рукописи» — «Горичи», в «Жандровской» — «Горичевы». 3) Во II д., явл. 12 — «Я правду всю тебе открою», в «Жандровской» — «Я тайну всю...». 4) В III д., явл. 1 — «Есть многие. Родные», в «Жандровской» — «Родные». 5) Реплика Лизы в IV д., явл. 12 —

---

[1] Грибоедовская надпись на титуле рукописи означала лишь поручение печатать или ставить комедию, но после смерти Грибоедова она стала трактоваться Булгариным как завещание (текст был продан театру за крупную сумму) и как свидетельство наибольшей исправности текста.

«А иногда и чином подарит?», в «Жандровской рукописи» — «А иногда и чином наградит?». Из стилистических разночтений интересно более последовательное, чем в «Жандровской рукописи» и автографе, оглушение согласных в речи Графини-бабушки (д. III, явл. 18, 19). «Булгаринской рукописью» исчерпываются известные нам авторитетные рукописные источники и наши сведения о работе Грибоедова над комедией. Возможно, что при нем в Персии находился список или автограф «Горя от ума», погибший во время разгрома русского посольства. Многочисленные списки комедии, хранящиеся в различных государственных архивохранилищах и у частных лиц, восходят к трем вышеупомянутым рукописям «Горя от ума». Разночтения списков представляют произвольные, часто малограмотные поправки или описки переписчиков и владельцев списков. Особое место по количеству и характеру разночтений занимает так называемый «Гарусовский список» (ГТБ). О неавторитетности его см. АН, т. 2, с. 248.

Комедия датируется началом 1822—1824 гг. (замысел, наброски, первоначальный план, отдельные сцены — 1812—1821 гг. См. об этом вступ. статью, с. 23). При жизни Грибоедова на сцене не ставилась, хотя он, будучи в Петербурге в 1824 г. и хлопоча о дозволении печатать ее, надеялся провести комедию хотя бы через театральную (более мягкую) цензуру и даже пытался приспосабливать ее для этого. «Не могу... оторваться от побрякушек авторского самолюбия, — писал Грибоедов Бегичеву. — Надеюсь, жду, урезываю, меняю дело на вздор, так что во многих местах моей драматической картины яркие краски совсем пополовели, сержусь и восстанавливаю стертое, так что кажется, работе конца не будет... будет же, добьюсь до чего-нибудь; терпение есть азбука всех прочих наук» (Письмо от июня 1824 г.). Наиболее разительным примером автоцензуры являются ст. 11, 13, 15, 19 в д. I, явл. 1, ослабившие характеристику Фамусова (см. Раннюю редакцию). Но даже и в таком виде это явление не было пропущено цензурой в альманахе «Русская Талия».

Попытка поставить комедию была сделана учениками Петербургского театрального училища по предложению П. А. Каратыгина (за постановкой наблюдал сам Грибоедов), но спектакль был запрещен М. А. Милорадовичем, так как пьеса не была одобрена цензурой. В отрывках ставилась офицерами Кавказского корпуса в Эривани (якобы в присутствии Грибоедова) в 1827 г., позднее — другими любителями (см.: М. Г<амазов>, Первые представления комедии «Горе от ума», 1827—1832. Из воспоминаний участника. — «Вестник Европы», 1875, № 7, с. 319—332). Первое сценическое исполнение — на сцене Большого театра в Петербурге 26 января 1831 г. В Москве на сцене Малого театра — 27 ноября 1831 г. Пьеса шла со значительными выпусками, особенно в д. II, в рассказе Фамусова о екатерининском веке и о Максиме Петровиче («Хроника петербургских театров», СПб., 1877, с. 24). В первой постановке в Петербурге роли исполняли: Чацкий — А. В. Каратыгин, Фамусов — В. И. Рязанцев, Молчалин — Н. О. Дюр, София — М. Семенова, Лиза — М. А. Азаревичева, Репетилов — И. И. Сосницкий, Загорецкий — П. А. Каратыгин, Хлестова — Е. И. Ежова, Наталья Дмитриевна — А. Д. Каратыгина. В Москве роли исполняли: Чацкий — П. В. Мочалов, Фамусов — М. С. Щепкин, Молчалин — Д. Т. Ленский, София — Потанчикова, Лиза — Нечаева, Репетилов — А. М. Сабуров, Загорецкий — Живокини, Хлестова —

Кавалерова, Наталья Дмитриевна — Рыкалова. Полностью пьеса пошла на сцене лишь только после напечатания комедии без цензурных изъятий — в 1864 г.

Появление отрывков «Горя от ума» в «Русской Талии» послужило сигналом к разговору о комедии в печати. К тому времени стихи комедии уже получили широкое распространение («Первый списанный экземпляр сей комедии быстро распространился по России, и ныне нет ни одного малого города, нет дома, где любят словесность, где б не было списка сей комедии». — «Сын отечества», 1830, № 1, с. 13). Пьеса сразу же получила оценку политическую и в качестве произведения, пробуждающего дух свободомыслия и истинный патриотизм, начала распространяться в списках Северным и Южным тайными обществами. Декабрист Д. И. Завалишин писал, что «литературные деятели» Северного общества (Рылеев, Кюхельбекер, братья Бестужевы, А. Одоевский) «захотели воспользоваться предстоящими отпусками офицеров для распространения в рукописи комедии Грибоедова... Несколько дней сряду собирались у Одоевского, у которого жил Грибоедов, чтоб в несколько рук списывать комедию под диктовку» («А. С. Грибоедов», с. 159). Прижизненная критика «Горя от ума» была начата «Полярной звездой на 1825 год». Бестужев, жалуясь на драматургию, бедную оригинальными пьесами, писал: «Но все это выкупила рукописная комедия г. Грибоедова «Горе от ума», феномен, какого не видали мы от времен Недоросля» (с. 17). В. Ф. Одоевский писал о «Горе от ума» как «произведении, истинно делающем честь нашему времени, блистающем всею свежестью творческого вымысла» («Мнемозина», 1825, ч. 4, с. 232). «В Чацком, — по утверждению Одоевского, — комик не думал представить *идеала совершенства,* но человека молодого, пламенного... человека, к которому можно отнести стих поэта: „Не терпит сердце немоты"» («Московский телеграф», 1825, № 10, с. 4, подпись: У. У.). Именно в этом направлении, утверждая идейную силу, стоящую за Чацким, впоследствии пошла вся высокая, передовая критическая мысль (статьи А. И. Герцена, И. А. Гончарова, А. Блока и др.). Наряду с высокой оценкой «Горя от ума», при жизни Грибоедова появилось несколько статей, резко критикующих комедию. Застрельщиками в этом направлении выступили давние противники Грибоедова из консервативного «Вестника Европы» М. А. Дмитриев и А. И. Писарев. Критика Дмитриева была заострена на характере Чацкого, который «есть не что иное, как сумасброд», «мудрено ли, что от такого лица разбегутся и примут его за сумасшедшего?» («Вестник Европы», 1825, № 6, с. 113, 112). Писарев увидел в замысле и некоторых ролях лишь то, что «автору хотелось мимоходом задеть почтенное собрание» («Вестник Европы», 1825, № 10, с. 120). В связи с первым изданием комедии и с ее первыми постановками в Петербурге и Москве появились статьи Н. И. Надеждина, И. В. Киреевского, О. И. Сенковского и В. Г. Белинского («Телескоп», 1830, № 20; «Европеец», 1832, январь; «Библиотека для чтения», 1834, т. 1; «Молва», 1834, № 51 и «Отечественные записки», 1840, № 1). После появления полного издания «Горя от ума» в 1862 г. выступил А. Григорьев, впервые отметивший, что Чацкий «порождение первой четверти XIX столетия, прямой сын Новиковых и Радищевых». Григорьев связал также Чацкого с «падшими борцами» декабризма («Время», 1862,

август). Эту же мысль с еще большей остротой сформулировал Герцен, сказав, что Чацкий «это декабрист» «накануне восстания на Исаакиевской площади» (Полн. собр. соч., т. 18, М., 1959, с. 180). Возобновление «Горя от ума» на сцене Александринского театра в 1871 г. (без цензурных изъятий) отмечено статьей И. А. Гончарова «Мильон терзаний» («Вестник Европы», 1872, № 3), представляющей собой первый глубокий и всесторонний анализ комедии, вызвавший отклик в литературе (см. вступ. статью, с. 7).

Действие I. Явление 1. *Переведу часы... заставлю их играть.* Часы с музыкальным механизмом после боя наигрывали мелодию. Явление 4. *А всё Кузнецкий мост.* На Кузнецком мосту (одной из центральных улиц в Москве) сосредоточивались модные магазины дамских нарядов, кондитерские, парикмахерские и книжные лавки. Вся торговля была преимущественно в руках французов. *Берем же побродяг и в дом и по билетам.* Речь идет об учителях-иностранцах, главным образом французах, часто вовсе не образованных, искавших в России легкого заработка. Для воспитания детей их брали или в дом, или в качестве приходящих, выдавая им квитанции, по которым затем расплачивались. Явление 7. *Где время то? где возраст тот невинный* и т. д. — несколько измененная цитата из «Пролога в театре» «Фауста» Гете: «So gib mir auch die Zeiten wieder». См. также ст.: *На всех московских есть особый отпечаток* (д. II, явл. 5), *Всегда готовые к журьбе, Поют всё песнь одну и ту же* и *Урок, который им из детства натвержен* (д. II, явл. 5 и д. III, явл. 22), *Шнуровку отпусти вольнее* (д. II, явл. 8), *Там стены, воздух — всё приятно* и т. д. (д. III, явл. 2), *Ах! голова горит, вся кровь моя в волненьи* (д. IV, явл. 10), *Муж-мальчик, муж-слуга* (д. IV, явл. 14) — и соответствующие стихи трагедии «Фауст»: «Auerbachs Keller in Leipzig» (ст. 104), «Studierzimmer» (ст. 25—29 и 442—444), «Abend» (ст. 10—14 и 33—34), «Marthens Garten» (120—122). *Английский клоб.* Английский клуб (учрежденный англичанами, на манер лондонского) был местом встреч московской аристократии. *А наше солнышко, наш клад?* Речь идет, видимо, о П. А. Позднякове, представителе барской Москвы, в доме которого на Малой Никитской помещался театр, им устроенный. Залы его дома, где давались балы, были окружены великолепной оранжереей с диковинными растениями, а стены были украшены их изображением (*Дом зеленью раскрашен в виде рощи*). На сцене у него играли крепостные актеры. На одном из его балов спрятанный крепостной щелкал соловьем. *Ученый комитет* был учрежден в 1817 г. при министерстве духовных дел для осуществления надзора за системой преподавания в учебных заведениях с целью выявления всяческой крамолы. *И дым отечества нам сладок и приятен* — афоризм, близкий к стиху Державина: «Отечества и дым нам сладок и приятен» («Арфа», 1798); использован в качестве эпиграфа к журналам «Российский магазин» (1792—1794) и «Русский вестник» (1808—1815). Восходит к античной поговорке «И дым отечества сладок».

Действие II. Явление 1. *С ключом, и сыну ключ умел доставить.* Камергерам присваивался золотой ключ, являвшийся символом этого звания. Явление 2. *Вельможа в случае* — фаворит. *Кто служит делу.* Служить делу, невзирая на начальство, являлось одной из заповедей декабристов. Явление 5. *За третье августа.*

Речь идет о тех «отличиях, искательствах» 1813 г., которые Грибоедов противопоставлял боевым заслугам. 3 августа — день свидания Александра I с австрийским императором в Праге, ознаменованный торжествами и награждениями, в частности награждены были все те, кто в этот день участвовал в мелких стычках с неприятелем. *Ему дан с бантом, мне на шею.* Одни и те же ордена различались в степени способами ношения (на шею — более высокая степень). *Татьяна Юрьевна.* В ней современники угадывали П. Ю. Кологривову, московскую влиятельную барыню, через которую можно было вершить разные дела. *Король был прусский здесь.* Летом 1818 г. Москву посетил прусский король Фридрих-Вильгельм. *Пожар способствовал ей много к украшенью.* После пожара 1812 г. в Москве вместо сгоревших старинных деревянных усадеб начали строить каменные здания по планам. *Времен Очаковских и покоренья Крыма.* Взятие турецкой крепости Очаков и завоевание Крыма произошли в 1783 г. *Клиенты-иностранцы.* Речь идет об эмигрантах (французах), бежавших в Россию после революции 1789—1793 гг. *Нестор негодяев знатных* и т. д. Нестор — в смысле «старейший», по имени старейшего из греческих вождей в «Илиаде» Гомера. Речь идет, вероятно, о генерале Л. Д. Измайлове, славившемся по Москве своим самодурством, распутством и зверским обращением с крепостными (ходили слухи, что четырех человек дворовых, служивших ему по тридцать лет, он променял помещику Шебякину на четырех борзых собак). *Или вон тот еще? который для затей* и т. д. Возможно, речь идет о помещике Ржевском, страстном театрале, продавшем свою балетную труппу дирекции императорских театров. Явление 6. *К любимцам, к гвардии, к гвардейским, к гвардионцам.* Скалозуб намекает на преимущества гвардейских полков и гвардионцев по табели о рангах (старшинство на два и на один чин против армейских полков). Явление 8. *Для компаньи?* Эти слова, входившие ранее в реплику Чацкого, Грибоедов по предложению П. А. Вяземского передал Лизе (П. А. Вяземский, «Дела иль пустяки давно минувших лет». — Полн. собр. соч., т. 7, СПб., 1882, с. 343).

Действие III. Явление 1. *Хрипун, удавленник, фагот.* «Хрипунами» именовали заносчивых армейских офицеров (по словам П. А. Вяземского, за «хвастовство, соединенное с высокомерием и выражаемое насильственной хриплостью голоса». Отсюда сравнение с фаготом). Явление 3. *Числюсь по Архивам* — т. е. по Московскому архиву старых дел. Числящиеся там, согласно приказу 1811 г., могли заниматься делопроизводством в других департаментах или у частных лиц, готовя бумаги к сдаче в архив. Явление 6. *Ты обер или штаб?* Обер-офицерскими чинами считались младшие чины, от прапорщика до капитана, а штаб-офицерскими — старшие, от майора до полковника. Явление 16. *На цепь посадили.* Буйных помешанных приковывали к стене цепью. Явление 21. *Да от ланкартачных взаимных обучений.* Речь идет о ланкастерской (по имени Ланкастера, английского педагога начала XIX в.) системе обучения слабых учащихся сильными. В России эта система, дающая возможность обучения грамоте в армии, пользовалась популярностью в декабристских кругах. В 1819 г. было учреждено «Общество училищ взаимного обучения по системе Ланкастера». Однако в этом стремлении обучить простолюдина правительство усмотрело недолжное, и ланкастерские

школы стали преследоваться, явившись такими же символами вольномыслия, как *пансионы* (т. е. Благородный пансион при Московском университете), *лицеи* (Царскосельский лицей) и *институт Пе-да-го-гический* (Петербургский педагогический институт). *Он химик, он ботаник.* В «князе Федоре» современники узнавали А. Я. Яковлева; А. И. Герцен писал о нем, что он «был нелюдим, ни с кем не знался; вечно сидел один, занимаясь химией, проводя жизнь за микроскопом... ненавидел женское общество» (Полн. собр. соч., т. 8, М., 1956, с. 110). Явление 22. *С тех пор, как отдал всё в обмен на новый лад.* Речь идет о реформах Петра I, указах 1701 г. о ношении «немецкого платья», т. е. общеевропейской одежды и прически.

Действие IV. Явление 4. *В опеку взят указом!* Указом Петра I была установлена опека над помещиками, проматывающими свое имение в такой мере, что их семье и крепостным угрожало остаться без крова и хлеба. В послепетровское время опеку устанавливали в редчайших случаях. *Об камерах, присяжных, Об Бейроне.* Перечисляются животрепещущие для декабристов вопросы конституционного строя, дворянской оппозиции и революционных событий на Западе (в связи с Байроном). Темы эти стали модными в среде либеральничающей русской аристократии в 1810 — начале 1820-х годов, являясь материалом для беспредметных рассуждений. Камеры — палаты депутатов в государствах с конституционным строем. Начала этого строя декабристы видели в судопроизводстве с участием представителей разных сословий, присяжных. «Мнение» о суде присяжных подавалось в Сенат в июне 1822 г., но не получило поддержки (судопроизводство с присяжными было введено в России в 1864 г.). Разговоры о Байроне связаны с тем, что в 1819—1823 гг. Байрон принял участие в движении итальянских карбонариев и в борьбе за освобождение Греции. *«А! нон лашьяр ми, но, но, но»* — популярная песенка из оперы-буфф «Покинутая Дидона» (1768) итальянского композитора Галуппи (в 1760—1790-е годы — капельмейстера петербургского театра), написанной им по знаменитому оперному либретто Пьетро Метастазио (1698—1782). *Ночный разбойник, дуэлист.* Речь идет о Ф. И. Толстом, прозванном «американцем» (за участие в экспедиции на Алеутские острова). Толстой был столь же смел и предприимчив, сколь азартен в картежной игре и дуэлях, которые затевал нередко в связи со своей нечистой игрой в карты («ночной разбойник»). Явление 14. *В работу вас, на поселенье вас.* Дворовых крепостных часто отправляли в наказание на тяжелые работы в поместья. Помимо этого, после Пугачевского восстания русские помещики получили право ссылать своих крепостных без суда на поселение в Сибирь.

КОМЕДИИ И ВОДЕВИЛИ

2. Отд. изд., СПб., 1815. По свидетельству С. Н. Бегичева, написана в 1814 г. В основе пьесы сюжет трехактной французской стихотворной комедии Крезе де Лессера «Le secret du ménage» (поставлена в 1809 г.). Роль приятельницы Эльмиры заменена ролью Сафира, и сделан целый ряд оригинальных вставок (например, монолог Ари-

ста о фальшивой сути воспитания светских девиц, романс Эльмиры и др.). Поставлена на сцене Большого театра в Петербурге 29 сентября 1815 г. при участии Екатерины Семеновой (Эльмира), И. И. Сосницкого (Арист) и Я. Г. Брянского (Сафир); в Московском театре — впервые 4 июля 1816 г. Пьеса вызвала скептический отзыв реакционной театральной критики (М. Загоскина в «Северном наблюдателе», 1817, № 15, с. 54—56), на который Грибоедов ответил стихотворением «Лубочный театр» (см. № 13). Положительную оценку комедия получила в критических отзывах декабристского лагеря: на собрании общества «Зеленая лампа» в 1819 г. говорилось, например, о том, что пьеса Грибоедова «имеет очень много достоинства по простому, естественному ходу, хорошему тону и многим истинно комическим сценам» (Д. Барков, «Репертуар, читанный в о-ве «Зеленая лампа». — РО Института русской литературы АН СССР). Положительный отзыв дал о пьесе А. Бестужев в статье «Взгляд на старую и новую словесность в России» («Полярная звезда на 1823 год», с. 34).

3. «Сын отечества», 1817, № 48, с. 106. Написано для комедии Шаховского «Своя семья, или Замужняя невеста». В предисловии к отдельному изданию этой комедии (СПб., 1818) Шаховской писал: «Желая сочинить новую комедию для бенефиса г-жи Валберховой... я выбрал такое содержание пьесы, в котором бы могла она показать разнообразность игры своей, и старался сколько можно связать простою интригою эпизодические явления. Времени до назначенного дня, для бенефиса, оставалось мало, и, боясь не сдержать моего обещания, я просил А. С. Грибоедова и Н. И. Хмельницкого помочь мне: они, по приязни своей ко мне, согласились, и первый написал все начало второго действия до ухода Феклы (так Шаховской заменил имя «Мавра», видимо придуманное Грибоедовым. — *И. М.*) Савишны; а второй в третьем действии сцену, в которой Бирюлькин экзаменует Наташу. Благодарность и справедливость требуют, чтоб я сделал сие известным и не присвоил себе чужого». Пьеса была представлена на сцене Малого театра в Петербурге 24 января 1818 г. со следующими исполнителями (в сценах, написанных Грибоедовым): А. С. Каратыгина (Варвара Савишна Вельдюзева), И. И. Сосницкий (Любим), М. И. Валберхова (Наташа), Е. Ежова (Мавра Савишна Брызгова). Пьеса «удержалась постоянно на репертуаре» (П. Арапов, «Летопись русского театра», СПб., 1861, с. 262) и возобновлялась в наше время. Сам Грибоедов считал написанные им сцены удачными («я их сделал довольно удачно», — писал он Бегичеву 4 сентября 1817 г.).

4. «Притворная неверность». Комедия в одном действии в стихах. Переведена с французского А. Грибоедовым и А. Жандром, СПб., 1818 (ц. р. 7 февраля 1818 г.). Перевод одноактной комедии «Les fausses infidélites» (1768) французского драматурга Барта (на русский язык была переведена в прозе анонимным автором в 1772 г.). Перевод Грибоедова и Жандра — вольный, сюжет и характеры осовременены и русифицированы (начиная с имен действующих лиц). Участие А. Жандра в переводе является случайным и незначительным. По этому поводу Грибоедов писал Бегичеву 15 апреля 1818 г.: «Посылаю тебе «Притворную неверность»... Вот видишь ли, отчего сделалось, что она переведена двумя. — При отъезде моем в Нарву

Семенова торопила меня, чтоб я не задержал ее бенефиса, а чтоб меня это не задержало в Петербурге, я с просьбой прибегнул к другу нашему Жандру. Возвратясь из Нарвы, я нашел, что у него только переведены сцены двенадцатая и тринадцатая; остальное, с того места, как Рославлев говорит: «Я здесь, все слышал и все знаю», — я сам кончил. Впрочем, и в его сценах есть иное мое, так, как и в моих его перемены... он без меня переписывал и многих стихов вовсе не мог разобрать и заменил их своими. Я иные уничтожил, а другие оставил: те, которые лучше моих». Поставлена на сцене Большого театра в Петербурге 11 февраля 1818 г., в бенефис Екатерины Семеновой, в следующем составе: М. И. Валберхова (Эледина), А. М. Брянская (Лиза), Я. Г. Брянский (Рославлев), И. И. Сосницкий (Ленский), А. Н. Рамазанов (Блестов). На московской сцене — в бенефис Воробьевой — 3 сентября 1818 г. Положительный отзыв о пьесе и спектакле — в «Сыне отечества», 1818, № 19, с. 263 (аноним, вероятно, Н. И. Греч). Пьеса прочно вошла в репертуар и много раз возобновлялась. *Поет из «Жоконда».* Имеется в виду популярная песенка из комической оперы «Жоконд, или Искатель приключений» французского композитора Изуара (текст оперы был переведен на русский язык П. А. Корсаковым, 1815). П. Арапов в «Летописи русского театра» (с. 235) пишет: «На петербургских улицах слышны были беспрестанно напевы арии Самойлова (Жоконд): „Любовник оскорбленный бежит от глаз неверной!“».

5. «Русский вестник», 1873, № 9, с. 244. В АН — со многими погрешностями. Печ. по театральному авторизованному списку в ГТБ, озаглавленному «Проба интермедии. Интермедия в одном действии. Соч. А. С. Г.» (первоначальное заглавие: «Бенефис, или Проба интермедии»), ц. р. 16 февраля 1818 г. Поставлена на сцене Большого театра в Петербурге 10 ноября 1819 г. после драмы «Волшебница Сидония». В «Летописи русского театра» значится как «интермедия-водевиль с пением, сочин. Грибоедовым; в ней участвовали все первые оперные актеры» (с. 289). Отсутствие имени композитора, обычно указываемого, возможно, означает, что и музыка была сочинена Грибоедовым.

6. Романсы, куплеты из водевиля — «Дамский журнал», 1824, № 3, с. 109; № 5, с. 201; «Вестник Европы», 1824, № 5, с. 76; «Новости литературы», 1824, № 6, с. 94; «Мнемозина», 1824, ч. 1 и ч. 2 (приложения). Журнальные публикации имеют ряд вариантов относительно двух полных списков водевиля 1823 и 1824 гг. (ГТБ). Отрывки водевиля — «Русский вестник», 1873, т. 9, с. 233 (сообщение В. И. Родиславского). Полностью — Полн. собр. соч. А. С. Грибоедова, СПб., 1889, т. 2, с. 345 (по списку ГТБ 1823). Полностью, по списку ГТБ 1824 — АН, т. 1, с. 213; исправнее, по тому же списку, с заменой текста романса «Неужли никогда...» романсом Грибоедова «Ах, точно ль никогда...» (см. «Романс») — в изд.: А. Н. Верстовский. «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом». Опера-водевиль. Текст А. С. Грибоедова и П. А. Вяземского, М.—Л., 1949. Печ. по списку ГТБ 1824 со вставкой куплетов «Бар и барынь все бранят...» по «Дамскому журналу» (отсутствующих в обоих списках, вероятно по цензурным причинам) и с исправлениями романса «Любит обновы мальчик

Эрот...» по автографу письма Грибоедова к А. Н. Верстовскому в альбоме Верстовского (ГТМ). Датируется концом 1823 г.

Сюжет водевиля и вся прозаическая часть принадлежат Грибоедову (Вяземский придумал место действия, польский колорит). Вопрос о принадлежности романсов и куплетов остается неясным: по словам Вяземского, Грибоедову принадлежит только один романс: «Любит обновы...» (П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. 7, СПб., 1882, с. 336). Это свидетельство (1873) является неточным: Грибоедову принадлежит и романс «Неужли никогда...», который заменил ранее сочиненный «Ах! точно ль никогда...» (см. «Романс»). Кроме этих романсов, Грибоедову приписываются (на основании изучения партитур Верстовского) куплеты Юлии: «Стократ счастлив, кто разум свой...» и «Любви туман и сумасбродство...» («А. Н. Верстовский. Кто брат, кто сестра...», с. 18). Не исключена возможность принадлежности Грибоедову текста романса А. Н. Верстовского «Когда в вас сердце признает...», напечатанного в «Мнемозине» (1824, ч. 1, с. 185) без указания авторства (тогда как тексты романса М. Ю. Виельгорского, напечатанные в ч. 2, обозначены как принадлежащие П. А. Вяземскому). Список ГТБ 1824 является авторизованным, хотя многочисленные исправления его, по сравнению со списком ГТБ 1823, сделаны рукой неизвестного (местами могут быть отождествлены и с автографом Грибоедова). Список приготовлялся к постановке водевиля на сцене петербургского театра, для которой Грибоедов специально приезжал в Петербург. В исправлениях вероятно участие и А. А. Шаховского, постановщика спектакля. Список сделан с предыдущего (ГТБ 1823), в него внесена правка и вклеены (в замену других текстов) романсы «Неужли никогда...» (романс Рославлева), «Стократ счастлив, кто разум свой...» и «Любви туман и сумасбродство...» (романсы Юлии). По-видимому, Грибоедов принимал ближайшее участие в подготовке текстов (своих и Вяземского) для вокального исполнения, сотрудничая с композитором А. Н. Верстовским. Так, в отношении своих куплетов «Любит обновы мальчик Эрот...» Грибоедов подсказывал Верстовскому «темпо мазурки» (в письме от декабря 1823 г.). Относительно куплетов пана Чижевского «Бар и барынь все бранят...», написанных Вяземским, Грибоедов в том же письме Верстовскому писал: «Да нельзя ли бар и красавиц приспособить к известной польской песне: «Обещала дац с собой поиграц...», только тогда надо будет четыре середних стиха от 8-го до 12-го — медведя, человека и Сенеку — выкинуть» (Верстовский, впрочем, данным советом не воспользовался). Водевиль впервые шел в Москве 24 января 1824 г. и повторялся еще три раза. Бо́льшим успехом, чем в Москве, пользовалась постановка оперы-водевиля в Петербурге (1 сентября 1824 г.).

Явление 1. *С будущими* — почтовый термин, запись в подорожную еще одного будущего спутника, на которого подорожная уже не выписывалась. Незаполненная подорожная именовалась *открытым листом* (здесь в переносном смысле). *На вольных* — т. е. на вольнонаемных лошадях. Явление 3. *Нарушевич* Адам (1733—1796) — польский поэт и историк. Здесь речь идет о национальной гордости, которую стремился возбудить писатель в своих соотечественниках. Явление 4. *Читал и в Красицком, что богачей и барынь все злословят, и все в них ищут.* В своих баснях польский писатель

Игнатий Красицкий (1735—1801) разоблачал заносчивость и низкопоклонство шляхты. Явление 17. *Идропическая пухлость* — отек. Явление 22. *Столица королевства закипела тогда новою жизнию.* Речь идет об открытии польского сейма в 1818 г. и приезде в Варшаву Александра I и множества русской знати. *Раз на винах и на жлудях Прозевал я свой карман* — т. е. проигрался.

ОТРЫВКИ И ПЛАНЫ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

7. РС, № 5, с. 82. Д. А. Смирнов сообщает, что «отрывок этот существует в «Черновой» в двух экземплярах: вчерне (в начале тетради) и перебеленный Грибоедовым (в самом конце ее)». Краткий конспект всего произведения находился в черновой записи, в конце ее. Датируется 1823 г. на основании мемуарных данных. По свидетельству С. Н. Бегичева, Грибоедов «располагал написать пролог в двух актах, под названием «Юность вещего» для открытия нового театра в Москве, осенью 1823 г. При поднятии занавеса, — пишет Бегичев, — юноша-рыбак Ломоносов спит на берегу Ледовитого моря и видит обаятельный сон, сначала разные волшебные явления, потом муз, которые призывают его, и, наконец, весь Олимп во всем его величии. Он просыпается в каком-то очаровании; сон этот не выходит из его памяти, преследует его и в море и на необитаемом острове, куда с прочими рыбаками отправился он за рыбным промыслом. Душа его получила жажду познания чего-то высшего, им неведомого, и он убегает из отеческого дома. При открытии занавеса во втором акте Ломоносов в Москве, стоит на Красной площади. Далее я не помню... Пролога он написать не успел, а театр открылся» («А. С. Грибоедов», с. 13). Грибоедов говорил Бегичеву о своем замысле, вероятно, при свидании в Москве и Туле, весной — летом 1823 г. (Бегичев запомнил этот год, но ошибся в дате открытия театра в Москве, открыт 14 октября 1824 г.).

8. «Полярная звезда на 1825 год», с. 306. Датируется 1824 г. предположительно. Представляет собой первый на русском языке перевод «Пролога в театре» из трагедии «Фауст» Гете (кончая словами: «Des Menschen Kraft, im Dichter offenbart») без последних четырех монологов: весельчака (два), поэта и директора театра. В переводе Грибоедов делал сокращения в пользу общей, ведущей мысли «Пролога»: поэту трудно сохранить свободу творческого замысла в условиях требований театра. Во втором монологе директора театра Грибоедов дал более подробную, чем это сделано у Гете, характеристику зрительному залу. Она несомненно связана с русской действительностью и напоминает аналогичную в статье Пушкина «Мои замечания об русском театре» (1820). В тексте «Пролога» Гете нет также стихов: «Здесь озираются во мраке подлецы, чтоб слово подстеречь и погубить доносом».

9. РС, № 5, с. 78, под загл. «Три монолога», принадлежащим Д. А. Смирнову (в «Черновой тетради» — без названия). В изд. АН

под загл. «Диалог половецких мужей». В изд. «А. С. Грибоедов. Сочинения», Л., 1940, и всех последующих — «Серчак и Итляр». Печ. с условным заглавием, отражающим время действия трагедии. Датируется не позднее 1825 г. на основании мемуарных данных. По свидетельству А. Н. Муравьева, в его неопубликованных записках, Грибоедов читал ему в Крыму, в августе 1825 г., фрагменты задуманной им трагедии, из которой в памяти Муравьева осталась лишь сцена между половцами (С. Голубов, А. Н. Муравьев об А. С. Грибоедове. — «Литературная газета», 1939, 20 августа). Судя по отрывку, действие трагедии связано с победоносными набегами половцев на Русь в конце XI — начале XII века, в бесславное княжение Святополка Изяславича (1093—1112), когда «раздался ведь плач великий в земле нашей, опустели села наши и города наши, набегались мы от врагов наших... лукавые сыны Измаила сжигали села и гумна... города все опустели, села опустели; обойдем поля, где паслись стада коней, овцы и волы, и все бесплодным увидим, нивы заросшие зверям жилищем стали» (Летопись 1093—1094 г. Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи, перевод, т. 1, М.—Л., 1950, с. 347—348). Слабость, лукавство и жестокость как черты личности Святополка, прозванного «Окаянным», могли вызвать аналогии с действительностью (Александр I), обличение которой путем исторических аллюзий было характерно для поэзии декабристов (см., например, думу Рылеева «Святополк» или сагу Кюхельбекера «Святополк»). Имя *Серчак*, по-видимому, фантастическое, тогда как хан *Итляр* (Итларь) лицо реальное, один из сильнейших вождей половецких, которого по требованию Святополка хитростью убил Черниговский князь Владимир Всеволодович, когда хан гостил в Переяславле (1095). Так был нарушен «священный мир», которого сам Святополк добивался. Сыновья Итляра затем в течение многих лет вели опустошительные набеги на русские города и села. В целях мира с половцами Святополк женился на дочери Тугоркана, хана половецкого, подав этим пример и другим русским князьям, вступавшим в родство с половцами.

10. РС, № 5, с. 61. Печ. с исправлением имен Радамист (Rhadamiste), ошибочно прочтенного Д. А. Смирновым по рукописи как Родамист (ошибку эту Грибоедов сделать не мог), Вагаршак (ошибочно — Ваграршав). В примечании к тексту Д. А. Смирнов говорит, что черновик имеет такое множество «там и сям существующих пропусков, вставок и выносок, что едва можно было привести ее в такой вид, чтобы она представляла собой нечто последовательное» (с. 115). Время написания определяется предположительно, не ранее возвращения на Кавказ осенью 1826 г. и не позднее июня 1828 г., когда «Черновая тетрадь» была передана С. Н. Бегичеву. Представляет собой незавершенный план трагедии на тему о полулегендарных событиях в Армении первой половины I в., для которой Грибоедов мог собрать материалы, будучи в Грузии и Армении в 1826—1827 гг. Темой предполагаемая пьеса связана со знаменитой трагедией Кребильона-старшего «Rhadamiste et Zénobie» (1711). В 1809 г. она была переведена на русский язык С. Висковатовым. Грибоедов мог ее видеть на сцене петербургского театра в 1815 г. Перевод этот считался образцом антипоэтичности и совершенно исказил трагические характеры. Жуковский, заключая свою резкую критику перевода, писал: «Кребильонов

Радамист ожидает еще искусного переводчика» («Вестник Европы», 1810, № 22, с. 120). План трагедии Грибоедова свидетельствует о совершенно новой разработке темы с привлечением подлинных исторических материалов и соприкасается с трагедией Кребильона лишь именами основных персонажей. Материалом для трагедии послужили Грибоедову сведения о Грузии и Армении I в. в «Анналах» Тацита (книга 12, гл. 44), а также, вероятно, «История Армении Моисея Хоренского» (русский перевод — 1809 г.) и др. (см.: Л. Мсерианц, К вопросу об интересе Грибоедова к изучению Востока. — «Известия второго отделения Академии наук», 1908, т. 13, кн. 4). *Ополчится на сих* — т. е. на царя Иверии (Грузии) Фарасмана и на парфов, парфян (соединение народов, занимающих северо-восток Иранского плоскогорья и основавших там царство).

11. РС, № 5, с. 67 (план трагедии) и с. 80 (стихотворный текст). Могла быть написана не ранее 1822 г. (по свидетельству публикатора, таков водяной знак бумаги листа со стихотворным текстом). Наиболее вероятным временем работы являются 1822—1825 гг. Замысел, несомненно, основан на собственных впечатлениях Грибоедова, находившегося в Москве накануне взятия ее Наполеоном. *М * с первого стиха до последнего на сцене.* Из содержания плана явствует, что главный герой трагедии — крестьянин-ополченец, прототип которого Грибоедов мог видеть среди крестьян своей матери (см. с. 25). *Архангельский собор* в Кремле, построенный в XVI в., явился усыпальницей властителей Руси от Иоанна Калиты до царя Федора Алексеевича; собор был посвящен архангелу Михаилу (в церковных представлениях — вождь небесного воинства), который мог воззвать трубным гласом к теням давно усопших. *Терем царей в Кремле.* Наполеон при входе в Москву расположился в так называемом Царском дворе Кремля. *Галерея в доме Позднякова.* Сцена должна была представлять собою галерею в доме московского вельможи П. А. Познякова близ Никитских ворот; во время пребывания в Москве Наполеона французская труппа ставила спектакли в обширном зале этого дома.

12. РС, № 5, с. 90, под загл. «Отрывки из Грузинской ночи», неисправно (судя по автографу ст. 30—62 из «Черновой тетради», изъятому и переданному Д. А. Смирновым в ГПБ, по-видимому вместе с автографом стихотворения «Прости, отечество!»). Печ. по публикации и автографу (ст. 30—62). В публикации к ст. 164 приведены следующие наброски:

Так от людей надежды боле нет
И вседержителем отвергнуто моленье
Услышьте вы отчаянья привет
И мрака порожденье!

(Я крестным знаменем от вас оборонилась,
Тогда была добра, имела сына я . . . .

(Одна Али появляется на уединенном месте)

Кого клянешь?
На чью главу
Беды зовешь?

К ст. 173 — варианты:

Но нет их! Непокорны мне!
Лишь тучи длинными грядами
Перебегают над холмами
И все крутятся... Ах, оне!

Но нет их! Нет! И что мне в чудесах
И в заклинаниях напрасных!
Ни друга на земле и в небесах,
Ни в боге помощи, ни в аде для несчастных!

К ст. 179—184 — варианты:

Али

Ты здесь! Но ты, исчадье праха,
Где ты украла волоса?
Они нам сила и душа.
Отдай их нам . . .
Умри со страха

Мы здесь, но гибель и напасть
Тому, кто взыщет ада власть.
Не цепенеешь ли со страха,
Увидя нас, исчадье праха?

Т.

Ах! Вот они! Язык прикован мой!
Но не умру с испуги.
Вот ваши волоса... Вот суд вам роковой:
Кто их имеет, тех вы слуги.

Датируется 1826 или 1827 г. на основании мемуарных данных. Представляет собой отрывок из трагедии, о содержании которой повествует Булгарин в своих «Воспоминаниях о незабвенном А. С. Грибоедове»: «Грибоедов... в последнее пребывание свое в Грузии... сочинил план романтической трагедии и несколько сцен, вольными стихами с рифмами. Трагедию назвал он «Грузинская ночь», почерпнул предмет оной из народных преданий и основал на характере и нравах грузин. Вот содержание: один грузинский князь за выкуп любимого коня отдал другому князю отрока, раба своего. Это было делом обыкновенным, и потому князь не думал о следствиях. Вдруг является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его; упрекает его в бесчеловечном поступке, припоминает службу свою и требует или возврата сына, или позволения быть рабою одного господина, и угрожает ему мщением ада. Князь сперва гневается, потом

обещает выкупить сына кормилицы и, наконец, по княжескому обычаю, — забывает обещание. Но мать помнит, что у нее оторвано от сердца детище, и, как азиатка, умышляет жестокую месть. Она идет в лес, призывает Дели <Али>, злых духов Грузии, и составляет адский союз на пагубу рода своего господина. Появляется русский офицер в доме, таинственное существо по чувствам и образу мыслей. Кормилица заставляет Дели (Али) вселить любовь к офицеру в питомице своей, дочери князя. Она уходит с любовником из родительского дома. Князь жаждет мести, ищет любовников и видит их на вершине горы Св. Давида. Он берет ружье, прицеливается в офицера, но Дели <Али> несут пулю в сердце его дочери. Еще не совершилось мщение озлобленной кормилицы! Она требует ружья, чтоб поразить князя, и убивает своего сына. Бесчеловечный князь наказан небом за презрение чувств родительских и познает цену потери детища. Злобная кормилица наказана за то, что благородное чувство осквернила местью. Они гибнут в отчаянии. Трагедия, основанная, как выше сказано, на народной грузинской сказке, если б была так кончена, как начата, составила бы украшение не только одной русской, но и всей европейской литературы. Грибоедов читал нам наизусть отрывки, и самые холодные люди были растроганы жалобами матери, требующей возврата сына у своего господина. Трагедия сия погибла, вместе с автором! ..» («А. С. Грибоедов», с. 35—36). Из свидетельств С. Н. Бегичева, более всех осведомленного о трудах Грибоедова, однако, следует, что не «несколько сцен» и план, а вся трагедия была уже написана к 1828 г. «Есть у меня написанная трагедия», — говорил Грибоедов своему другу при свидании в июне 1828 г. Он ему «рассказал... содержание и прочел наизусть читанные им сцены в Петербурге» (о которых говорит Булгарин). Бегичев пишет далее: «Прочесть мне всю трагедию он никак не согласился. „Я теперь еще к ней страстен, — говорил он, — и дал себе слово не читать ее пять лет, а тогда, сделавшись равнодушнее, прочту как чужое сочинение, и если буду доволен, то отдам в печать“» («А. С. Грибоедов», с. 14). Литера *К* в тексте отрывка, по-видимому, соответствует наименованию князь, упомянутому в пересказе Булгарина. *Т* — начальная буква какого-то грузинского женского имени. *Ксань* — р. Ксани, левый приток р. Куры.

СТИХОТВОРЕНИЯ

13. Отрывок (последние 12 стихов) — «Северная пчела», 1837, 15 июня, с вариантом в стихе 50 («Махнул пером — и дал в печать»). Полностью — «Сборник, изданный студентами С.-Петербургского университета», 1860, вып. 2, с. 242, по не сохранившемуся автографу, приложенному к письму П. А. Катенину от 19 октября. По другому, также не сохранившемуся автографу, — «Русская старина», 1874, май, с. 159, с вариантами: ст. 11 — «Вот вам Михайло Моськин»; 16 — «Водиться с ним ей-богу праздник»; 37—38 — «Вот Моськин — наблюдатель», «А вот другой чудак... с ним вечный состязатель», и с раздроблением ст. 13:

«Княгини и
Княжны,
Князь Фольгин и
Князь Блесткин».

Цензурные варианты текста «Русской старины» предложены Грибоедовым в письме П. А. Катенину. Печ. по «Русской старине» с восстановлением бесцензурных вариантов по первой публикации. Датировано автором в его письме Катенину. Является памфлетом на реакционную драматургию М. Н. Загоскина и театральную критику его журнала «Северный наблюдатель». Непосредственным поводом к написанию явилась критическая статья о комедии «Молодые супруги» в «Северном наблюдателе» (1817, № 15, с. 54), о чем Грибоедов и написал Катенину: «Дурак Загоскин в журнале своем намарал на меня ахинею... и я сперва, как прочел, рассмеялся, но после чем больше об этом думал, тем больше злился. Наконец не вытерпел, написал сам фассесию и пустил по рукам, веришь ли? Нынче четвертый день, как она сделана, а вчера в театре во всех углах ее читали, благодаря моим приятелям, которые очень усердно разносят и развозят копии этой шалости. Я тебе ее посылаю... Как ты думаешь? «Вестник Европы» не согласится у себя напечатать... Я бы подписал свое имя (коли нельзя иначе). Вместо Загоскина: «Вот вам Михайло Моськин». А в другом месте: „Вот Моськин — Наблюдатель“». Эпиграф — из сатиры Н.-Ж.-Л. Жильбера «Mon apologie». *Князь Фольгин и Князь Блёсткин* — персонажи комедий Загоскина: «Комедия против Комедии, или Урок волокитам». (1815) и «Господин Богатонов, или Провинциал в столице» (1817). *«Проказник»* — комедия Загоскина (1816), не понравившаяся публике *(Спроказил он неловко). С Транжирина кафтан стащил.* Главный персонаж комедии Загоскина Богатонов похож на Транжирина из пьесы Шаховского «Полубарские затеи, или Домашний театр». *Буйный сосед* — Буянов, персонаж «Опасного соседа» (1811), комической поэмы В. Л. Пушкина. *Вот вам Загоскин-Наблюдатель.* Загоскин был издателем журнала «Северный наблюдатель».

14. «Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год», с. 535, в письме Н. А. Каховскому от 3 мая 1820 г. Печ. по первой публикации с мелкими исправлениями по автографу (ГИМ). Датировано на основании письма Каховскому: «На днях мы хоронили Кастальди... покойник был неаполитанец, католик... М<азарович> сочинил эпитафию по-латыни, я русскую». Приведя первую из них, Грибоедов замечает: «Длинно и дурно, но чтоб не вычеркивать, заменю ее другою, в ней же заключается историческая истина». Шуточная эпитафия вряд ли свидетельствует об особом уважении к врачу дипломатической миссии в Персии — Кастальди. Начальник миссии С. И. Мазарович был венецианец по происхождению и окружал себя итальянцами. Кастальди бежал со службы в Грузии и устроился в Тавризе, у Мазаровича, в 1819 г.

15. «Мнемозина», ч. 1, М., 1824, подпись: А. Г. (ц. р. 17 января 1824 г.), где напечатано с поправками Кюхельбекера по автографу, ныне находящемуся в ЦГАЛИ. Печ. по автографу, без поправок

Кюхельбекера (в ст. 1 «Не славен в братиях измлада» и в ст. 20 «Далече страх я отженя»); из двух вариантов ст. 24, предложенных Грибоедовым (над словом «прославил» Грибоедов написал «избавил», поставив вопросительный знак), выбран первый. На обороте автографа записка на французском языке, адресованная сестре поэта, М. С. Грибоедовой (по мужу Дурново): «Chère Marie, j'ai passé une nuit de souffrances. Veuiller envoyer cette production de mon insomnie á Kuchelbekker. Pour le livre vous le renderez á qui il appartient — c'est une pauvreté». («Дорогая Мари, я провел мучительную ночь. Будьте добры отправить этот продукт моей бессонницы Кюхельбекеру. Что касается книги, верните ее владельцу — это нечто жалкое».) Лист автографа сложен вчетверо, и на четвертушке оборота имеется полустершаяся карандашная надпись рукой Грибоедова: «В доме Алениной в Садовой возле Прихода (?)...» Датируется не ранее марта 1823 г. (приезд в Москву) и не позднее начала января 1824 г. (дата ц. р. альманаха). Является переложением псалма Давида «Мал бех в братии моей...», так называемого 151-го. О псалме этом в Библии сказано: «Сей псалом особо писан Давидом вне числа псалмов, когда единоборствовал с Голиафом».

16. «Московский телеграф», 1831, № 6, с. 311. Музыка А. Н. Верстовского (см.: А. Н. Верстовский, «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом». Опера-водевиль. Текст А. С. Грибоедова и П. А. Вяземского, М. — Л., 1949, с. 130, где напечатано по автографу ЦГАЛИ, на котором имеется надпись А. Н. Верстовского: «Куплет из оперы-водевиля «Брат и сестра» **не петый** f — moll, текст Грибоедова»). Печ. по автографу в альбоме А. Н. Верстовского (ЦТМ). Датируется второй половиной 1823 г. или 1824 г. (не позднее августа), по времени работы над водевилем. Предназначался для 21-го явления оперы-водевиля «Кто брат, кто сестра...» в качестве романса Рославлева-старшего, но в первой постановке оперы в Москве 24 января 1824 г. не исполнялся, а в петербургской постановке 1 сентября 1824 г. был заменен романсом «Неўжли никогда...» (с музыкой А. Н. Верстовского, взятой им из другой его оперы). Причиной замены могло быть несоответствие «истинного лирического восторга» (о котором писал публикатор текста Н. Полевой) с комедийной ситуацией.

17. Газ. «Оберточный листок», 1860, № 2. Печ. по автографу в альбоме А. Н. Верстовского (ЦТМ). Датируется второй половиной 1823 г. или 1824 г. (не позднее августа). Написано в качестве хорового куплета для 18-го явления оперы-водевиля «Кто брат, кто сестра...» (см. примеч. 6), якобы в замену ранее написанного «Любит обновы мальчик Эрот...» (свидетельство публикатора «Неизданных пьес А. С. Грибоедова» в «Русском вестнике», 1873, т. 9, с. 257).

18. «Вестник Ленинградского университета», № 14, Серия истории языка и литературы, вып. 3, Л., 1957, с. 159, в публикации М. И. Гиллельсона, под общим заглавием «Епиграммы Грибоедова», вместе с «Надписью к портретам сочинителя Михайлы Дмитриева и переводчика Писарева», где напечатано по списку рукой П. А. Вяземского (ЦГАЛИ) с исправлением последнего стиха по списку С. Д. Полторацкого (БЛ). Датируется первой половиной 1824 г. Направлена

против литераторов М. А. Дмитриева и А. И. Писарева, выступавших неоднократно против поэтов прогрессивного лагеря (Пушкина, Грибоедова, Вяземского). В начале 1824 г. эти литераторы напали на двух последних за оперу-водевиль «Кто брат, кто сестра...». Однако данное стихотворение, а также «Надпись...» и приписываемая Грибоедову эпиграмма «Важное приобретение» (см. ниже), составляя как бы особый цикл, имеют значение большее, чем самозащита Грибоедова. Они являются сатирой на невежественную, реакционную критику журнала «Вестник Европы», которая неизменно ополчалась на молодую поэзию и, в частности, была раздражена вызовом Вяземского в его статье «Разговор между издателем и классиком» — предисловии к поэме Пушкина «Бахчисарайский фонтан» (вышла 10 марта 1824 г.). Статьи М. А. Дмитриева по поводу «Разговора» («Вестник Европы», 1824, №№ 5 и 7), а также злобно-карикатурные куплеты А. И. Писарева в его водевиле «Учитель и ученик, или В чужом пиру похмелье» (поставлен 24 апреля 1824 г.) вызвали эпиграмматическую отповедь со стороны Вяземского и Грибоедова. В свете этой схватки между так называемыми романтиками и классиками следует рассматривать и раздраженную критику Дмитриева и Писарева по поводу комедии «Горе от ума» в марте 1825 г. Но на эти нападки Грибоедов уже не считал нужным отвечать.

19. Без заглавия и двух последних стихов — изд. «Горе от ума. Комедия в четырех действиях, в стихах. Сочинение А. С. Грибоедова», СПб., 1839, в составе статьи Кс. А. Полевого «О жизни и сочинениях А. С. Грибоедова», с. XXXIV. Полностью — «Кс. А. Полевой. Записки», СПб., 1888, с. 410, где напечатано без выделения первых двух стихов. Печ. без выделения первых двух стихов по «Вестнику Ленинградского университета», № 14, 1957, где напечатано по списку Вяземского (ЦГАЛИ). Датируется началом 1824 г. О поводе написания см. предыдущее примеч. *Михайла Дмитриев* (Михаил Александрович, 1796—1866) — журналист и стихотворец круга «Вестника Европы». *Писарев* Александр Иванович (1803—1828) — драматург, автор множества водевилей, по большей части переведенных или переделанных с французского, но выдававшихся за оригинальные. *Шалите рифмами, нанизывайте стопы.* Дмитриев и Писарев были бездарными поэтами, авторами множества плоских эпиграмм и сатирических куплетов. Н. А. Полевой писал о стихах Дмитриева: «Видно, как автор нащупывал стих к стиху и рисовал узоры мыслей, определенных квадратцами канвы». *Студенческая кровь! Казенные бойцы!* Писарев и Дмитриев со времени пребывания в Московском университете стали сторонниками и глашатаями казенных взглядов профессора В. Т. Каченовского, под эгидой которого и выступали затем в его журнале «Вестник Европы» *(холопы «Вестника Европы»).*

20. «Сын отечества», 1825, № 1, с. 106, подпись: Грибоедов. Датируется декабрем 1824 г. Адресовано Екатерине Александровне Телешовой (1804—1850), одной из ведущих балерин Большого петербургского театра начала 1820-х годов, в связи с исполнением ею танца Зломиры, обольщающей Руслана в балете «Руслан и Людмила, или Низвержение Черномора, злого волшебника», поставленном на петербургской сцене 8 декабря 1824 г. О своем увлечении Телешовой, ко-

торое и явилось темой данного стихотворения, Грибоедов писал С. Н. Бегичеву 4 января 1825 г.: «В три, четыре вечера Т. меня с ума свела, и тем легче, что в первый раз, и сама свыклась с тем чувством, от которого я в грешной моей жизни чернее угля выгорел... Между тем Т. до такой степени в три недели нашей симпатии успела... в танцах, что здесь не могли ей надивиться, всякий спрашивал ее, от чего такая прелестная перемена? такое совершенство? А я, одаль стоя, торжествовал; наконец у меня зашлось рифмами... с тех пор я остыл, реже вижусь, чтоб не разочароваться. Или то меня с ног сшибло, что теперь все так открыто, завеса отдернута, сам целому городу пропечатал мою тайну, и с тех пор радость мне не в радость...»

21. «Северная пчела», 1826, 30 ноября, под загл. «Хищники на Чегеме», с изъятием 9-й строфы по цензурным условиям, подпись: А. Грибоедов. По раннему автографу, под загл. «Дележ добычи», — «Русское слово», 1859, № 5, с. 83, с цензурным пропуском ст. 63 и вариантами: ст. 9 — «Шум потока, темный бор», 11 — «Не стада ли белорунных», 12 — «На угон коней табунных», 26 — «Двувершинный делит тучи», 34 — «Средь зияющих вам бед», 37 — «Далеко от сел и нив», 52 — «Нашим храбрым узденям». Печ. по «Русской старине», 1874, № 6, с. 279, где опубликовано в позднейшей редакции (по автографу Карловского архива Ф. В. Булгарина), совпадающей с публикацией «Северной пчелы», но с включением 9-й строфы. В ЦГАЛИ хранится список, с несколькими исправлениями рукой переписчика, совпадающий с публикацией «Северной пчелы» (так же с цензурным изъятием строфы 9). Список на бумаге 1820-х годов. Лист с оборотом, на котором с правой стороны, вдоль текста — стихи:

Так! Я мечтатель, я дитя,
Мой замок карты... но не вы ли
Его построили шутя
И, насмехаясь, разорили.

На левом поле, вдоль текста стихи:

Для нас, от нас, а, право, жаль:
Ребра Адамова потомки,
Как светлорадужный хрусталь,
Равно пленительны и ломки.

Здесь же: «Она расцветала, как девственная мечта юности, была чиста и прелестна, как земля в первый день творения (старинная эпитафия)». Возможно, что стихи и выписка не имеют отношения к Грибоедову и случайно соседствуют со списком его стихотворения. Но не исключена возможность того, что переписчик воспроизвел полностью автограф Грибоедова. Текст стихотворения «Хищники на Чегеме», с цензурным изъятием, мог быть написан Грибоедовым на листке, где уже были приведенные выше отрывки. Написано между 4 и 12 октября 1825 г. Является, по-видимому, наброском какого-то брошенного замысла («Я начал что-то поэтическое, по крайней мере самому очень нравилось, обстоятельства прервали, остыл» — письмо к А. А. Бестужеву от 22 ноября 1825 г.). Сюжет связан со

следующими фактами: «На рассвете 29 сентября 1825 года, при сильном тумане и дожде, партия кабардинцев и закубанских черкесов, в числе до двух тысяч всадников, прорвавшись сквозь казачьи посты, напала на станицу Солдатскую и разгромила ее. Хищники убили десять человек, захватили в плен 116 мужчин, женщин и детей, согнали весь рогатый скот и станичный табун и, уходя, подожгли станицу в нескольких местах. Пока тревога распространилась по ближайшим станицам, хищники успели скрыться со своею добычей в ущелии р. Чегема. Получив известия о набегах, Вельяминов принял немедленно меры к преграждению хищникам возможности уйти безнаказанно за Кубань, в пределы непокорных горцев. Из Константиногорска Вельяминов выехал 4 октября, в сопровождении Грибоедова, и в тот же день прибыл на р. Малку в укрепление Каменный мост... Разного рода распоряжения задержали Вельяминова на Малке около девяти дней. Здесь набросал Грибоедов свое стихотворение „Хищники на Чегеме"» (Сообщение Е. Г. Вейденбаума. — АН, т. 1, с. 282). Слово «хищники» в отношении горцев имеет происхождением заглавие стихотворения, которое, может быть, предложено было Грибоедову Булгариным. Публикация «Северной пчелы» снабжена примечанием Булгарина: «Вид надоблачных гор, гнезда хищнических, полудиких племен, возбудил в воображении поэта мысль представить их в природном их характере, пирующих после битвы и грозными песнями прославляющих свои набеги и свои неприступные убежища. Русский меч вскоре наказал хищников за их буйство, и русские орлы воспарили над вершинами Кавказа, торжествуя блистательные победы... Ложная мысль о невредимости стана истреблена победами русских». Официозное толкование являлось маскировкой вольнолюбивого характера данного стихотворения, и с ним, возможно, связано заглавие «Хищники на Чегеме», не соответствующее идее Грибоедова, но принятое им для печати из цензурных соображений. Принимая в целом политику России на Кавказе как неизбежную и служа ей, Грибоедов глубоко симпатизировал вольнолюбию горцев. *Чегем* — приток Малки (в ее низовьях, близ нынешнего с. Баксан в Кабардино-Балкарии). Обе реки берут свое начало в ледниках северного склона Эльбруса.

22. Первое четверостишие — «Русская старина», 1872, № 3, с. 429, под загл. «Экспромт», по устной передаче С. Н. Бегичева и Д. А. Смирнова; второе четверостишие в качестве принадлежащего Пушкину — «Стихотворения А. С. Пушкина», Берлин, 1861, с. 99. Печ. по «Новому миру», 1938, № 4, с. 278 (где впервые напечатано полностью по альбому Е. П. Растопчиной), без предложенной публикатором М. А. Цявловским перестановки стихов 7—8 и членения на реплики. В альбоме примечание: «Как Грибоедов определил мнение о себе московских дам». Датируется временем освобождения Грибоедова из-под ареста (доставлен в Главный штаб 11 февраля — выпущен 2 июня 1826 г.). По преданию, первое четверостишие было экспромтом Грибоедова, сказанным во время пребывания под арестом (по другой версии — по выходе из заключения). Арестованный на Кавказе, Грибоедов в сопровождении везущего его фельдъегеря на пути в Петербург остановился в Москве. Слухи об этом распространились, хотя никто, кроме братьев Бегичевых, его не видал. *И был притянут к Иисусу* —

т. е. на расправу. *Он друг сестрицын.* Возможно, речь идет о распространившихся слухах, что Грибоедова спасла защита И. Ф. Паскевича, на которого воздействовала его супруга, двоюродная сестра Грибоедова. *Князь Голицын* — вероятно, московский генерал-губернатор (с 1820 г.) Дмитрий Владимирович Голицын, хотя не исключено предположение, что этот стих относится к А. Н. Голицыну, министру духовных дел и просвещения (1816—1824), состоявшему членом следственной комиссии по делу декабристов.

23. РС, № 5, с. 85, со следующим сообщением Д. А. Смирнова: «На одной из страниц поэмы «Кальянчи» написано небольшое стихотворение, всего в восемь стихов, над которым стоят буквы: А. О.». По поводу адресата стихотворения Д. А. Смирнов писал, что С. Н. Бегичев в письме к нему от 15 февраля 1858 г. высказал мнение, что стихотворение относится к князю Александру Одоевскому. Александр Иванович Одоевский (1802—1839) — поэт, декабрист, осужденный в 1826 г. на каторжные работы в Сибирь, друг и родственник Грибоедова, которому посвящены были какие-то поэтические строки или произведения Грибоедова, что явствует из стихов «Я дружбу пел...» и т. д. Все годы после приговора над декабристами Грибоедов неустанно хлопотал перед высшим начальством (через И. Ф. Паскевича) о смягчении участи Одоевского, что осуществилось уже после смерти Грибоедова (в 1836 г. Одоевский был переведен из Восточной Сибири в Тобольскую губернию). Датируется периодом между 1826—1828 г. по содержанию стихотворения (приговор Одоевскому был вынесен в июле — августе 1826 г.) и на основании даты передачи «Черновой тетради».

24. РС, № 5, с. 74—75, со следующим примечанием Д. А. Смирнова: «Я помещаю это стихотворение, или, правильнее, начало стихотворения, первым потому, что нельзя определить, к какому именно оно относится году... Продолжения не было: за этими шестью стихами — целая белая четвертка бумаги». В другом месте Д. А. Смирнов пишет: «Все, от мысли стихотворения до формы его, до самых оборотов речи, так проникнуто чисто русским элементом, что можно со всей основательностию предполагать, что будь это стихотворение кончено, из него вышло бы нечто вроде типически русских баллад Пушкина... Люди с очень образованным эстетическим вкусом... находили, что даже в таком виде, в каком оно существует... оно представляет нечто полное, оконченное и что-то такое, что можно назвать чисто-русским антологическим стихотворением» (РС, № 4, с. 14). Датируется не позднее 1828 г. (дата передачи «Черновой тетради»). Является отрывком какого-то неизвестного нам замысла.

25. РС, № 5, с. 75, по автографу «Черновой тетради», неисправно, со следующим примечанием Д. А. Смирнова: «Стихотворение «Прости, отечество» я отношу ко времени первого выезда Грибоедова из России, т. е. к 1819 году, и, конечно, не потому, что листок, на котором оно написано, переплетен в «Черновой» между листами путевого, в 1819 году веденного дневника от Тифлиса до Тагерана, но потому, что Грибоедов в это время чрезвычайно тосковал по родине, покинутой почти что насильно, вследствие одной только служебной необ-

ходимости. . .» Листок из «Черновой» затем был изъят из ее состава и в настоящее время находится в ГПБ (при передаче автографа был снабжен надписью на обложке: «Автограф А. С. Грибоедова. От племянника его Дм. Алекс. Смирнова»). Печ. по автографу ГПБ. Датируется концом 1818-го или 1819 г. предположительно, по содержанию и положению в «Черновой» (согласно выше приведенному указанию Смирнова). Представляет собой черновые наброски вступления к какому-то эпическому произведению («Займемся былью стародавней. . .»). Заглавие, возможно, является лишь пометой покинувшего родину Грибоедова, сделанной на листе, где находится набросок. По смыслу имеет лишь косвенное отношение к тексту и написано значительно выше его. Вторая строфа начиналась стихами, затем вычеркнутыми:

Но скоро бросим кисть и прочь
Бежим от радужной палитры

Кроме того, в автографе имеются следующие черновые варианты: ст. 4 — «Мечты, меня не увлекайте», 7 — «Когда же в глубь души проник», 8 — «Хоть искра счастья и любви», 13 — «Померкло, нет его! угасло!», 17 — «В душе создали темный гроб», 18 — «И в нем живых себя хороним», 27 — «Что так обманчиво и мило».

26. «Сын отечества», 1838, № 1, с. 19. Д. А. Смирнов пишет: «Черновая тетрадь Грибоедова начинается небольшой поэмой «Кальянчи», которую я не привожу здесь потому, что она была уже несколько раз напечатана» (РС, № 5, с. 74). Датируется 1820—1822 гг. предположительно. К 1820 г. относится происшествие, возможно подсказавшее Грибоедову сюжет отрывка. Маем 1822 г. ограничивается время, когда Кюхельбекер мог читать на Кавказе эту пьесу (если отрывок входил в поэму «Странник», см. ниже). Представляет собой фрагмент поэмы, связанной со странствиями Грибоедова на Востоке (Грузия, Армения, Персия). Весьма вероятно, это часть той «прелестной поэмы «Путник», или «Странник», вроде Чайльд-Гарольда (но без надменности и мизантропии Байрона)», в которой, по словам Кюхельбекера, Грибоедов «изобразил Персию». Тема пленения грузинского мальчика могла быть подсказана происшествием 1820 г., которому Грибоедов был свидетелем. Начальник дипломатической миссии в Персии, С. И. Мазарович, докладывал начальнику штаба Кавказского корпуса: «Двое бродяг. . . вывели в здешний базар. . . мальчика-грузина Татия, похищенного ими. Я представлял здешнему правительству о беззаконности. . . Служащий при миссии. . . по моему приказанию силою извлек из шахзадинского дворца маленького несчастливца, которого я ныне с караваном отправляю в Карабах» («Новые материалы о Грибоедове». — «Заря Востока», 1949, 7 августа).

27. РС, № 5, с. 76. По этой публикации, но с произвольным разделением на стихотворения «Освобожденный» и «Там, где вьется Алазань» (на основании анализа содержания) — АН, т. 1, с. 17 и 18. Так же и в последующих изданиях. Оснований для такого разделения нет. Первая строфа является лирическим вступлением к повествованию и уже содержит тему природы Грузии, о которой говорится в строфе «Там, где вьется Алазань». Обе строфы, как это явствует

из содержания, написаны уже на юге и датируются, таким образом, не ранее сентября 1826 г., когда освобожденный из-под ареста Грибоедов прибыл в Тифлис, и не позднее июня 1828 г. (передача «Черновой тетради» С. Н. Бегичеву). Представляет собой фрагмент эпического произведения, возможно, что одной из глав поэмы «Странник» (см. предыдущее примеч.), которая, видимо, писалась в разные годы; лирическая основа ее, связанная со странствиями поэта, его впечатлениями и переживаниями, отраженными в отдельных главах, могла содействовать этой разновременности. Отдельные главы, или песни, имея внутреннюю самостоятельность, видимо, обладали особыми заглавиями: «Кальянчи» и др. *Но где друг.* Вероятно, речь идет об А. И. Одоевском, отправившемся на каторгу по делу декабристов. *Вестник зла* — фельдъегерь, явившийся в Грозный 22 января 1826 г. с «высочайшим повелением» об аресте Грибоедова и доставке его в Петербург. *Там, где вьется Алазань.* В Кахетии, на берегу реки Алазань, находилось «Цинондали», имение известного грузинского поэта князя А. Г. Чавчавадзе, на дочери которого в 1828 г. женился Грибоедов.

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ГРИБОЕДОВУ

28. «Сын отечества», 1815, № 45, с. 267, в составе статьи «Урок кокеткам, или Липецкие воды, комедия в пяти действиях, в стихах. Соч. кн. А. А. Шаховского» (статья не подписана, принадлежит Н. И. Гречу). Цитируемое стихотворение имеет подпись: NN. Датируется сентябрем — ноябрем 1815 г. (временем публикации). Впервые с именем Грибоедова, под загл. «Приказ Феба», с разночтением в ст. 6: «Что споры все о Липецких водах» — «Исторический вестник», 1909, апрель, с. 160, в составе «Материалов для биографии Грибоедова» Д. А. Смирнова, со ссылкой на свидетельство С. Н. Бегичева, который, однако, в своих напечатанных воспоминаниях и справках о Грибоедове данного факта не подтвердил. Греч в своей шуточной статье пишет: «Наслышавшись об этой комедии очень много, я хотел было, при объявлении о выходе ее в свет, порядочно разобрать ее... Вдруг раздался за мной громкий, грозный голос: *Здравия желаю!..* оборотился и увидел вошедшего в комнату гренадера... Он держал в руке большой пакет. *К вам, сударь!* — сказал он, подавая его мне. — От кого? — *Не велено сказывать... Извольте расписаться...* Я взял послание *«К Сыну отечества»* и расписался. Распечатываю пакет и нахожу следующий приказ: *„От Аполлона“*».

29. «Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год», М., 1891, с. 535, в письме к Н. А. Каховскому, неисправно. Печ. по АН, т. 3, с. 139. Датировано автором 3 мая 1820 г. Обращено к Николаю Александровичу Каховскому (1802—1865), офицеру Кавказского корпуса. Стихотворение, по всей вероятности, сочинено Грибоедовым, хотя не исключена возможность цитирования чужого сочинения. *Как же вас взносили на неприступный status quo.* Речь идет о почестях, которые были оказаны войсками персидского шаха воинскому отряду, сопровождавшему русскую миссию.

30. «Вопросы литературы», 1958, № 1, с. 185, в составе статьи М. Медведева «Два новых стихотворения А. С. Грибоедова», где напечатано по списку П. И. Шаликова в его письме к П. А. Вяземскому (сохранился лишь отрывок в ЦГАЛИ). Датируется первой половиной 1824 г. (предположительно: конец апреля — начало мая). В письме Шаликова стихи Грибоедова предварены следующими словами: «Вестник и ваше последнее слово посылаются с просьбою не задержать последнего и с дополнением к эпиграммам Грибоедова...» Речь идет о пересылке Вяземскому «Вестника Европы» (1824, № 7) со статьею «О литературных мистификациях», подписанной «Михаил Дмитриев, 15 апреля», и о статье Вяземского «Мое последнее слово», которая затем была напечатана в «Дамском журнале», издававшемся Шаликовым (1824, № 9, с. 115). Данная эпиграмма является «дополнением» к эпиграммам «Как распложаются журнальные побранки» и «Надпись к портретам...», и хотя не исключена возможность принадлежности стихотворения самому П. И. Шаликову, дополнившему эпиграммы Грибоедова, вероятнее авторство последнего. *Германской музою пиита вдохновленный.* Речь идет об утверждении Вяземского в его предисловии к «Бахчисарайскому фонтану» («Разговор издателя с классиком...»), что русский романтизм связан с романтической школой Германии. *От Славы имя получил.* Архангел Михаил (патрон данного имени) в Библии — вождь небесного воинства и покровитель героев, прославивших отечество; одновременно здесь обыгрывается и эпиграмматическая, журнальная «слава» Дмитриева. *Михайлом прежде слыл, а ныне Михаил!* Речь идет о том, что Дмитриев, видимо обиженный «Надписью к портретам...», где Грибоедов назвал его «Михайла», в очередной полемической статье против так называемых романтиков подписался: «Михаил Дмитриев».

31. «Радуга на 1830 год», М., 1830 (ц. р. 10 декабря 1829), с. 221, подпись: А. Г — в (в оглавлении: А. С. Г — в). Введено впервые в «Сочинения А. С. Грибоедова», т. 2, СПб., 1889, с. 535. Дата неизвестна. Неизвестен и источник данной, посмертной публикации, равно как и двух стихотворений, опубликованных в «Библиотеке для чтения» (см. ниже), что заставляет, из осторожности, помещать эти произведения в разделе приписываемых Грибоедову. Здесь возможно также и совпадение инициалов с именем какого-то другого поэта. Представляет собой довольно точный перевод элегии французского поэта Леонара (1744—1793) «Le plaisirs du rivage».

32. «Библиотека для чтения», 1835, № 6, с. 160, подпись: Грибоедов. Дата неизвестна. Принадлежность Грибоедову данного стихотворения и стих. «Восток» (см. ниже) подтверждается особым интересом к поэту со стороны издателя журнала О. И. Сенковского, в предыдущем году напечатавшего статью о «Горе от ума», где он говорит о высоких достоинствах комедии. При таком интересе журнал вряд ли опубликовал бы стихотворение, не проверив авторства Грибоедова. С другой стороны, ближайшие друзья Грибоедова (С. Н. Бегичев, А. А. Жандр), отлично знавшие его произведения и всячески оберегавшие память о нем, вряд ли оставили бы без внимания публикацию под именем Грибоедова произведения, ему не принадлежавшего.

33. «Библиотека для чтения», 1836, № 1, с. 6, подпись: А. Грибоедов. Дата неизвестна. Соображения в пользу авторства Грибоедова см. в предыдущем примеч. По-видимому, является отрывком какого-то эпического замысла (заглавие, возможно, дано публикатором). Тема перекликается с отрывком «Освобожденный» («Странник, знаешь ли любовь. . .»).

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. «Русский архив», 1874, № 6, стлб. 1528, в составе «Очерка первоначальной истории „Горя от ума"» А. Н. Веселовского, по черновому автографу Грибоедова, переданному семьей Д. А. Смирнова в Общество любителей российской словесности и там утраченному. В качестве примечания — справка Веселовского: «Характеристика набросана начерно Грибоедовым в позднейшие годы». Дата неизвестна. Набросок содержит характеристику Алексея Федоровича Грибоедова (дяди поэта со стороны матери). По-видимому, является заготовкой к работе над характером Фамусова (см. вступ. статью, с. 10).

2. Отрывок — «Русский архив», 1874, № 6, стлб. 1542, в составе «Очерка первоначальной истории „Горя от ума"» (см. предыдущее примеч.). Печ. по изд.: А. С. Грибоедов, Собрание сочинений, «Русская библиотека», вып. 5, СПб., 1875, с. 242, где напечатано полностью под загл. «Драматический писатель и публика. Черновой набросок не для печати по поводу „Горя от ума"». Датируется предположительно осенью 1824 г. или 1825 г. (период хлопот Грибоедова об издании «Горя от ума»). В это время Грибоедов мог готовить и предисловие к комедии. Темой набросок связан с «Прологом в театре» из «Фауста» Гете, переведенным Грибоедовым в это же время (см. № 8).

3. «Всемирный труд», 1868, кн. 2, с. 313. Там и в АН, т. 3, с. 167, с некоторыми погрешностями. Печ. по автографу ЦТМ. Датируется серединой января 1825 г. Является началом письма к П. А. Катенину, той частью его, о которой в продолжении письма (от 14 февраля 1825 г.) Грибоедов пишет: «Те две страницы посылаю тебе недописанные. Они уже месяц как начаты, и что я хотел прибавить, не помню, но, вероятно, о себе: итак, благодарю мою память, что она мне на сей раз изменила. Ты говоришь, что замечания твои останутся между нами. Нет, мой друг, я уже давно от всяких тайн отказался и письмо твое на другой же день сообщил с кем только встретился: Дельвигу, между прочим, которого два раза в жизни видел, Булгарину, Муханову, Наумову, Одоевскому, Каратыгину, и тогда же вечером Варваре Семеновне <Миклашевич>, Жандру и всем, кто у них на ту пору случился. Вероятно, еще многим, но кто же теперь всех их упомнит?»

СЛОВАРЬ

Адрес-календарь — справочная книга, содержавшая сведения о лицах, состоявших на государственной службе.

Али (груз. миф.) — злой дух, представленный в виде женщины, у которой «зубы словно кабаньи клыки, а коса во весь рост, и говорит она хотя языком человеческим, но все наоборот, и вся она создана наизнанку, и все члены у ней будто выворотные».

А-мольный — музыкальный термин (нота ля — в минорном аккорде).

Арендарж (польск.) — арендатор.

Арпеджио — музыкальный аккорд, исполненный в порядке возрастающей или убывающей высоты.

Банк — в карточной игре деньги, с которыми ведет игру сдающий карты.

Барежевый — из легкой шерстяной ткани.

Бархатец — бархат, бархатная тесьма, украшающая платья.

Бодец — колющее оружие, палка с острым концом.

Бостон — карточная игра.

Буза — татарский напиток из проса, слегка хмельной.

Визютная — визитная.

Вины — пиковая масть в игральных картах.

Вист — карточная игра.

Гвардионцы — офицеры лейб-гренадерских полков, имевшие преимущество на один чин перед армейскими офицерами (в «коренных» гвардейских полках было установлено преимущество в два чина).

Гиперион — высокоидущий, эпитет солнца.

Дервиш — на Востоке член нищенствующей религиозной секты.

Джейран — газель, олень.

Джинний (вост. миф.) — злой дух, демон, порождение огня и бури.

Должник — здесь: заимодавец, кредитор.

Дусты (перс.) — друзья, свита.

Елень — олень.

Желтый дом — больница для душевнобольных (в конце XVIII — начале XIX в. здания эти, в отличие от других, были выкрашены ярко-желтой краской).
Жлуди — трефовая масть в игральных картах.
Жоке́ — жокей, здесь: слуга, сопровождающий господ во время верховых прогулок.

Зелье — порох.
Зендавеста — священная книга Древнего Ирана (учение Зороастра), состоящая из книги богослужебной и сборника молитв и пророчеств.

Ира (греч. миф.) — Гера, супруга Зевса.
Ирритация — раздражение, нервное расстройство.

Кадий — духовный судья у мусульман.
Кальянчи — мальчик, подающий курительный прибор, кальян.
Камер-юнкер — младшее придворное звание.
Канцлер — высший гражданский чин в царской России.
Каплан — капеллан (католический священник).
Карбонарий — член тайной революционной организации, действовавшей в Италии в начале XIX в.; здесь: вольнодумец, неблагонадежный человек.
Картвела — Грузия.
Картель — письменный вызов на дуэль.
Клоб — клуб.
Комиссия — затруднение, возня, хлопоты.
Конфедератка — польская шапка с квадратным верхом, вошедшая в употребление со времен Конфедерации XVIII в.
Коэфоры — «приносительницы возлияний», жрицы Аполлонова культа.
Красные — красивые, прекрасные.
Крон (греч. миф.) — древнейшее божество, отец Зевса.
Куртаг — приемный день при дворе, выход.

Лепота — благообразие, красота.

Макао — карточная игра.
Ментор — наставник, воспитатель.
Мизогин — женоненавистник.

Напрегай — головомойка, выговор.
Ньюкер — конюх, телохранитель, слуга.

Очеса — очи, глаза.

Пери (вост. миф.) — дух, фея.
Пикет — карточная игра.
Подкоморжий (польск.) — межевой судья.
Посполита — Речь Посполита, Польша.
Пренумеранты (польск.) — подписчики.

Примрачный — сумрачный, мрачный.
Присошки — подпорки у ружья.
Промефей (греч. миф.) — Прометей.
Псалтырь — музыкальный инструмент (вроде арфы), употреблявшийся в древности иудеями.

Рамена — плечи.
Реверси — карточная игра.
Рондо — здесь музыкальный термин, форма, основанная на повторении музыкальной темы.

Святая — пасхальная неделя.
Секунд-майор — офицерский чин.
Синель — сирень; бахрома, особое шитье.
Сретенье — встреча.
Ставка — палатка, шатер.
Статура — стан, осанка.
Столбовые — дворяне старинных родов, записанные в особые «столбовые» книги.
Сускрибент — подписчик.
Съезжая — полицейский участок.

Тафтица — тафта, гладкая шелковая ткань.
Тупей — старинная мужская прическа.
Тюрлюрлю — накидка (от франц. turlurette, старинного названия гулящей женщины в романских странах; отсюда как производное — ее пестрая шаль, мантилья).

Уздень — у горских народов представитель высшего, дворянского слоя.

Фармазон — искаженное «франкмасон» («свободный каменщик»), здесь: вольнодумец, безбожник.

Ценинный — сделанный из фарфора или фаянса или покрытый эмалью.
Цуг — упряжка лошадей «гусем», в старину — обычно шестерка (запряженная попарно).

Чадер — чадра, прозрачное покрывало.
Чекалки, чекалы — шакалы.
Чужа — чужбина.

Шемизетка — женская кофточка.
Ширазский лист — табак, наиболее ароматический, употребляемый для кальяна.

Эйзед (вост. миф.) — один из добрых духов.
Эшарп — шарф.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* А. С. Грибоедов. Рис. А. С. Пушкина на полях рукописи 2-й главы «Евгения Онегина». 1823 (РО Института русской литературы АН СССР).
2. *Между с. 96 и 97.* Заставка к 1 акту «Горя от ума» в экземпляре списка, принадлежавшего С. С. Уварову (ГИМ).
3. *Между с. 128 и 129.* Акварель неизвестного художника на переплете списка «Горя от ума», принадлежавшего С. С. Уварову (ГИМ).
4. *Между с. 320 и 321.* А. С. Грибоедов. Акварельный портрет В. Машкова. 1827 (Государственный литературный музей).
5. *Между с. 320 и 321* (оборот). А. С. Грибоедов. Литография П. Бореля по рис. П. А. Каратыгина. 1828 (Музей Института русской литературы АН СССР).
6. *С. 344—345.* Автограф стих. «Давид» с правкой В. К. Кюхельбекера (ЦГАЛИ).
7. *С. 351.* Список стих. «Хищники на Чегеме» (ЦГАЛИ).
8. *Между с. 352 и 353.* Записка А. С. Грибоедова к сестре на обороте автографа стих. «Давид» (ЦГАЛИ).
9. *С. 367.* Автограф ранней редакции «Горя от ума», акт 1, явл. 1 (ГИМ).

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ГРИБОЕДОВУ

ГОРЕ ОТ УМА

ПРИЛОЖЕНИЯ

Грибоедов Александр Сергеевич

СОЧИНЕНИЯ В СТИХАХ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1967, 520 стр.
Тем. план вып. 1967 г. № 378

Редактор *К. К. Бухмейер*. Художник *И. С. Серов*. Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*. Техн. редактор *М. А. Ульянова*. Корректор *Ф. С. Флейтман*

Сдано в набор 6/V 1967 г. Подписано в печать 12/VIII 1967 г.
Бумага 84×108 1/32, № 1. Печ. л. 16 1/4 + 5 вкл. (27,82). Уч.-изд. л. 25,26.
Тираж 40 000 экз. Заказ № 654. Цена 1 р. 06 коп.

Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. Ленинград, Невский пр., 28. Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Красная ул., 1/3